ПЕТР КИЛЕ

ДНЕВНИК ДЕРЗАНИЙ И ТРЕВОГ

КОЛЕНКУМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневник писателя – это и записи в ходе работы, и отклики на злобу дня, и воспоминания, а в наше время и участие в блогах, словом, как сказал поэт, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

- Петр Киле
  - Вступление
  - Театральная улица
  - "Влюбленный Шекспир"
  - Черные мифы о России: антируссизм
  - О Венере Таврической в Эрмитаже
  - О любви к отечеству
  - О киноиндустрии и идеологии
  - О едином культурном пространстве
  - В поисках патриотизма, «иль пленной мысли раздраженье»
  - О природе власти
  - Об образовании в СССР и РФ
  - Мифы Древней Греции, детство, классика
  - Эпоха, в какую мы жили
  - Время любви и странствий
  - Молодые годы, любовь и невзгоды
  - Город юности моей, первые опыты, модернизм
  - Рефлексия, Москва, жизни высший миг.
    -
    - I
    - II
  - Распад СССР, черные мифы о России, советская демократия
  - Мавзолей Ленина, этносы, русский язык
  - Антивирусная программа, трагизм бытия, красота
  - Михаил Булгаков "Мастер и Маргарита". Русский авангард
  - Трагедия России как эстетический феномен
  - Державный мастер, Мусагет, сонеты
  - Лучше поздно, чем никогда
  - Золотой век Афин, Перикл
  - Золотой век Флоренции. "Очаг света"
  - "Алкивиад", "Афинские ночи"
  - Сказки Золотого века
  - О "карикатурной войне"

- Современный театр и Островский
- Антипоэтическое время
- Идеология РФ в XXI веке
- Всемирный русский собор (2006 года)
- О духовной основе государства и личности
- Секс и холодная война
- Поэзия, любовь, красота
- НЛО и холодная война. Рождение легенды
- Послекарнавальные размышления
- 12 июня - красный день календаря…
- Мистерии наших дней
- Жестокий романс
- "Герой нашего времени", или "Голова Горгоны Медузы"
- Станционный смотритель
- Свет августа
- Лермонтов и Пушкин. Сходственные черты
- Что такое эстетика? Панэстетизм?
- "Русская идея и проблема возрождения России"
- "Нагая девушка". Поисковые фразы (октябрь 2007)
- "Предромантизм и высокий романтизм в России" (?!)
- "Самосознание юных девушек"
- "Нагота и красота девушек"
- "О бедном народе замолвите слово"
- Первые ласточки
- О ясновидении
  -
  - I
  - II
- Пушкин как личность
- Юный старец
- Свойства души
- Солнечный ад
- Русская музыка
- Восставшая из пепла
- О вырождении русской интеллигенции
- Торжествующее мракобесие
- РФ: кладбищенская стабилизация
- Нетленный образ России
- Лев Толстой - экстремист или ренессансный гений?
- 40 лет - Птицы поют в одиночестве
- О межэтнических конфликтах
- Может ли существовать РФ без идеологии?
- Как возродить русскую нацию?
- Тайные знаки

- I
- II
- III
- IV

- История России в кривом зеркале магии
- «Религиозный ренессанс» в РФ – возрождение или упадок?
- Жизнь после смерти
- Какого цвета кипрей?
- Русскость, или руссизм, советизм, гуманизм
- Прощание с Питом
- Русский Ренессанс – «философская метафора» или исторический факт?
- В каком году будет в моде эпоха Возрождения?
- P.S. Чудесный вариант судьбы

Петр Киле
ДНЕВНИК ДЕРЗАНИЙ И ТРЕВОГ

Вступление

На склоне лет однажды наступает миг, когда становится ясно, что времени уже нет для упований и новых замыслов, пусть практически ты здоров, время неблагоприятно, словно ты на острове в бурю, все вокруг рушится, бесчинствуют мародеры, тусуется молодежь и элита, предаваясь лишь наслаждениям всякого рода, что уже вне жизни и искусства… Пир во время чумы, гибель Помпеи, атомный апокалипсис – видения вспыхивают, Голливуд их обыгрывает, восхищая спецэффектами, и никому уже нестрашно, игра! А ведь звездные войны (по технике) уже реальность на Земле.

Хорошо, что осталось еще время для подведения итогов – не для кого-то, ведь там никого уже не будет, ничего, кроме океана, то бушующего, то тихого, с лучезарными рассветами и закатами, - а для себя самого, поскольку ты жил на Земле – не только свои годы, а все тысячелетия, отпущенные человечеству на крохотном островке во Вселенной.

Не знаю, кто как, я с детских, почти что с младенческих лет, чувствовал и видел воочию беспредельность мироздания, нередко ощущая себя в бездне среди звезд, это были не сны, а представления, какие находили на меня, обычно под вечер, вдруг среди наших детских игр, я в страхе бежал в сторону, словно заторопился домой.

Подведение итогов для поэта – это вопрос, что он успел свершить, с оглядкой на свою жизнь, на природу с ее флорой и фауной и историю человечества, поскольку всем этим он жил, как бы вне жизни обычных людей, нередко чуждый им и одинокий совершенно.

Идея подведения итогов – это нечто вроде генеральной уборки в мастерской художника, у поэта в большей мере виртуальной, хотя все вокруг него – рукописи, книги, изданные или опубликованные в Интернете, записные книжки, рабочие тетради и записи в ходе работы, с изучением материала, над романами и драмами, историческими, вплоть до века Перикла, и еще библиотека с заветными книгами, которые при одном взгляде на них приоткрывают целые эпохи непрерывных войн и вдохновенного творчества народов мира.

Мастерская еще не покинута художником, это всего лишь маленькая комната в небольшой двухкомнатной квартире, с довольно просторной кухней и лоджиями в 16-тиэтажном панельном доме 1982 года постройки. Она никогда не станет музеем, да и дом недолго простоит. Меня эта мысль не занимает.

Все равно от всех музеев и кладбищ ничего не останется, кроме как в памяти человечества, если у него есть будущее на Земле или в просторах Вселенной.

Следует напоследок, вместо евроремонта, которым не вижу смысла заниматься, просмотреть папки с рукописями, подчистить архив, вспомнить всё, как и чем я жил, да не сам по себе, а наравне и заодно со всеми во времени и пространстве в пределах Земли и обозримого Космоса. Большего не дано.

И тут стало ясно, что к подведению итогов я однажды уже приступал – в форме эссе актуального и вместе с тем автобиографического содержания (в 2005-2006 годы), опубликованных тогда же на первом моем сайте, который сделал мой племянник, но, испугавшись гонений, не стал его раскручивать. На новом, нынешнем, сайте Эпоха Возрождения я разместил лишь отдельные записи под названием Дневник дерзаний и тревог. Здесь он предстанет в первоначальном виде, поскольку в России и в мире мало что изменилось, с крайним обострением кризисных явлений в развитии земной цивилизации, с утратой перспективы, кроме войн и всеобщей катастрофы.

14 сентября 2012 года.

Театральная улица

Лето, жара; вчера, уезжая на дачу, я взял с собой "Театральную улицу" Т.П.Карсавиной, изданную в 1971 году. Это было время, когда я увлекся изучением эпохи начала века, даже получил доступ к книгам в спецхране в Публичной библиотеке, но самое интересное уже широко издавалось. Воспоминания знаменитой балерины произвели на меня удивительное впечатление, будто я присутствовал в ее жизни и на спектаклях с ее участием в Петербурге и в Париже.

В пути, в вагоне электрички, я вновь просмотрел вступительную статью "Тамара Карсавина" очень известной исследовательницы русского балета В.Красовской. Я видел ее в Комарове, моложавая женщина с поступью балерины, хотя ей было уже много лет. Из пишущей братии в Доме творчества, кажется, она одна купалась в море. Я не заговаривал с нею по своей природной застенчивости, как не посетил Анну Ахматову еще студентом, хотя жил через одну-две улицы от нее и, возможно, встречал в Таврическом саду, прогуливаясь там с томиком Блока. Не жалею. Она осталась для меня вечно молодой, как Сафо 10-х годов XX века.

В.Красовская пишет: "Даже среди множества славных танцовщиц начала XX века резко выделялись две: Анна Павлова и Тамара Карсавина. Талант Павловой выразил душевный мятеж эпохи и в то же время стихийно опрокинул навязанные эпохой ограничители. Талант Карсавиной расцвел на почве искусства, определившего художественнное кредо времени, и нераздельно слился с этим искусством".

Для краткости сделаю еще одну выписку. "Между тем

искусство это родилось в России и, открытое Западу спектаклями русского балета, вовсе не одному балету принадлежало. Балет лишь оказался той точкой, где скрестились опыты многих деятелей русской литературы, живописи и, до известной степени, музыки. Больше того, эта ветвь русского искусства, столь поразившая Запад содержанием своих идей и высоким мастерством формы, парадоксально отличалась западной ориентацией. Представители ее мечтали европеизировать Россию, расширив до беспредельности "окно", прорубленное Петром I, и в названии журнала "Мир искусства" можно было свободно поменять слова, читая их как "Искусство мира".

Видите ли, мирискусники и Фокин с Карсавиной мечтали "европеизировать Россию", вслед за Петром I, и с этим поехали не в Сибирь, не в Москву, а в Париж? Если бы еще учиться, куда ни шло.

В реформах Петра I увидели только устремления европеизировать Россию, что западники приветствовали и усмехались и чем славянофилы возмущались и стенали. Ведь и нынешние псевдореформаторы твердят о том же - европеизировать Россию, приобщить ее к западной цивилизации, доведя эту идею до абсурда, с разрушением великого государства. Спрашивается, к тому ли стремился Петр I? Скорее его сын несчастный Алексей.

Очевидно, царь-реформатор решал другие цели и задачи, чем просто европеизировать Россию, и куда более существенные, если достиг впечатляющих результатов. А какие? Да, те же, что страны Европы - Франция, Германия, Испания, Англия вслед за Италией, пусть с опозданием на сто и двести лет, на стыке Средневековья и Нового времени, что приходится в России на начало XVIII века, - ренессансные задачи, с зарождением светского искусства, новой русской литературы, живописи, музыки, со взлетом русской поэзии в эпоху Пушкина, что недаром называют золотым веком русской культуры.

Представители "Мира искусства", как и Абрамцевского кружка, и МХТ, решали те же задачи в новых условиях. Ренессанс предполагает открытость миру и всем культурам и цивилизациям, какие были и есть на Земле. Это и есть всемирная отзывчивость Пушкина, высшего типа ренессансной личности.

В.Красовская, оставаясь в плену мысли о европеизации России, как все историки и теоретики русского искусства и поныне, не сознает, что говорит, по сути, о ренессансных явлениях русской мысли и искусства.

"Потому восхищение античностью и спор о преимуществах "аполлинического" и "дионисийского" начал, интерес к

Средневековью и Ренессансу, увлечение галантным веком Франции и капризами романтизма, наконец, исследование ориентальных корней русского фольклора и минувших периодов русской истории неожиданно опрокидывались на своего рода тему-<<оборотень>>, проступавшую из всех поворотов исторического прошлого. То была тема рока. Она трагически глядела со страниц поэзии и прозы, таилась во многих живописных полотнах и пронзительно прозучала в балете".

Античность и рок - здесь доминанты и миросозерцания Пушкина, у мирискусников и русского балета обретшие более камерные, интимные, эротические мотивы с оттенками декаданса. Но все это могло удивить, ошеломить Европу, наряду с русской классической литературой и музыкой, лишь в одном случае - сам балет, пришедший из Франции, предстал всеобъемлющей формой, как драмы Шекспира в Англии на рубеже XVI - XVII веков. Как высшие достижения Русского Ренессанса!

Когда же у нас наконец поймут, что историю Российского государства, историю русского искусства за последние три века нельзя, невозможно изучать, не впадая в самоуничижение и юродство, вне величественной и трагической картины Ренессанса в России, излучающей как бы поверх грозовых туч ослепительный свет, как Эллада или эпоха Возрождения в Европе?!

"Влюбленный Шекспир"

Было время, я зачитывался сонетами Шекспира в переводе С.Я.Маршака, не подозревая, что многие исследователи жизни и творчества великого английского поэта давно пришли к заключению, что адресатом большинства сонетов является не женщина, а мужчина, только не могли сказать однозначно, кто это.

Оскар Уайльд написал вдохновенное эссе о находке портрета юного актера, в кого якобы был влюблен Шекспир, правда, портрет оказался подделкой, по его же словам. В наши дни сонеты Шекспира широко переводят вновь и издают, даже с приложением эссе Оскара Уайльда, выходят исследования типа «Шекспировы сонеты, или Игра в игре», кажется, так, из чего ясно, что всех занимает именно мужчина как адресат сонетов, тем более что известная ориентация ныне вовсе не порок.

Не стану говорить о качестве переводов, - школа, лучшая в мире, утрачена, хотя знающих английский язык стало больше. Проблема в другом. Гомосексуальная точка зрения на сонеты Шекспира оказывается заведомо узкой, что привело шекспироведение за последние два столетия к тупику. Просеяв горы исторического, архивного материла, не могут найти адресата сонетов, поскольку исходят, к тому же, из того, явно предвзято, что он должен быть один.

Вот известный исследователь творчества Гете Аникст в предисловии к изданию сонетов Шекспира в переводе С.Я. Маршака пишет, как об установленном факте: первые 126 сонетов посвящены мужчине, остальные - женщине, хотя из этих 126 Маршак больше 20 переводит как обращенные к смуглой леди, что соответствует их содержанию, хотя на английском языке однозначно определить, кто адресат - мужчина или женщина - нельзя, в виду отсутствия категории рода.

Вчитываясь в сонеты Шекспира вновь и вновь в ходе работы над повестью «Уилл, или Чудесные усилия любви», я стал различать двух адресатов сонетов, кроме смуглой леди, это друг-покровитель поэта, которому пора жениться, и юный друг, светлокудрый, с которым изменила ему возлюбленная.

Три адресата, имена которых давно называют исследователи, не в силах выделить одного; к тому же искали два столетия мужчину, когда была женщина. Это похоже на затмение, умопомешательство, а причина - гомосексуальная точка зрения.

В пору, когда для меня прояснилось имя смуглой леди, в ходе работы над вторым вариантом повести, по ТВ показали фильм «Влюбленный Шекспир». Говорят, фильм выдвигали на Оскара. Это свидетельство полного краха шекспироведения в отношении сонетов и смуглой леди.

Авторы фильма решили, видимо, не касаться истории сонетов, а показать, как Шекспир с какими-то потугами, что ему вовсе не свойственно, набрасывает «Ромео и Джульетту», сам молодой, как Ромео, и влюблен, как Ромео, а его возлюбленная, переодевшись в мужчину, подвизается на подмостках, - все это с тем, чтобы вывести на сцену поэта в роли Ромео и его возлюбленную в роли Джульетты. Мило, но все неправда.

Авторы фильма намеренно пренебрегли известными фактами: известно, кто играл роль Ромео, отнюдь не Шекспир; поэт в 30 лет в ту эпоху уже явно немолод; в пору работы Шекспира над «Ромео и Джульеттой» его возлюбленная уже изменила ему, - скорее это фильм о младшем брате Шекспира, что вполне можно было разыграть. Получилось бы мило и похоже на правду.

Словом, как было на самом деле см. киносценарий «Солнце любви» и обширный комментарий к нему «Уильям Шекспир. Тайна сонетов и смуглой леди». Шекспир был не просто влюблен и, конечно, не в актера, сонеты писать в этом случае ни к чему, он любил, как любили гениальные поэты эпохи Возрождения. Как Данте. Как Петрарка. И вполне по-земному, и возвышенно, поскольку любовь для него - всеобъемлющее чувство красоты, природы, времени, мироздания в целом. Более возвышенного представления о любви, чем у Шекспира, ни у кого из поэтов не было. Его любовь была беспредельна, как его душа, как поэзия.

А к чему пытались и пытаются свести ее? О, люди!

Черные мифы о России: антируссизм

Давно не брал в руки "Литературную газету", весьма либеральную еще недавно, ныне выступившую против либеральных СМИ. (Это запись от 5 августа 2005 года). Что происходит?

Неужели интеллигенция, сыгравшая не последнюю роль в распаде СССР, поумнела? Или это всего лишь поворот флюгера по ветру? В самом деле, как можно считать "стабилизацией" 38 самоубийств в год на сто тысяч населения, когда эта цифра вдвое-втрое-вчетверо больше среднего уровня? Как можно говорить о "стабилизации", как правительство, если ежегодно умирает 1000000 человек сверх и вне всяких естественных законов? Невольно задумаешься, не будучи даже в оппозиции.

Меня привлекла статья Юрия Полякова, ныне главного редактора "ЛГ", "Зачем вы, мастера культуры?", редкой для наших дней взвешенностью суждений. Он выступил против черного мифа о России, который слагался, можно точно назвать сроки, последние три века, с тех пор, как Россия явилась на мировой арене при Петре I с блистательными победами над шведами. (С тех пор число черных мифов о России лишь множилось, и все небо заволокло ими к рубежу XX-XXI веков, как грозовыми тучами.)

Но сами эти победы, напугавшие Европу, были всего лишь следствием преобразований царя-реформатора, в смысле и значении которых ни западники, ни славянофилы, впадая в односторонности, не разобрались, и создали искаженный образ России, что вполне, как ни странно, устраивало Запад.

С тех пор Запад лишь подбрасывал всевозможные пропагандистские клише против России вплоть до антикоммунизма и антисоветизма, разумеется, в привлекательной для интеллигенции упаковке: свобода, права человека и т.п. , что проясняется теперь, с распадом СССР, а война против России под теми же лозунгами продолжается.

К сожалению, но надо отдать в этом отчет, всё, что говорили о России западники и славянофилы в XIX веке, их современные последователи повторяют на разные лады в отношении СССР, независимо от благих целей или ненависти, что отдает равно уничижением или самоуничижением до юродства.

Антикоммунизм и антисоветизм, что подхватила интеллигенция в ее порывах к свободе, оказались, по сути,

антируссизмом, что лежит в основе политики Запада в отношении великого государства, возраставшего в своем могуществе последние три века.

Антируссизм? Кажется, такое слово вполне выражает сущность явления. Армии Карла XII, Наполеона, Антанты, разжегшей Гражданскую войну в России, фашистской Германии понесли сокрушительное поражение, но идеология войны против России, меняя окраску, осталась прежней - антируссизм.

Ныне, с распадом СССР, это становится особенно ясно. Но самое поразительное и небывалое - государственные и независимые СМИ при попустительстве власти и с участием интеллигенции, возмечтавшей стать средним классом, продолжают ту же войну против России, перечеркивая и оплевывая великие страницы русской истории.

Черные мифы о России, как дым от пожарищ, покрыл леса, поля, села и города. Как это можно вынести? Вот и уходят из жизни. 60 тысяч самоубийств в год. Кажется, впервые именно "ЛГ" обнародовала эту цифру. В Кремле решились заговорить лишь о 30 тысячах смертей при ДТП. А как быть с 1000000 невосполнимых потерь ежегодно уже лет 15? Между тем как СМИ зациклились на сталинских репрессиях и т.п.

Черные мифы о России, их зачатки зародились, как реакция на преобразования Петра I, никем не осмысленные, не понятые по существу. Увидели лишь заимствования фасонов иноземной одежды, заговорили о приобщении к достижениям западной цивилизации, о европеизации России... Это лишь внешняя сторона.

Ни одна культура не развивается без заимствований. Величайшую восприимчивость к цивилизациям Востока проявила древнегреческая культура, которую Римская империя взяла за основу своей, основу, отринутую христианством как языческая. Новое обращение к первоистокам европейской цивилизации в странах Европы в XIV - XVI веках и породило эпоху Возрождения.

То же самое Россия пережила в свои исторические сроки. Тут нет речи об отсталости, как нельзя говорить об отсталости младшего брата по отношению к старшему, пусть первый будет стараться подражать второму; и о заимствованиях много говорить не следует, тем более если младший гениально одарен.

Самые впечатляющие свойства и черты ренессансных эпох и личностей - это гениальность и универсализм познаний и дарований. Можно ли представить короля, властителя, царя из всех времен и народов, чтобы он при этом предстал превосходным кузнецом, плотником, токарем, кораблестроителем, полководцем, ценителем книг и искусства,

выправителем алфавита?

Царь-реформатор прежде всего сам себя воссоздал по образу и подобию величайших мастеров эпохи Возрождения, сознавая себя зачинателем Ренессанса в России, о чем он прямо говорил в речи при спуске корабля "Шлиссельбург" 28 сентября 1714 года.

А знаете ли вы, откуда взялась в Эрмитаже Венера Таврическая?

О Венере Таврической в Эрмитаже

А знаете ли вы, откуда взялась в Эрмитаже Венера Таврическая?

Из Тавриды? Из Греции? Из Италии? Или из Таврического дворца? Видимо, да. Но туда она попала из Летнего сада, где мраморная статуя обнаженной богини была впервые в России выставлена на всеобщее обозрение летом 1719 года.

На Руси еще не видели белых дьяволиц, как христиане называли изваяния богини любви и красоты, ломая ей руки и сбрасывая в канаву. Отрытую из-под земли статую, столь редкой сохранности и уникальной красоты, купить, оказалось, не так просто: Ватикан, прознав о находке и сделке, наложил арест на статую Венеры.

Пришлось вмешаться министрам царя, вступить в переговоры с кардиналами, обещать им доставить мощи святой Бригитты, прежде чем позволили покинуть пределы благословенной Италии Венере. Вывезти ее морем не решились: а вдруг буря, кораблекрушение? Везли не спеша через Вену и на санях,

дождавшись зимы.

Чуть ли не год или два царь Петр, совершив второе путешествие по Европе, пережив трагедию с бегством сына к австрийскому императору и смерть младшего сына, вел переписку со своими послами о доставке Венус в Санкт-Петербург. Постигшие бедствия не сломили его дух. Он устроил на Неве и в Летнем саду уникальное для православной Руси празднество в честь античной гостьи.

Что это было? Мережковский свой исторический роман о Петре I и Алексее начинает с упоминания об этом празднестве, хотя последний к этому времени, как год скончался, не вынеся пыток, обычного способа дознания во всех странах исстари.

Появились фильмы и исследования, в которых царя показывают чуть ли не самолично истязающим сына и первую жену Евдокию. Все это выдумки! Но если, допустим, это правда, сохранились документы, внушающие доверие у историков, - таких документов нет, кроме подложного письма, - во все века, во всех странах при раскрытии заговора у трона летели головы и самых близких к властителю в первую очередь. Тут нет новости.

Не в жестокостях и принуждениях суть деяний царя-реформатора. Не в этом его величие, не в том его уникальность. У нас и поныне посмеиваются над празднествами, какие любил устраивать царь Петр. Даже Пушкин в "Арапе Петра Великого" не без юмора упоминает ассамблеи, какие учредил царь, приучая русское общество к свету, в котором столь любил бывать сам поэт в свое время. Между тем театр возник, вся культура античности зачиналась со всенародных празднеств. Вот к чему приобщал русский народ царь-реформатор, как гениальная личность скорее всего бессознательно, но заключая в себе все богатство человеческой природы, как греки.

Теперь представьте Летний сад. Со стороны Невы в галерее из двенадцати парных колонн высится статуя Венеры. Гости, а это знать и мастеровые, строители города и кораблей, съезжаются на лодках и барках. На пристани восседает на бочках с вином Вакх, который всех привечает чаркой вина. Вдоль аллеи, ведущей к Летнему дворцу, установлены столы с холодной закуской, и там царь с царицей приветствуют гостей. Трубы, барабанный бой и пушечная пальба над Невой возвещают о начале празднества в честь Венус.

На лодках подъезжают ряженые, изображающие богов, нимф и сатиров во главе с Нептуном. Празднество в разгаре. На Неве возгораются огни с разнообразной символикой и фейерверк. Здесь в годах лишь ближайшие сподвижники царя, в большинстве все молоды, а из дам и вовсе все еще юны. На дощатой галерее у

Летнего дворца играет оркестр; ряженые закружились в хороводе, к ним присоединяется публика, а в разгар веселья и царь с царицей; хороводу тесно, он растекается по аллеям Летнего сада.

Это больше, чем празднество, а мистерия, с явлением в умах и миросозерцании русских поэтов и художников богов Греции, как было и в странах Европы в эпоху Возрождения.

Подобное празднество, изумившее Европу, устроил в Таврическом дворце и саду 28 апреля 1791 года Потемкин, князь Таврический, формально в честь императрицы Екатерины II. Там были выставлены произведения искусства - картины, скульптуры, бюсты, исключительные, и среди них Венера, в честь которой устроил празднество царь Петр, в скором времени, с заключением мира со шведами, объявленный императором всероссийским.

Венера Таврическая, взгляните на нее внимательнее при очередном посещении Эрмитажа или на снимок, теперь ясно, это символ Ренессанса в России, с его первоистоками в античности, что вполне сознавал Петр I, величайшая ренессансная личность. "Как же! - мне сказала главный редактор издательства "Аврора" (женщина), куда я зашел с рукописью книги «Ренессанс в России». - Он рубил головы стрельцам..."

Святая простота! Так-то у нас проглядели величайшее явление в истории России.

О любви к отечеству

Слыхали ль вы? Правительство РФ приняло постановление о патриотическом воспитании, оказывается, уже не первое, на этот раз даже с выделением средств на эти цели. (Запись от 12 августа 2005 года). Разумеется, речь прежде всего о молодежи.

В современной России, униженной, разграбленной, оклеветанной - при попустительстве власти или по ее политике, заодно с либеральными СМИ, во что верить молодежи? На чем может быть основан ее патриотизм?

Любовь к отечеству не есть еще патриотизм. Патриотизм - это форма идентификации личности с государством, а не с той или иной нацией или конфессией. Так было в СССР, так было и есть в США, в которых этническая и конфессиональная принадлежность составляет личное самосознание человека, а не гражданина.

Во что верить молодежи? Вера в Христа или в Аллаха - иная сфера, это из глубин тысячелетий, для современного сознания, в котором превалируют научные представления о мироздании, религия уже не идеология, как было в Средние века, что пытаются возродить фанатики от религий или сект. К чему это приводит, мы видим в России и в странах Запада и Востока.

Исторические воспоминания, чем мы богаты, питают душу, сердце, но для проявлений патриотизма необходима современная, злободневная основа, господствующая идеология, которой бы руководствовалось правительство и которая бы вдохновляла народы России на высокие деяния. Ее-то и нет. С разрушением СССР и его идеологии мы оказались на пепелище.

Затрагивая тему о сатанистах в России, говорят о позднем Средневековье, когда культ Сатаны распространился в условиях кризиса средневековой идеологии, то есть христианства. Обращение к Сатане не всегда принимало характер ритуальных убийств, а выражало и порыв к познанию, пусть с помощью дьявола, что воплощает Фауст, предтеча ренессансных мыслителей.

Ситуация в современной России недаром напоминает позднее Средневековье, с обращением к мистике, колдовству и т.п. и вообще с обращением. Это закат ренессансной эпохи, с поворотом назад, с выдвижением на первый план церкви и религий и сопутствующих им сект самого разнообразного толка.

Только религия не может стать вновь господствующей идеологией, особенно в России - без кровопролитных войн, с

распадом РФ. А секты в современном мире - такая же форма бизнеса, как проституция и наркоторговля. Вместе с рынком все это у нас расцвело, как в цивилизованных странах Запада и Востока.

Естественно любить свое отечество, скажем, маленькую Грецию с ее уникальной культурой из глубин тысячелетий, живя при этом в США и будучи патриотом этой страны. В СССР мы различали малую родину и Родину. В РФ патриотизм гражданина тоже не может быть иным.

Патриотизм начинается там и тогда, когда любовь к Родине смыкается с гордостью за нее, за ее достижения. Это всегда актуальное чувство. Для него, кроме исторических воспоминаний, необходима постоянная подпитка - победы в спорте, в освоении Космоса, на худой конец, в локальных войнах, как война в Ираке, с демонстрацией новейших средств ведения боевых действий. Другой вопрос, насколько привлекателен такой патриотизм, как в последнем случае.

В современной России лишь уязвленная гордость граждан за ее бедствия и унижения, как при оккупации, с враждебной ей пропагандой, может возродить светлый, интернациональный патриотизм советской эпохи, который сливался с высокой любовью к Родине, что и поныне звучит в песне.

Единственное, что не удалось оклеветать либеральным СМИ, это песни великой эпохи. И фильмы, звучащие, как песни. Назад пути нет. Там лишь средневековая междоусобица, с вмешательством НАТО.

О киноиндустрии и идеологии

Пробуждению и воспитанию гражданских чувств у молодежи могло бы, кроме школы, содействовать телевидение, если бы в нем не проповедовали в различной упаковке антируссизм.

Остается национальный кинематограф, который прямо или косвенно воспитывает патриотизм. Ярчайшие примеры - фильмы советской эпохи и кинопродукция Голливуда, по сути, главной идеологической индустрии США, при этом в привлекательнейшей форме фантазий и грез.

Эта индустрия далеко превосходит по воздействию правительство США, с чередой президентов, с ЦРУ и ФБР, которые то и дело совершают промахи, которые дорого обходятся народам мира. Недаром в эту индустрию вкладываются бешеные деньги, и они окупаются, поскольку весь мир оплачивает рекламу американского образа жизни.

Голливуд действует безошибочно, идеология его настолько ясна и прозрачна, что, кажется, ее просто нет. Такова и господствующая идеология США, ее как будто и нет, кроме притягательных лозунгов - свобода, демократия и т.п., которые почему-то оборачиваются для других стран и народов нищетой, бомбежками, оккупацией.

Наша диссидентствующая интеллигенция принимала все советское за идеологию и выступила против идеологии вообще. Никакой идеологии! Свобода, демократия, частная собственность, рынок - вот все, что необходимо для приобщения к цивилизации и процветания. Так РФ, с распадом СССР, оказалась без идеологии, духовной основы государства, в русле, в системе, в ауре которой лишь возможно патриотическое воспитание и вообще патриотизм.

Сегодня, нет худа без добра, когда вся кинопродукция Голливуда доступна зрителю в России, становится ясно, насколько она заидеологизирована - в хорошем и дурном смыслах. Это особенно бросается в глаза в фильмах, в которых упоминается Россия, СССР, Гулаг, русская мафия, при этом русских изображают столь топорно, что вспомнишь о цензуре, как о благе.

Ни одна уважающая себя страна не закупает такого рода фильмы. Да это еще можно вынести. Гораздо хуже, в фильмах российского производства последних 10-15 лет, с чернухой и порнухой, к чему пришла и современная проза, проступает та же

топорная игра, унижающая Россию и русский народ.

Антисоветчина и антируссизм американских фильмов вошли во плоть и кровь современных режиссеров. Все это делается как бы для восстановления исторической правды, показывается изнанка событий и явлений, задворки, при этом клевете подвергают все великое и возносят ничтожества. Я не называю фильмы, исключений нет, современный кинематограф в России имеет ту же идеологию, что и либеральные СМИ. Это идеология уничижения и разрушения, а не созидания, и на ней невозможно патриотическое воспитание молодежи, сбитой и так с толку усеченными школьными программами.

Недаром Швыдкой отказался от должности министра культуры (это события 2005 года), - шоумену зачем это нужно, - создал под крышей министерства культуры некое агентство, которое занято исключительно распределением средств, на тот же кинематограф. Можно представить, какого рода проекты поддерживает Швыдкой.

Впрочем, и правительство занято тоже исключительно распределением средств, благо цены на нефть растут, вот и на патриотическое воспитание, мол, нашлись. Больше ничем. Это не правительство, а агентства Швыдкого, Чубайса, Грефа и т.д.

Осознание того, что на фиксации лишь отрицательного в действительности далеко не уедешь, проступает уже ясно. Устроители конкурсов романов и киносценариев призывают к позитиву. Но что обозначать как положительное, а что как отрицательное, это зависит от миросозерцания киносценариста и режиссера, по сути, от идеологии, каковой не может не быть у государства, с утверждением ценностей которой выступает кинематограф.

Вот тут-то становится ясно, что нет ни неба, ни земли, ибо идеология - это небо и земля государства, перспективы и опора его существования. К примеру, на идеологии белого движения, потерпевшей крах в 20-е годы XX века, как бы к ней ни относиться сегодня, воспитать патриотизм не удастся, но разрушить РФ можно.

Без идеологии не может существовать человеческое сообщество как единое целое. У нас все еще не преодолен страх перед словом "идеология". Заговорили о национальной идее, разумеется, вкладывая в нее свой особый смысл в зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности. Ясно, не здесь заключено то, что объединяет народы в единое государство, с идеологией, в которой этническая и конфессиональная принадлежность гражданина находит свою опору и крышу, землю и небо. Подобной идеологии современная Россия лишена,

поэтому, в частности, столь разрушительно и неэффективно идут реформы.

У президента Путина, которого поддержал народ из жажды поверить в кого-то, была возможность сформулировать основные параметры новой идеологии, с переходом на ее основе к плодотворным экономическим преобразованиям, к созиданию, вместо разрушения. Правда, для этого должно иметь гений, как Петр I или Ленин, революционные преобразования которых, как бы к ним ни относиться, дали плодотворные долгосрочные результаты. Ныне они на пределе. Рушится школьное образование, лучшее в мире.

Нельзя больше брести впотьмах... Необходимы точные ориентиры, нужна вера в идеи и идеалы государства, возбуждающие высокие патриотичекие чувства у его граждан. Ни свобода, ни демократия, ни частная собственность, ни рынок, как это понимают в США, в Японии или в КНР, не могут лечь в основу новой идеологии в России, решающее значение имеет специфика национального пути и характера, то есть история Российского государства в Новое время. Но именно здесь черный миф о России, как дым при пожарах, заволакивает все небо, ест глаза и ничего не видать. Прежде всего, ясно, пожары надо потушить, и тогда дым рассеется, и выглянет чистое небо России, и затрепещет сердце, будто послышалась песня.

Пожары - это гражданская война, которую ведут СМИ, черня великую историю Российского государства, возвеличивая одних и унижая других в интересах отнюдь не истины и не отечества.

Можно прямо сказать: отказываясь от советского периода Российского государства, отказываются у нас от русской классической литературы XIX века, выработавшей новый гуманизм, который воплотился в социалистической идее. Недаром часы на словесность в школах сведены к минимуму, лишь для проформы, что сводит к нулю ее воспитательное воздействие на души и сердца юности.

Между тем под знаком социалистической идеи шло развитие человечества в XX веке. Говорят, социалистический эксперимент оказался утопией. Идеологи фашистской Германии так и думали и просчитались. Но создание утопий - это ренессансное явление, как было в странах Европы, претворение в жизнь утопии, как в СССР, - это величайшее явление Русского Ренессанса, смысл и значение которого человечество еще оценит, если у него есть будущность.

Кто отказывается от великого, тот впадает в ничтожество. Это мы наблюдаем повсеместно и не только в России, а во всем мире. Закатные явления Ренессанса в России отразились в

умонастроении всех народов и стран, с новым обращением к религии, то есть поворотом вспять после века Просвещения и атеизма, который широко распространился в последние два столетия. К чему это может привести? К новым религиозным войнам.

Итак, каковы основные параметры новой идеологии Российского государства в условиях распада СССР и возможного распада РФ? Вот вопрос, от решения которого зависит не только будущность России, но и человечества.

О едином культурном пространстве

Промелькнуло по ТВ сообщение о встрече деятелей культуры бывших советских республик, так называемого СНГ. (Запись от 26 августа 2005 года). Когда встречаются главы сбитых с ног государств для восстановления прерванных зачастую ими же экономических связей, говорят о таможенных барьерах, ими же выдуманных, всегда это производит удручающее впечатление.

Встреча артистов, сценаристов, писателей, правда, там присутствовал и Швыдкой, - они словно услышали патетический вопрос Юрия Полякова "Зачем вы, мастера культуры?", в котором слышится голос Горького "С кем вы, мастера культуры?", - это и вовсе грустное зрелище.

Размежевание никому не пошло на пользу. Интеллигенция, всегда столь чуткая к веяниям эпохи, приведшая Россию к Октябрьской революции в начале XX века, а в конце его объявившая ее всего лишь переворотом, будто это меняет суть величайшего события XX века, ныне забеспокоилась, обнаружив, что вожделенные свобода, демократия, рынок, процветание обернулись криминальной революцией, точнее сказать, криминальной контрреволюцией, столь разрушительной прежде всего для культуры.

А как могло быть иначе? Интеллигенция выступила против советской культуры, чрезмерно заидеологизированной, чем, впрочем, она же и занималась, и не оставила камня на камне, знаменитый музыкант даже брал в руки автомат. Представителей советской культуры назвали совками. Представьте, Жорес Алферов - совок.

У нас есть историки и журналисты из патриотов, которые предпочитают говорить о советской цивилизации, что неверно. Цивилизации складываются веками и тысячелетиями, воспроизводя одни и те же стереотипы поведения и мышления. В этом плане человеческая популяция ничем не отличается от любой животной, от популяции львов или муравьев. Но зачинаются цивилизации или получают новый импульс для развития в эпохи расцвета культуры и мысли. Так, античная культура стала основой для развития Рима и всей европейской цивилизации после эпохи Возрождения.

Но можно ли говорить о советской культуре, особенно с точки зрения либеральных СМИ, когда даже патриоты не решаются на это? Какая была культура у совков? Лишь Гулаги и

т.п.

Как ни удивительно, была и была она уникальной. Но о ней поговорим в другой раз. Деятели культуры СНГ, собравшиеся в Москве, говорят о сохранении единого гуманитарного пространства народов СССР и русского языка как языка межнационального общения, иными словами, единства культуры, которое, несмотря на различия, сложилось за советский период русской истории. Это был бурный, вулканический период. Недаром он начался Революцией, бросившей вызов всем стереотипам цивилизаций Запада и Востока, с разрушением колониальной системы мироустройства, что ныне воссоздается под лозунгом глоболизации.

В СССР существовало единое культурное пространство, в основе которого были история Российского государства, русская культура и русский язык, и это было достигнуто не завоеваниями, а в условиях Русского Ренессанса, не осознанного вполне и поныне, но устремления которого проступали в миросозерцании, мироощущении народов России, ее интеллигенции, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности.

Ренессансные события истории и явления искусства и мысли сближают народы, с интенсивным развитием национальных языков и литератур, искусств вообще, как было в странах Европы в эпоху Возрождения. Так было и в России. Это духовное пространство, которое не исчезает, несмотря на распад империй, как было с падением Рима. Распад СССР искривил культурное пространство, как бывает при землетрясениях, но выработанное единство культуры за три века Русского Ренессанса не может исчезнуть, вопреки ориентации политиков на Запад и национализм, а будет сохраняться и, возможно, получит новый импульс развития.

Ведь таланту в малом пространстве его нации тесно. Уехать на Запад - значит прервать корни, уехать в Россию - сохранить. Так было в СССР. Так будет в обозримом будущем в гуманитарном пространстве СНГ. Но это в лучшем случае. Если РФ не только избегнет распада, но сохранит то единство культуры, не осознанное еще всеми наследие Ренессанса в России.

То, что учащаяся молодежь, наиболее одаренная, будет тянуться в Россию, это естественно. Но в нынешних условиях, когда жестокость в различных видах и личинах через край, как должно быть неуютно приехать из зарубежных стран СНГ в Москву или Санкт-Петербург. А хуже, не застать тех очагов гуманитарного пространства, что объединяло народы СССР в единый народ. В тех же либеральных СМИ, в которых

проповедуется антируссизм в его различных обличьях, ясно, с какой целью - распада РФ, основы единого гуманитарного пространства Евроазии.

Если в странах Балтии, а где-то на Украине и в других республиках СНГ, изгоняется русский язык, соответственно русская классическая литература, величайшее достижение Ренессанса в России, значит, там к власти пришли политики, как, впрочем, и в России, которые натасканы как раз для дальнейшего разрушения культурного пространства СССР. При таковых обстоятельствах в пору собраться деятелям культуры России, независимо от власти, в целях сохранения единого гуманитарного пространства РФ, духовной основы Российского государства.

Но ведь и русские, униженные разрушительными реформами и либеральными СМИ, заговорили о размежевании, уходе в пределы этнической и конфессиональной принадлежности, последней линии защиты для самосохранения нации, с отказом от величайших достижений Русского Ренессанса.

Насколько верен и плодотворен этот путь, разве мы не видим в разгуле узкого, сугубо провинциального национализма в странах Балтии и в других местах? Этот путь, может быть, и сулит процветание на задворках цивилизаций Запада или Востока, но процветание во ничтожестве. Это не путь русского народа, который поднялся от сохи до звезд. А что такое русский народ?

Кажется, Шведкой или ему подобный выразился в том смысле, что русских как народ и вовсе нет. По стереотипу мышления, мол, советских людей как народ не было. Американцы, независимо от этнической и концессиональной принадлежности, как народ есть, а русских - нет? Это и есть двойные стандарты западной пропаганды, которые были усвоены национальными элитами.

Недаром советских людей, независимо от национальности, на Западе называли русскими. Поэтому ныне антисоветизм и антируссизм - синонимы в пропагандистских клише либеральных СМИ.

Русский народ - это народ России. Его объединяет в единый народ, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности человека, как в США или в странах Европы, - мы часто теперь видим негров, которых называют французами, - общее гуманитарное пространство, русский язык, история Российского государства, гражданство. В основе этой общности, излишне заидеологизированной в СССР, когда это социально-историческая данность, - культура, достижения искусства и мысли Русского Ренессанса.

Осознать это - Россия возродится и станет основой

гуманитарного пространства, неся в себе немеркнущий свет Ренессанса, с осуществлением его эстетики в развитии бытовой цивилизации, что связывают с процветанием.

В поисках патриотизма, «иль пленной мысли раздраженье»

Оказывается, на Московском кинофестивале был устроен "круглый стол" на тему "В поисках патриотизма"! (Запись от 16 сентября 2005 года) Так, вероятно, кинематографическая общественность отозвалась на постановление правительства о патриотическом воспитании. Но как?!

Отдельные высказывания я воспроизвожу по статье Лидии Сычевой (газета "Завтра", сентябрь, 2005 г. № 36).

"Александр Митта, кинорежиссер: "Я не понимаю слова "патриотизм". Другое дело - "чувство родины".

Юрий Богомолов, кинокритик: "Сегодня патриотизм - это жуткая архаика. Это постыдная заплата, которой хотят залатать большую дыру. Мы должны быть наднациональными".

Дмитрий Орешкин, аналитик: "Патриотизм - это расширение коммуникативного пространства". И дальше: "Мы бедные не потому, что у нас есть несправедливо богатые. От разгрома ЮКОСа мы богаче не стали".

Виталий Манский, кинорежиссер: "Патриотизм - отсутствие комплекса, нормальный патриотизм возможен только у людей, не живших в империи".

А литературовед Мариэтта Чудакова выразилась так: "В патриотизме много простой физиологии. Одни могут здесь жить, другие - нет".

Все эти высказывания имеют один смысл: острое неприятие советского или русского патриотизма, по разным причинам, что дела не меняет. Пытаются выплеснуть воду вместе с ребенком, как и с понятием "идеология". Можно добавить, как поступают буквально, вынуждены поступать юные особы, отказываясь от детей своих или выкидывая их в мусорные баки.

Интеллигенция перестала понимать слова "революция", "идеология", "патриотизм". Зато усвоила: "СССР - империя", даже по выражению актера Рейгана, "империя зла". Историческая реальность не воспринимается, а лишь пропагандистские клише со знаком плюс или минус.

Но с распадом СССР в головах у "элиты", имеющей доступ в СМИ, все плюсы превратились в минусы, а где-то дали нули. Обратились в пустоту именно базисные понятия. И вот затевают на кинофестивале "круглый стол" на тему "В поисках

патриотизма", чтобы вольно или невольно дезавуировать постановление правительства.

Между тем эти люди прекрасно знают, насколько заидеологизирована продукция Голливуда и патриотична, не без крайностей, разумеется. Там хорошо знают, что такое патриотизм; там патриотизм, даже местный, провинциальный, не считают архаикой, если даже смеются над ним; там патриотизм работает на расширение сфер влияния США; там патриотизм именно имперский, с отсутствием всяких комплексов, а также на уровне физиологии и этнографии, что обычно вызывает лишь смех, поскольку существует иерархия ценностей, понятие высокого гражданского патриотизма, кроме местного, провинциального, этнического, конфессионального и т.д.

Так было и в СССР. То, что СССР и США были антиподами, дела не меняет, речь о базисных понятиях, без которых не может существовать ни одно государство, тем более великое, империя это или нет.

Отказ от советского патриотизма, который по сути был синонимом русского патриотизма, оказался роковым для СССР и может оказаться роковым для РФ. Русский народ обезоружен идеологически, ему отказывают и в патриотизме, ибо патриотизм основан на идеологии государства, которая в ходе истории претерпевает изменения, это естественный процесс, независимый от воли отдельных личностей и партий, хотя последние могут влиять на него до известной степени, но решающее значение имеет ход народной жизни.

Сегодня многие думают, что ход народной жизни в России был нарушен Октябрьской революцией, как ранее реформами Петра I, - это антиисторический подход, который ныне господствует в либеральных СМИ, как и "антикоммунизм", пропагандистское клише из эпохи холодной войны.

Революционные преобразования, несмотря на трагические коллизии, создают перспективу исторического развития государства, здесь и тяготы, и победы освещены высоким патриотическим чувством народа. Этот-то путь и отвергнут либеральными псевдореформами в России, которые обрели по сути характер криминальной контрреволюции, с диктатурой олигархии, разрушительной для государства.

У олигархии, такова ее природа, нет духовной основы, нет патриотизма, как у предателей интересов отечества и народа, она просто отбрасывает такие понятия, поскольку ее время эфемерно, ее власть нелегитимна, несмотря на выборы, которые, как и все, оплачено чистоганом.

Идеология вовсе не набор теоретических тезисов, основной

массе народа, особенно молодежи, нет дела до философских выкладок; идеология - это мироощущение, мировосприятие человека в его единстве с народом, с отечеством, с его историей, но всегда живое чувство, которое и проявляется как патриотизм, высокий, радостный, окрыляющий или суровый, героический в годины бедствий. Именно ныне нарушен ход народной жизни.

Если отечество в беде, в опасности распада, как сегодня, то патриотизм вовсе не "заплата", - это снижение высоких человеческих чувств до "физиологии", как любви до секса и т.п., что делается намеренно или невольно, - а долг гражданина, сынов и дочерей отечества вступиться за Родину-мать, поруганную и униженную, чем с вдохновением занимаются ныне кинематографисты в России, выплескивая "тяжелый бред души... больной// Иль пленной мысли раздраженье".

Читал в "ЛГ" в общем интересную статью о выставке картин Врубеля и Борисова-Мусатова в Третьяковке "Демоны и ангелы в предчувствии Гражданской войны". Это название - один из множества образчиков того, что Лермонтов выразил, как "пленной мысли раздраженье".

Неприятие Революции и Гражданской войны задним числом (антиисторизм) оборачивается участием в гражданской войне, развязанной в СМИ, что ведет лишь к разрушению устоев государства и распаду РФ. При этом автор статьи Александр А.Вислов упускает случай сказать нечто весьма существенное о художниках, в творчестве которых совершеннно отчетливо запечатлелось ренессансное миросозерцание, как и у Лермонтова, как ранее у итальянских мастеров.

Вот откуда у них демоны и ангелы, по сути, высшие образы, как Бог, которые служили художникам и мыслителям эпохи Возрождения в Италии и в России примером и коим, как они надеялись, может уподобиться человек в развитии всех его сущностных сил. Ставя столь высокие задачи, конечно, можно и свихнуться, слаба человеческая природа и конечна. Но главное - прорыв в высокие сферы творчества, что и остается как высшие достижения человечества.

Наши кинодеятели продемонстрировали в их высказываниях о патриотизме то же самое - лишь "пленной мысли раздраженье", не в силах выйти за пределы пропагандистских клише. Отсюда и убожество российского кинематографа в наши дни.

Отличительная его черта - полное отсутствие человеческого достоинства у персонажей, стало быть, и у авторов фильмов, словно не ведающих, что это такое. Это не самовыражение художника, а самоуничижение человека. Здесь полная противоположность как советским, так и американским фильмам.

Совершенно ясно, без идеологии и патриотизма, без высоких мыслей и идей о достоинстве человека и народа снимать фильмы бесполезно. Постановление правительства о патриотическом воспитании останется втуне.

Советская идеология вовсе не сводилась к марксизму-ленинизму, напрасно им потчевали даже школьников, как Законом Божьим в старину, достигая обратного эффекта, что будет и с нынешним всеобщим обращением. Но идеалы свободы, равенства, социальной справедливости дети в СССР впитывали, можно сказать, с молоком матери. Это базисные понятия современной идеологии, на развитие которой в XX веке оказало решающее влияние само существование СССР.

Распад СССР вовсе не означает, что советская идеология была утопией, изжила себя. Идеи, однажды выработанные и выстраданные, не исчезают. Пора отказа от них и глумления проходит, и, оказывается, Россия сказала новое слово, в основе его прежде всего социальная справедливость, иначе человечность, в отличие от закона джунглей, что изначально демонстрировал и демонстрирует благополучная с виду цивилизация Запада и Востока. Здесь же, кстати, заложена пружина всех интриг и противоборств в американских фильмах. С непременным хэппи-энд, в котором закодирована идеология США, по сути, американская мечта.

Как обрести утраченные базисные понятия и ценности? Пока никаких сдвигов и никакой перспективы. Вчера проходило заседание правительства, на котором обсуждалась программа министерства культуры. Какое зрелище! Программа носила столь общий и, очевидно, невнятный характер, что у главы правительства (Фрадков) оставило впечатление "болота". Кстати, лицо у нынешнего премьера такое: Ква-ква!

Программу постарались поддержать или уточнить Никита Михалков и Иосиф Кобзон. Кажется, и министр по чрезвычайным ситуациям, который назвал их почему-то "монстрами", поправил на "гигантов", что сути не меняет. Ква-ква!

Разве другие программы правительства лучше? Ква-ква-ква! Только это мы и слышим.

О природе власти

Ныне, кажется, уже нет ни у кого сомнений в том, что именно властные структуры в любой стране, в любые эпохи, при любой идеологии воспроизводят борьбу за существование среди животных, изощряясь всячески, хуже всех хищников, вместе взятых, не останавливаясь ни перед чем ради корысти и карьеры, при этом добрые, умные, благородные выпадают из системы власти, а поднимаются до высших ступеней наихудшие, готовые всегда на угодничество, очковтирательство, обман и предательство, террор - под видом борьбы за общее благо, разумеется, но однажды они сбрасывают личины, как сделали Горбачев, Яковлев, Ельцин, Собчак и длинная вереница им подобных перевертышей, которые вновь объединились в единую партию, партию власти, теперь уже без всякой идеологии, с утверждением закона джунглей в чистом виде.

Природа ли человека такова от века и иной быть не может, как ныне утверждают? Или это природа власти, в которой подвизается успешно, восходя до высших ступеней, ничтожное меньшинство? Но это меньшинство, обладая властью и богатством, ради самосознания и самосохранения вносит в жизнь человеческого сообщества закон джунглей, разумеется, более изощренный, недоступный зверям, таким образом, тиражирует все худшие инстинкты человека с провозглашением его свободы.

Значит, пока существует власть, будут при любом строе и идеологии проступать "родимые пятна капитализма", как случилось и в СССР?

Возможно ли функционирование человеческого сообщества без института власти, которая, провозглашая всегда самые благие цели, внутри себя в лице честолюбцев воспроизводит все самые низменные инстинкты и свойства человеческой природы вплоть до всяческих предательств, лжи, обмана - до войн между народами?!

В этом плане XX век - самая ужасающая картина в истории человечества. О, боги!

Начиная от правительств, ввергших народы в Первую мировую войну, с попыткой выйти из этого заколдованного круга человеческой цивилизации через революцию, новые действующие лица из правительств Европы, США и СССР, ввергшие народы во Вторую мировую войну, а затем - в холодную, с разрушением СССР, что не стало благом ни для кого в мире, кроме минутного

опьянения успехом кучкой властителей и диссидентов, когда развитие человеческой цивилизации вернулось в круги своя, то есть исчезла перспектива нового мироустройства без нищеты, угнетения и войн.

Говорилось об отмирании государства, то есть института власти. Возможно ли это в принципе?

В СССР при новой идеологии властная верхушка выродилась очень скоро, тиражируя то же зло во имя, казалось бы, благих целей, вплоть до разрушения великого государства в наши дни.

Поносят "коммунизм" как идеологию, ставя его в один ряд с фашизмом, когда они антиподы, но карьеру во властных структурах партии и государства, теперь ясно, делали успешно прежде всего "антикоммунисты", которые в подходящий момент сбросили личину, толкуя о тоталитаризме, будто не они его прежде утверждали, о свободе, будто не они ее преследовали.

Перевертыши, подвизавшиеся во властных стуктурах в СССР, с его разрушением, объединились в партию власти под названием "Единая Россия". Что бы они ни провозглашали сегодня, можно ли им верить? Когда они увидят личную выгоду в распаде РФ, они и на это с энтузиазмом пойдут.

Что из этого следует? Какими бы идеями человек не руководствовался, как только он выделяет личные цели, возникают ножницы между общим благом и частным интересом, между добром и злом, - понятия эти легко меняют местами перевертыши, - и они режут по живому, порождая ложь, предательство, террор, так действуют властные структуры в бандах, в партиях, дорвавшихся до власти, на всех уровнях государственного управления, что ныне обозначают как силовую олигархию.

Добро, благородство, честность - до времени, в зависимости от обстоятельств, либо лишь прикрытие, а во главу угла ставятся лишь личные цели, что ныне дезавуировано и провозглашается как политика, философия жизни и процветания.

Новости тут нет. Только в тысячелетиях человеческой цивилизации выдался было период с провозглашением нового гуманизма, выработанного Ренессансом в России, но властная верхушка, утверждая его в жизнестроительстве нового сообщества, вскоре выродилась и привела к разрушению великое государство.

Говорят, проект был утопичен и вообще чужд человеческой природе. Но кто говорит? Либеральные СМИ - рупор партии власти, партии под названием "Единая Россия", - разве она не ведает, что выплескивают ее уста? Партия власти ведет в стране гражданскую войну, подавляя все высокое, доброе, что было и

есть в человеке, в истории Российского государства, в его величайших свершениях, с откровенным утверждением всего низменного в человеке, мол, такова его природа. В этом его свобода и счастье.

Хороша человеческая природа, которая может лишь возобновлять алчность и амбиции честолюбцев, готовых на все ради достижения успеха, богатства и власти - вплоть до развязывания войн между народами.

Принимается за аксиому: человек, поднимаясь все выше во властных структурах, не остановится ни перед чем ради своих личных целей - под покровом общего блага. Такова сущность власти как таковой. Но не природы человека как таковой.

Ныне поносят всячески именно Советскую власть с ее устремлениями к общему благу и справедливости, - чему служили даже перевертыши до поры до времени, - обвиняя во всех грехах, общих для всех форм власти от века. Здесь правды нет, ибо утверждают власть как таковую, власть чистогана и силы, под видом свободы и процветания.

При таковых обстоятельствах, когда Россия пребывает как бы в условиях землетрясения и вокруг все рушится, как же быть человеку, не вовлеченному ни во властные структуры, - которые объединились в партию власти под названием "Единая Россия", с воспроизведением однопартийной системы, в чем обвиняли СССР, - ни в гражданскую войну, которую ведут СМИ, прямой рупор партии власти?

Как же быть человеку с его свободным умом и волей, который не может не сознавать себя гражданином России, когда возникла реальная угроза распада РФ, как СССР?

Распада отечества!

Духовный распад и растление идет уже второе десятилетие. Кризисная ситуация не может длиться бесконечно.

Отечество в опасности!

Об образовании в СССР и РФ

Закончив предыдущую запись словами, похожими на клич: "Отечество в опасности!", я было усомнился, куда это меня заносит?

Поразмыслив, я прихожу к тому же. Отечество действительно в опасности. В этом нет преувеличения. Политика нынешнего режима с попытками укрепления вертикали власти, им же прежде порушенной для разграбления богатств страны, противоречива, главное, не эффективна.

Породив олигархов, власть теперь находит опору в силовой олигархии, и она-то устанавливает правила игры, по сути, принимает через Думу и Совет федерации законы, которые нацелены не на созидание, а дальнейшее разрушение всего, что еще в какой-то степени сохранилось от великой эпохи.

Примеры здесь ужасающие, я не стану о них говорить. Наука, важнейшие отрасли промышленности - в принципе все можно восстановить и на новом уровне. Но возможны невосполнимые потери, это как с миллионами человеческих жизней и неродившихся детей.

Внутреннее обособление национальных республик продолжается, а неустойчивое социально-экономическое состояние России может быть нарушено, чем могут воспользоваться внешние силы, буквально силы НАТО. Угроза распада РФ реальна. Но если этого и не случится в обозримом будущем, сегодня уже реально пошатнувшееся единство культурного пространства России, поскольку тенденции и силы, приведшие к распаду СССР, сохраняются и действуют в пределах РФ.

СССР нет, а борьба с Советской властью продолжается, и этим, кроме СМИ, - они на этом обрели популярность и деньги, менять же имидж не решаются, - занимается правительство под видом реформирования образования. Школьное образование, лучшее в мире, рушится целенаправленно уже второе десятилетие. О новых программах и учебниках и говорить неприятно. Учебники пишутся так же, как дамские романы, это стало доходным занятием. (Как стало известно, на гранты зарубежных фондов!) Вводятся новые предметы, ясно, какие.

Сокращаются часы на русскую литературу и русский язык, основу классического обучения и воспитания. Ничего лучше человечество еще не выдумало - с античности, когда обучение и

воспитание детей было основано на изучении поэм Гомера. С тех пор классическое образование лежит в основе развития и западной, и восточной цивилизаций и культур.

США, несмотря на впечатляющие достижения бытовой цивилизации, остались на окраине европейской культуры, из нее они брали лишь вершки, закупая европейские умы для прорыва в новых технологиях. Это не та страна, которая может похвастать школьным образованием. И у нее-то наши псевдореформаторы берут образцы для русской школы, разрушая ее структуру, самую ее основу - классическую русскую литературу и русский язык, переиначивая историю Российского государства.

Делается это, надо полагать, вполне сознательно. Вслед за приватизацией природных ресурсов покусились на образование, которое в своей полноте и уникальности не нужно новому режиму, даже страшно. Тестирование знаний и способностей создает, по сути, зомби или роботов, что и нужно для техногенной цивилизации.

Что может противопоставить интеллигенция, если она сохранилась, - ведь лишь ничтожная ее часть превратилась в средний класс, преуспев в бизнесе и шоу-бизнесе, - разрушительным тенденциям и силам, сокрушившим, это приходится признать, образование и воспитание как таковое в традициях русской и советской школы, - чтобы сохранить по крайней мере целостность культурного пространства России, что предполагает его развитие вопреки неблагоприятным условиям и обстоятельствам, как было и в Древней Греции? Афины, утратив могущество и свободу, еще столетия составляли центр культурного пространства Средиземноморья.

У нас есть опора не только для выживания, но и процветания, и это отнюдь не в плане природных ресурсов, чем мы богаты, но оказались заложниками этих богатств, как третий мир, а это наше культурное наследие, уникальные достижения Русского Ренессанса. Осознание его, открытие, освоение идей и итогов высокой и героической истории Русского Ренессанса, может привести, вместо катастрофы, к катарсису. И тогда все измышления псевдореформаторов как в экономике, так и в сфере образования будут развеяны, как дым от пожарищ и черных мифов о России.

Горько сознавать, пока нынешний режим, по сути, олигархический, стало быть, по своей природе враждебный государству, существует и предпринимает судорожные шаги, как походка Путина вразвалку на один бок, для сохранения своей власти, разрушение и школьного образования, и культуры будет продолжаться. В этих условиях уповать на воспитание

подрастающего поколения в нормальных школах, с нормальными программами и учебниками, классическими по содержанию, по крайней мере, не приходится. Уповать на современный российский кинематограф тоже не приходится, ибо у государства нет идеологии, в русле которой лишь возможны достижения общенационального масштаба. На СМИ - тем более.

Остается интеллигенции, как было в России в XIX веке, нести знания и культуру в обществе, помимо школы. Речь прежде всего о новых поколениях. У нас много говорят о гражданском обществе. В основе его, помимо партий, будет молодежь, которая искони тянется к познанию и культуре. Ныне много говорят и о потерянных поколениях. Но так всегда и бывает в трагические эпохи. Многие уходят в песок, в разврат, в бизнес и т.п., но впоследствии проступают те, которые пошли против течения, вырастая в гениев. Кстати, в мире вот уже больше полувека на гениев затишье. Значит, где-то на подходе новая плеяда.

Поскольку развитые страны Запада и Востока вступили на новый виток цивилизационного цикла, с воспроизведением одних и тех же стереотипов мышления и образа жизни, то для появления гениев наиболее благоприятна именно вулканическая ситуация в России, со смещеньем времен, когда исторические события и лица входят в нашу жизнь, определяя умонастроение человека, социальных слоев и народа в целом.

До сих пор шла борьба крайних мнений, взаимоотрицание понятий и представлений, что вызывало у молодежи лишь неприязнь и неприятие всего, что говорилось вокруг и в СМИ. У юности есть инстинкт к правде и к лжи, и когда все это у нее на глазах смешали, перевернули, поменяли знаки, она просто плюнула на это... Сожалею, что не способен абсолютно выражаться, как современные писатели.

Но у юности еще есть время до всего дойти своим умом, разумеется, копаясь не в себе, а во всем богатстве знаний человечества. Это знание сегодня в России не чисто академическое, а актуально до злобы дня. У русской молодежи явилась впервые возможность осознать как величайшее наследие идеи и эстетику Русского Ренессанса, без шор и предубеждений старших поколений и партий.

У нас есть опора для выхода из нынешнего, столь затяжного кризиса, - это идеология и эстетика Русского Ренессанса, в смысле и значении которых по сей день не отдают отчета ни историки, ни искусствоведы, ни политики.

У России была и есть идеология, о которой не ведает нынешнее правительство, выступившее против советской идеологии, слишком стеснительной для олигархов, а

интеллигенция решила, что речь идет о свободе и демократии.

Новая идеология Российского государства вызрела, как ни удивительно, в голове молодого царя, еще до его поездки в страны Европы и до рождения, можно сказать, просветителей. Цель государства - общее благо, средства достижения этой цели - образование и развитие наук и искусств под его эгидой. Петр I учиться-то поехал в Голландию, но обратился к опыту Афин V века до н.э., как правители Флоренции в XV веке.

С тех пор в России и в СССР образование было государственным делом, что имело свои плюсы и минусы, с впечатляющими достижениями в развитии литературы, наук и искусств, воистину ренессансных.

В СССР русский язык был не просто государственным и, как говорилось, языком межнационального общения, а в условиях ренессансных явлений играл роль греческого, латыни в эпоху Возрождения, то есть носителя человеческой премудрости всех времен и народов.

Образование советских людей носило всеобъемлющий характер. Под запрет попадали и то временно лишь миллионные доли всечеловеческих знаний. Откройте учебники по литературе, истории и всем другим предметам 50-60-х годов XX века. Думаю, вузовские учебники сегодня куда беднее их.

То, что СССР был самой читающей страной в мире, это правда. Издавались баснословными для развитых стран Запада тиражами не то, что сегодня, а классическая литература всех времен и народов. Классика и лучшие произведения современных писателей были востребованы. Не сознавалось только то, что эта восприимчивость советских людей к высоким созданиям поэзии и искусств всех времен и народов и наличие переводчиков высочайшего уровня в СССР - явление сугубо ренессансное и широчайшего масштаба по сравнению со схожими явлениями ренессансных эпох в странах Востока и Запада в свое время.

Интерес к классическим произведениям всех времен и народов у советских людей - это плоды школьного образования, основанного на русской классической литературе, в интерпретации которой в учебниках, да, было много догматики и идеологических пристрастий, но решающее значение имело соприкосновение с первоисточниками. Идеологические пристрастия власти, как и односторонности западников и славянофилов в XIX веке, мешали осознанию ренессансных явлений русской классики во всех видах искусства и самой жизни, с приобщением широчайших слоев населения к чтению. Этот феномен впервые наблюдался в эпоху Возрождения в странах Востока и Европы, когда городской люд зачитывался

новинками и переводами и составлял самую благодарную публику в театрах.

Все это было и в России уже довольно широко в XIX веке, и баснословно широко в СССР. Говорить о репрессиях, запретах нужно, но это общее место для всех эпох и стран, куда важнее увидеть широчайшую картину народной жизни в одну из самых величественных и трагических эпох в истории человечества, с двумя мировыми войнами, с Революцией, определившей развитие человеческой цивилизации в XX веке, с величайшими достижениями Русского Ренессанса.

Именно всеобъемлющий взгляд на историю Российского государства и СССР обнаруживает ее сущность - идеологию Русского Ренессанса, которая была и будет идеологией России, если даже случится распад РФ, ибо это ренессансное достижение, достояние всего человечества.

Вот чего не понимает нынешнее правительство, как кинорежиссеры перестали понимать слово "патриотизм", перестали понимать Россию, пребывая в плену пропагандистских клише времен холодной войны и заученных слов о рынке. Это прошлогодний снег, превратившийся в болото, где тотчас угнездились лягушки, и ежевечерне мы слышим: "Брекекекекс, коакс, коакс!", точь-в-точь по Аристофану.

Вот что происходит, когда сворачивают на обочину и задворки цивилизации, отворачиваясь от величайших достижений культуры. Так поступает чернь. Странно, в России нередко именно чернь оказывалась у власти. Именно она занималась репрессиями, как ныне разрушением великого государства и культуры.

Как перейти это болото и вновь взойти на вершины мировой культуры, с открытием величайших достижений Русского Ренессанса, что было и будет продуктивной основой нового миросозерцания и мироощущения россиян, как это было в странах Европы, где уже не одно столетие эстетика Ренессанса осуществляется в развитии бытовой цивилизации, с впечатляющими результатами в последней четверти XX века.

Это не достижения искусства и мысли, а новых технологий. Все это было достижимо и в СССР, как ныне в КНР. В коренной ломке основ государства и культуры не было никакой необходимости, если не было именно цели разрушения великого государства до основания, что отвечало, разумеется, лишь интересам внешних сил.

Но духовное достояние можно еще всячески оболгать, исказить, оклеветать, чем по сей день занимаются СМИ вкупе с правительством, - уничтожить нельзя. Это не вожделенные вещи,

что завтра выбрасывают на свалку, это как новый восход солнца и новое по весне небо, и юность грядущих поколений осознает себя в ауре Русского Ренессанса так же, как она открывает античность и эпохи Возрождения на Западе и Востоке.

Итак, идеология и эстетика Русского Ренессанса. Какое необозримое поле и небо для постижений и озарений! При этом нет нужды возиться со знаками плюс и минус. Все дело - в полноте взгляда, без шор и идеологических пристрастий, сиюминутных и чаще вздорных.

Императрица Елизавета Петровна, муза и опора универсальной деятельности Ломоносова, заказывает Вольтеру написать историю Петра Великого. Екатерина II вступает в переписку с просветителями, едва взойдя на престол через труп императора Петра III. Пушкин, всю жизнь проведший под неусыпным надзором царя, называет российское правительство единственным европейцем в России. Первое советское правительство было самое образованное, возможно, из всех когда-либо существовавших правительств в мире.

Это не было случайностью, как последовавшая вскоре культурная революция в СССР, что было продолжением и венцом преобразований Петра Великого. Ход народной жизни, несмотря на трагические события Гражданской войны и коллективизации, не был прерван, а лишь претерпел изменения, в основе своей позитивные, с победой в войне против фашизма, быстрым восстановлением народного хозяйства, вплоть до начала освоения Космоса.

А что ныне сотворили те, что клевещут на великую историю Российского государства, кроме олигархов над властью и силовой олигархии во власти, с разрушением основ государства и культуры?

Российской молодежи нетрудно разобраться, на какой путь ей следует вступить, отринув ложь и клевету власть имущих и СМИ и ложные надежды старших поколений на свободу, красивую вывеску западных демократий, чтобы обрести подлинную свободу и достоинство гражданина великой страны, с обретением Отечества в его славе и величии на все последующие века.

Мифы Древней Греции, детство, классика

Книги, прочитанные с особым интересом в детстве или в юности, обретают навсегда неизъяснимое очарование и прелесть, словно несут в себе нескончаемое эхо, может быть, незамеченных в свое время, но пережитых нами глубочайших волнений и озарений.

Однажды я взял в руки Стендаля, а именно «Пармскую обитель», и словно перенессся на Дальний Восток, в село, окруженное лесами, лугами, на берегу небольшой речки, впадающей вдали, за островами, в Амур, перенесся туда, где я прочел этот роман, и тотчас вспомнилось всё. Боже! Каким чудом, волшебным, прекрасным миром возникали передо мной там, в далекой глуши, сцены жизни в Италии XIX века!

Это было летом в интернате в Найхине, где я остался, как сирота, кстати, вместе с ребятишками, оставленными «на осень», то есть для дополнительных занятий. В это же время, очевидно, впервые пристрастившись к чтению, я прочел пропахший зноем степи и необузданных человеческих страстей роман Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Это были далеко не детские вещи, и я, верно, понимал это, потому что именно роман Вениамина Каверина «Два капитана» объявил лучшей книгой в мире. Года через два (ведь после седьмого класса волей судьбы я уехал в Ленинград, где и живу) моя одноклассница писала мне: «Ты знаешь, я прочла «Два капитана». Ты знаешь, теперь и она моя любимая книга!»

Это был итог почти целой жизни, целой жизни в детстве нашем, разумеется. Дело было не в романе Каверина, к сожалению, весьма слабом, это не классика, которую можно перечитывать в разные периоды жизни и всегда с новым интересом. Очевидно, шла речь о наших мечтах, о наших детских представлениях о прекрасном, о настрое души, - не умея определить все это своими словами, мы поднимали на щит ту или иную книгу, чтобы заявить о себе. Эта активная избирательность, эти поиски сродства с прекрасным - едва ли не важнейшее свойство детства, в нем истоки его первых шагов и всей нашей будущности.

И я точно знаю, какая книга определила еще в раннем детстве мое миросозерцание, подготовила мою душу к

восприятию лирики Пушкина и мое призвание, о чем я сам долго не подозревал. Это небольшая книжка с изображением красно-кирпичного кентавра на обложке «Мифы Древней Греции». Она попалась мне в руки в родном селе, в третьем или четвертом классе, в пору, когда я еще не увлекся чтением, да книг у нас не было, кроме учебников.

Откуда? Думаю, от моей кузины гораздо старше меня, которая училась в Хабаровске и приезжала летом, в деревне она скучала и была рада поговорить со мной, выбалтывая невольно все тайны хорошенькой девушки. Во всяком случае, именно от нее я впервые услышал о ложе Прокруста.

Я не помню процесс чтения, но неопределенное предчувствие, связанное с восприятием синевы неба и облаков в вышине, предчувствие, сейчас бы сказал, верховного существа, как мне однажды представилось: я - его мысль, - я живу, пока он думает, перестанет, и меня не станет, - обрело конкретные, дивные образы олимпийских богов, словно взирающих на меня с неба.

Комментарии.

Парфенон, памятный мне с детства, возможно, по учебнику истории Древней Греции и Рима.

* * *

Я рос в глуши лесов, в дали времен,
Где синей цепью гор означен небосклон,
Как знаками далеких континентов, -
Так простиралась предо мною вся планета.
В ту пору книжка детская попалась мне,
С кентавром на обложке. Помню, как во сне.
Без навыка читать свободно, с увлеченьем,
Что я успел прочесть? Но с трепетным волненьем
Заметил я поверх высоких облаков
Присутствие богов,
Могучих и ужасных,
Богинь, пленительно прекрасных,

С Олимпа весело взиравших на людей,
Как мой отец из памяти моей.
* * *
Струился свет с небес, купались облака,
И нимф влекла к себе река.
То девушки собрались стайкой
За дальним лугом как бы втайне.
А за кустами спрятался сатир.
То был еще юнец, беспечный волокита.
Над ним превесело смеялась Афродита.
А день все длился, будто вечен он.
Зевс-Громовержец, Гера, Аполлон,
Другие боги на веселом пире,
Мне мнилось, возвестят о вечном мире.
Душа наполнилась таинственной мечтой.
Все в мире просияло красотой.

С тех пор в моем восприятии природы, жизни и в особенности женщин всегда преобладала, удивляла, восхищала красота, хотя и уродства бросались в глаза еще резче. Но сама действительность сияла и освещалась красотой, как солнцем и звездами. Соприкосновение с древнегреческой мифологией в раннем детстве несомненно сказалось в высшей степени благотворно в сформировании моего мироощущения и миросозерцания, с восприимчивостью моей с юности к красоте во всех ее проявлениях, в особенности, к женской красоте, как вод и неба, и, как ни удивительно, к классике всех времен и народов.

Я еще мало помышлял о писательстве, кроме смутных грез о великой жизни, но сразу - из нескольких фраз текста - различал, это из классического произведения или современного, поэтому впоследствии совершенно не мог читать современных писателей, что обрекало меня на одиночество среди пишущей братии. Я вырос на классике и мог творить лишь в сфере классики.

Ныне я сознаю, что у меня с детства, с соприкосновением с мифами Древней Греции, что подготовило мою душу к восприятию лирики и прозы Пушкина, восприимчивость моя обрела, неведомо для меня, целенаправленный характер - к красоте и гармонии классического стиля в литературе и во всех видах искусства инстинктивно тянулась моя душа, то есть именно к ренессансной классике всех времен и народов, что увенчалось - уже вполне осознанно - открытием и обоснованием Ренессанса в России.

Теперь ясно, что истоки классического искусства - в мифах

Древней Греции, в которых отразилось античное миросозерцание, столь же мифологическое, сколь и чисто эстетическое, с восприятием действительности как абсолютной эстетической действительности. К основным понятиям античной эстетики мы еще обратимся. А пока имеет смысл хотя бы перелистать книгу «Легенды и мифы Древней Греции» Н.А.Куна, которая неоднократно переиздавалась в СССР, очевидно, с 30-х годов XX века, и та книжка с изображением красно-кирпичного кентавра на обложке была издана на ее основе, адаптированная для детей, я однажды ее нашел в библиотеке и точно вернулся в детство.

Следует сразу заметить, сказки, сказания и мифы Древней Греции не сохранились в их первоначальном виде, как у других народов мира в виде образцов народного творчества из глубин веков, но они послужили источниками и материалом для созданий поэтов - от поэм Гомера и Гесиода до трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, то есть древнегреческая мифология проступает для нас в поэтической форме классического искусства, а «Легенды и мифы Древней Греции» представляют пересказ сюжетов, обработанных поэтами, что несомненно усиливает воздействие их поэтического содержания и формы, внутренней формы классического стиля, что запечатлевается в душе ощущением чудесного, чувством красоты и гармонии.

Миросозерцание древних греков вновь восходит во всей наивно-поэтической прелести, смыкаясь, сливаясь с мировосприятием все новых поколений, ведь детство всегда вступает в жизнь, как из глубин тысячелетий. Здесь уникальная особенность античного миросозерцания классической древности Эллады, что восприняла и римская цивилизация и что вспыхнуло в эпоху Возрождения в странах Западной Европы и в России как ренессансное миросозерцание.

Теперь нам легче разобраться, в чем же тайна античного миросозерцания, восходящего вновь и вновь. В основе ее - любовь и красота в особой взаимосвязи, воплощением которой выступают Афродита и сынишка ее Эрот, согласно мифу о рождении богини любви и красоты и Эрота с его стремлением к красоте, что и есть любовь. Это уже по учению Платона об идеях, Эросе и красоте, о чем у нас речь уже шла. Даже спор богинь о золотом яблоке - это спор о красоте, как и первопричина Троянской войны - красота, красота Елены, за которую вступились греки с оружием в руках.

Комментарии.

Лаокоон. Скульптурная группа, вероятно, по иллюстрации в книжке "Мифы Древней Греции" стала для меня настоящим наваждением: мне все представлялось, что я один из мальчиков, но не с отцом (он погиб на фронте), а со старшим и младшим братом. Трагизм бытия, это чувство, как и красота, у меня связано, видимо, с античным миросозерцанием.

Комментарии.

Камея Гонзаго, запомнившаяся при первых посещениях Эрмитажа.

Эпоха, в какую мы жили

10 октября 2005 года.

С моей точки зрения, идеология не набор теоретических постулатов, сухой экстракт, которым оперируют политологи, культурологи, философы, а миросозерцание, мироощущение эпохи и личности, сфера тончайших, полуосознанных постижений, всегда живое чувство, с которым человек вступает в жизнь, идет по жизни и уходит, с переменами в его умонастроении, порою роковыми. Атмосфера эпохи имеет едва ли не решающее значение, существенно важно и то, человек думающий с детских лет или нет, - в последнем случае он просто не заметит, в какое время живет, как животное, и исчезнет без следа.

Я родился на Дальнем Востоке в маленьком нанайском селе, где русских не было, лишь изредка видел их на пароходе; я еще не ходил в школу, когда у нас в селе поселилась семья пекаря, в ней росла девушка значительно старше меня, она заговаривала со мной, я молчал из застенчивости.

А знал ли я русский язык? Откуда? Затем приехала другая семья, тоже пекаря, в ней рос мальчик в возрасте моего младшего брата, который запросто болтал с ним по-русски, а в школу еще не ходил. В подготовительном классе мы учились по нанайскому букварю, но этого я не помню, далее мы учились по обычной школьной программе и учебникам, как в Москве.

Первой моей учительницей была моя родная тетя по матери, как две капли воды, похожая на вузовку 30-х годов из картин той эпохи. Я веду речь о культурном пространстве, можно даже сказать, гуманистическом, которое еще до войны и в суровые годы войны охватывало самые отдаленные уголки СССР.

У нас было радио. По нему звучала русская речь, музыка, русская песня. Это мои колыбельные песни, какие я слышал с первыми звуками голоса моей матери. Она, конечно, разговаривала со мной по-нанайски, и тут же в унисон с ее речью я ловил бессознательно, как всякий ребенок, речь другой тональности.

Теперь я точно знаю: уже обучаясь по нанайскому букварю, я знал русский язык как родной. У меня два родных языка. Я не помню себя, когда бы я думал нанайскими словами, вероятно, со школьных лет я думаю по-русски, что было естественно.

Об этом, конечно, не ведали те, с кем меня свела судьба с первыми моими опусами. Помню, я принес рукопись первой моей повести *"Птицы поют в одиночестве"* в редакцию нового тогда журнала "Аврора". Елена Клепикова спросила у меня, судя по внешности: "Это по-русски? А русским вы владеете вполне?"

Я растерялся и ушел, уверенный, что она меня не поймет. Нет, к счастью! А ее муж Владимир Соловьев написал первые рецензии о моих повестях. Это были не ортодоксальные редактор и критик, а из будущих диссидентов, вскоре уехавших в США. По тем временам даже название моей первой повести должны были изменить, а "соблазнительные" места исключить, поскольку моя проза была сплошная любовная лирика.

Иллюстрации.

Кремль. Голос Москвы я слышал с младенческих лет, и она была рядом. Классическая музыка у меня с детства на слуху, что говорить о песне.

Амур - могучая река с удивительнейшими видами.

Недавно случилось, молодому критику заказали статью о моей книге повестей "Весенний август", изданной в Москве еще в 1981 году. "Петр Киле - нанайский писатель, и этим все сказано", - заявила Василина Орлова. Конечно, этим еще ничего не сказано, поэтому ее фраза подверглась правке при публикации и на ее сайте, что не внесло ясности.

Кто я? В США или во Франции таких вопросов не возникает. В США все американские писатели, независимо от национальной принадлежности. В СССР все были советскими писателями, независимо от национальности и тематики произведений, с дальнейшими уточнениями по необходимости.

Ныне ситуация изменилась. Все самоопределяются по национальной и конфессиональной принадлежности, а также по идеологическим соображениям. Для партий и религий это естественно, но не для писателей. Подозреваю, мои обращения к Александру Проханову в газету "Завтра" или к Юрию Полякову в "Литературную газету" остались без ответа не без того, что они решили, мол, не "нанайскому писателю" рассуждать о Русском Ренессансе.

Я не претендую на то, чтоб меня считали русским писателем, это не звание и не оценка, а данность, как пол, религия, место рождения, язык. Достоинство писателя - талант и полнота его творчества, что определяется его причастностью к великой эпохе, а также к культуре мирового масштаба или местного, в пределах

этнической и конфессиональной принадлежности человека.

С пятого класса по седьмой я жил в интернате в соседнем селе, где было много русских, и мы учились вместе с русскими детьми. Уже в пятом классе на уроках по истории я получил столь отчетливое представление о Парфеноне и Перикле, что когда писал трагедию "Перикл", мне казалось, что все мои знания о золотом веке Афин - из моего детства на Дальнем Востоке. И в пятом же классе я впервые открыл для себя лирику Пушкина, по сути, одно стихотворение "Я вас любил; любовь еще, быть может..."

Значит, все это было в атмосфере эпохи, во всяком случае, заложено в школьных программах, и, хотя я никогда не был прилежным учеником, не помню себя, когда бы я готовил уроки, все схватывал на лету бессознательно, поскольку на уроках вечно витал в облаках, что, впрочем, обернется чуть ли не катастрофой, когда мне вздумается удостоиться золотой медали.

И уже по ту пору, еще не ведая, кем хочу быть, я с замиранием сердца слышал о великих эпохах расцвета искусств и мысли, и меня удивляло, почему о Ренессансе говорят в отношении Италии и других стран, а России - нет?!

Школьное образование в СССР 50-60 годов XX века, я думаю, уникальное явление в истории мировой культуры. Я приехал в Ленинград после седьмого класса, и классический Петербург с Эрмитажем и Русским Музеем, куда нас водили на экскурсии, с поездками в Царское Село и в Петергоф, я воспринимал как с детства знакомый мир, что впитывают, как говорится, с молоком матери и что определило, конечно, мое призвание и все мое творчество.

Как объяснить? Читая "Евгения Онегина" в восьмом классе, буквально на берегах Невы, - на занятия я бегал через Невский проспект у Мойки, а в весенние дни, проснувшись раньше, я выходил к Неве у Эрмитажа и мимо Адмиралтейства, мимо Медного всадника возвращался к Мойке, - я переносился мыслью на Дальний Восток, как в деревню, где скучал герой романа и жила Татьяна, будто я там рос во времена Пушкина.

О том, как я зачитывался "Войной и миром" в 9 классе во время зимних каникул, отправленный в дом отдыха как отличник, я писал в одной из своих повестей. Эпоха Пушкина и Льва Толстого пронизывала мою жизнь, прекрасная, величественная, как Россия в вечности. Я только еще не сознавал, что это вечно живое, вершинные достижения Русского Ренессанса.

Это было время, когда в России, как на рубеже XIX-XX веков, снова наметился поворот от утилитаризма и нигилизма к эстетизму, со всеобщим увлечением поэзией, с музейным бумом,

с открытием серебряного века русской поэзии и, можно сказать, золотого века русского театра. Точнее, века Русского модерна. Я открывал ту эпоху по окончании Университета, получив свободный диплом на основании, видите ли, того, что писал стихи, в бесконечных прогулках по улицам классического Петербурга и его знаменитым окрестностям.

Античность, эпоха Возрождения в странах Европы (в странах Востока откроется позже), классическая русская литература, архитектура, живопись, музыка, с осознанием ныне, что это Ренессанс, - все это было заложено уже в школьном образовании и проступало в атмосфере эпохи, даже на философском факультете Университета я уже ничего принципиально нового не узнал, - все это я и называю идеологией и эстетикой Русского Ренессанса, что, как веяния весны, обвевало мне лицо с младенческих лет, проступало в синей цепи гор по горизонту, в просторах лесов, полей и рек, пока я несся на поезде через всю страну и в удивительной, прозрачно ясной, сугубо классической архитектуре Петербурга, будь то барокко, классицизм или модерн, взошедших здесь как эстетика Русского Ренессанса, застывшая в вечности музыка.

Время любви и странствий

28 ноября 2005 года.

В конце августа, уже опаздывая к началу учебного года, мы уехали в Ленинград - совершенно неожиданно для самих себя. В поезде я почти не спал, я смотрел в окно неотрывно, казалось, не видя ничего. Потом окажется, что я видел все: и горы, и города, и поселки, и дома, и полисадники - во всей чистоте вековечной жизни, без нынешней разрухи и мусора, - и великое множество мужчин, женщин, детей...

Оглушенный нежданной переменой в своей жизни, я сам не ведал, как душа впитывала лица людей, облики городов, сел, дорог, тропинок, - миры в ту пору еще юных Александра Вампилова и Валентина Распутина, пространства Земли от Амура до Байкала, от великих рек Сибири до Уральских гор, от Азии до Европы...

В повести "Птицы поют в одиночестве" мой герой проделывает тот же путь, только почти десятью годами позже, срок, который я провел в скитаниях.

Я приехал в Ленинград осенью 1952 года и жизнь застал здесь, как и город с его старинными зданиями, светлую, тихую, лучезарную, будто не было блокады, не было громадных разрушений, город был восстановлен, на лицах и облике горожан важное достоинство, мягкая нежность, насмешливо ободряющая улыбка и вековечное сияние жизни, весь ее юный трепет...

Поселившись в общежитии педагогического института имени А.И.Герцена на улице Желябова, раньше и ныне Большой Конюшенной, я поначалу заболел от тоски, но вскоре поднялся на ноги и зажил себе, витая в облаках, увлекся спортивной гимнастикой до самозабвения. Учился я лучше всех, правда, не проявляя ни стараний, ни усидчивости, что дало себя знать в десятом классе. Нас водили на экскурсии в Эрмитаж, в Русский Музей, мы ездили в Царское Село, посетили Лицей... Странно и удивительно: читая "Евгения Онегина", я переносился на Дальний Восток, в интернат, словно жил там во времена Пушкина.

При повышенной впечатлительности (в чем я не отдавал отчета), я постоянно грустил о чем-то. Это обычное мое состояние (одна из учительниц угадывала и с мукой иной раз поглядывала на меня) усугубилось до чего-то невозможного, до беспокойства и тоски, когда я влюбился.

Она училась в параллельном классе, что вносило тайну в ее жизнь вне поля моего зрения. Веселая, улыбающаяся, вообще прелестная девушка-саами (внешне совершенно, как русская из блондинок), приглянулась мне еще в восьмом классе, с первого взгляда, и она, верно, это заметила, а поскольку я несколько дичился, бросала на меня иной раз смеющийся, ободряющий взгляд.

Нередко в ней прорывалась шаловливая жизнерадостность, совершенно еще детская. В то время я держался весьма строгих правил, и хотя по себе уже хорошо знал эту почти бессознательную жажду общения, счастья, даже обладания, однако проповедовал высокую платоническую любовь, почти что рыцарскую, точно после природного язычества мне необходимо было пройти последовательно все иные эпохи и ступени в развитии этого великого, столь для меня важного чувства, как

любовь.

Прошло два года. Физически я окреп, выступал уже на городских соревнованиях по спортивной гимнастике; молодые силы играли во мне, я жаждал любви и счастья и, наконец, не на шутку влюбился в даму моего сердца. Ее звали Валя Данилова. Кто мне поверит, в "Портрете венецианки" Дюрера я узнаю ее лицо, черты, нос, глаза, вдумчивую задушевность ее облика, когда и счастье, и страданье уже коснулись ее?

Она не могла не отозваться на мое чувство, уже ничуть не платоническое, но страстное, томительное, почти тяжелое, пугавшее ее, потому что она, столь живая, веселая, была, как никто из девушек, строга к себе. Живя под одной крышей, буквально по одному коридору, прибегая в столовую три раза в день в одни и те же часы, занимаясь в параллельных классах - дверь в дверь, мы, казалось, не виделись неделями и нет-нет назначали друг другу свидания, например, на Марсовом поле посреди зимы. Бывало, мы проходили мимо Медного всадника и выходили к Неве, и здания Университета на той стороне возбуждали во мне честолюбивые планы, которые, как ей казалось, отдаляли меня от нее.

Я жаждал любви, ее любви и в то же время рвался куда-то. После девятого класса вместо того, чтобы провести с нею лето в Зеленогорске (в летних лагерях), я уехал на родину, и эта поездка, кажется, окончательно меня сбила. Учителем я не хотел быть, по окончании средней школы нас автоматически зачисляли в пединститут, что было для всех благом, а для меня надуманной

повинностью. Ни в любви, ни в будущности просвета не видать, что же делать?

Одна была надежда: получить золотую медаль, а победителей не судят. У меня будет веское основание потребовать свободы в выборе призвания. Думаю, случай вмешался в мою судьбу. Наша учительница по литературе Л.А.Голуб заболела, - она отзовется при первых моих публикациях, - и предэкзаменационное сочинение я писал у другой учительницы, которая мне всегда почему-то не нравилась, и она поставила мне "три", вряд ли нарочно, но я страшно обиделся, перемену просидел в классе, вдруг встал и вышел из класса.

Я шел по коридору, когда прозвенел звонок, все вошли в классы - и еще могло ничего не случиться. Ушел с урока, вот и все. На мою беду, в коридоре появился заведующий Северным отделением (некий Никулин, из тех педагогов, которые почему-то постоянно воюют с детьми). "Ты куда? - сказал он. - В класс! Сейчас же в класс!"

Я, вообще спокойный, в школе примерный и лучший ученик, неожиданно вспылил: "Никогда больше не вернусь!" - и с тем ушел. И не вернулся, несмотря на уговоры и вопиющую нелепость своего поступка: потерять год! Год, который в юности кажется необозримым и может оказаться решающим для всей жизни.

Я уехал на родину. Я расстался с влюбленной в меня девушкой, особенно ласковой и послушной со мной в те дни. Что же это со мной случилось? Я ехал уже в который раз через всю страну, глядя неотрывно и днем и ночью в окно.

Была ранняя весна, май! Ничто не ускользало от моего пристального взгляда в жизнь в упор. Хотя ощущение катастрофы не покидало меня, все складывалось именно так, как мне хотелось втайне: я вернулся в детство в последний его миг, в мир, лучше которого не бывает, на родину, где я и собирался в свое время кончить школу. А во имя разнарядки меня до времени отправили в Ленинград.

Лето прошло, документов моих не высылали. Начался учебный год, хорошо, меня знали в Найхине, где, кстати, была уже десятилетка, приняли без документов в десятый класс. Потом, наконец, пришли мои бумаги, их я не видел, но мне говорили, что в свидетельстве у меня по русскому языку стоит двойка, - откуда ее взяли? - а отчислен, указано, по неуспеваемости.

Смешно и грустно. Тем более что в Найхине сочинение на экзамене написал на "три", верно, перестарался. Впрочем, это ничего не решало. Я вернулся в Ленинград и поступил на химический факультет Университета с ходу, не имея никакого

понятия о конкурсах. Это было в духе времени, хотя очень скоро "физики" уступят первенство "лирикам". Я словно выжидал и пускался в скитания сломя голову.

Год жизни на родине, как ни странно, оказался для меня в высшей степени плодотворным. В нашей школе появилось много новых учительниц, вчерашних выпускниц, все типы красоты русских женщин. Некоторые из них предмет свой знали едва ли лучше меня, да я их и не слушал. Я, не ведая сам о том, вглядывался в их лица, в жест, походку, как изучает, постигает свои модели художник.

Тот год моей жизни описан в общих чертах в повести "Воспоминания в Москве". Там действительно была девушка из Подмосковья, сестренка учительницы, которая, правда, работала в глухой деревушке. Сестренку-восьмиклассницу она устроила у нас, в интернате. Юную девушку, довольно рослую, звали Роза Кузьмина.

Ее я встретил на Амуре еще тогда, когда приезжал на каникулах после девятого класса. Как-то я возвращался на катере из Троицкого-на-Амуре, на нем ехала целая группа молодых женщин, как я вскоре догадался, учительниц, и с ними юная девчушка, впрочем, высокого роста, тонкая, с тонким лицом, с большими внимательными глазами.

Все вокруг - бесконечный амурский плес, синеющие холмы, быстрое до головокружения течение - было для нее ново. Но как только она меня увидела, уже почти всю дорогу до Найхина не отводила глаз, неотступно следя за мной. Удовлетворив свое детское любопытство, она все же продолжала смотреть на меня, как дети заняты друг другом во взрослой компании.

Вернувшись в Ленинград, я помнил о ней, но, как ни странно, помнили и обо мне. Через год, когда я приехал на родину, потерпев фиаско, одно из первых лиц, промелькнувших так знакомо и ясно на берегу, было ее лицо.

Затем по сельской улице над рекой мы шли навстречу друг к другу, узнали, не выдавая себя, то есть без тени улыбки, разминулись и оба оглянулись. И она долго-долго смотрела на меня своими большими, уже девичьими глазами, высокая, тонкая, не очень складная, - казалось, она спрашивала, что случилось, казалось, она догадывалась обо всем и, полная серьезного тихого сочувствия, продолжала смотреть.

В другие разы при мимолетных встречах мы уже улыбались, зная друг о друге то немногое, что известно всем. Она училась в восьмом классе. Она влюбилась в меня, и стало ей трудно жить и совсем невозможно учиться. К весне и я влюбился в нее страстно, и начались, как бывает в школе или бывало, преследования. Нам

запрещали встречаться - и, надо думать, к добру. Она присылала мне записки со словами любви, она все удивлялась тому, как ее чувство растет...

Ее образ я имел виду и в первых своих повестях, и в "Воспоминаниях в Москве". Это она поехала со мной до Москвы, чтобы повидаться с матерью. А до Хабаровска на пароходе ее провожала старшая сестра-учительница. В пути на поезде через всю страну соседи на нас смотрели, как на молодоженов, а не просто как на влюбленных. На остановках я выбегал за горячей картошкой или мороженым, а она стояла в дверях, боясь, что я опоздаю. Однажды она сказала, что я понравился ее сестре от души.

В Москве мы остановились у ее тети на улице Обуха. Бродили по бульварам, это в центре столицы. Вскоре приехала ее мама, и они уехали в деревню. На Дальний Восток она не вернулась. Студентом химического факультета я приезжал к ней в гости в село Петровское, неподалеку от Сонкова, откуда был один из моих сокурсников.

Были какие-то праздники. У Розы был брат и парень, возможно, влюбленный в нее. Последний хотел затеять со мной драку, как сам мне признался, но брат Розы запретил ему меня трогать. Мой приезд безусловно затруднил жизнь девушке, и однажды у двоюродной сестры - во второй половине дома - она выпила; будучи не в себе, она успокаивалась, лишь держась за мою руку.

Мы подолгу по сугробам уже при звездах бродили, и Роза снова, как на Амуре, говорила, что любит меня, радуясь этому чувству, как откровению. Сегодня такая история едва ли возможна. Во всяком случае, закончилась бы непременно трагически.

И год жизни на Дальнем Востоке, и поездка в Подмосковье, не говоря о моей жизни в Ленинграде, - все это было, как с миром Пушкина, соприкосновение с жизнью русского народа, глубинное,

исполненное задушевной новизны и поэзии. Так ширилась моя связь с Россией, и все мои ошибки, скитания именно в этом отношении оказались в высшей степени плодотворны и для развития личности, и в особенности поэта, о чем я еще не подозревал.

Сегодня 125 лет со дня рождения Александра Блока. Обыкновенно я не обращаю внимания на памятные даты, может быть, потому что у меня были памятные дни и годы, которые прошли под знаком увлечения и всеобъемлющего изучения поэзии Гомера или Данте, Пушкина или Блока, с неоднократными возвращениями к ним, а к Пушкину или к Блоку еще и в пору работы над трагедией "Мусагет" или комедией "Соловьиный сад".

В чем суть поэзии и личности Блока? Несмотря на самодовлеющую любовную тематику, что в духе серебряного века воспринимали скорее извращенно, по-взрослому, лирика Блока - скорее юношеская лирика, как у Лермонтова, и определяющая черта ее, как и характера поэта, - детскость; это нечто первозданное, изначальное, как любовь Данте к Беатриче, Петрарки к Лауре, то есть предренессансное и ренессансное, из утра дней.

Теперь я понимаю, почему целый период жизни я прожил с томиком стихотворений Блока, при этом ни в смысле содержания, ни формы я ничего не мог у него взять, - и эпоха иная, и я другой. Это романтическая поэзия, достаточно бесформенная, одна музыка озарений и грез. По поэтическому, нравственному и философскому содержанию это был мой мир, но не по форме, ибо по форме, может быть, из-за близости к мифу я классик и мог состояться именно как классик, воплощающий сугубо романтическое содержание души и эпох в классической форме драмы.

На рубеже XIX-XX веков в России такое свойство личности, как детсткость, проступает впервые отчетливо почти во всех высших представителях эпохи, в которой, как дуновения весны, ощущались веяния и порывы Новой Жизни; взрослые, такие крупномасштабные личности, как Чехов, Станиславский, многие из актрис и мирискусников, сохраняли в себе идеальные свойства детства, вольно или невольно противопоставляя их пошлости, или буржуазности, как понимали взросление, что сродни хаосу и смерти. Противостоять распаду Блок как поэт не мог, здесь романтик беспомощен, но противостоял как личность, высокая, трагическая, сохраняющая детскую чистоту и веру в Россию. Именно в этом смысле верно ахматовское "трагический тенор эпохи".

Тончайший лирик принял Революцию и воспел ее в поэме

"Двенадцать". Это было естественно для Блока, как и для ее матери. И для громадного большинства не только народа, но и интеллигенции, и офицерства. Ныне, выдвигая на передний план лишь тех, кто покинул Россию, забывают об этом. Поговаривают в том смысле, что будто Блок винился за поэму "Двенадцать", а об его предсмертных страданиях, - никто без мук не покидал сей мир, - рассказывают, как о казни, постигшей Николая Гумилева. Говорят, что он якобы сошел с ума, как Врубель с его Демоном "в предчувствии Гражданской войны".

По внешности Александр Блок был идеальным воплощением поэта, любимец женщин, между тем отнюдь не Дон-Жуан, с характером, внешне абсолютно спокойным, но взрывоопасным по импульсам мысли или эмоций, что он снимал неудержимыми ребяческими выходками, когда его можно было со стороны принять за сумашедшего, только веселого, с шаловливой детскостью; таким его знали лишь самые близкие. Предсмертных мук такая душа, баловень судьбы, могла не вынести.

Мне кажется, уместно будет здесь привести портрет поэта, составленный из его мыслей и озарений, почти буквально из его слов, из Пролога "*Соловьиного сада*".

Лесистая возвышенность с бескрайними далями. Слышен топот копыт. Блок , высокий, стройный, в белом кителе, соскочив с лошади, взбирается наверх и оглядывается.

Б л о к
В лесу все те же папоротники,
Ажурные, в росе и пятнах света,
Реликты первых весен на земле,
Пугающие таинством цветенья,
Как и стоячие недвижно воды,
Сияющие блеском глаз, но чьих?
А там луга зеленые цветут,
Как место, выбранное для веселья,
С тропинками неведомо куда.
И тут же дали без конца и края,
Шоссейная дорога и река,
И те ж несбыточные повороты,
В которых я бывал всегда один,
Боясь неведомого в детстве страшно,
Но в юности с отвагой несся вскачь,
В союз вступая с тем, чье имя вряд ли
Кто ведал, я ж - Великое - прозвал.
Единое, быть может? Всеединство?
Мне нет нужды до терминов. Но тайна

Неведомой осталась бы в душе,
Внушая страх, как вечность в искрах звездных,
Когда бы не явилась Ты, как в яви,
И в яви, и во сне моих стремлений
К Великому. И Ты причастна к тайне,
Хотя и спишь. Проснись, веди меня
К блаженству и страданиям навстречу!

Нечто розовое, как одеяние, мелькает среди деревьев, и возникает розовая девушка с книжкой и вербиной в руках. Перед нею бескрайние дали. Слышен топот копыт.

Молодые годы, любовь и невзгоды

5 декабря 2005 года.

С первых дней я облюбовал себе место на самом верху огромной аудитории амфитеатром, вмещающей больше трехсот студентов, - меня радовала перспектива, склон холма, только весь не из деревьев и кустов, а из голов и головок юношей и девушек, множество плеч, рук, лиц сбоку, и все это пестрит всеми цветами весеннего луга, и все это старательно записывает, втихомолку переговаривается, обмен взглядами, полными новизны и тайны, потому что все между собою еще едва знакомы...

Аудитория со стеклянной крышей в вышине напоминала мне бассейн, и тишина во всем здании факультета, пока идут занятия, производила впечатление глухой глубины моря, когда окунаешься в него все глубже и глубже, как искатель жемчуга.

Но вот зазвенел звонок, и все разом задвигались, заулыбались, заговорили, - стихия перемены захватывала и захлестывала коридоры и лестницы... Тут и там возникали кучки беседующих, и у всех такой вид, как будто только сейчас начинается самое интересное. Я же именно на переменах несколько терялся, смущаясь своего внимания к своим новым товарищам и их мимолетного интереса ко мне.

На лекциях я томился неутоленной жаждой любви и счастья, а от прежней жизни в Ленинграде осталось то совершенно особое восприятие города, точно я родился и рос здесь. Вокруг светилась и звучала красота архитектуры. В одеждах и манерах ленинградцев была простота, простота интеллигентности, тишина и затаенный, словно слегка приглушенный блеск вековечной культуры, которую накладывает сам город на своих обитателей. Я застал еще то старое доброе время, когда все ленинградское имело свой неповторимый отпечаток - отблеск

прекрасной старины и новой культуры, нечто романтическое и классическое одновременно.

За весь первый год ни по Общей физике, ни по Общей химии я ничего нового не узнал, высшей математикой почему-то не заинтересовался, а длинная цепочка уравнений по Органической химии на втором курсе у меня вызывала уже откровенно скуку. И все чаще всплывала, бог весть откуда взявшаяся мысль стать писателем.

Впрочем, для особых раздумий времени не оставалось, приходилось постоянно подрабатывать где-то и как-то, я впервые жил сам по себе. К зиме на первом курсе мне необходимо было приобрести пальто. Об этом каким-то образом узнала англичанка, и она выхлопотала мне материальную помощь, и я купил... шинель, отдавая последнюю дань своей детской мечте о море. Она проявила обо мне заботу, может быть, потому что я хуже всех знал английский язык.

Дело в том, что в средней школе при пединституте учащиеся изучали, кроме русского, родные языки. Для тех, кто продолжал учебу в институте, незнание иностранного языка не представляло особой важности, хотя здесь есть элемент запрограммированного отставания. Для меня - в то время я и не ведал о том - вообще поступление в университет оказалось бы невозможным, ибо в число вступительных экзаменов непременно входил и иностранный язык.

Мой внезапный, скандальный уход из пединститута, возвращение на родину, - теперь можно на это посмотреть и так, - явились чем-то вроде бессознательного вызова судьбе. И все же поначалу в Найхине меня освободили от уроков английского языка, считая, что мне поздно, лишь в десятом классе, приступать к его изучению.

К счастью, у меня всегда был интерес к языкам. Помнится, я даже принимался самостоятельно изучать латинский язык, а потом - английский. Я решил наверстать упущенное время, и учительница английского языка вскоре нашла, что я могу посещать уроки, как все. Таким образом в аттестат зрелости попала оценка по английскому языку - "хорошо", будто все годы в школе я изучал этот язык. Вступительные экзамены я сдал и по английскому неплохо, чтобы пройти по конкурсу без стажа. Это была эпоха "физиков", конкурсы на естественные факультеты большие, о чем, правда, я и не подозревал.

Одна из молодых учительниц из Найхина, переехав жить в Минск, будучи в Ленинграде, нашла меня и очень радовалась, что я поступил в Университет. "Значит, не так страшен черт, как его малюют!" - все повторяла она. Альбина Павловна Уловская была у

нас классной руководительницей и преподавала историю. Она с радостным вниманием, как старшая сестра, обхаживала меня, повезла на Невский в мороженицу...

Но я чувствовал какое-то беспокойство в ней, и вдруг она, но как-то мельком, сказала, что ее муж, военный летчик (ведь она совсем недавно вышла замуж, с тем и уехала с Дальнего Востока), погиб. С тех пор, как незаживающая рана, ее боль во мне, и ее образ, ее светлое, без загара и румянца лицо, черные глаза и яркие, без помады, губы, - именно ее я имел в виду в "Воспоминаниях в Москве", она выступила там старшей сестрой девочки из Подмосковья.

В общежитии на 5-ой Линии, в двух шагах от Тучкова моста, а химфак располагался в те времена на Среднем проспекте, я прожил почти два года. С тех пор у меня к Васильевскому острову совершенно особое отношение, это - как старинный город, в котором я некогда жил. Хорошо помню всех, с кем мне приходилось жить в одной комнате.

Жили мы дружно, не устраивая коммуны, делились всем, что у кого было. По праздникам, особенно под Новый год, студенты арендовали, не знаю, на каких условиях, клуб завода имени Козицкого, устраивались вечера и балы. Это были настоящие празднества. Ничто не мешало и мне предаваться веселью, но, странное дело, я не умел танцевать. То есть я умел, очевидно, почти, как все, но из-за природной застенчивости скорее стушевывался, чем решался запросто закружиться по залу. Я в чем-то сомневался, будто речь идет чуть ли не о выступлении на сцене.

К концу первого курса я уже давал уроки по физике, химии и математике, как мой герой Владимир Мостепанов из повести "*Женщины в его жизни*". Ну, я решил взять уроки танца. Учиться тому, чему и учиться мне не надо было. Я ставил перед собой не те задачи, какие имел в виду, на внешний взгляд. Я хотел обрести свободу, любовь, счастье. Думаю, я так и не научился танцевать, хотя успел посетить несколько уроков танца, вдруг обретя все, чего единственно жаждал.

Улица, ушедшая в ранние апрельские сумерки. Ярко освещенная небольшая комната. Мне трудно представить себя там, среди танцующих пар. Из нынешнего времени я вижу в освещенном интерьере нежный лик, точно с картины Боттичелли. В красном платье с высоким воротом, слегка раскрытым, с тонким серьезным лицом юная девушка в свободном танце... Она умела... Но зачем тогда ей уроки? Я и близко к ней не подошел, но смотрел отовсюду только на нее, и она, как это бывает, невольно оглядывалась на меня, а изредка, как мне казалось, как бы подбадривала меня, может быть, неожиданно для самой себя вступая со мной в тайный контакт.

В то время я жил грезами и о Розе Кузьминой, и о Вале Даниловой, до которой дошли слухи о моем новом увлечении, и она встретила меня холодно-холодно. Одна была далеко и юна, а ради встреч с другой, чтобы пригласить ее на наши вечера или бал, мне нужно было научиться танцевать свободно, то есть лучше всех. Самолюбивый и застенчивый внешне, я был прост и решителен, вообще чувствовал себя в то время куда взрослее, чем позже... Стихия молодости, стихия влюбленностей и страсти, просто молодой чувственности требовали, искали исхода, какого-то направления, цели.

Придя на второй урок, я уже не мог отвести от нее глаз. Деваться мне было некуда. Не имея привычки запросто заговаривать с девушками, я должен был уйти и навсегда потерять ее. Она в тот вечер пришла в последний раз, этого я,

конечно, не знал. После урока я вышел на улицу вслед за нею, она повернула в сторону цирка, я - Невского проспекта. И вдруг я направился за нею, она оглянулась без особого удивления, наоборот, она знала, что так и будет, и на мое пожелание познакомиться и проводить ее, она уже поэтому с удовлетворением кивнула.

Вообще робкая и застенчивая, она отнеслась ко мне со вниманием, почти что с детским любопытством из-за моей иноплеменной внешности. Леля (так звала ее в детстве бабушка) работала сборщицей электровакуумных приборов на "Светлане" и училась в вечернем техникуме, куда ей пришлось поступить по воле отца после седьмого класса.

Таким образом, Леля недоучилась в средней школе, как могла бы и хотела, у нее не было выпускного бала, о чем она жалела так, как будто на нем, как Золушка, могла бы встретить непременно принца. Ей очень понравилось, что я студент Университета. Мы были молоды (вообще еще юны) и, кроме любви, этого еще не испытанного до конца счастья, жили все ожиданиями и поисками какого-то высокого призвания. Эти идеальные устремления, которые с годами нередко улетучиваются начисто, и сблизили нас. Я заговорил о писательстве, и Леля, не имея на то никаких оснований, ни минуты не колеблясь, поверила в мое предназначение. Так бывает только в юности и то в какой-то один вдохновенный миг. Участь моя была решена.

Но жизнь наша могла пойти и совершенно по иному руслу. Мы были бесконечно далеки от тех планов, какие обсуждали, выдумывая их тут же на ходу, как это свойственно только молодости в пору ее первых, самых ярких озарений. Невозможного нет. Я говорю: молодости, - потому что мы, несмотря на возраст, чувствовали себя именно взрослыми молодыми людьми, детство и юность которых уже стали воспоминанием.

В тот вечер Леля спешила домой, но на следующий день мы встретились и долго бродили по городу, против нынешнего времени, такого безлюдного, что, казалось, мы одни на набережных Невы, на островах, в парках Павловска или Петергофа. Пришли майские праздники, и мы целыми днями не расставались. Затем наступили белые ночи, и мы гуляли ночи напролет. Я был уже безоглядно влюблен. Леля еще как-то в себе сомневалась.

Проведя лето и осень со студенческим отрядом на целине, я снял комнату в Озерках с намерением начать писать. Далеко до Университета, до центра города, где жила Леля, но близко от "Светланы". После работы, иной раз вместо занятий в вечернем техникуме, Леля приезжала в Озерки (дачную местность в те годы, как во времена Блока). И уже поздним вечером, засыпая в трамвае, возвращалась домой, а рано утром, очень рано - снова ей приходилось ехать, теперь уже в переполненном трамвае, на работу.

Леля очень уставала: свидания, дорога, завод, техникум - это было сверх ее молодых, неокрепших сил. И мы принялись рассуждать: "Если мы любим друг друга, что же нам мешает пожениться и жить вместе?" Скажут: "Где вы будете жить?" Мы и так снимаем комнату. Скажут: "На что станете жить?" Стипендия, уроки, заработок Лели! Что же еще нужно для жизни и счастья? Быть вместе.

Решение было найдено, неожиданное, как водится, только для родителей. Сохранилась фотография. Мы выбежали на снег и остановились у высоких берез. Леля в моем пиджаке, я - в свитере, оба простоволосые, смеемся и смотрим вниз, откуда нас снимает наш товарищ. Мы стоим на фоне берез и голубеющего неба, молодые и взрослые, когда нам едва исполнилось 21 и 18 лет.

Взлеты всегда сопровождались у меня внезапными падениями. Весной я решил перевестись с химического на

философский. Почему-то такого рода переводы у нас обычно не удаются, не в чести, разумеется, из-за бюрократических инструкций и недоверия к живой жизни. Тогда я оставил химфак и подал документы на философский. Сдал экзамены я хорошо, набрал проходной балл для "школьников", но, вместо того, чтобы учесть, что и два курса химфака тоже в своем роде преимущество, мне вменили, опять-таки чисто бюрократически, в вину мою ошибку с выбором факультета, уход с химического, уход (еще раньше) из пединститута - и не приняли. Это была катастрофа.

Мне словно закрыли доступ к высшему образованию. Я обиделся и решил всего достичь самообразованием. Но пока меня призвали в армию - я оказался во Флотском экипаже, а там - и Кронштадт... Сбылась моя детская, забытая мною мечта о море! Четыре года я буду видеть лишь вдали Ленинград!

Леля снова жила в своей семье. В Кронштадте прежде всего у меня поднялась температура. Меня положили в госпиталь для обследования, температура без видимых причин продолжала скакать. Я читал целыми днями. Лечащий врач, капитан, служил в свое время на Дальнем Востоке (а этот край, сама память о нем, делает людей лучше, как я убеждался много раз). Он принял во мне сердечное участие. Целый месяц я пролежал в госпитале, пока у меня не обнаружили холестицит и что-то, связанное с тем, что нанайцы едят сырую рыбу, свежую и замороженную. Через три месяца после призыва мне вручили бумаги и высадили в Ораниенбауме, откуда на электричке я вернулся в Ленинград.

Была зима. Мы снова сняли комнату в Озерках, на этот раз на холме, у Выборгского шоссе. Ради временного заработка я устроился работать грузчиком, полагая в скором будущем выйти в писатели. Одно время я даже работал грузчиком в порту, то есть среди настоящих докеров. Жизнь города открылась мне с другой стороны, как бы с задворков, если вспомнить всю ту жизнь, всех людей, с кем мне пришлось близко столкнуться в те годы.

Когда мы поселились вновь в Озерках, юные муж и жена, еще не совсем оправившиеся от внезапной разлуки и всех нежданных перемен, мы оказались свидетелями непостижимо странных происшествий и ситуаций, которые ведь и нас могли вовлечь в свой водоворот. Хозяин дома до выхода на пенсию работал в милиции и обещал мне устроить прописку. Однажды утром жена его, еще относительно молодая женщина, у нее ребенок был лет пяти, испуганно вскрикнула и постучалась к нам.

Я прошел к ним в дом и увидел, как ее муж, одетый, лежит на кровати с невидящими глазами и весь подрагивает как-то неестественно, а жена его на клочке бумаги пыталась записать телефон "скорой помощи", но ей никак не удавалось, так как

карандаш вылетал из ее рук стрелой... Я помчался к телефонной будке и вызвал "скорую". Она не успела приехать. Старик продолжал дрожать, вдруг весь затрясся и затих. Он умер. Впервые в жизни я наблюдал смерть вот так, лицом к лицу.

Прописать он меня не успел, и пришлось прописать меня у себя родителям Лели, что они сделали с величайшей неохотой (бросив университет, я не внушал им доверия, это естественно), но к добру, ибо уже через полгода им выделили на улучшение в новом доме комнату, а мы поселились на Воинова, раньше и ныне Шпалерной. По тем временам нам невероятно повезло.

Теперь все зависело от нас самих. Но это тоже нелегко. Меня тянуло на родину. Мне казалось, что именно там я что-то важное узнаю и пойму, чтобы поведать о том людям. Мне хотелось иной раз просто искупаться у нас на речке, ведь на Неве или на Финском заливе мне не удавалось искупаться вволю, слишком вода холодна здесь для меня. Родина моя не Север, а юг. Зимы бывают суровые, зато летом там жарко, растет виноград и грецкий орех. Полуденный край!

Однажды я сорвался в дорогу, доехал до Москвы и в каких-то сомнениях и беспокойстве вернулся назад. Через год я все же уехал с намерением целое лето поработать там, живя ловлей рыбы удочкой, вместо охоты на львов, как Хемингуэй в Африке.

Прошло четыре года, как я последний раз приезжал на Амур. Но как все вдруг изменилось! Я не узнавал наше село - большие наводнения тех лет разрушили совершенно берег реки вдоль села. Смена песчаных и галечных отмелей, рощ, лугов - то, что в детстве я воспринимал, как ухоженный мир, в стиле, как нынче сказал бы, японских садиков, - все исчезло, все смыто, разрыто, ушло под воду.

А хуже всего, дом бабушки, самый большой и красивый в селе, прекрасный образец деревянной архитектуры 30-х годов, был сломан, срезан на треть, - братья поссорились. Все беды и бедствия российских деревень, что мучало и мучает нас по сей день, я увидел там воочию - и растерялся, еще не сознавая, до какой степени тема распада и декаданса еще тогда проникла в мою душу, чем буду мучаться еще долго-долго.

Поэзия жизни, что влекла меня на родину, отлетела. Я увидел вокруг то же пьянство, неразбериху, непостижимо странную жизнь людей по задворкам цивилизации и культуры, в общем, все то, что наблюдал невольно и по закоулкам Ленинграда.

Искупаться вдоволь не удалось, я рано приехал, вода была еще холодна, а главное - и река казалась одичавшей... Поудил рыбу, набросал нечто вроде повести о колхозных делах, весьма плачевных, и уехал, неспокойный, грустный, и все восемь суток в

поезде от Хабаровска до Москвы и Ленинграда смотрел неотрывно в окно, замечая всюду, как нарочно, следы наводнений, пожаров, хозяйственной неразберихи... Душа как-то присмирела, так дети замолкают, словно не желая понимать, то есть не принимая жестокостей жизни.

Леля, закончив техникум, работала в отделе главного технолога цеха. Красота ее была в полном расцвете. В нее влюбился главный технолог, молодой мужчина, женатый, преуспевающий, и Леле не всегда удавалось держать себя с ним так, как ей хотелось, и она уже подумывала о возвращении в цех, в сборщицы, что даже было выгоднее в смысле заработка.

Она мечтала и о продолжении образования, только ей хотелось стать учительницей. И вот мы решили пойти учиться вновь, она - в педагогический институт, я - на философский факультет. На этот раз у меня уже набирался двухлетний стаж, но и без стажа я прошел бы по конкурсу. Только английский, кажется, я сдал на "хорошо". В колхозе в сентябре ребята как-то заговорили об экзаменах. Тут выяснилось, что среди всех поступавших только один человек написал сочинение на "отлично" , "какой-то нерусский". Это был я.

Как горько я усмехнулся, не ведая о том, что в душе моей происходит какое-то чудесное превращение. Именно в те осенние дни в колхозе (а первый проблеск был в госпитале в Кронштадте) я начал переходить от обычной прозы, которая мне не давалась, на особый язык, с детства мне свойственный, сугубо поэтический, необязательно стихотворный, но именно обрывки стихов легли на страницы записной книжки...

А через два месяца, после того, как мы побывали в гостях у моего двоюродного брата, а его жена играла на рояле целый вечер, вставши в три утра, я неожиданно начал писать поэму... А там пошли стихи.

Город юности моей, первые опыты, модернизм

12 декабря 2005 года.

Произошло что-то удивительное. Мы оба вновь поступили учиться, словно вернулись к исходному, к началу жизни, чтобы выправить нашу судьбу, которая складывалась не совсем так, как нам хотелось, по чужой и нашей вине. Даже наши соседи, как родные и знакомые, вдруг увидели нас в новом свете.

Начиналась новая жизнь, что всегда исполнено тайны и интереса. Это была атмосфера, самая чудесная, вынесенная мною из детства и что совпадает у меня с понятием Новой Жизни как в сугубо поэтическом, так и историческом плане. Мне кажется, ни представления простонародной старины, ни тяготы военных лет не оказались первичными, изначальными впечатлениями моей души, в которой, как я помню себя, сиял свет новой жизни, сначала из довоенной поры, как воспоминания мамы, как память об отце, а затем - как синева неба, гор, вод...

"И увидел я новое небо и новую землю", как сказано в Библии. Феномен, известный в истории цивилизации и культуры. Я хорошо помню, как при всякой перемене в моей жизни, нередко при одном предчувствии перемен, в детстве в августе к началу учебного года, возрастала новизна мира в моих глазах. Это

приходит, очевидно, с новым знанием, с расширением мироощущения, с обновлением картины мира...

Что такое "Новая жизнь" Данте? Повесть, эссе о любви его к юной Беатриче? Да, конечно, но в тот момент, когда поэт, решив поведать историю своего сердца, увидел вдруг в преображенном свете и жизнь свою, и роль Беатриче в ней, уже в предчувствии грандиозного замысла "Божественной комедии".

В новую жизнь, если она по-настоящему выстрадана, вступают с обновленной душой. Оказавшись вновь на студенческой скамье, я почувствовал себя необыкновенно юным и для многих казался вчерашним школьником, и об этом говорили не только мой внешний вид и поведение, но и самая глубинная суть, что проявилось самым неожиданным образом: я начал писать стихи (впервые, в двадцать пять!).

Отчасти об этой стороне своей жизни я рассказал в трилогии "Птицы поют в одиночестве", "Цветной туман", "Муза Филиппа". Но надо иметь в виду, что мой герой по-настоящему еще юн, ему самое время писать стихи. Это нечто возрастное. Для меня же это было сродни обретению нового языка в соответствии с новым состоянием души и мира.

60-е годы XX века - особая эпоха в СССР и на Западе, "железный занавес" - миф, один из пропагандистских клише со знаками плюс или минус. Для идей, как и для птиц, не существует границ. Разумеется, в разных странах новые веяния приобретали различные очертания: то бунтующих студентов, то хиппи, то диссидентов. В СССР 60-е примечательны прежде всего поворотом к эстетизму, как бы отблеском серебряного века, с обращением к поэзии и живописи начала XX века, к Русскому модерну, который и определил развитие мирового искусства в XX веке.

Теперь это понятно почему. Венцом Русского модерна явилась Русская революция, как бы ныне к ней ни относились, это было величайшее освободительное движение, которое помогло народам Европы и мира преодолечь последствия двух мировых войн. Россия и СССР оказались в эпицентре всех социальных катаклизмов XX века, поскольку процессы, происходившие в духовной и социально-экономической жизни Российского государства, несли в себе устремления всего человечества - к свободе, равенству и братству, с реальным осуществлением лозунгов Великой французской революции, с распадом колониальной системы, с обретением гражданских прав женщинами в цивилизованных странах Европы и Америки уже вослед за СССР, с преодолением сегрегации в США, чему способствовало одно существование СССР, о чем ныне забывают,

зациклившись на сталинских лагерях.

История XX века еще не написана. Пропагандистские клише со знаками плюс и минус, с переменами знаков, все равно дают тенденциозную, неполную, значит, неверную картину мира. И перспективу, исчезающую во мраке ночи. Впрочем, я отвлекся от мысли воспроизвести ряд эпизодов из жизни своей, приведших меня нежданно-негаданно в мир поэзии и искусства, в мир гармонии, которой, как сказано у Пушкина в "Моцарте и Сальери", упиваются и живут лишь немногие.

Я вставал по звонку будильника в три утра; свет настольной лампы озарял нашу довольно большую комнату с одним окном во двор; Леля, проснувшись тоже, засыпала вновь, и я, уносясь за тридевять земель, краем глаз видел спящую молодую женщину то в беспокойной, то умиротворенной позе, всегда исполненной тихой нежности и красоты.

Набросав стихотворение, а нередко два-три, - к этому времени Леля вставала и уже звала завтракать, - я, еще весь возбужденный, выбегал на улицу и пешком отправлялся в Университет - в любую погоду, в дождь и в снег, в пору золотой осени или в светлые, после зимы, утра мая...

Кто знает город, может представить расстояние, какое мне приходилось преодолевать утром и вечером, после занятий. Ехать с пересадками не хватало терпения, да экономия на транспорте выходила, главное, работа продолжалась, пока я быстро шел по набережной Робеспьера, еще не одетой в гранит, и берег имел совершенно естественный вид, как где-нибудь на Волге или на Амуре, и солнце всходило где-то в России, и светлела вода, с легким шелестом набегая на узкий прибрежный песок, а река уходила под арки моста, теснясь и убыстряя ход.

От Литейного моста мой путь пролегал по старинной части города, мимо Летнего сада, мимо Мраморного дворца, с Петропавловской крепостью на той стороне и со Стрелкой Васильевского острова вдали... Я рос у реки, и, может быть, поэтому движение воды, ее глубины, игра света, даже рябь на воде доставляют мне тихую, ни с чем не сравнимую радость-успокоение.

А еще небо над городом - это целый мир красок, где-то с особым освещением, цветом и колоритом, напоминающим пейзажи, вообще картины то английских художников, то русских, то старых мастеров. Мимо зданий Эрмитажа я шел всегда с особым чувством. Ведь и там проходили у нас занятия, да еще вошло в привычку время от времени забрести в эту сокровищницу мировой культуры.

После занятий - не то, что усталый, но с несомненным чувством голода, что пронизывает тело своеобразным трепетом волнения, я проделывал свой - в минут сорок пять - путь в обратном порядке, удаляясь от Университета по Дворцовому мосту, и солнце уже светило где-то над морем, поверх громадных кранов порта, чуть ли не со звоном ударяя лучами о золотой купол Исаакия или высвечивая, как нарочно, золотой кораблик на кончике золотого шпиля Адмиралтейства.

Я добирался до дома под вечер, день казался длинным, вмещающим в себя и раннее мое детство, поскольку утром я писал стихи о видениях и грезах тех лет, и мир Блока, поскольку с томиком его лирики я в те годы почти не расставался, и Неву, и небо над городом, и жизнь в ее "мимолетных мелочах", из которых ведь потом вырастают стихи...

И так каждый день в течение пяти лет! Внутренний строй моей жизни определился в те годы. "Герой - тот, кто постоянно сосредоточен", - эти слова вынес в качестве эпиграфа Рильке к книге о Родене. Я не то, что мечтал стать писателем (какое-то пустое понятие для меня), нет, мне необходим был такой род деятельности, когда я мог быть постоянно свободным, чтобы быть постоянно сосредоточенным на своем деле.

Философия в академическом плане не заинтересовала меня,

хотя бы потому, что я все пять лет либо писал стихи, либо читал (даже на лекции приходил с томиком Блока или Рильке), и, пребывая в том особом состоянии поэтического постижения жизни, и философские тексты, и историю искусств воспринимал не иначе, как чисто поэтически. Тогда же были опубликованы первые подборки стихов, и, казалось, будущность моя определилась, и мне не составило труда выхлопотать себе свободный диплом.

Я помню день, когда последний раз зашел в Университет. Со мной была книжка Хемингуэя "Праздник, который всегда с тобой". Конец июня. По Менделеевской линии цвела сирень. Я вышел к Неве и привычную, казалось бы давным-давно, панораму города увидел в новом свете. Река неслась, отражая безмерную глубину синего неба, и оно же сияло в вышине с белыми облаками где-то далеко над лесами и полями в полуденном зное.

По ту сторону Невы и Адмиралтейство, и Исаакий, и Медный всадник у здания Сената и Синода - все исполнено тишины, света и того особого - сиюминутного и вечного - значения, когда природа и архитектура запечатлеваются в произведениях искусства. И теплоход, отчаливший от дебаркадера, и публика на Университетской набережной, и чайки над Невой - все было исполнено вечного смысла, как на картинах старых мастеров, но полно живой жизни. Казалось, я вижу город с высоты птичьего полета.

В ожидании выпуска книжки стихов, будто это изменит мою жизнь, я приискал себе работу - нечто вроде моих прогулок до Университета и обратно. Теперь мне не нужно было вставать ночью. Я оговорил право работать только во вторую смену. С утра, после ухода Лели в школу, она работала учительницей, я писал, а там выбегал на улицу и шел своим маршрутом в сторону Университета, мимо Дома писателя имени В.Маяковского до углового квартала у Невы и Фонтанки, где я разносил почту чуть ли не бегом, как мальчишка, каковым и представлялся всем и даже самому себе, - множество дворов, подчас обширных, со скверами, с народонаселением из разных эпох, с царских времен.

Сколько жизней, сколько судеб я вынес из этих далеко непростых уже в чисто психологическом плане прогулок по дворам и лестницам и внезапных вторжений в квартиры, как правило, большие коммунальные, где каждый вольно или невольно выбалтывал свои и чужие тайны. Ведь я разносил и пенсии. Закончив дело, в конце пути, вместо возвращения дворами, я, пройдя под аркой, выходил к Фонтанке и, как человек, обретший долгожданную свободу, жадно оглядывал верхушки деревьев *Летнего сада*, сияние воды у Летнего дворца Петра I, силуэт Петропавловской крепости за мостами и закатное небо вдали, над Васильевским островом, то лиловое с розовым, то сиреневое, то сияющее чистым светом, как далекий ясный день.

Я слишком много часов, дней, лет провел тэт-а-тэт с городом, чтобы он не вошел в мое творчество, наполнив его устремлениями, породившими его, ныне осознанными как ренессансные. Стихи же мои звучали камерно по сравнению с эстрадными, вошедшими в моду. Я чувствовал потребность перейти к более крупным формам и написал драму в стихах, впрочем, тоже камерного звучания и без игрового материала, как

сказал знаменитый режиссер, столь доступный, что взял у меня рукопись и сам же вернул.

В том же году я написал пьесу "Цветной туман" с диалогами в прозе. Впрочем, театр по-настоящему меня не интересовал, может быть, мне просто не привелось видеть спектакль, который всецело захватил бы меня. Я любил читать пьесы великих драматургов, исполненные лаконизма, пластики и поэзии. Драма как жанр хороша тем, что в ней нет места беллетристике. Это наиболее чистая форма сама по себе. Вероятно, был свой резон в том, что я опробовал эту форму, прежде чем перейти к прозе, с чего начал некогда, словно, наконец, завершил необходимый, но мною упущенный в годы скитаний круг юношеского ученичества, когда, как правило, пишут стихи.

Мне казалось, я пишу роман, большой, в 400-500 страниц, и набросал около того... К счастью, хотя в ту пору я впадал в отчаяние, материал распался на небольшой цикл совершенно маленьких рассказов, которые вскоре вновь соединились - в повесть "Птицы поют в одиночестве", опубликованную в журнале "Аврора", как я уже упоминал.

Теперь мне ясно, что вошел я в литературу быстро, без задержки, каким-то чудом избежав всевозможных трудностей, издательских проволочек. Иного рода трудности и беды подстерегали меня. Я словно это предчувствовал, и в те два-три года, когда все складывалось у меня удивительно счастливо, за исключением вопроса об отдельной квартире, сознавая это, ничуть не обольщался относительно своих первых успехов. Наоборот, я чаще испытывал досаду и смущение. Бывало, выйдешь на прогулку, идешь мимо газетных стендов, и вдруг замечаешь что-то знакомое: "Я живу в России..." Ведь это цитата из моей повести! Это и название статьи обо мне.

Бывало, нечаянно включишь радио - звучит что-то знакомое... Это читают отрывок из моей повести, волнение токами пронизывает тело, как от любви и счастья. У меня готова вторая и третья повести, они складываются в трилогию... Пьеса "Цветной туман" о поре, когда я разносил почту, с местом действия там же, почти целиком вошла во вторую повесть под тем же названием...

В журнале "Аврора" они вскоре были опубликованы, стали входить в сборники молодых авторов... Отклики, рецензии, письма, предложения... Казалось бы, что? Все вызывало скорее не радость, а досаду и смущение, может быть, потому что я уже смотрел на свои первые повести, как на детский лепет, и ставил перед собой великие задачи.

Как же иначе? Общее состояние нашей литературы тоже мало радовало, а подчас вызывало горечь. Подлинных произведений искусства, высоких поэтических созданий не было, а хуже всего - вроде бы никто не помышлял о них, ни писатели, ни критики, ни читатели. Вкус к эстетически содержательной форме, казалось, был утрачен и давно, может статься, еще с 30-х годов, в результате гонений и запретов. Ведь даже Бунина нам приходилось открывать заново, с опозданием, не говоря о многих крупнейших художниках XX века.

По ту пору я зачастил в Публичку читать Джойса и Пруста, которых у нас широко переводили в 20-30-е годы, а потом перестали издавать лет 50. С первых фраз "Улисс" Джойса и "В поисках утраченного времени" Пруста страшно заинтересовали меня... Это художники по преимуществу; они-то и создают высшие образцы, пусть на ограниченном, одностороннем материале, те поэтические произведения искусства, которые становятся явлениями мировой культуры.

Начало романа Джойса удивительно по новизне, так и веет мифом, но столь богатая, эстетически содержательная форма не терпит многословия, почти добрая половина романа мне

показалась лишней, что вызывало досаду. И в "Портрете художника в юности", прочитанном гораздо позже, я нашел начало удивительным, а конец почти нестерпимым из-за длиннот.

С Прустом я находил у себя много общего, но, думаю, это в лирическом пафосе воспоминаний детства и восприятия искусства, а философия творчества писателя мне чужда. Лет через десять, когда у нас стали вновь издавать отдельные тома романа Пруста, он уже не вызвал у меня особого интереса, тоже показался излишне многословным. Джойс и Пруст - хорошая школа для писателя, но это при условии, если последний не последует за ними... Куда следовать? Они создали замкнутые системы, с ясным сознанием тупика, в котором оказалась западная цивилизация.

Если у Джойса тема декаданса и распада (декаданс - это следствие истекшего времени, впрочем, как и миф, воспринятый как современное состояние мира) ощущается физически, то у более утонченного Пруста его прекрасный роман тоже отдает безысходностью в конечном итоге. Это взгляд назад, когда нет настоящего и будущего. Это состояние, в котором ныне оказалась Россия.

Между тем у нас впервые с 30-х годов стали шире переводить произведения крупнейших писателей Запада, что уже создавало повышенный интерес к ним, и некоторые из них - Хемингуэй, Сэлинджер, Сименон, даже сложнейшие, как Кафка и Фолкнер, становились модными авторами. Но мода - это не собственная сфера искусства и подлинного читательского интереса. Ведь зачитываются порой тем, в чем ничего не понимают или понимают все навыворот.

Также, чуть позже, произошло и с произведениями диссидентов и эмигрантов, с подменой одних идеологических пристрастий иными, вне собственно эстетического вкуса и интереса, с переходом к чернухе и порнухе.

По сути, модернизм уже заключал в себе разрушение вкуса, воспитанного на классической литературе XIX века. К примеру, романы Фолкнера не заинтересовали меня: однозначность приема, идентичность содержания, самодовлеющий, сугубо американский провинциализм, когда некая глубинка выдается за целый мир, грубая, дикая патриархальность, возвеличенная библейскими и мифологическими мотивами, - все это я не воспринимаю прежде всего эстетически, ибо масштабы смещены, мера нарушена, разумеется, в самой действительности, что отразил великий художник, пожалуй, с излишним старанием и последовательностью.

По существу, все уже было сказано в романе "Шум и ярость".

Это наиболее лаконичное и самое задушевное произведение Фолкнера. Это не проза, а особый поэтический язык, несущий в каждом слове, в каждой фразе неисчерпаемое содержание. Книга возбуждала у меня массу воспоминаний, самых заветных, самых сокровенных и сладко стыдных, а персонажи ее, казалось, были взяты из мира моего детства.

Думаю, многие читатели просто отбросили "Шум и ярость", как нечто чуждое и по форме, и по обнаженности содержания, проявив не просто невежество. Вкус, воспитанный на традициях русской литературы, хотя и не отвергает Фолкнера и других западных писателей, но, пережив увлечение ими в силу новизны или по моде, возжаждет рано или поздно родного мира. Тем более все крупнейшие художники Запада и Востока отсылают нас к нашим классикам.

Это возвращение в высшей степени поучительно. Какой пленительный, прекрасный, бесконечно нравственный мир открывается перед нами! "Война и мир" - вот вам миф! Высочайшая поэзия действительности, широчайшая историческая реальность, все здесь здоровое и гармоничное, как и должно быть в мифе. Миф по своей природе не знает ни рефлексии, ни разнузданности человеческих страстей, ни односторонности идеологических пристрастий.

А "Анна Каренина" - в который раз читаешь с увлечением, снова захочешь, не идет, как не идет Хемингуэй или Фолкнер. В поэтике "Анны Карениной" замечаешь то, что уже как-то надоело в произведениях западных писателей, - присутствие едва приметной смеси поэзии жизни и блеска пошлости. Даже подумаешь, что "Анна Каренина" - это буржуазный роман, в котором нравственный миропорядок нарушен. Легко этот изъян отнести за счет буржуазного общества.

Но правда жизни не есть правда искусства. Пошлость - правда жизни в буржуазном мире, но правдой искусства она не может стать. Лев Толстой обличал эту пошлость, а чтобы обличать, он изображал ее и так верно, так жизненно, что пошлость жизни, ничуть не униженная ее отрицанием, торжествующе сияла, проникая в самую поэтику художника.

"Отец Сергий" уже не оставляет сомнений в том, что Лев Толстой создал повесть сугубо буржуазной эпохи. Она могла быть написана Леонидом Андреевым или одним из западных писателей. Неполнота охвата жизни, выпячивание отдельных свойств человеческой природы нарушают меру, масштабы действительности и искусства.

Фолкнер, например, воссоздает замкнутый мир, в котором время словно остановилось. Здесь и сила художника-мифотворца,

и слабость художника-гуманиста, который не хотел ведать о том, что происходит за пределами его округа, в большом мире. В сущности, это ужасно. Мир Фолкнера - это Дантов ад, все его герои несут в себе проклятие или наказание еще до совершения какого-либо преступления.

Человек несет в себе кару уже с первых дней своего появления на свет, родился он негром или белым, мужчиной или женщиной, он уже осужден как негр или как белый, ибо оба несвободны в силу сложившихся отношений между ними, женщина осуждена на грех и т.д. Если ты родился глухонемым, вот твое наказание. Это, конечно, не действительный мир, в котором все же есть проблески человеческого счастья, взлеты человеческого гения, о чем свидетельствуют сама жизнь художника и его творчество. Если ад на Земле, то и чистилище, и рай не где-то, а тоже здесь.

Шеллинг в трех частях "Божественной комедии" усматривает Природу, Историю и Искусство, то есть всю полноту универсума в развитии. Фолкнер заключил человека в его же природу, как в тюрьму, оставив его, к тому же, в истекшем времени, то есть вне поступательного хода истории.

Если Джойс и Пруст как крупнейшие представители европейской культуры, каждый по-своему, не лишают своих героев "рая", высшей свободы человеческого духа в мире искусства, то Фолкнер, возможно, как трезвый представитель американской цивилизации, не обольщает ни себя, ни своих героев даже этой надеждой.

Таким образом, там, где по первому впечатлению, мы находили неизведанные глубины и неслыханное совершенство формы, обнаруживалось крайнее выпячивание отдельных черт и свойств действительности и человеческой природы, несомненно плодотворное, как прием, но не как метод для воссоздания картины мира.

Такова вообще природа модернизма, всегда частично прекрасного и частично уродливого, ибо гармония мира и человеческой души нарушена. Здесь не то, что вызов, эпатаж, а сигналы о бедствии, о кризисе западной цивилизации. В 60-70-е годы интеллигенция в массе своей эти сигналы не услышала, не вникла в их смысл, упиваясь ими, по моде, как пением сирен, и кинулась, уже сама не своя, к откровениям диссидентов, возжаждав возврата вспять, в истекшее время.

Это состояние мира уже пережили с тревогой Гоголь, Достоевский, Лев Толстой. И Блок:

В тайник души проникла плесень,

Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Не ведал я, что это состояние мира мне придется пережить дважды, впав в рефлексию в лучшие годы своей жизни, как Онегин у Пушкина, и ныне в самой действительности, с воцарением золотого тельца.

Рефлексия, Москва, жизни высший миг.

19 декабря 2005 года.

I

В 1972 году вышла в свет моя первая книга "Идти вечно" и была опубликована в журнале "Аврора" законченная в том же году повесть "Свойства души". На этом прервались мои первые успешные шаги в литературе. Что же произошло?

Обычно говорят о творческом кризисе. Мне это не приходило в голову. Все эти годы, несмотря на нездоровье, я работал интенсивно, то есть с увлечением и с сомнениями до отчаяния. Еще в 1972 году я закончил большую повесть "Скрипка и город". В ней современная жизнь была схвачена с ее самых негативных сторон, в чем мало поэзии. Начинал другие вещи, сидел за машинкой по 12 часов, благо обрел свободу, забывая о еде, и здоровье пошатнулось резко. Боже! Волосы выпадали клоками, как будто я попал под радиацию, из ушей текла жидкость, не давая заснуть ни на правой, ни на левой щеке...

Вероятно, я был болен весьма основательно, не сознавая сам, а врачи лишь констатировали внешние симптомы. Однажды я взялся переплести несколько старых изданий, в частности, том "Фауста" Гете в переводе Н.Холодковского и том комментариев к трагедии. Переплетным делом овладеть нетрудно. Это нехитрое занятие, к моему удивлению, доставляло мне вроде давно неиспытанную тихую радость. Казалось, я, как больной, которому нашли посильное занятие, переживаю то особое состояние выздоровления, что можно назвать возвращением к жизни.

Очевидно, наконец, что-то установилось в душе, и я закончил повесть "Свет в листьях", продолжение "Свойств души". В Москве поддержали мою идею переиздать трилогию о Филиппе и дилогию о Мите, по сути, о моей юности на берегах Невы и раннем детстве на Амуре. Две-три новые поездки в Москву оказали на меня удивительное воздействие. Во-первых, именно там приняли участие в моей судьбе, даже вопрос о квартире продвинулся не без вмешательства Москвы. Во-вторых, прогулки по Москве совершенно, как чтение высших созданий искусства, превращались для меня в настоящие странствия во времени. При этом именно современная жизнь во всех ее проявлениях, формах и увлекала меня.

Впрочем, происходило то же, что и в моих прогулках в Ленинграде. Ведь стоило свернуть с обычного маршрута, с фоном хотя и из старинных зданий, но с привычной суетой и сутолокой современной жизни, на одну из улочек Петроградской стороны или Линий Васильевского острова, где ты, может быть, никогда не бывал, или очень давно, как в давнем детстве, создавалось впечатление, словно ты забрел ненароком в прошлый век, пусть машины, редкие и как-то осторожно, проносятся мимо тебя, здесь и те же ленинградцы имеют иной вид, будто ты в другом городе...

А что говорить о посещении Эрмитажа или Русского Музея,

где вереницей выступают перед тобой пейзажи, жанровые картины, портреты людей разных стран и эпох, и ты где-то уже далеко, да среди приезжих со всего света, в удивительных странствиях во времени и пространстве...

Кто-то из современников Оноре де Бальзака сказал про него не то зло, не то в шутку, что тот, стоя и у Венеры Милосской, не преминет заглядеться на промелькнувшую мимо парижанку. По-моему, был прав великий романист. Живая жизнь не должна остаться незамеченной даже у святыни, идеала красоты и совершенства. Подлинный художник тот, кто постоянно впитывает и искусство всех времен и народов, и жизнь современную в "ее мимолетных мелочах". Классика служит мерой и масштабом не только для оценки современных произведений, как говорил Гете, но и методом познания жизни в ее бесконечных проявлениях.

В Москве моя восприимчивость обострялась до предела. Эта постоянная новизна жизни, эта красота в людях - как мне запечатлеть все так, чтобы и другие увидели все это, увидели самих себя, как на сцене, узнали бы и свои достоинства, и свои несовершенства. Я думаю, никогда человек не бывает так хорош, добр, светел, красив, словом, прекрасен, как в минуты невольного осознания и своей силы, и своих слабостей, ведь и то, и другое ему даны прежде всего для его же бесконечного развития.

Именно такой момент невольного торжества и полуосознанных раздумий стремились уловить и запечатлеть живописцы, в чем убеждаешься, проходя по залам сокровищниц искусства. Поэтому уже вовсе неудивительно, что и всякая поездка в тот же Павловск - зимой ли, весной ли или осенью - оставляла в душе чудные картины всех времен года и сценки то в духе малых голландцев, то в духе Ватто. И на этом празднике жизни мы, конечно, не могли не чувствовать, что уже не так

молоды, как нет-нет, по первому впечатлению, нас принимают, одеты не лучше других, но, знаете, мы никому не завидовали, мы уже свыклись с тем, что путь мой будет нелегким, а надо идти, идти вечно...

Зато, пожалуй, никто, как мы, не замечал всего тишайшего сияния осени, спокойного величия могучих сосен, далеких перспектив аллей, чистоту и свежесть облаков и неба, чудесную беззаботность детей и горделивую приверженность молодежи веяниям моды... Мы видели многих и целое - Павловский парк, небо, а за краем леса начиналось то бесконечное и родное, что я называю "где-то в России", то есть сама Россия во времени и пространстве.

К счастью, именно в годы неудач и нездоровья, о которых я вспоминаю с недоумением и с тревогой, как о пребывании в ссылке или тюрьме, я жил вдохновенным чтением и изучением классической литературы всех времен и народов. Не один раз я замечал, что те или иные произведения я открывал для себя в полной мере лишь тогда, когда в душе, в моих представлениях об искусстве и жизни происходил некий сдвиг и где-то в то время - по счастливой случайности - дома ли, в библиотеке ли, или в книжном магазине попадала в руки та книга, которая составит эпоху в моей жизни.

В библиотеке Дома писателя, откуда я приносил множество томов и мог держать у себя сколько угодно, мне в руки попалась небольшая книжка дореволюционного издания - "Ад" Данте, из интереса к старой книге принес домой... Ведь я не один раз брал в руки "Божественную комедию" в переводе Лозинского, чтение не шло, также было и с Гомером, и с "Фаустом" Гете... Я взял книжку с собой на прогулку, забрел в Летний сад, открыл, вижу, перевод заведомо слабый, не размером поэта, тем не менее вдруг зачитался! Других частей "Божественной комедии" переводчик, фамилии его не помню, видимо, не одолел, но спасибо ему, он открыл мне Данте! Теперь я обратился к переводу Лозинского и много дней, может быть, лет провел с Данте, читая все, что им написано, читая все, что о нем написано.

С "Фаустом" Гете вот что было. У двоюродного брата я увидел два тома дореволюционного издания, с небрежно разрезанными страницами (от тети его жены, явно предназначенных для меня). Я взялся переплести, как упоминал, и вдруг зачитался - и трагедией, точнее мировой драмой по жанру, и комментариями, а затем собранием сочинений Гете...

И вот настал день, когда по счастливой случайности я приобрел в "Старой книге" Гомера (том из "Библиотеки всемирной литературы") и, очевидно, на радостях впервые зачитался им.

Величавая форма повествования (гекзаметр и длинные периоды) и под стать ей мудрость поэта во всем очаровали меня, изумили. Поэтически его нравственный мир - это идеал, это наше далекое будущее, твердил я. Разумный взгляд устанавливался у меня под влиянием совершенного мира поэта и на "жгучие тайны". Любовь Гомер понимает разумно и вместе с тем как нечто чисто природное, то есть необходимое. Теперь мне казалось, что идеал любви, ее норма, сама сущность ее находят свое высшее выражение не в горячечной страстности юношей и девушек (то "кровь кипит", по выражению Лермонтова), а в мирной, жизненно необходимой связи супругов в их зрелые годы при полном развитии их личности, любовь как природа сама тайно и необходимо присутствует в их жизни.

У Гомера поразительнее всего - речи героев и богов, на них все и держится. Каждая речь - это именно речь, нечто целостное, необыкновенная полнота выражения и взгляда, глубочайшее проникновение в жизнь... Из Гомера вышел Шекспир, это сейчас видно, особенно в речах Приама и Гекубы.

"Илиада" держится и на отчетливом, драматургически лаконичном сюжете: не война за Елену сюжет, это весь материал

эпоса, или внешний событийный ряд; гнев Ахиллеса - этот эпизод в истории Троянской войны - и развертывается в сюжет, в котором на ином уровне все повторяется: теперь уже не Менелай пылает гневом на Париса за Елену (ситуация весьма двусмысленная, как раз для оперетты, и Гомер ее не упоминает даже), а Ахиллес на царя Агамненона за Брисеиду; без участия Ахиллеса в битвах война становится гибельной для греков и возвеличивается Гектор, пока он не убил Патрокла, друга Ахиллеса, и теперь снова вспыхивает гневом Ахиллес и Гектор неминуемо становится его жертвой; старец Приам у Ахиллеса - это вершина и конец "Илиады".

Падение Трои уже вне "Илиады". Гомер воссоздает на частном сюжете художественно-завершенный мир. "Илиада" - это прежде всего поэтическое произведение, первое и высшее. Это вообще непостижимо. По существу, это и поэма, и драма, и роман чуть ли в его современном значении, настолько сюжет в основе своей лаконичен и разработан мастерски.

Это были едва ли не самые мучительные дни, месяцы, годы, когда я зачитывался Гомером, Пушкиным и "Античной лирикой" (из той же "Библиотеки всемирной литературы", уникального издания советской эпохи). Да, надо знать Гомера, античных поэтов, чтобы вполне постичь, что же это такое у нас Пушкин!

Пушкин близок к истокам поэзии, как Гомер, как лучшие античные поэты. Еще лучше сказать, Пушкин - русский античный поэт, всеобъемлющий гений в предвечном мире красоты. Столь же всеобъемлющее впечатление производил на меня позже Шекспир. "Гамлет". Это же вся история Европы в огромном промежутке времени. Это и далекие перспективы в прошлое, в будущее человечества и во все части света; наконец, это театр в чистом виде. Язык действующих лиц вроде один и тот же, метафорический, обнаженный, но одной фразой каждый персонаж выдает себя с головой, кто он есть; и действие, действие при блеске речей.

А образ Офелии? Какая живая девушка, влюбленная и послушная... А песенки ее - это бессознательная мука полоумной... А смерть ее! Она не утопилась, а упала в воду, украшая венками иву... Упала и, не сознавая опасности, продолжала петь...

В самые трудные дни и часы, как спасение, вдруг приходило нечто, что можно бы назвать просветлением, озарением, да неточно все будет, и город, жизнь, деревья Таврического сада - все представало в новой чистоте и свежести... Моральная рефлексия, как томление духа и усталость, отпускала, и жизнь во всей своей красоте, силе, сложности, во всей новизне древнего, нового и новейшего времен обступала меня.

II

80-е годы XX века - особая веха в истории СССР. Перестройка и последовавшие реформы могли пойти по другому, более плодотворному руслу, чем даже в КНР. С признаками кризиса в экономике и застоя в политике сочетались достижения в развитии культуры, с самосознанием личности, что влекло, правда, к рефлексии, принявшей к тому же форму диссидентства. Эти годы складывались для меня вполне счастливо и плодотворно. Я снова пустился в поездки и, кроме Москвы и иных мест, дважды побывал на Дальнем Востоке.

Приехав на родину после долгого отсутствия, я испытал неизъяснимое чувство... Как это объяснить? В Ленинграде весь апрель стояли на удивление теплые, солнечные дни. В начале мая чуть похолодало, и все же травы на газонах зеленели вовсю, листья на деревьях распускались. А я невольно приглядывался не к небу, которое освещает мой стол в новой квартире, а к далекой дальневосточной весне, куда собирался вылететь. Какая там погода? Скорее всего, я там застану вновь начало весны, - и две весны выпадут на мою долю в этом году.

Две весны - как две жизни, кроме той, что была в моем детстве на Дальнем Востоке, и той, что прошла на берегах Невы. Четыре жизни? Возможно, даже и больше. Иной раз мне кажется, что я живу на свете лет сто - в столь разнообразных условиях я застаю себя в своих воспоминаниях, прогулках, раздумьях и

странствиях.

Обычно, когда человеку хорошо, время идет быстро, так и жизнь промелькнет, не успеешь оглянуться. Это я понимаю, но у меня иначе. Когда мне хорошо, время как бы останавливается. Мне хорошо, то есть работа спорится, либо я зачитался, мне хорошо долго, а взгляну на часы: прошло пять минут. А часы и дни остаются в памяти - как годы счастья и бед, бед, которые, будучи пережиты и осмыслены, становятся тоже заветными вехами моих упований и задач.

Это были годы учения, хотя я и Университет давно закончил, годы первых публикаций и неудач, это были, наконец, годы, когда я открыл Данте, Гомера, Гете, классические повести Востока и Запада и снова и снова жил Пушкиным, Чеховым, Львом Толстым. Этих трудных и ярко озаренных светом мировой классики лет я не променяю ни на что на свете. Из каких дальних странствий, словно из космической дали, я вернулся, сойдя ранним утром на землю в аэропорту в Хабаровске... Уф! Глушь, даль?

Нет. Горизонты открыты, все страны света близко обступают меня, как в детстве. Весна здесь запаздывала. Свежесть и чистота воздуха удивительные. Новые здания в Хабаровске, новый город Амурск, новые и все больше юные лица и в селах, где все меня знали и я всех знал. Я не просто приехал на родину после долгого отсутствия, нет, я оказался в будущем, и это чувство было ни с чем несравнимо, несказанно ново.

Я благодарен судьбе, что она одарила, помимо всего, чем-то никогда, может быть, не испытанным доселе никем. Лет своих я не чувствовал, а где-то втайне был так же юн, как целая поросль моих кузин, племянниц и племянников, очень красивых, какими не выглядели самые красивые из нас в детстве, и совершенно свободные, как дети в городе.

Я застал на Дальнем Востоке, как и в Москве, теперь это ясно, лучшую пору, жизни высший миг. Увы! Восхождение не может длиться бесконечно и поворот вспять для многих кажется благом.

В 1989 году в Москве вышла моя последняя книга прозы "Чудесный вариант судьбы". Готовилась к изданию еще одна, но вдруг рукопись вернули. Что случилось?

Распад СССР. Сменились не столько идеологические пристрастия, хотя и это произошло, просто немыслимо подорожала бумага... Дальше - больше. Померкло солнце великой эпохи. И мы увидели ее кровавый закат, еще не сознавая, что с нами случилось.

Распад СССР, черные мифы о России, советская демократия

24 октября 2005 года.

Сообщают, скончался "архитектор перестройки". Боже! Архитектор пирамид из песка и ценных бумаг, нефти и крови. Благими помыслами вымощена дорога в ад. А будут отпевать, произносить речи, писать статьи, чтобы затем последовать за ним туда же.

И эти же люди обсуждают в СМИ последние события - об избиении студентов, вплоть до убийства, в Воронеже, о нападении боевиков на отделения милиции в Нальчике. А того, кто извратил и предал идеологию, духовную основу Российского государства, и поныне называют "архитектором перестройки", не заключая в кавычки.

В исстари многонациональной стране породить национализм в его отвратительных крайностях - это самое худшее из всех деяний перевертышей, это прямое злодеяние, как интриги Яго. Но тут удивляться нечему: такова цель у разрушителей СССР, а теперь и РФ. Достойно удивления, как русский народ все это выносит, весь этот беспредел, стыд и позор.

Юные поколения стали заложниками всего этого беспорядка, как называли Гоголь и Достоевский первые проявления капитализма в России, как на Западе, что заранее не принимали в отношении жизненных и духовных устоев русского народа. А "архитекторы и прорабы перестройки", оказавшись у власти, ясно как, приняли - и учинили весь этот беспредел. И хвала им?!

Проблему взаимоотношений этносов на уровне идеологии государства и бытовом я знаю с детства и все перемены в умонастроении народов СССР и мира ощущал на себе непосредственно. Правда, мне несказанно повезло. В годы моего детства и юности эпоха была иная, совершенно особенная, национальные различия вызывали любопытство и интерес, без тени неприязни, скорее веселый, ведь также люди, прежде всего дети, воспринимают зверей, тех же собак, если они в них не видят угрозы.

Проявления интереса и дружелюбия в межнациональных контактах были даже естественнее, чем во взаимоотношениях среди своих, поскольку сознательно или инстинктивно ты предсталяешь не только себя, но и свой народ. Тем более если братство и дружба народов в стране и в мире провозглашались как один из аспектов государственной идеологии.

Это была высокая романтическая эпоха - 50-60-ые годы , отголосок 20-30-ых, не только в СССР, но и в мире, - значение "железного занавеса" слишком преувеличено, как и многое другое, в чем интеллигенция видела свою несвободу, с тем общественная обстановка стала меняться, пока - в 90-ые годы - не разразилась катастрофа.

Один из черных мифов о России, что ныне повторяют даже патриоты как истину, гласит, мол, СССР был империей. А ведь многие поверили: "империей зла" была наша Родина, поскольку не поклонялась, видите ли, золотому тельцу, который и выступает гарантом свободы и демократии.

Даже Российская империя не вела особых завоевательных войн, с истреблением целых народов, но расширялась до морей и океанов по естественным законам геополитики. Зато неоднократно подвергалась вторжениям армий европейских стран.

По сути, Российская империя существовала, как Китай и Индия, которые как самодостаточные образования никому не угрожали, но оказывались в сфере интересов европейских держав.

Захватнические войны и угнетение народов в Новое и Новейшее время - это изобретение европейской цивилизации и политика западных стран. Ту же политику приписывали СССР, называя ее империей и тоталитарным государством, как царская Россия. Это всего лишь пропагандистские клише, подхваченные диссидентствующей интеллигенцией на свою голову. Да, дали бы вам разрушить империю в зените ее могущества!

Национальная политика в СССР, - с распадом СССР это проясняется со всей очевидностью, - была самой демократической в мире. Она привела к невиданному развитию

литератур в союзных республиках, с переводом приметных произведений на русский язык, что сразу обеспечивало всесоюзную известность. Это относится и к кинематографу, и театру, и живописи. Единое культурное пространство СССР обеспечивало доступ национальным дарованиям из республик, неведомых миру, на мировую арену, тем же танцовщикам, покидавшим Родину со скандалом.

Ныне, когда с распадом СССР, все эти благотворные процессы и связи прекратились, становится ясно, чего лишились грядущие дарования из бывших советских республик - пространств и неба России, ее культуры, открывающей доступ в мировую культуру в ее тысячелетиях.

Национальная политика в СССР привела к созданию литератур малых народов Севера и Дальнего Востока, и этот процесс, в основе своей ренессансный, ныне, я думаю, прерван.

Все это говорит о том, что советская демократия, реальность советской эпохи, помимо пропагандистских клише со знаками плюс или минус, обеспечивала развитие национальных республик, как ныне даже утверждают, в ущерб интересам русского народа. В империи все это было бы невозможно, как в царской России, где окраины находились на положении колоний во главе с генерал-губернатором.

В СССР совершенно иная ситуация, по сути, прямо противоположная, настоящая демократия, какой на свете не было, и называть СССР империей можно было, только надев очки антисоветизма, по сути, антируссизма, вкупе с Российской империей, пугавшей Европу своими пространствами и могуществом, возраставшим в условиях Ренессанса.

Но демократия, обеспечившая развитие национальных республик, с самосознанием народов, в интересах властных структур, обнаруживает центробежные устремления, против которых она оказывается бессильной, поскольку СССР не был ни империей, ни тоталитарным государством. Поэтому распад СССР оказался исторической неожиданностью.

Отказ от советской идеологии и национальной политики, в основе которых братство и дружба народов, оказался роковым не только для старших поколений, а воистину трагическим для детей и подростков, которых - из неблагополучных и благополучных семей равно - словно вытолкнули на улицу - на задворки или в сиянии огней и подсветок, на улицу, где царит закон джунглей. И ничего взамен, кроме рекламы вещей и пива!

Мавзолей Ленина, этносы, русский язык

7 ноября 2005 года.

Антироссийские настроения в Польше с избранием нового президента, который похож на брата-близнеца не меньше, чем на своего тезку-экс-президента, если я не путаю их имена, возводятся, как видно, в ранг государственной политики. Журналисты впервые озвучили помыслы поляков, надо думать, далеко не всех, о том, мол, не следовало воевать с фашистской Германией на стороне СССР, а вступить в союз с немцами и маршировать вместе с ними 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве.

Видите, какие вояки поляки? Судьбы народов СССР, Европы и мира сложились бы иначе. Ну, совсем, как сегодня.

У нас многие - из журналистов и депутатов Государственной Думы, которые имеют доступ в СМИ, как возмутились. Кажется, справедливо, даже высказывание Черчилля о поляках приводили.

Но это же наши демагоги. Они не заметили, что помыслы поляков в стереотипах антисоветизма, ныне антируссизма, с переиначиванием исторических событий, с переменой знаков, ничем не отличаются от их собственных, в основе которых восприятие истории СССР в сослагательном наклонении, то есть желаемое в тех же стереотипах антисоветизма выдается за истину.

Демагоги, возмущаясь поляками, какие они есть, Бог с ними, стучат себя по лбу, не замечая этого. А в головах лишь звон костяшек пропагандистских клише.

Что бы сделали поляки на Красной площади, если, конечно, нацисты им позволили маршировать вместе с ними 7 ноября, если бы народы СССР им позволили? Это ясно. Никита Михалков озвучил развеянные в дым помыслы фашистов: убрать Мавзолей Ленина! Развеять прах, как пыжились сравнять с землей Ленинград.

А затем кинорежиссер, получивший Оскара за антисоветизм, отмечал свой юбилей с президентом, который, видимо, вполне разделяет его пристрастие к гробокопательству в условиях, когда население вымирает, как от эпидемии чумы, какой еще не знало человечество. Боже! Как бы мне хотелось убедить себя, что я

сгущаю краски.

Но все так. Антироссийские настроения поляков в головах русской интеллигенции, возмечтавшей превратиться в средний класс. Для этого мало разрушить Отечество, надо переписать историю, переменить все акценты в понятиях добра и зла, в содержании нового гуманизма, выработанного классической русской литературой. Все это делается у нас. Я помню, интеллигенция всегда заигрывала с поляками, и нет ничего удивительного в том, что они относятся к русским так, как русские к самим себе.

Однажды, еще школьником, я был в Мавзолее - в те дни -

Ленина и Сталина. Мне показалось, тело Сталина занимает много места и излишне здесь, Ленин был естественен как в жизни, так и в смерти. Конечно, нелепо было сооружать Мавзолей на Красной площади. Но это получилось в исторически конкретной ситуации, как слагается история и протекает жизнь. В церквях венчают, крестят и отпевают. Торговые ряды соседствуют с Покровским собором. Мавзолей вписался в Красную площадь.

Разумеется, разрушителям СССР, нынешнему режиму, части интеллигенции из перевертышей Мавзолей, как бельмо на глазу. Им страшно: память о Ленине сохранится, а о них нет, какие бы памятники на их могилах ни возводили наскоро, как на могилах воров в законе. Через 50-100 лет ничего не останется, кроме забытых надгробий, а через 500 - и вовсе ничего.

Где Мавзолей Александра Македонского? Где его прах? Абсолютно неважно. Но Александр в памяти человечества навсегда, каким бы его ни изображали его почитатели или злопыхатели. Память о Ленине сохранится тоже, он один из гениев человечества.

Но сегодня у нас не выносят гениев. Что за будет это фильм о Сергее Есенине? О Пушкине, судя по псевдоисторическим сериалам? Пишут о потомках поэта, находят, но какое отношение они имеют к Пушкину, к его лирике? Никакого. Чернь интересуется лишь окололитературными фактами, не вынося ничего великого, высокого. Не вынося стихов Пушкина и Есенина, жемчужин поэзии всех времен и народов.

Не выносят и великих событий. Когда речь о блокаде Ленинграда, у журналистов один вопрос вертится - о фактах людоедства. История СССР сведена к сталинским лагерям. Узнал из выступления Михаила Задорнова, как школьник в сочинении о 1937 годе что-то сморозил. Нетрудно догадаться, на какие темы ныне им приходится писать сочинения.

А ведь 1937 год - знаменательный год в истории СССР и русской культуры. Страна широко отмечала столетие со дня смерти Пушкина, было выпущено самое полное собрание сочинений поэта. Это было в русле культурной революции, поднявшей Россию от сохи до победы над фашизмом и Космоса.

Много я спорил со своим другом-однокурсником о Революции, при этом, надо заметить, он вступил в партию еще в армии, я мог вступить и на философском, и позже как член Союза писателей, но ради внутренней свободы не сделал этого, что для меня естественно, и вот именно мне, беспартийному, приходилось выступать против нападок на большевиков. У меня был аргумент, перед которым мой друг отступал: "Не будь Революции, он, может быть, прогуливался бы по Эрмитажу или

среди ночи по берегу Финского залива, но не со мной, меня просто не было бы на свете - никогда".

На Амуре, когда там проезжал Антон Павлович Чехов в конце XIX века, процветало частное предпринимательство, как в Америке в пору золотой лихорадки, с быстрым вымиранием коренного населения. По подсчетам этнографов, к 1913 году нанайцев не осталось бы на земле.

Самоназвание нанайцев хэчьжени. Это остатки населения из царства Цзинь, сметенного буквально с лица земли ордами кочевников. Это было цветущее государство. Люди, затерявшиеся в тайге, выжили, но утратили письменность и все блага цивилизации. Но язык сохранил понятия "книга", "читать", "писать".

Когда пришли на Амур русские, нанайцев крестили, как всюду это делали христиане. Мои родители родились в годы Революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке. Я помню жизнь в нанайском селе такою, какая она была всюду по России - с двумя общественными зданиями школа и клуб, которые еще в 50-е годы XX века соответствовали своему назначению и занимали видное место.

Мой отец погиб под Москвой, его младший брат где-то под Сталинградом. Моя мать умерла от туберкулеза легких, когда я учился в 5 классе в соседнем селе и жил в интернате на полном государственном обеспечении, введенном буквально в мой приезд, иначе моему старшему брату пришлось бы оставить школу и пойти в рыбаки. Боюсь, на Амуре ныне все пошло по второму кругу с лихорадкой частного предпринимательства, благо есть там чем промышлять, с отъездом русских в Россию, как говаривали встарь.

Мне трудно представить, как бы я сегодня вступал в жизнь и в литературу. Разумеется, молодежь в любые эпохи находит свои пути, как в самые холодные весны трава пробивается, расцветают луга. Но я рос, менее кого-либо приспособленный даже к тем, теперь это особенно ясно, почти идеальным условиям, словно детство и юность я провел "в садах Лицея".

Во мне не было ни тени предприимчивости, хотя мечты о великой жизни рано пробудились в моей душе. Может быть, я сознавал тщету моих грез о славе? Ведь я мечтал не просто стать известным, решив однажды, писателем, ну, прежде всего ради той же внутренней свободы, к примеру, не каждый день ходить на работу, как все, обрекая себя, правда, на нескончаемый труд все 24 часа, наяву и во сне, - а явиться не иначе, как гением.

Откуда это я взял? Еще в интернате в Найхине я весьма сожалел, что такое название не звучит, то ли дело Лицей,

разумеется, единственный, царскосельский, да первого выпуска. Но, кажется, мои фантазии не отличались оригинальностью, если ныне лицеев и университетов хоть пруд пруди.

Верил ли я сам в свою мечту, не знаю, но, совершив ряд ошибок в жизни, обычно роковых в юности, на первом курсе философского факультета я нежданно начал писать стихи, зачитываться лирикой и классической прозой всех времен и народов, - в этом и состояло мое философское образование.

Это привело к тому, что я совершенно не мог читать современных писателей, включая диссидентов, и, похоже, названием своей первой повести предрек свою судьбу - "Птицы поют в одиночестве". К этому добавилось то обстоятельство, что во мне - по внешности - видели нанайского писателя и ожидали вещей по национальной тематике как мои земляки, это понятно, так и русские, из лучших побуждений. А я в это время увлекся изучением серебряного века и мировых драм - "Божественной комедии" Данте и "Фауста" Гете.

По ту пору в Китае пронеслась пресловутая культурная революция, с осложнениями на границе, и во мне в Ленинграде стали видеть китайца, если раньше с улыбкой, то теперь с неприязнью. До оскорблений и драк не доходило, все-таки времена были еще мирные совершенно в обеих столицах, в которых я один мог бродить среди ночи. Сегодня, возможно, меня спасает мой возраст, ведь в межэтнические коллизии втягивается прежде всего молодежь, даже скорее подростки, что, конечно, хуже всего для них же.

Но умонастроение молодежи - лишь следствие, гримасы той катастрофы, какая постигла всех нас, с распадом СССР, с размежеванием по идеологическим соображениям, по этнической и конфессиональной принадлежности - союзов, партий, общин. Союз писателей СССР распался на столько союзов не только по республикам, но и в обеих наших столицах, что я до сих пор, поскольку никуда не выходил, не совсем представляю, в каком союзе нахожусь, да, по правде, мне все равно.

И вот я остался один - вне партий, вне союзов, вне общин, как, впрочем, и жил всегда, "не разделяя ни общих мнений, ни страстей".

Мое положение определилось еще в детстве. У нас в селе в ту пору жили три одиноких китайца с образцовыми огородами и даже с садом. Один из них жил за деревней у колхозного поля и считался нашим дедом по отцу. Вскоре после войны его убили. Поэтому в селе и к нам, пока мы подрастали, отношение было особое, как вообще к китайцам, корейцам, японцам, каковыми принимали меня впоследствии. Обиды не было, кроме минутной

досады, но я словно нес ответственность за представителей народов Дальнего Востока.

К счастью, эта ситуация, ныне явно враждебная для подрастающих поколений, в пору моего детства и юности на Амуре и на берегах Невы проступала лишь где-то на задворках, куда я не заглядывал, а рос в среде, где русская речь делала всех нас представителями одного народа, независимо от этнической принадлежности, что, впрочем, для кого-то было на первом месте, но для меня никогда.

В моих взаимоотношениях с учительницами и девушками русская речь играла совершенно особую роль, по сути, как язык поэзии и классической прозы. В какой-то мере роль французского языка в эпоху Пушкина. Русский язык, теперь мне это ясно, сыграл роль греческого и латыни, носителей европейской культуры и мысли, и русский язык открыл мне классическую поэзию и прозу Востока. Все это свидетельствует о ренессансности эпохи, в какую мы жили еще недавно.

Русский язык никогда не был для меня чисто разговорным на бытовом уровне; одно время я еще владел ненормативной лексикой, даже мог похвастать перед товарищами, но в классе 9 неприметно для самого себя совершенно утратил эту способность, - русский язык стал для меня лишь языком поэзии и мысли. Если я поэт, разумеется, русский поэт.

Но при нынешнем умонастроении тех же писателей и издателей кто примет меня за русского писателя, тем более за русского поэта и мыслителя? Я заговорил на эту тему, которая меня мало занимает в отношении себя, но касается напрямую моего творчества, чтобы обозначить лейтмотив этих заметок, который проясняется с полной ясностью, поэтому лучше дать им определение, пусть у кого-то оно вызовет недоверие и смех. Вот что здесь развертывается - Дневник одинокого гения.

У меня нет ни притязаний, ни амбиций. Таких свойств мне всегда не хватало. Это моя жизнь и мое творчество, еще неведомое, хотя книга драм "Утро дней. Сцены из истории Санкт-Петербурга" издана в 2002 году тиражом 700 экз. Возможно, отпечатано больше и существуют электронные версии.

Но критики нет. Полное молчание. О Петре I мало ли кто не писал. А о Пушкине в стихах?! И этого не заметить? Если это плохо, как не разразиться патетической статьей? По форме это классическая драма, уже это достойно внимания, по крайней мере, как современный опыт.

Эти трагедии возникли не случайно. Ее персонажи предстают как ренессансные личности, с обоснованием автора ренессансных явлений русской истории и русского искусства. Это делается у

нас впервые. И полное молчание. Или уже и критики, и литературоведы, и искусствоведы перевелись в России? Я вижу, литературный процесс у нас прерван, но не настолько же? И как его вновь запустить, как не новой всеобъемлющей идеей Русского Ренессанса?

Антивирусная программа, трагизм бытия, красота

14 ноября 2005 года.

Россия не может существовать, не может сохранить единство в пределах РФ, не обладая государственной идеологией, которой нет у нынешней власти, отказавшейся от всякой идеологии, кроме костяшек антикоммунизма и антисоветизма, и продолжающей играть ими. Это игра Смерти с народами России. Это она назначила день "согласия, примирения, освобождения". Сколько во всем этом межумочной лжи! Она, как вирус неведомой болезни, уносит миллионы жизней. Как этого не понять?!

При таковых условиях у гражданина России не может быть иных целей и задач, как выработка антивирусной программы во всех сферах жизни и творчества, где бы он ни подвизался. Ибо нельзя достичь успеха и счастья, когда страна охвачена эпидемией лжи и разрушения.

Моя сфера - литература, искусство, что могло бы остаться моим личным делом, если бы не открытие Ренессанса в России, к чему я пришел в итоге всей моей жизни, в итоге постижений явлений природы и искусства с детских лет.

Казалось бы, я родился "на незамеченной земле", вдали от очагов культуры. Но атмосфера эпохи имеет всегда решающее значение, особенно атмосфера великих эпох. Во всех нынешних нападках на СССР забывают именно о советской эпохе, высокой, песенно-прекрасной и трагической.

В фильме "Космос как предчувствие" время не воссоздано в его новизне и первозданности, что было характерно для 20-60 годов XX века. Нынешняя рефлексия смазала картину великой эпохи. Даже название фильма неточно, перевернуто, великое,

безмерное сведено к чему-то малому и неопределенному.

"В предчувствии Космоса" - вот умонастроение советской эпохи, что запечатлели литература, живопись, театр, кинематограф того времени.

У меня из детства и от родителей не сохранилось никаких документов, кроме нескольких фотографий. На одной из них - два мальчика... В то время приезд фотографа, как и кинопередвижки, было большим событием в селе. Вероятно, во дворе нашего дома, рядом с большим домом бабушки, собралось много народу. Мне четыре или пять. Я смотрю отрешенно куда-то вдаль, совсем не туда, откуда вылетит "птичка".

Как я мог отвлечься от суматохи вокруг, волнения матери и своего собственного и задуматься о чем-то? Но я таким рос. Посреди игр с ребятишками под вечер я мог вдруг побежать в сторону, охваченный, возможно, страхом, поскольку ощущал себя где-то в глубинах Вселенной - на розовых волнах, словно посыпанных песком, что имело, к тому же, острый запах, как запах шиповника в зной.

В масштабах Вселенной я рано познал смертность человека. Но самым ужасным было не то, что я умру, а то, что меня уже никогда не будет, никогда. Вероятно, это сознание: исчезнуть навеки - пробудило во мне очень рано мечты о великой жизни. Ведь самым ужасным было для меня теперь: умереть безвестным, будто меня вовсе не было на свете и не будет никогда.

Теперь я знаю: обостренное чувство самоценности жизни, всех ее проявлений, вопреки религиозным представлениям о загробной жизни, и столь же обостренное чувство скоротечности жизни - это один из ярчайших феноменов ренессансных эпох. Античная лирика, лирика эпохи Возрождения, лирика Пушкина, Лермонтова, Фета, Есенина - тому свидетельство.

Я помню зимы военных лет, о чем поведал в повести "Свойства души". Засыпая и просыпаясь, я слышал голос по радио... Мужской, женский... С нами говорила Москва о том, чем жила страна, чем жил весь мир, и мы не могли не вслушиваться, не могли не понимать, что происходит на белом свете. А еще звучали песни, какие пела вся страна, и мы распевали их вовсю... Мне думается, первые русские слова прозвучали для меня в песне, где и слов не совсем обязательно знать, лишь бы отзывалась душа, а душа отзывалась и еще как!

А живая русская речь прозвучала для меня впервые, возможно, именно с уст дочки пекаря. Когда я забредал по дороге до избы за домом бабушки, Надя Миронова, высокая, светлая девушка, подзывала меня и заговаривала со мной, внимательным и вполне безмолвным собеседником.

Она смотрела на меня с улыбкой, которую я буду узнавать у многих молодых девушек, женщин, моих учительниц, моих сокурсниц, незнакомок в уличной толпе, невольно отзывавшихся на мое тайное внимание к ним. Я никогда не мог, как выразился однажды Пушкин, на "красоту взирать... без робкой нежности и тайного волненья".

Да, ее звали Надя Миронова. Потом, когда я читал "Капитанскую дочку", сколько теплых, светлых ассоциаций мелькнуло в моей голове, когда и героиня Пушкина оказалась Мироновой.

Девушка, поговорив со мной, усаживала меня на завалинке, чтобы я не ушел, и приносила из дома кусок белого хлеба с маслом и несколько кусочков сахара. Я брал в руки такой щедрый по тем временам подарок и не ел, а она уговаривала меня не стесняться и есть. Наконец она оставляла меня одного, чтобы не смущать, я вставал на ноги и бежал домой. Радость была велика, но и смущение, как будто я выпросил хлеб, и я уже невольно избегал прямых встреч с дочкой пекаря.

Была у меня и другая собеседница, кузина моя, она приезжала летом на каникулах и в селе явно скучала. Вероятно, от нее мне попалась небольшая книжка с изображением красно-кирпичного кентавра на обложке "Мифы Древней Греции", произведшая на меня неизгладимое впечатление еще в ту пору, когда я жил в родном селе.

Я знал суеверия, сказки, космологические представления нанайцев, возбуждавшие скорее страх, как ночь где-нибудь вне селения в глухой тайге. В мифах Древней Греции предстал передо мной совершенно особый, светлый мир прекрасных богов и богинь, попросту идеальных существ по силе, красоте и бессмертию.

Теперь я понимаю, именно античная мифология подготовила мою душу к восприятию поэзии Пушкина. И вот что случилось. Я вдруг стал утверждать (в классе шестом-седьмом), что детство мое было прекрасно, лучше не бывает... Это годы-то военных лет?! Бедность, унижения и стыд. Почему же оно прекрасно? И почему впоследствии период моего детства на Амуре я всегда связывал с жизнью и творчеством Пушкина?

Произошло чудо. Возможно, при первом соприкосновении с гармоническим, прекрасным миром поэта в душу мальчика проникла гармония, и она преобразила действительность, и фантазия мальчика как бы заново пересоздала его недавнее детство. Нет, он ничего не убавил и не прибавил, оно осталось таким же, каким было в действительности, трудное, стыдное, странное, но уже вместе с тем неповторимо прекрасное. Красота,

присущая вообще природе, жизни и людям, вдруг осветилась дивным светом и заиграла в новом ключе, так похоже на то, как цветные стекла в калейдоскопе приобретают гармонию цвета и формы.

В нашем маленьком доме в четыре окна всегда было светло и чисто. Мама, некогда прошедшая лишь курсы ликбеза, новую жизнь восприняла именно со стороны гигиены. По натуре художник (нанайские женщины от века в век сохраняли тончайшее искусство орнамента), она любила и умела делать все наилучшим образом. Соблюдать порядок и чистоту в доме было почти что ее жизненным призванием. И самое первое, что я вынес из нашего детства, это нигде уже неиспытанное впечатление света, чистоты, уюта. Несмотря на нашу всеобщую бедность в годы войны и после, мама к празднику всегда шила всем нам обнову.

Помню природу родного села, местность самую незатейливую. Тайга, уссурийские дебри, океан - все это мне известно о Дальнем Востоке лишь из книг, а наше село раскинулось вдоль берега протоки Амура среди заливных лугов, перелесков и болот.

Изучая ботанику в пятом и шестом классах, я узнавал с удивлением названия знакомых растений. Природный мир вокруг через слово получал человеческий смысл и значение. Даже ненавистный пырей, забивавший побеги картошки, мне теперь кажется прекраснейшим растением. Во дворе дома и вдоль дороги - всюду - росла мелкая кудрявая травка, пропахшая псиной и свиньями. Это спорыш, или птичья гречишка.

Вдоль тропинки к реке густой стеной росли лебеда и клоповник.

Берег реки тоже целый мир. Узкая полоска песка у воды, отмывающей его или сама отмывающейся, выше полоса серой гальки, выше мелкая луговая трава и кусты леспедецы... В низине посреди луга растут странные растенья - плауны. Казались странными и болотные хвощи, и папоротники в лесу, я даже побаивался их в детстве и недаром: оказывается, это реликтовые растения. Сначала возникли водоросли, лишайники, мхи, потом папоротникообразные, голосеменные, лишь уже потом - цветковые... Природа развивалась неслучайно, она миллионами лет создавала красоту.

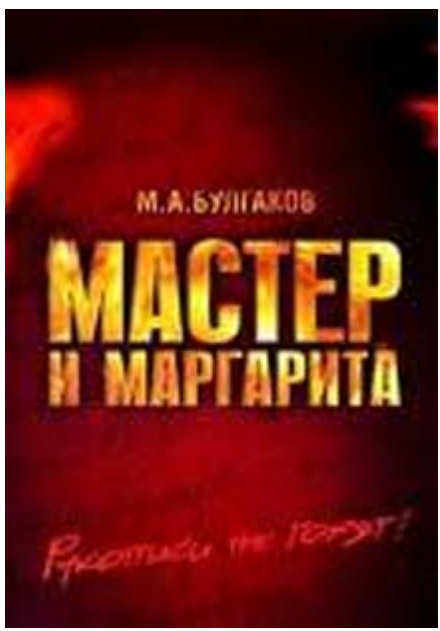
У нашего села хотя природа была незатейлива, весной и летом цветов было видимо-невидимо. Красные и желтые лилии цвели по пригоркам вдоль берегов реки и речек, белые кувшинки - в тиши озер... А сколько ландышей! Пионов, нарциссов, гиацинтов, иван-чая... По лугам, по опушкам леса, вдоль просеки телеграфной линии, по болотам - всюду цвела земля, словно ухоженная человеком!

А вокруг - куда ни глянь - синие цепи гор по горизонту, манящие взор дали. Мне казалось, я вижу открытые пространства Земли, целые континенты, не говоря о России и о Москве, постоянно возникавших в моих видениях с самых ранних лет. Может быть, поэтому у меня не было ощущения отдаленности, глуши, все было здесь, в России, и Москва соответственно совсем где-то рядом. Но так и было, и я не очень удивился, когда вдруг оказался на берегах Невы.

Михаил Булгаков "Мастер и Маргарита". Русский авангард

26 декабря 2005 года.

По каналу "Россия" идет премьера, объявленная как "мировая премьера", сериала по роману Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". По другому каналу в те дни демонстрировался фильм "Собачье сердце", который имеет отчетливую антисоветскую направленность, вообще характерную ныне в интерпретациях творчества М.Булгакова. Как же, как же! Его не печатали при жизни и долго после его смерти.

Не печатали и Андрея Платонова, не был признан Павел Филонов... Почему? Помимо борьбы различных группировок в искусстве, помимо идеологических пристрастий власти, эпоха изменилась, соответственно и миросозерцание людей. Такое бывает. Это историческое явление. Отдельные личности, особенно во власти, могут влиять на те или иные события в мире искусства, но отменить явления искусства не могут.

В СССР были отвергнуты модернистские течения в искусстве, порожденные буржуазной эпохой. Модернизм выбрал путь

дегуманизации и деидеологизации искусства, с разрушением форм искусства. В СССР в ходе культурной революции 30-х годов был выбран путь классической русской литературы и русского искусства, с внесением революционной романтики...

М.Булгаков, родившись до революции, по воспитанию и культуре, не мог приветствовать революцию, но, вовлеченный в события гражданской войны как врач, он понял, что революция - явление неслучайное, колоссальное, и принял решение сотрудничать с Советской властью. И в этом своем решении он был последователен до конца жизни. Как человек большой культуры и острого ума, он трезво оценивал эпоху, в какую ему суждено было жить.

Ни в романе "Белая гвардия", ни в пьесах "Дни Турбиных" и "Бег" нет ни тени антисоветизма, что ныне находят и выпячивают столь же тупоголовые журналисты и режиссеры, как и театральные критики давних лет. В произведениях писателя господствует, несмотря на нескрываемые им симпатии к интеллигенции, лучшему слою русского общества, объективный взгляд на события революции и гражданской войны, достойный удивления. Он воплощает идеал беспристрастности, как Пушкин, несмотря на горячий пыл сатирика.

Нет и в повести "Собачье сердце", как и в "Роковых яйцах", антисоветизма, что ныне находят и всячески муссируют в СМИ, будто бы Швондеры и Шариковы - это единственные герои советской эпохи, что, конечно, абсурдно. Родись Булгаков в Великобритании или в США, он и там написал бы "Собачье сердце", но никому не пришло бы в голову обвинять его в антиамериканизме.

Идеологическая тенденциозность в восприятии созданий Булгакова сегодня ничем не отличается от инсинуаций его критиков при его жизни. При этом сужается творчество писателя и замыкается в пределах СССР 20-30-х годов. Дело-то в том, что советская литература, - а зачиналась она еще до революции в условиях Русского модерна и новейших направлений, по сути, модернизма, - развивалась в едином русле мировой литературы XX века, опираясь прежде всего на традиции великой русской литературы, с поворотом от модернизма к социалистическому реализму, что соответствовало миросозерцанию новой эпохи в России.

Роман "Мастер и Маргарита" был отвергнут в 30-е годы не только из-за религиозной темы, чуждой времени, но прежде всего как модернистское произведение, как и творчество Андрея Платонова и Павла Филонова.

Авангардизм - это порыв к будущему с головой, повернутой

назад. Или это порыв к столь далекому будущему, что нет слов, понятий, образов для его отображения, кроме отдельных знаков из прошлого. Филоновские ломовые - это прошлое, что отдает почему-то будущим; это какая-то изнурительная работа духа ради будущего, оно не мрак, а свет. Пророчество или призыв: через прошлое (архаику времен и форм) - в будущее, которое удивительно и загадочно до ужаса?

Противоречия в умонастроении эпохи, обнаружившиеся еще в начале века, усиленные мировой войной и революцией, скудными условиями существования, при этом с невероятно светлыми мечтами о грядущем, Русский авангард выразил на своем особом, вновь созданном языке, достигая почти классичности, как Пикассо.

Трудно сказать, чего здесь больше - панморализма или панэстетизма? Впрочем, тут воочию видно, как крайности сходятся, отрицая друг друга, когда острое неприятие действительности (исторически конкретной) разрушительно влияет на предмет искусства, и он искривляется, рассыпается на осколки, плоскости, линии, напоминающие археологические находки древности.

Несмотря на величайшие катаклизмы, связь времен, ход народной жизни, развитие культуры не прерывались, наоборот, разрез природы, пласты истории и культуры, увиденные как бы в единый миг, несли всю правду об истории, о природе человеческой, о цивилизации с древнейших времен до далекого будущего.

Вообще создается впечатление, что XX век, особенно в первую треть, пребывал в искривленном пространстве под воздействием неких неведомых сил. И вот эту загадку человеческой природы и истории константирует авангард, который представляет по сути предупреждение о кризисном состоянии мира, апокалипсисе всех моральных установлений, когда мир предстает, как груда форм, излом линий и лоскутность цвета. Чистый эстетизм, последнее убежище для человеческого духа.

Многие думают, что Булгаков выступил против советской действительности и подверг ее критике, поэтому, в частности, его роман не был опубликован в свое время. Это неверно. Разумеется, Булгаков многое не принимал в действительности 20-30-х годов, в которой было много уродливого, смешного и трагического. Он называет это "кавардак", как Гоголь и Достоевский в свое время - первые проявления капитализма в России - называли не иначе, как "беспорядок". Неудивительно, ведь во многих произведениях Булгакова отразилось, как в зеркале, время нэпа, по сути, наше время, с поворотом вспять.

Должно признать, что роман "Мастер и Маргарита" и поныне, несмотря на популярность среди читателей, не понят по существу, что показывает его экранизация. На первый взгляд, все хорошо. Владимир Бортко как продюсер, сценарист и режиссер-постановщик проявляет бережное отношение к тексту романа, известному всем, и выходит скучновато.

Со времени создания романа прошло много времени, проделки Воланда и его свиты ныне, после самой причудливой фантастики Голливуда, не воспринимаются, как нечто чудесное, странно, что режиссер не учел этого. Сценарий - это всего лишь отрывки из романа, длинные диалоги приводятся буквально, что порождает скуку. Все камерно, как на сцене маленького театра.

Казалось бы, первые кадры должны зафиксировать пространство фильма - от исторического прошлого до библейских времен, хотя бы видом Москвы на закате, с явлением Воланда в небесах. Переход от сценок в Москве в древность тоже могло быть обыграно чисто кинематографически - не рассказом Воланда, а его взглядом, пронзающим время и пространство, - странно, что режиссер пренебрег поэтикой современного кинематографа.

Не знаю, для поклонников Кирилла Лаврова и Олега Басилашвили может быть приятно их увидеть в роли Пилата и Воланда, но стариками они не могли быть. Воланду лет 40, отмечается в романе; разумеется, Сатана может предстать и в виде старца, но тем не менее он должен производить трепет.

То, что в романе герой появляется далеко не сразу, а героиня еще позже, возможно, имеет смысл, ибо основные события не с ними связаны, но в телесериале было очень кстати начать именно с квартиры Мастера в подвале в ходе его работы над романом "Понтий Пилат", с его знакомства с Маргаритой, - завязка трагедии, с явлением Сатаны с его фантасмагорией и т.д.

Масса упущенных средств и приемов современного кинематографа. Можно подумать, фильм снят тогда же, когда был написан роман. Вероятно, таков замысел режиссера, но фильм лишился зрелищности и силы впечатления. Первые три серии ничего не определяют для дальнейших событий. Реконструкция эпохи, отраженной в романе, это хорошо для исторического произведения, но "Мастер и Маргарита" по жанру фантастика и миф, по представлению писателя, мистический роман, то есть философский, что требует адекватного кинематографического решения.

Современные реалии для писателя - это нечто досадное, кавардак. Художник занят поиском выхода, перспективы как в житейском, так и в творческом плане. Из-за театральной цензуры его пьесы не идут на сцене. Драматург готов поступить хоть в

статисты. Или уехать за границу? Но русский писатель должен жить в России, считал Булгаков. Ситуация трагическая. Телефонный звонок Сталина не меняет положения Булгакова, он лишь получил работу в театре. И в этих условиях он задумывает роман, по-видимому, о Христе, это историческая часть, с явлением Сатаны в Москве, это современная часть, - с сознанием, что роман его не будет опубликован при его жизни.

Замысел романа показывает, что мысль Булгакова, помимо его жизненных и творческих проблем и жизни в СССР, идет в русле исканий и творчества крупнейших писателей Запада, а форма романа, разорванная, усеченная, разностильная, и содержание вплоть до библейских времен говорят о том, что перед нами модернистское произведение, по сути, как и создания Андрея Платонова и Павла Филонова.

Особенно знаменательно в замысле романа не история Понтия Пилата и Христа (фрагменты несостоявшегося романа не то автора, не то героя), а явление Воланда. В представлении писателя это Мефистофель Гете, спутник Фауста в его познании природы и истории, что делает его из средневекового алхимика ренессансной личностью.

Вместе с тем Воланд Булгакова - это развитие и русской традиции в разработке темы Демона - Лермонтова и Врубеля, что означает не просто богоборчество, а утверждение личности в ее высших устремлениях, то есть ренессансных. Поэтому-то Воланд не просто Дьявол, абсолютное зло, как Бог воплощает абсолютное добро, а творческая сила, которая хочет вечно зла (по представлениям ангелов), а творит вечно благо. Это воплощение жизнестроительной сущности человеческого сообщества. Это философия русского модернизма, что проповедовали и Андрей Платонов, и Павел Филонов всем своим творчеством.

Маргарита, привлекшая внимание Воланда и выступающая царицей бала у Сатаны, должна была прежде всего погубить Мастера и свою душу, ведь она превратилась в ведьму, но происходит нечто иное, Мастер и Маргарита не теряют друг друга, а пройдя земные испытания, трагические по природе вещей и религиозным представлениям, находят мир и успокоение. Это не похоже на рай, скорее это сфера искусства, где они обрели бессмертие.

Это сугубо ренессансная идея, что впервые осуществил Данте в замысле "Божественной комедии", возвысив Беатриче, смертную женщину, чуть ли не до владычицы Рая. Но это и есть также идея Вечной женственности, которая столь сильно владела душами русских мыслителей и поэтов от Пушкина и Лермонтова до Вл. Соловьева и Блока. Она владела, оказывается, и душой Булгакова,

казалось, сатирика и фантаста по преимуществу.

Роман "Мастер и Маргарита" так же изломан, составлен из несоединимых кусков, как и живопись авангардистов, в нем отразились не 20-30-е годы, как думают, а весь XX век, вся европейская цивилизация в ее гримасах распада и декаданса.

Советская действительность по своей природе, независимо от идеологических пристрастий власти, не принимала эти изыски распада и декаданса, преодоленные революцией, вновь расцветшие при нэпе. Поэтому и роман Булгакова, как и романы крупнейших писателей Запада модернистского толка, не издавались в СССР - в благих целях, уберечь души советских людей, по возрасту еще детей и подростков, от декаданса, чем был охвачен мир вплоть до Второй мировой войны.

Ныне, когда гротескный мир Булгакова воцарился вновь в России, пусть по фасаду фешенебельный, с ночной подсветкой церквей и казино, где-нибудь в подвале нищенствует новый Мастер, а его возлюбленная выступает царицей бала или приема, с отдельной оплатой за ночь... "К чему пришли, господа?" - воскликнул бы с горькой усмешкой великий писатель.

С явлением героя (Александра Галибина) и Маргариты (Анны Ковальчук), с эпизода их встречи все поднимается на порядок выше, хотя режиссер допускает неточность, ничем не оправданную, не галантный кавалер, а Маргарита с ее безоглядностью, что подвигает ее в дальнейшем на готовность стать ведьмой, чтобы спасти возлюбленного с помощью Сатаны, продевает свою под его руку, милый жест, полный значения.

Если диалог Понтия Пилата и Христа в фильме явно затянут, то сцена казни - одна из лучших в фильме. Но мелкие проделки свиты Воланда с персонажами, которые никуда не относятся, продолжаются, сам Воланд принимает их, с мнимой значительностью, и выходит скучно. Даже появление Маргариты, готовой от горя превратиться в ведьму, ее полеты не спасают общего впечатления: перед нами всего лишь весьма добротный фильм, может быть, слишком точно копирующий все эпизоды романа, - возможно, это успех по нынешним временам.

Трагедия России как эстетический феномен

«Только как эстетический феномен
бытие и мир оправданы в вечности.»

Ф.Ницше «Рождение трагедии».

Мне всегда казалось странным, что такое удивительное явление, как Ренессанс в странах Западной Европы, а также в Японии или в Китае в свое время, как бы не коснулось России. Правда, с детских лет я воспринимал и расцвет античного искусства, и эпоху Возрождения не со стороны, а ощущая свою причастность к величайшим достижениям человеческого духа.

Да и как иначе? Высшие создания искусства всех времен и народов – общечеловеческое достояние и, стало быть, каждого из нас, где бы ни родились, разумеется, если мы имели возможность и счастье приобщиться к ним.

И все же для каждого человека особенно близок мир, который окружает его с младенческих лет. А это – и природа страны, и ее история, и культура с древнейших времен.

Ныне повсюду раздаются сетования, прямо плач, как наша история утаивалась или извращалась в угоду идеологическим догмам, при этом, упоминая одни явления и факты, как вновь открытые, умалчивают другие, и историческая картина вырисовывается снова неполная.

Да, идеологические схемы и выкладки присутствовали в учебниках, исследованиях, умонастроении эпохи, но они не могли исказить ни русской истории, ни русского искусства, самой их сути, как природу России – наше неумелое, грубое хозяйствование, ибо ее душа, ее образ неизменно возникали перед нами, вопреки всем трагическим коллизиям века.

Дело же не в отдельных фактах, которые замалчивались, а в сути явлений истории и культуры. А здесь ничего утаить нельзя, как закрыть небо руками и остановить восход солнца.

Но, проявляя пристрастие к отдельным явлениям и фактам, мы теряем подлинное представление о самих себе и о стране в

целом, об ее истории. Сегодня это происходит. К сожалению, это происходило в России с давних пор. Пафос стенаний Чаадаева понятен, и при определенном умонастроении легко подпасть под него, но уже Пушкин указывал на явную односторонность воззрений сего христианского мыслителя.

С тех пор славянофилы и западники, по разным причинам, редко оценивали историю России и ее культуру объективно, с пушкинской полнотой взгляда.

Известная, а порою вопиющая односторонность проявлялась и в советскую эпоху, а ныне – со сменой оценок с плюса на минус или наоборот – все доведено до абсурда, а великое государство – до распада.

Между тем только и слышишь о духовном возрождении, что связывают в первую очередь с обращением к богу. Создается впечатление, что мы вступаем в эпоху Реформации, минуя Ренессанс. Но, в сущности, это всего лишь рецидив болезни, какую Россия пережила в начале XX века, трагедия, которую взялись разыграть фигляры, как фарс, да не в духе великих театральных традиций, а самых примитивных американских боевиков.

Как и тогда, интеллигенция повернула от освободительных идей к богоискательству, все более погружаясь в мистику, завладевшей и царским двором. Чем все это закончилось, известно. Самодержец с властью, как он верил, от Бога, ввергнув страну в пучину войн как внутренних, так и внешних, отрекся от короны, что породило худшие бедствия гражданской войны.

Вынеся все испытания, Российское государство, пусть под другим названием, в эпоху своего всемогущества рухнуло, распавшись на части.

И вот, на наших глазах, с нашим участием разыгрывается, быть может, последний акт трагедии России. Уже поздно оплакивать одних, загораться ненавистью к другим, силы исчерпаны, высокая трагедия, воспринятая как таковая, приводит к катарсису. А с очищением души и с просветлением разума мы можем бросить беспристрастный взгляд на наше прошлое, чтобы в очередной раз не оказаться в плену химер.

О первоистоках

Сегодня упования на религию в деле духовного возрождения России кажутся еще менее убедительными, чем в начале XX века, когда государственная идеология «самодержавие, православие,

народность» воспринималась, как внушенная самим Господом Богом и потому непоколебимая.

У нас предпочитают говорить даже не о христианстве, а о православии, которое если и сохранило чистоту веры, то не столь обогащено культурными традициями, как христианство западное, что прекрасно сознавал Чаадаев и что, может быть, более всего приводило его в отчаяние, а не сама история России и ее культура, блестящим образцом которой он был сам.

Это уничижение России из-за явно устаревшей, не способной к развитию идеологии, - грех, можно сказать, как западников (по сравнению с Западом), так и славянофилов, истых поклонников старины.

Но что такое христианство на Руси? Никак не пытаясь преуменьшить его духовно-историческое значение, как и для всех народов Европы, я должен упомянуть факт, который несомненно сказался на судьбе России.

Приняв христианство, «Россия вошла в семью европейскую, - пишет один из русских философов, на которых ныне модно ссылаться. – Но вошла, как сирота… Она стала христианскою, но без античной традиции и без исторического культуропреемства… Россия *могла* взять античную культуру прямо из Греции, но этого *не сделала.*

Варварский Запад принял христианство на языке античном, и сохранил его надолго. С самого начала его истории, благодаря знанию латинского языка, по крайней мере, в более образованных слоях духовенства и знати, античная культура была открытою книгою для западного человека. Каждый для себя в минуты утомления мог отдохнуть на творчестве античных предков, и в минуты сомнения в ценности новой культуры, обратившись непосредственно к несомненному первоисточнику. И когда настала пора всеобщего утомления, сомнения и разочарования, всеобщее обращение к языческим предкам *возродило* Европу.

Совсем не то было у нас. Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собою язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории?»

Какая горькая для нас истина! «Солунские братья, - замечает автор, - сыграли для России фатальную роль…» И все же дело, конечно, не в них, но факт остается фактом. «Верно то, что принять вместе с христианством классические источники и предания Европы мы упустили. Но почему же после Петра и до сих пор мы не обратились к ним?» - вопрошает автор.

Правда, здесь он не совсем прав. После Петра мы обратились к античности, с дивным явлением Пушкина, время которого автор связывает с «романтизмом», заключая его в кавычки, словно не

найдя более точного термина. «А литературный «романтизм» наш остался единственным настоящим днем для современников, классическим днем для истории и предметом романтической грезы для потомков».

У «классического дня» есть свое название, которое Густав Шпет не решается произвести. А утопизм вселенских исканий русской философии, что вообще характерно для эпохи Возрождения в Европе, автор связывает с христианством, к которому интеллигенция после отталкивания предыдущих десятилетий вновь обратилась на рубеже XIX-XX веков.

Правда, в ту эпоху и античность, и Ренессанс европейский были нам близки, молнии искусства прорезывали небосклоны, все более заволакиваемые туманами мистики и грозовыми тучами войн, что ныне повторилось, но, увы, с обратным знаком.

Смятение в умах необычайное, всевозможные суеверия и мистика вновь вспыхнули, а с ними приветствуется все, что ранее либо укрывалось, держалось по необходимости в тени, по задворкам, либо подвергалось самой беспощадной критике – частнособственнические инстинкты, культ индивидуализма, всяческий аморализм; моральное творчество приобрело наихудшую форму – откровенное, циничное политиканство власти и интеллигенции, возжаждавшей, очевидно, из культурной прослойки общества стать средним классом, то есть мелкой буржуазией, которой она традиционно противостояла в России.

Все это видеть и слышать – впору впасть в отчаяние. Единственной формой противостоять распаду и развалу вокруг я мог избрать то же дело, чем жил до сих пор. Только ощутив себя у бездны на краю, я все глубже уходил сквозь всю толщу мировой культуры к самым первоистокам.

Я снова занялся изучением эстетической мысли, начиная, разумеется, с античности, когда, как известно, никакой эстетики не было, хотя бы потому, что античная философия сама и есть эстетика, значение которой, с выделением ее в XVIII веке в отдельную дисциплину, лишь сузилось, то есть эстетику сделали столь же нормативной, как этику, с чем вовсе оторвав их от жизни.

С тех пор понятие эстетического кажется чем-то сугубо теоретическим или элитарным, а сфера человеческого, духовного характеризуется именно как сфера морального, религиозного. Античность не знала такого разрыва, эстетическое заключало в себе и понятия морали, как и законы государства и природы. Но рефлексия, появление которой связано с именем Сократа, впервые создала ту особую ситуацию, какая, к нашему несчастью, не единожды повторилась в истории России за последние два

столетия.

Судьба Сократа известна; но менее известно, что она напрямую связана с разрушением Афинского государства, с трагедией Греции. Всеобщее, чисто эстетическое (мифологическое) и вместе с тем полисное (коллективистское) миросозерцание греков дало трещину, индивид обратился внутрь себя в поисках собственных целей и истин, что пришло в противоречие с установлениями, на которых зиждилось государство. Рефлексия – это и наука, и моральность; как наука она еще обеспечивала длительное и величественное развитие античной философии, но как моральность отразилась самым пагубным образом и на судьбе Сократа, и на судьбе Афинского государства, разумеется, не без воздействия внешних сил.

Гегель прямо говорит о разъедающей основы государства моральности, что позже, в более грандиозных масштабах, повторилось в падении Римской империи, ознаменованном зарождением и распространением христианства, разумеется, опять-таки не без воздействия внешних сил.

Моральная рефлексия, в которой люди искали спасения, разъедала основы государства, и оно погибало под ударами внешних сил. Ситуация, не правда ли, сходная с той, в какой мы оказались к концу XX века?

Похоже, просматривается некая общая тенденция в развитии цивилизаций и их гибели. Два типа миросозерцания, сменяя друг друга, либо в особом переплетеньи, определяют ход истории. Это эстетизм и морализм, несущие на себе также печать коллективизма или индивидуализма, поскольку личность противопоставляет себя обществу либо стремится к единению с ним. Такой взгляд на явления истории и культуры может оказаться более плодотворным, чем сугубо моральная, крайне политизированная переоценка ценностей, чем занято наше общество сегодня, достигая лишь обратного эффекта – разрушения, вместо созидания.

Эстетизм и морализм

Миросозерцание древних греков, сияющее и поныне, как свет из-за горизонта, сохранило свою удивительную привлекательность и чудесную животворную силу, что проявило себя в расцвете искусств в эпоху Возрождения в Европе, а у нас, в России, в явлении Пушкина, поэта столь же античного, сколь и ренессансного, только на русской почве, что всеми нами вполне

угадывается, но не осознано.

Естественен вопрос, в чем же сила и тайна античного миросозерцания? Ведь боги Греции давно умерли. Каким же чудом они воскресли в Средние века, в условиях торжествующего морализма (религии, церкви, моральной философии), что дало феномен, названный, верно, недаром Возрождением?

Тип античного миросозерцания, как и ренессансного, - это эстетизм, всеобъемлющий, основополагающий, жизнестроительный, а не частичный, односторонний, как у романтиков, весьма склонных к моральной рефлексии. Эстетизм противоположен христианству, типу миросозерцания, пришедшему на смену художественной религии греков и выступающему именно как морализм. Кстати, односторонность и несбыточность упований романтиков связаны не с культом красоты, а моральной рефлексией, пусть предельно эстетизированной, но тем не менее разрушительной для духа или формы искусства.

Одна из тайн непреходящей ценности античного искусства заключается в том, что греки воспринимали мир как абсолютную эстетическую действительность, вечно новую, вечно прекрасную. В ней существовала своя иерархия: судьба – боги – космос – природа – человек – искусство.

Эти столь же предельные обобщения, сколь образно и телесно конкретные явления имеют отношения между собою тоже сугубо эстетические. По сути, судьба, которой подчиняются и боги, и космос, и люди, - это эстетическая идея, как и боги, выступающие как предельные обобщения разных областей космоса и разных сторон его бесконечно изменчивой жизни, - тоже эстетическая идея.

Человек сливается с космосом, поскольку они как бы идентичны по природе, различие лишь количественное. Макрокосм и микрокосм – одно и то же. Одно – универсально, другое – индивидуально. Вечное существование того и другого в своей последней основе есть вечный миг.

Так что грек не чувствовал подавленности перед космосом, а, наоборот, свою причастность к нему, воспринимая его как совершеннейшее произведение искусства. И это для него было бесконечно важно, особенно в череде столетий, когда вера в богов теряла свою антропоморфную красочность. Космос оставался для грека классического периода непреходящим произведением искусства, которому он не переставал удивляться, как мы – чудесным созданиям античного искусства.

Таким образом, у греков в наиболее наглядной форме, чем у других народов мира, мы наблюдаем зарождение человеческого

сознания именно как эстетического, мифологического и символического в своей основе. За прозрачной сетью символов и образов природа не исчезает, она сама говорит с нами знаками и звуками, как мать с дитя. Природа сама символична, - достаточно вспомнить о красочном разнообразии флоры и фауны, - и человек обрел именно тот язык, какой присущ природе, как дитя усваивает язык своей матери неведомо для самого себя, еще до осознанного овладения речью. Все это чисто эстетические явления, и когда древние говорили о подражании природе, то это и имели в виду. Первичность природных форм и процессов – это первичность эстетических явлений. А язык природы, освоенный человеком, - это и есть миф, эстетическое преображение природы, ее инобытие как созданий духа.

Да и традиции, нравы, религиозные представления, вплоть до развитых религий, - это всего лишь своеобразные формы эстетического восприятия действительности, основа и арсенал для ремесел и искусства. Эстетические явления первичны! Такова природа мифологий всех народов мира. Мифы и говорят о первичности эстетических явлений и форм в становлении человеческого сообщества.

Добро и зло первоначально воспринимали безусловно чисто эстетически, в непосредственно-телесной, образной форме. Вообще язычество не есть ли сугубо эстетический этап в развитии человечества? В отношении античности в этом не приходится сомневаться.

Такой взгляд, лишенный, казалось бы, новизны, может оказаться для нас в высшей степени плодотворным. Мы видим целый мир, который существовал «по ту сторону добра и зла», с христианской точки зрения. Он не исчез, а сохранил себя в традициях и нравах народов, в сказках, в созданиях искусства и мысли, что и поныне объемлет нас, как чудесная красота неба.

Итак, эстетика, расширяя вновь свой предмет, как в античные времена, находит утраченную нами, современными людьми, целостность триединого мира человека: природы, истории и искусства, - в которых, проявляясь по-разному, обнаруживают себя основополагающие принципы жизни, эстетические изначально или по преимуществу. В это трудно поверить, но не социальные, тем более не моральные принципы носят всеобщий характер, а эстетические.

Целесообразность, мера, гармония, казалось бы, сугубо эстетические категории, они проявляют себя во всем многообразии природного мира, в развитии цивилизаций и культур, в формировании этносов в череде веков и личности в краткий миг ее самосознания себя в мире, не говоря о созданиях

искусства и техники.

Для современного сознания, особенно у нас, по преимуществу морального, политизированного или заидеологизированного, благодаря клише самого разнообразного характера, признать примат эстетического трудно, тем более сегодня, когда больше, чем когда-либо, именно моралисты – от политики, религии, журналистики – задают тон.

Но моралист всегда в той или иной степени эстет, как эстет – моралист, в чем индивид проявляет свое жизнеотношение, меняющееся с возрастом, с событиями его жизни или эпохи. Перемены в умонастроении личности, подчас малоприметные, далеко не безобидное дело, в них-то, может быть, и таится самая суть трагизма человеческого существования. Подобные перемены, имеющие уже куда более существенный характер, происходят и в жизни народов, предопределяя развитие цивилизации и ход истории.

Нас не должно смущать, что понятия: эстетизм и моралистический, эстет и моралист, - не столь общезначимы, требуется переосмысление. Если моралист, как синоним мыслителя, имеет и высокое значение, а в житейском плане звучит также достаточно определенно, то эстет несет в себе однозначно оттенки элитарности и снобизма. Впрочем, некий вызов в поведении эстета, как и предубеждения к нему, понятны, ведь в обществе воспринимают его прежде всего с моральной точки зрения. Если речь идет о светских щеголях, куда ни шло. Но также собственно относятся и к поэтам, требуя от них служения народу, то есть политической злобе дня, когда те живут и творят совсем по иным законам.

Это смешение ценностей из различных сфер человеческого бытия с ориентацией по преимуществу на моральные (религиозные, идеологические), далеко не безобидно, если вспомнить о трагических судьбах поэтов, художников, мыслителей. Здесь не всегда злая воля правителей, толпы или обстоятельств, а скорее добрая воля непосвященных.

Пушкин недаром обрушивался на чернь… Дело ведь в том, что понятия морали просты и ясны, просты до примитива, что поэту до них, он их усвоил еще ребенком, не то, что эстетические явления, эстетическое переживание, вкус. Здесь высшая сфера искусства, более того – природы и истории. Именно эти высшие сферы всеобъемлющих знаний и бытия оказываются недоступными для так называемой черни, хотя бы потому, что она воспитана прежде всего на моральных (идеологических, политических) клише известного рода.

Словом, признаемся, эстет – понятие, пока не привычное для

нас. Между тем каждый человек в большей мере эстет, чем моралист. Уже едва появившись на свет, мы оказываемся вовлеченными в некую игру с нами и вокруг нас, и это угадывают не только дети, но и детеныши всех зверей и птиц, и соответственно ведут себя. Через игру дети научаются всему и постигают мир. Подрастая, они застают те условия человеческого существования – быт, нравы, вещи, какие носят прежде всего эстетический характер, пусть очень несовершенный, на их беду. Здесь почва, основание, как и природа, человеческого бытия.

А моральные требования и установления привносятся уже как бы извне. Детеныши зверей и птиц освобождены от такого диктата разума, хотя бы потому, что они как бы научены всему заранее, на уровне инстинкта, - и к повадкам, исполненным целесообразности, и к сооружению гнезда и т.д. Природа здесь обходится, как видно, без внеличностных требований, поскольку приводит в действие инстинкты, в которых запрограммированы как отдельные задатки, так и все поведение животного. Лишь ребенку, вовлеченному в игру на сцене человеческой жизни, то и дело напоминают о моральных табу. Очевидно, это дублирующая система по отношению к инстинктам и естественным потребностям человека, внешний регулятор поведения и вкуса, пока не задействованы более тонкие, основанные тоже на инстинктах, но требующие обучения и навыка формы жизнедеятельности и творчества, эстетических, разумеется.

Если моральные требования, по сути, всегда оказываются внешними по отношению к индивиду, безразличными, пока они выполняются сами собой, как всегда и бывает для большинства людей, и репрессивными, если индивид идет на нарушение табу, грани дозволенного, то эстетические установки, сознаем мы это или нет, заложены в нас самой природой, как в кристаллах или в цветке. Иное дело, насколько успешно и полно мы можем воспользоваться этим богатством сущностных сил человека.

Казалось бы, здесь все ясно. Но столетия и тысячелетия кто-то упорно, апеллируя к власти или обладая ею, ставит во главу угла сугубо моральные (религиозные, политические) установления и нормы поведения, достигая, как правило, обратного результата. Даже церковь сплошь и рядом служила интересам правителей, той или иной идеологии, и войнам, большим и малым, не было конца.

Рушились города и царства. На обломках древних государств и империй рождались новые моральные системы, которые прежде всего и довершали распад мировых цивилизаций и культур. Но, спрашивается, что же спасало человечество раз за разом? На чем же держалось жизнестроительство, которое продолжалось из года

в год, из столетия в столетие, несмотря на крушение царств и империй?

Нетрудно увидеть, что, кроме морализма, одною из движущих сил в истории человечества, никогда не принимавшей сугубо разрушительного характера, был эстетизм, то особое отношение к жизни, что вовсе не сводится к культу красоты, да еще с отрицанием всякой морали. Это всего лишь наш предрассудок, доставшийся нам в наследство от тысячелетий, когда моралист господствовал безраздельно. Как антипод морализма эстетизм – это жизнестроительная сила, поскольку это сила и самой природы, которой, верно, недаром нет дела ни до какой морали, но она всегда достигает своих высших целей и задач: сохранения жизни, расцвета ее, - действуя безошибочно на уровне ее художественных инстинктов.

Она знает меру. Природа – это живая эстетика. Человек со своей этикой, с его столь двусмысленным изобретением, занимает в ней свою нишу, одну из структур, нередко выводя ее из строя временно, а то и насовсем. В грядущей экологической катастрофе он погубит прежде всего себя, с его мировыми религиями, с его Богом, с его моралью и идеологиями, поскольку и экология не дело добрых намерений и молитв, а эстетика, есть знание законов природы и искусства и следование им в творчестве и жизнетворчестве.

Да, в жизнь мы вступаем эстетами (во всяком случае, проявляем к тому большую склонность, скажем, в сфере той же моды), но вскоре приходит пора, когда решение моральных вопросов невольно увлекает нас вплоть до отчаяния, той самой мировой скорби, которой столь подвержена юность.

Существует, стало быть, некая, не всегда осознаваемая нами диалектика эстетического и этического, с преобладанием того или другого начала в нашем жизнеотношении, как и в умонастроении эпохи. Нарушение равновесия ведет даже к взаимопревращениям эстета и моралиста, что отнюдь не безобидно.

Тот, о ком сказал поэт, «как денди лондонский одет», Евгений Онегин в ранней молодости слыл эстетом чистой воды. Затем он впал в хандру, по сути, в моральную рефлексию и оказался в каком-то безысходном состоянии в цвете лет, ни в чем, кстати, не ведая нужды. То, что это была именно моральная рефлексия, которая ведет либо к отказу от жизни, от страстей, что в христианстве, да и в буддизме, возводится в принцип, либо к действиям и порывам, пагубным для личности, вплоть до преступления, Онегин доказал всем своим поведением в отношении Татьяны и Ленского. Он отказывается от любви и

хладнокровно убивает юного друга на дуэли.

Ситуация, воспроизведенная Пушкиным столь поэтически непринужденно, коснулась почти всех персонажей великой русской литературы, как и их создателей, столь склонных к моральной рефлексии. Если Пушкин, отметив разлад в душе своего героя и, следственно, в умонастроении эпохи, сохранил меру классической формы искусства, то все его ближайшие последователи, точно изнемогая от избытка жизни и поэзии, увлеклись моральным творчеством, чем на свой лад всецело занялась и демократическая интеллигенция.

Задавшись целью исправления человечества, Гоголь словно лишается своего гениального дара и в конце концов губит себя. Можно по-разному оценивать его религиозные искания, как и проповедь позднего Льва Толстого, только ясно: здесь драма, драма панморализма, трагедия человеческого духа, героем которой впервые предстал Сократ.

Когда человек или художник, эстет по своей природе, впадает в морализм (в рамках религии или идеологии), оказывается, это вовсе не к добру. Пафос отрицания или борьбы за идеалы добра, справедливости понятен, но он в конечном счете разрушителен для личности, а то и для общества.

Трагический опыт нашей истории разительнее всего показывает, что преобладание морального сознания над эстетическим в умонастроении общества, независимо от причин, порождающих эти явления, в конечном итоге чревато самыми пагубными последствиями.

То же самое в сгущенном виде – не в пределах последних двух столетий, а каких-нибудь семи лет – мы наблюдаем ныне воочию. Лозунги и побуждения, допустим, самые лучшие: свобода, демократия, процветание, национальное самоопределение, - а на деле все это обернулось разрушением устоев жизни и государства.

Как бы то ни было, свобода обретена. Но почему же она столь разрушительно подействовало на великое государство?

Феномен этот не нов. Бросим мгновенный взгляд на судьбу Сократа, в которой Гегель усмотрел трагедию Греции.

«Как только появляется рефлексия, - пишет Гегель, касаясь именно вопросов эстетики, - так возникают умонастроения, убеждения, которые могут расходиться с тем, что составляет всеобщее, долг. Возникает отчасти возможность зла вообще, отчасти возможность для индивидов утверждать свои особые цели, интересы. С появлением такого умонастроения в столь непосредственном государстве (Афинском) последнее рушится. У него нет сил удерживать свою всеобщую цель в

противоположность особым целям, но его сила покоится на еще существующем единстве частного и всеобщего умонастроения».

«Бог перестает пребывать в индивидах, когда воля уходит в себя, в свое святилище знания и совести и когда проводится бесконечное разделение субъективного и объективного. Этот уход человека в себя, рефлексия появляются в греческой демократии лишь вместе с Сократом, а вместе с ним и разлагающая ее моральность».

Подобная ситуация повторилась несколько раз в истории России за последние два столетия, независимо от идей, какие провозглашала интеллигенция в ее моральном по преимуществу творчестве, вечно подвергаясь гонениям. Гегель делает существенное замечание: как Сократ, так и Афинское государство, увидевшее в нем угрозу своему существованию, были и правы, и не правы. Поэтому здесь трагедия как индивида, так и общества, неизбежный момент в развитии цивилизации и культуры или их гибели. Сказать, что Сократ погиб невинным, нельзя, говорит Гегель, тогда бы это было всего лишь «трогательно».

Наше государство покоилось на коллективистских началах, в отличие от Запада. Между тем радикальная, а позже диссидентствующая интеллигенция с пробуждением самосознания и рефлексии вносила именно свои особые цели и интересы, входившие в противоречие не только с господствующей идеологией, но и с глубинными устоями народной жизни. Зато и выпали на ее долю все тяготы преследований, гонений, лагерей и тюрем. Правых и неправых в одностороннем порядке нет и не может быть. Без осознания этого, то есть без обретения более широкого взгляда на события нашей истории, мы будем лишь трогать самих себя судьбами невинных жертв, глядя то слева, то справа, когда истина, если она нам нужна, - в полноте взгляда, охватывающем судьбу личности и государства.

Естественная установка интеллигенции, вообще всякой личности, на «субъективность, моральность, собственную рефлексию и внутреннюю жизнь» (Гегель) приобрела явно самодовлеющий характер, не без воздействия внешних сил, смыкаясь с устремлениями, очень далекими от духовности, с частнособственническими инстинктами и культом индивидуализма, и поэтому разрушительными для государства, основанного издревле на коллективистских началах.

Как ни удивительно, трагедия России (допустим, казнь декабристов – I акт), как и трагедия Греции, началась именно в эпоху расцвета ее культуры, высшего взлета ее художественного гения в лице Пушкина, а дело Сократа зачинают его

современники и ближайшие последователи.

«Гоголь, - пишет Д.Мережковский в статье «Пушкин» (1896), - ближайший из учеников Пушкина, первый понял и выразил значение его для России. В своих лучших созданиях – в «Ревизоре» и «Мертвых душах», Гоголь исполняет замыслы, внушенные ему учителем. В истории всех литератур трудно найти пример более тесной преемственности. Гоголь прямо черпает из Пушкина – этого родника русского искусства. И что же? Исполнил ли ученик завет своего учителя? Гоголь первый изменил Пушкину, первый сделался жертвой великого разлада, первый испытал приступы болезненного мистицизма, который не в нем одном должен был подорвать силы творчества».

«Достоевский, - продолжает Мережковский, - до последнего вздоха страдал, мыслил, боролся и умер, не найдя того, чего он больше всего искал в жизни, - душевного успокоения. Лев Толстой уже более не ищет и не борется или, по крайней мере, хочет уверить себя и других, что ему не с чем бороться, нечего искать. Это спокойствие, это молчание и окаменение целого подавленного мира, некогда свободного и прекрасного – с теперешней точки зрения его творца, до глубины языческого и преступного, - мира, который величественно развивался перед нами в «Анне Карениной», в «Войне и мире», эта тишина «Царствия Божия» производит впечатление более жуткое, более тягостное, чем вечная агония Достоевского».

Весьма поучительны свидетельства современника Достоевского и Льва Толстого, который изнутри наблюдал и переживал их религиозно-моральные искания, и, хотя как будто понимал бесплодность такого пути, сам ратовал о новом религиозном сознании. Нашел ли он-то то, чего искал?

Моральная рефлексия наших великих писателей и целой плеяды религиозных мыслителей начала XX века, независимо от их целей и неких мистических истин, якобы открытых им, была, по сути, лишь симптомом разлада в умонастроении личности и эпохи, столь разрушительного для Российской империи, разумеется, не без воздействия внешних сил. И вот когда сегодня подобная ситуация повторилась на наших глазах, с распадом великого государства, впору бы задуматься всем нам, нет ли иных путей к свободе, к «душевному успокоению», наконец, к процветанию? Оказывается, есть. Они – в заветах Пушкина, которым изменили наши великие писатели, да не они одни.

Пушкин и античность

Трагическая судьба Пушкина прояснит нам многое, в ней самая сущность трагедии России, и таит в себе, быть может, возможность ее величественного разрешения.

Этой темы касается и Мережковский в вышеупомянутой статье. «Пушкина Россия сделала величайшим из русских людей, - пишет он, - но не вынесла на мировую высоту, не отвоевала ему места рядом с Гете, Шекспиром, Данте, Гомером – места, на которое он имеет право по внутреннему значению своей поэзии. Может быть, во всей русской истории нет более горестной и знаменательной трагедии, чем жизнь и смерть Пушкина».

Все так. Вместе с тем ведь это трагедия нашей жизни; трагедия поэта продолжается по сей день, и она переросла в трагедию России – при нашем общем попустительстве, с нашим исканием земного рая, Бога, а теперь и процветания по образцу развитых стран Запада.

По отношению к Пушкину мы и поныне остаемся варварами, как эллины называли всех иноземцев, не причастных к их образованию и культуре, в самом деле образцовых для своего времени и последующих тысячелетий. Россия не вынесла Пушкина на мировую высоту, не потянулась сама за ним, потому что не дала себе труда разобраться в нем, как Эллада вознесла Гомера и воспиталась на его поэмах.

Пушкин не просто классический поэт, а классик в его изначальном значении, близкий к первоистокам, как никто из поэтов Нового времени. Так возникает тема, столь ясная, что, кажется, тут говорить не о чем: Пушкин и античность. Вероятно, поэтому исследователи творчества поэта едва касаются ее, да и сам Пушкин, в отличие от Гете и Шиллера, как будто не стремился к обретению классической формы искусства; он обладал ею изначально.

Дело в том, что Пушкин начинается вовсе не как романтик (южные поэмы и ряд стихотворений того времени – это всего лишь промежуточный этап в его творчестве, когда он отдал дань моральной рефлексии, байронизму, если угодно), а сразу с «Руслана и Людмилы» и антологических стихотворений, каковые он обозначал условно как подражания древним; здесь перед ним не два мира, а один, его мифическая родина, которую и мы узнаем как свою.

Древняя Русь и античность могли встретиться лишь в мире песнопений, то есть в мифе. Это случилось именно таким образом, потому что Пушкин открыл античность в первую очередь через мифологию, может быть, еще ребенком, а в Лицее застал саму атмосферу юного древнего мира, ставшего отныне его родиной в пределах России, включая и саму Русь.

Никто из поэтов христианского мира и Нового времени не оказывался в таком положении, как Пушкин, в отношении греческой мифологии и искусства. Он один, даже его лицейские товарищи близко не подошли к античному миросозерцанию, разве что кроме Дельвига. Вообще можно подумать, что в Лицей он приехал не из Москвы, а из Древней Греции, где прошли его детские годы и где у муз он брал первые уроки гармонии и пластики. Он вспоминал о том часто, читая и Шенье, относя свое детство к мифическим временам:

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой…

Или:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных…

Не обозначая темы «Пушкин и античность», Мережковский говорит о том же: «Пушкин – единственный из новых мировых поэтов – ясен, как древние эллины, оставаясь сыном своего века. В этом отношении он едва ли не выше Гете, хотя не должно забывать, - добавляет критик, - что Пушкину приходилось сбрасывать с плеч гораздо более легкое бремя культуры, чем германскому поэту».

Последнее замечание выдает наше обычное заблуждение в отношении Пушкина. Гете пожелал уже зрелым поэтом вернуться к «первобытной ясности созерцания», к «простоте древних греков». Вряд ли здесь можно говорить о сбрасывании бремени культуры позднейших эпох, а скорее речь о проникновении в тайны тех или иных культур, чему отдает дань, к примеру, Кюхельбекер, о котором Пушкин пишет в одном из писем брату, приоткрывая свое отношение к Греции: «Читал стихи и прозу Кюхельбекера – что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышит мифологией и героизмом, - славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар?»

Замыкая Пушкина в рамки России, да еще с оглядкой на литературы стран Запада, мы теряем подлинное представление о

его корнях, о масштабах его гения и не можем поднять его на мировую высоту рядом с Данте и Гете. Не культура России к началу XIX века, не Пушкин в том повинны, а мы сами. Поэт Нового времени, столь органически и классически ясно вырастающий из античности, этой общей основы европейской культуры, несомненно уникальный мировой гений. Пушкин выше Гете, который лишь подступался к классической форме искусства. Разумеется, Гете воплощал свои замыслы на том уровне, на каком хотел, но это без непосредственной внутренней связи с античностью или с эпохой Возрождения, ибо и в Фаусте он предпочел воспроизвести средневекового чародея, а не ренессансный тип личности. Как ни странно, столь всеобъемлющий гений, как Гете, весь остается в пределах немецкой культуры, с ее мировым значением, в то время как Пушкин свободно творит в масштабах всей мировой культуры. Если мы этого не осознаем, как же в мире могли открыть Пушкина в одном ряду с Гомером, Данте и Шекспиром?

Тема «Пушкин и античность», лишь слегка обозначенная, может быть выражена и чуть иначе: «Пушкин и миф». Пушкин близок по строю души к греческой мифологии, как никто из поэтов Нового времени, вместе с тем он восприимчив ко всякому мифу, будь то предания русской старины, библейские сказания или поэтические мотивы Корана. Пушкин близок к мифу как таковому. Но мифическая его родина все же именно Древняя Греция, заронившая в его душу классическую меру, «золотую меру вещей – красоту» (Мережковский). С этой мерой юный поэт создает поэму «Руслан и Людмила», как и антологические стихотворения, истинно пушкинские.

Простота и ясность художественного мышления Пушкина и его стиля – это простота мифа, ясность символа, глубинная бесконечность содержания как мира души человека, так и мироздания в целом. Поэтому уже неудивительно, что все создания поэта в той или иной степени погружены в миф. С поэмой «Руслан и Людмила» в этом плане как будто предельно ясно, но вместе с тем ведь это не просто сказка, как другие сказки поэта, в ней уже проступает поэтика романа «Евгений Онегин». Для нас это детская вещь. Пушкин думал иначе. В начале романа он обращается к читателям, как к друзьям Руслана и Людмилы, видя в них представителей своего поколения и круга.

Ясно, что и «Евгений Онегин» погружен в миф. Что касается южных поэм, «Гавриилиады», «Цыган», «Полтавы», «Медного всадника», соотнесенность их с мифом, с легендой, с историей, воспроизведенной, как предание, бросается в глаза.

Но также обстоит и с художественной прозой поэта. То, о чем

здесь речь, по существу, осознается всеми, кто соприкасается с миром Пушкина, а исследователи говорят о склонности поэта к воспоминаниям, когда собственно и рождается миф, эстетическое восприятие мира в целом. Воспоминание и есть отрешенность, спокойное либо вдохновенное созерцание первосущностей, самых заветных постижений и переживаний. И когда мы соприкасаемся с миром поэта, в котором все дышит воспоминанием «первоначальных, чистых дней», и мы обретаем свежесть чувств, наше детство и юность, уже отошедшие в вечность. В этом смысле Пушкин – это наше вечное детство и вечная юность, наша мифическая родина, Россия в вечности, «великолепная, классическая, поэтическая», «где все дышит мифологией и героизмом».

Последнее слово не случайно. Пушкин, дороживший своей связью с мифической родиной, ощущал трагизм бытия, как греки, и шел с готовностью навстречу судьбе и року, и его жизнь не могла предстать иною, как высоким трагическим мифом, будто он, как мифический Орфей, наш античный поэт. Так судьба Пушкина связывает нас, сознаем мы это или нет, с первоистоками европейской культуры, как вся эпоха Возрождения.

Говорят о всемирной отзывчивости Пушкина. Но что это значит? Это и есть вовлеченность поэта в мифы всех времен и народов, вместе с тем это свойство ренессансных мыслителей и художников. «Всякая историческая форма жизни для него понятна и родственна, - говорит Мережковский, - потому что он овладел, подобно Гете, первоисточниками всякой культуры. Гоголь и Достоевский полагали эту объединяющую культурную идею в христианстве. Но мы увидим, что миросозерцание Пушкина шире нового мистицизма, шире язычества. Если Пушкин не примиряет этих двух начал, то он, по крайней мере, подготовляет возможность грядущего примирения».

Античный эстетизм и христианский морализм, как разноприродные явления человеческого духа, не могут придти к примирению, на что уповал Мережковский. В эпоху Возрождения, с обращением к античности, эти два начала пришли, возможно, к некоторому равновесию, но первопричиной и формосозидающей силой Ренессанса выступил именно эстетизм, «объединяющая культурная идея» гуманистов. Мережковский замечает, «что миросозерцание Пушкина шире нового мистицизма, шире язычества», но не делает последнего вывода, также и в отношении Лермонтова, которого характеризует, как «поэта сверхчеловечества». А ведь речь идет о ренессансном миросозерцании русских поэтов!

Трагедия рождается из трагического мифа, по сути, из

дионисийства, благодаря аполлоническому началу, с которым она приводит к очищению через меру, гармонию, красоту. Пушкин это и явил нам и всем своим творчеством, и всей своей жизнью. Также и Лермонтов. Это величайшие ренессансные явления в русской поэзии и русской истории. Здесь названы всего два имени, а сколько их! Оглянемся назад, пока не поздно, со всей полнотой взгляда, уже не с моральной точки зрения, заведомо односторонней, а с эстетической. Что это?! Какое удивительное зрелище! То, что мы воспринимали, как трагедию России, теперь предстает в ярчайшем, блистательном, непреходящем свете!

Ренессанс в России

Пора взглянуть на нашу историю и культуру взглядом Шекспира, как призывал Пушкин, беспристрастным и всеобъемлющим, и тогда открываются удивительнейшие явления. Трагедия России предстает как величественная картина, какой человечество не знало с эпохи Возрождения в Европе, с эпохи, помимо величайшего расцвета искусств, столь чреватой катаклизмами и противоречиями, каковые дают себя знать и поныне.

Более того. В трагедии России угадываются черты трагедии Греции, пришедшейся тоже на эпоху высшего расцвета искусств и культуры античного мира. Словом, несколько актов трагедии России за последние два столетия – это и высшие взлеты русского искусства, русской культуры, русского гения.

При таком взгляде мы приходим к выводам, воистину парадоксальным, опрокидывающим все, что говорилось и говорится о России во славу ее или в хулу. Но, если вдуматься, есть все основания: великая классическая литература XIX века, архитектура и живопись XVIII-XIX веков, музыка и театр XIX-XX веков, «Русский модерн» рубежа XIX-XX веков, - чтобы наконец нам всем осознать, что Ренессанс в России не мечта, казалось бы, уже совершенно призрачная в наше время, а наш вчерашний день.

То состояние, что мы переживаем, как трагедию России, длится уже второе столетие, а имеет начало и истоки в реформах Петра Великого, когда Россия перешла черту, разделяющую Средние века от Нового времени, что в Западной Европе произошло в XIV-XVI веках. Здесь проступает один из важнейших признаков такого явления, как Ренессанс.

В XVIII веке в России впервые зарождается светское

искусство, что дало себя знать особенно ярко в архитектуре и живописи. Это тоже один из признаков Ренессанса, хорошо известный по истории Италии, когда художники вновь открыли тайны живописи и в образе богоматери воспроизвели портрет молодой женщины своего времени.

Ренессансные явления в архитектуре блистательно представляет классический Петербург.

Вообще первой и ярчайшей ренессансной личностью на русской почве должен быть назван царь Петр. Он заложил, как город на Неве, основы для развития ремесел, наук и искусств в России. Его деятельность, как будто совершенно спонтанная, самоуправная, что мог позволить себе царь, вместе с тем изначально основана на всеобъемлющей жажде познания и творчества, буквально жизнетворчества, что и есть пафос возрожденчества в его целеустремленности и отваге.

Вообще Петровская Русь имеет больше всевозможных и, может быть, самых существенных черт сходства не с Францией или Германией XVIII века, здесь скорее чисто внешние заимствования бросаются в глаза, а с эпохой Возрождения в Европе, когда складывались национальные языки и литературы, также и новые формы хозяйствования. Именно при таком взгляде становятся понятны и разносторонняя деятельность Ломоносова, и масштабность поэзии Державина, ренессансных по существу.

В живописи Рокотов, Левицкий, Боровиковский запечатлели целую галерею изумительных портретов мужчин и женщин своей эпохи, когда еще столетие назад Русь, кроме иконописи, ничего не знала.

Казалось, литература пребывает во младенчестве (по сути, в состоянии итальянской литературы, когда родились Данте и Петрарка). Но уже явилась целая плеяда замечательных поэтов, и среди них ярчайшая из звезд – Пушкин, творчество которого воплощает величайший взлет художественного гения, один из самых характерных и необходимых признаков Ренессанса.

Лермонтов в отличие от Пушкина, как ни странно, замкнут в христианской традиции. Его вера детски чиста и ясна. Многие стихотворения поэта – жемчужины мировой лирики – это молитвы. В них слышна мелодия столь сокровенной и беспредельной веры, какая в Новое время кажется уже невозможной. Вместе с тем поэт не витал в облаках, в мистических эмпиреях, он скорее ощущал себя падшим ангелом, тоскующим однако не о небе, а желающим вочеловечиться, будто это высший удел. Он любит природу во всех ее чудесных проявлениях, что питает его веру и поэзию его души. И эта его любовь к жизни как бы отвращает его от неба, и поэта, как его

Демона, принимают за богоборца. Да и характер у поэта таков, что многие, даже из близких ему людей, не понимали его. А это был возрожденческий тип личности, Данте по поэтическому гению и силе характера, погибший до времени. Ренессансные взлеты человеческого духа всегда сопровождаются трагической коллизией возвратных явлений, либо гонениями властей, либо обращением к Богу, в чем Гоголь хотел найти спасение.

Орест Кипренский, Карл Брюллов, Александр Иванов блестяще представляют ренессансные явления в живописи, как Пушкин и Лермонтов в поэзии.

Развитие литературной критики, от Белинского до Писарева, с одной стороны, и религиозной философии, от Киреевского до Владимира Соловьева, с другой, при всем различии моральных установлений, если присмотреться беспристрастно, по пафосу исканий и даже по стилю близки возвышенным речам мыслителей эпохи Возрождения. Мысль Чаадаева – соединить религию и философию, казалось, запоздалая для Нового времени, - была подхвачена двумя поколениями религиозных мыслителей в России. Но разработка философских основ христианства и вообще мифологии на основе неоплатонизма – один из ярчайших примет эпохи Возрождения.

Любопытно отметить, Владимир Соловьев и позже Павел Флоренский, самые крупные, видимо, фигуры из русских христианских философов, приходят в конечном итоге к эстетике, как некогда Фома Аквинский и Николай Кузанский. Словом, теология, разработанная всеобъемлюще, стало быть, с обращением к античным первоисточникам, предстает, как эстетика, то есть моральная философия перерастает в эстетическую.

Похоже, Алексей Лосев пришел к тому же и всю жизнь занимался столько же историей античной эстетики и эстетики Возрождения, сколько эстетикой как всеобщей философией. Таким образом, он, пожалуй, еще в большей степени предстает как возрожденческий тип мыслителя, чем Владимир Соловьев и Павел Флоренский, один воплощая целую Флорентийскую Платоновскую академию для нашего времени . И его трагическая судьба, и его титанический труд, даже то, что его капитальные исследования вышли в СССР, - говорят как о трагедии России, так и о Ренессансе, бесконечно затрудненном запретами и гонениями, что, впрочем, тоже характерно для эпохи Возрождения.

Этих немногих указаний, самых предварительных, на явление Ренессанса в России, что легко подтвердить историей русского искусства, начиная с XVIII века, пока здесь достаточно.

Спрашивается, почему мы не обнаруживаем самосознания эпохи как ренессансной? Наоборот, мы помним сетования критиков, вплоть до заявлений: «У нас нет литературы!», и это в пору расцвета пушкинского гения.

Ренессанс в России не был узнан, осознан по многим причинам. Укажем на две из них. Россия вступила на мировую арену относительно поздно, и всякого рода сравнения с развитыми литературами Европы складывались не на ее пользу. Казалось, нам суждено постоянно догонять Европу. Между тем Россия, как живой организм, развивалась в соответствии со своим возрастом, со своими внутренними законами, заимствуя отовсюду то, что ей сродни, что необходимо для ее роста, как все иные цивилизации.

Вторая причина, может быть, самая существенная, почему ренессансные явления в России не были узнаны как таковые, - это вечный морализм русской интеллигенции, что ныне доведено до абсурда. С точки зрения моральной, независимо, под знаком Бога или политической злобы дня, явления искусства и культуры не могут быть поняты и оценены по существу. Скорее наоборот. Искусство всячески принижается, требуют от него пользы, служения добру, а кончают чернухой и порнухой во имя свободы личности. Радикальная интеллигенция, начиная с декабристов, боролась за свободу народа или личности, принося в жертву в интересах борьбы красоту, по сути, меру вещей, без которой все самые благие пожелания и цели быстро вырождались во зло. Но ведь и повышенный морализм, утопизм исканий и целей – один из самых характерных черт эпохи Возрождения, кроме панэстетизма и индивидуализма.

Так, в виду сложившихся обстоятельств самосознание нации постоянно смещалось, суживалось, обеднялось, то оглядкой на Запад, то поиском исконно русских корней, а более всего уничижением, недовольством условиями русской жизни, ее отжившими формами, в первую очередь самодержавием, в котором усматривали анахронизм, постыдный и грубый. Из песни слова не выкинешь. Революционное движение, начиная с декабристов, оценивало все явления русской жизни только с политической, по сути, моральной точки зрения. Сострадание народу, порывы к свободе – благороднейшие чувства. Под их знаком рождались герои. Они же почти сплошь поэты. Но им мало поэзии. Они жаждут свободы и просвещения для народа. Они знали «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Это были героические личности. С тех пор умонастроение русского общества определялось так или иначе противостоянием интеллигенции и царизма, освободительным

движением, что сотрясало Российское государство, ставя его в эпицентр мировых событий. Россия за короткий исторический срок пережила три революции. Можно относиться к революции как угодно, особенно теперь, задним числом, но нельзя не признать, что это был величайший порыв к свободе, к свету, с идеей Новой жизни, что, конечно же, есть ренессансное явление.

Если в увлечении борьбой за социальную справедливость или моральными исканиями интеллигенция отворачивалась от природы и искусства, как некогда Сократ, это вовсе не значит, что блистательное развитие русской литературы и искусства прервалось. Гениальные художники, ренессансные по своей природе, с их бесконечным жизнелюбием и со склонностью к рефлексии, что делало их жизнь и творчество крайне противоречивыми и многотрудными, - Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, - на первый взгляд, изменили заветам учителя, как утверждал Мережковский. Но эпоха Возрождения тем и отличается, что в русле панэстетизма как художников, так и философов, пышным цветом расцвела и моральная философия.

«Русский модерн» с его жизнестроительными идеями и панэстетизмом уже был несомненно близок к осознанию ренессансных явлений в России. Но и поныне исследователи полагают, что его идеи оказались утопическими, поэтому он вскоре потерпел крах, как романтизм. Очень поверхностная аналогия. Можно ведь и об «Илиаде» Гомера сказать – «утопия и мечта», если бы на Гомере не воспиталась Эллада, сотворившая целый мир с прекрасным искусством и философией всех начал.

Также и идеи эпохи Возрождения в Европе можно признать за «утопию и мечту», однако величайший расцвет искусств и наук налицо, что легло в основу развития европейской цивилизации в дальнейшем, несмотря на крах возрожденчества. Здесь важны именно этот плодотворнейший прорыв в творчестве и жизнетворчество, жизнетворчество буквально.

«Русский модерн» тем и отличается от сходных явлений на Западе в ту же эпоху, что впервые, со времен Пушкина, целостно проявил ренессансные черты развития русского искусства и русской жизни. Все признаки налицо: театрализация жизни, причем не отрицание ее, а, наоборот, ее утверждение, с внесением в нее всеобъемлющего эстетического принципа, и не просто идея, а практика – архитектура, прикладное искусство, живопись, театр, тот же МХТ, литература, тот же Чехов, музыка, балет, покорившие Европу.

Многим, особенно сегодня, кажется, что революция положила конец блистательному развитию русского искусства, что не соответствует действительности. Здесь обычная аберрация

зрения, что всегда подводило интеллигенцию в ее увлечении борьбой или теми и иными идеями, либо отрицанием борьбы и идей, ею порожденных.

«В 1998 году русский театральный модерн родился, - пишет исследователь. – Спустя двенадцать лет А.Блок записал в дневнике: «1910 год – страшный. Умерли Толстой, Врубель, Комиссаржевская». Тут и определение года, и имена, для модерна наиважнейшие. Страшное нависает плывущей тучей. Накануне гроз и ливней нашей истории модерн умер».

Все изменилось еще до первой мировой войны. Старой России положила конец буржуазная эпоха, в которую она оказалась вовлеченной как бы против воли, во всяком случае, против ее духовных интересов и целей, так же затем и в мировую войну. Россия пережила кризис, сопоставимый с нынешним.

Кризис – это смерть или грядущее обновление. Вовлеченная в мировую войну, а затем в гражданскую, Россия могла погибнуть или претерпеть распад, как в конце XX века. Нет, она не погибла, вопреки всем прогнозам и социальным катаклизмам; она создала новый мир. Говорят, что все это было утопией. Но и создание утопий – один из характернейших признаков Ренессанса. Бэкон, Кампанелла, Томас Мор – представители эпохи Возрождения. Абсолютная свобода личности тоже оказалась фикцией, кроме власти чистогана. Разобщение людей, народов, войны, эпидемии чумы, святая инквизиция, все виды преступлений и аморализма снизу доверху, до папского двора, - это тоже эпоха Возрождения, ее обратная сторона.

Так что расцвет искусств и наук в Западной Европе в XIV-XVI веках, если взглянуть на историю стран и народов с моральной точки зрения, окажется ничем иным, как величайшей трагедией Европы в так называемый период первоначального накопления капитала. С моральной точки зрения никакого Возрождения не было, наоборот, упадок, декаданс, отречение от Бога, Содом и Гоморра, что и породило Реформацию, приспособление установлений церкви к новым условиям жизни.

Европа, а с нею и человечество, все же отдали должное эпохе Возрождения, усилиям и исканиям гуманистов и художников, сотворившим новый мир, пусть осуществленный лишь в искусстве. А как и может быть иначе? Остались прекрасные города, живопись, литература – как внешняя и внутренняя, духовная среда обитания и бытия человека, то, что называют культурой. Оказались преходящими формы правления, идеологии противоборствовавших сил, словом, сфера моральных устремлений, пусть наилучших, но ведших почти всех прямехонько в ад.

Ренессанс в России – это не повторение европейского с его культом индивидуализма, что явилось одною из причин его разложения, а совершенно новое явление, с отрицанием индивидуализма и культа наживы, основных ценностей буржуазного Запада, как это понимали великие русские писатели и мыслители. Мы не цивилизованы по сравнению с благополучным с виду Западом постольку, поскольку не осознали достижений русского художественного гения, русской культуры, не воспитанные на красоте, как Европа, сохранившая в себе память о величайшем взлете искусства в эпоху Возрождения и постоянно осуществляющая жизнестроительные идеи Ренессанса, хотя бы в развитии бытовой цивилизации.

У нас невиданное наследство, неоцененные сокровища, высочайшая и чистейшая духовность, чего мы вовсе не растеряли за советский период нашей истории, несмотря на колоссальные трагические коллизии века, всевозможные запреты и гонения. История Российского государства, пусть с измененными кое-где акцентами, великая русская классика, наконец, природа России – все это было с нами, мы впитывали все это вместе с звуками русской речи, лирики величайших поэтов, с картинами Боровиковского и Кипренского, Саврасова и Левитана, с музыкой Глинки и Чайковского.

Даже отказ от религии и церкви, - надо же быть справедливыми, - это был величайший порыв к свободе человека, к утверждению его достоинства, впервые заявленный в эпоху Возрождения, подхваченный в эпоху Просвещения. Если эти вершины в развитии человеческой мысли мы сознаем, то как же не понять, что Россия сделала следующий шаг к свободе личности. Церковь остается в жизни современного человечества, но не иначе, как театр и кинематограф, то есть как эстетическая форма человеческого общения, когда сакральное и моральное переводится в область искусства, мистерий, неких празднеств, как собственно всегда происходило, начиная с греков с их природной веселостью, проявившей себя в величайшем развитии искусства. Но эта греческая веселость – после эпохи Возрождения – постоянно давала себя знать на Западе, а церковь служила всего лишь легким покровом этого весело торжествующего язычества.

Мы же, освободившись от диктата церкви и религии, этой свободы самоутверждения личности не обрели, по многим причинам, и именно в сфере творчества и жизнетворчества по законам красоты. В 60-е годы XX века, когда эстетизм впервые после 30-х годов отчетливо вновь проявил себя в жизни и искусстве, интеллигенция с ее неприятием или приятием власти и ее идеологии, как встарь, вновь вступила на путь морализма

(диссидентства, политиканства, богоискательства), доведя сегодня свои искания до абсурда – самоуничижения и самоуничтожения.

Разъедающая ее душу моральность обернулась для нее ядом и разрушительной силой для великого государства, разумеется, не без воздействия внешних сил. Трагедия Греции повторилась в трагедии России. Ренессанс не идиллия, не просто жизнерадостность и вдохновение, а и высочайшая драма человеческого бытия, что греки представили через трагический миф, обретший форму трагедии. Что художники и мыслители эпохи Врзрождения так или иначе пережили величайшие драмы и трагедии, о том достаточно свидетельств. Да и о чем драмы Шекспира?

Если наша история, особенно в XX веке, столь трагична, то в этом не наша слабость и убожество, как пытаются поучать нас новоявленные моралисты от политики и журналистики (из областей, где истина никогда не обитала), а наша сила, наше величие. Высокая трагедия на сцене или в жизни приводит к катарсису, и человек обретает новое зрение, словно впервые после долгой болезни увидел небо, лес, солнце, всю красоту мироздания.

1993-1994

P.S. *(30 октября 2011 года)*. Эссе «Трагедия России как эстетический феномен» написано в 90-е годы XX века, в пору распада СССР, всеобщего смятенья и торжества тех, кто радовался обретенной свободе. В эссе, вопреки всему, что творилось вокруг, я открыл нечто удивительное: Ренессанс в России не просто идея, а факт, историческая реальность, возникшая, как город на Неве, по воле и программе Петра Великого. Эссе не было опубликовано, по недоразумению, что заставило меня серьезней отнестись к делу и написать книгу эссе «Ренессанс в России», отрывки из которой напечатаны в журнале «Нева» (2003, № 5). Книга эссе не издана до сих пор, но выложенная на сайте Эпоха Возрождения, с серией новых статей, за последние пять лет стала учебным материалом для школьников и студентов.

Ныне вижу, что эссе «Трагедия России как эстетический феномен», легшее в основу книги «Ренессанс в России», имеет самостоятельное значение и сохраняет актуальность, будто оно написано сегодня.

Державный мастер, Мусагет, сонеты

9 января 2006 года.

Так, в ходе работы над эссе «Трагедия России, как эстетический феномен» я пришел к открытию Ренессанса в России, величайшего явления в развитии национальной истории и культуры, до сих пор не осознанного нами. Закончив эссе, я испытал необычное чувство свершения: что-то свершилось важное - в моей жизни или в мире? Что-то произошло. Такого еще не бывало. Это было похоже на катарсис, о котором говорили древние.

Несколько неудачных попыток опубликовать эссе «Трагедия России, как эстетический феномен», в последнем случае, по моей вине, заставило меня серьезнее отнестись к делу, и я написал книгу эссе *«Ренессанс в России»*.

С открытием Ренессанса в России я заинтересовался прежде всего эпохой Петра Великого. Бездна материала! Я задумал написать роман, как некогда Лев Толстой, который затем остановился на эпохе Отечественной войны 1812 года. Первое и

основное затруднение - это язык эпохи, совершенно невозможный для воспроизведения, в основе своей сугубо поэтический, и тут я нашел самое простое решение: писать не роман, а драму в стихах, - шекспировская форма соответствовала эпохе преобразований царя-реформатора, поскольку сама была порождением английского Возрождения.

Я решил создать не хронику из национальной истории, как Шекспир, а мировую драму, поскольку герой, его деяния и празднества, невиданные на Руси, с участием богов Греции то в виде изваяний, то в виде ряженых, требовали всеобъемлющей формы. Я вывел на сцену Хор женщин в масках, которые играли в зависимости от событий то ведьм, то муз, то вакханок, поскольку и Дионис принимал участие в празднествах царя... В шекспировской форме проступили элементы античной трагедии.

В это время был снят фильм, основанный на материале романа Дмитрия Мережковского о Петре 1 и царевиче Алексее, в котором главным героем оказывается не царь-реформатор, а его ничтожный сын, что отвечало духу времени, но не исторической правде. Если Петра 1 православные еще могли принимать за Антихриста, то царевич Алексей никак не мог воплощать Христа.

Вообще Мережковский довольно свободно обращается с известными историкам фактами. Основная версия его романа основана на подметном письме, в ложности которого давно убедились историки. Его роман начинается с празднества в честь античной гостьи Венеры, по представлению христиан, белой дьяволицы; на этом празднестве царевич Алексей не мог присутствовать, он умер к тому времени, скорее всего не вынеся пыток, обычной формы дознания того времени во всех цивилизованных странах.

Петр I не остановился бы перед публичной казнью изменника, поскольку он уже не считал его за сына. Но создатели фильма, зациклившись на жестокостях царя Петра, менее всего заботились об исторической правде. Им, очевидно, трудно представить, что царь-реформатор - зачинатель Ренессанса в России.

Неожиданный переход от прозы к драме в стихах, очевидно, был неслучайным, меня вновь потянуло к стихам - на исходе, казалось, жизни и в эпоху, самую неблагоприятную для лирики. Неудивительно, стихи оказались особой тональности и формы. Как видно, трагедии как миросозерцанию и жанру сопутствуют сонеты.

Работа над трагедией «Державный мастер» шла интенсивно, время уходило лишь на изучение исторического материала, что оказалось затруднено для меня из-за пожара в Доме писателя,

пострадала библиотека, книги были связаны, а через год-два куда-то увезены; ныне богатейшей писательской библиотеки практически не существует, в чем, как в капле воды, отразилось наше время.

Разговорная речь в эпоху Петра, я думаю, вполне выражала все, звучала просто и ясно, но письменная речь с церковнославянскими оборотами несет в себе такую затрудненность в выражении мыслей, что ужас. Лишь отказавшись от церковнославянского, не без помощи немецкого и французского, русские заговорили по-русски и овладели русской письменной речью?! Боже! Солунские братья в самом деле сыграли с нами злую шутку.

Вообще, кроме архаики, неразвитости языка, Петр, верно, затруднялся выражать свои мысли и чувства, свои представления и цели, которые находили на него, как озарения. Из состояния немоты или непонимания он выходил двояким способом. Сам брался за все, практически осваивая знания, каких требовал от своих сподвижников и подданных. Всякое учение и труд, по существу, для него были неким священнодействием, посвящением в таинства рождения человека, вещи, мастера, корабля.

Второй способ - это его празднества, без коих он не сумел бы приобщить народ к своим задачам и целям. Здесь он закладывал основы новой духовной культуры, светской. Это были настоящие мистерии. Вообще он мыслил и чувствовал, как художник, как актер и драматург на сцене жизни. Многое делалось весьма примитивно.

Но это с нашей, внешней точки зрения. Все оканчивалось попойкой. Примитивно? Но в юности, а народ в ту эпоху был юн, как Петр и в зрелые годы, попойка совсем не то, что сама по себе. Из ассамблей Петра, над которыми кто только не смеялся, явился высший свет в русском обществе и двор, в своей пышности затмивший европейские дворы.

Петр не любил ничего мистического, религиозного в жизни, реальность он воспринимал с величайшей трезвостью гения, что отмечает у него и Вольтер. Вместе с тем он был сам фантастичен по необъятным силам своей личности, и вот, трезво воспринимая жизнь, людей, церковь, он любил фантастическое в форме шутовства, празднеств, театра, маскарадов, фейерверков, ощущая в них тот особый таинственный смысл и значение, что находят люди в религии, мистике, ему чуждых вне эстетического утверждения жизни. Но именно таковы были греки.

Таким образом, сама сущность героя, совершенно особенная, подсказывает поэтику театрального представления. Моя цель - не создание трагедии в духе Шекспира, а именно мировой драмы,

как театрального представления. Здесь уже не мистерии, а трагедия в чистом виде, как она зародилась в Древней Греции.

Трагедия здесь возникает, помимо событий, потому что ни боги, ни любые потусторонние силы не могут помочь человеку, кроме его воли, игры его фантазии, которой он зачаровывает себя или преодолевает страх, смерть - через жизнетворчество и творчество, через катарсис.

Таким образом, в ходе работы над трагедией «*Державный мастер*» я постоянно обращался к античности и к эпохе Возрождения в Европе и, кроме эссеистики, набрасывал стихи, с идеей обозрения мирового искусства, собственно бытия человеческого, в его высших проявлениях.

Так, неожиданно я набросал стихотворение о Шекспире, распавшее позже на два сонета, еще ранее стихи «Гоголь в Риме» и «Ясная Поляна». И вдруг предстало видение: осень, проселок, всадник... Кто он? Бедный владелец нескольких деревушек, собравшийся жениться на первой красавице Москвы, приехав устроить свои дела, из-за чумы застрял в деревне, и вот рой гостей досаждает ему, и, словно вышедшие из могил, они раскрывают «тайны гроба», и поэт, как бы помимо своей воли, - таковы его природа, его призвание, - дает им, как бог, бессмертие в их славе или позоре, - это «пир во время чумы», а внешним образом, исторически, это и будет «Болдинская осень».

Но столь обширное поэтическое содержание напрасно пытаться запечатлеть в одном стихотворении и даже в цикле, напрашивается целая поэма, а еще лучше - трагедия, с Хором Муз?! Так, неожиданно вызрел замысел новой мировой драмы с местом действия вплоть Древней Греции, с участием Муз, для которой проблемы с изучением материала не вставало, все было у меня под рукой, все читано и перечитано...

И я, еще не завершив работу над трагедией «Державный мастер», начал набрасывать трагедию «Мусагет» - драму о Пушкине, да еще в стихах. Ну-ка, придет ли это кому в голову? Главное, можно ли справиться? И мне бы никогда не пришло в голову, не говоря о героях, просто обратиться к драме в стихах в наше время, если бы не осознание ренессансных явлений русской жизни и культуры, с тем перспективы и масштабы творчества поднимаются на порядок выше, если не на два или три.

Я набросал трагедию «*Мусагет*» в течение первых трех-четырех месяцев 1997 года, еще до завершения «Державного мастера». Вопреки продолжающемуся развалу в стране, надо сознавать, что в творческом плане пока я переживаю лучшее время, какое может выпасть на долю поэта. И нечего роптать на одиночество и возможное и даже длительное непонимание, твердил я себе, поэтические создания останутся.

Именно в эти дни, продумывая темы стихов, собственно философской лирики, я неожиданно пришел к мысли, что вариации на эти темы и мотивы лучше всего, продолжая традиции Петрарки и Шекспира, исполнить в сонетах. Тому были весьма основательные причины. В обычных формах, даже объединяя в цикл, нельзя бесконечно варьировать одну и ту же тему, а в сонетах - это-то и предполагается. При этом я продолжаю классическую, ренессансную традицию, что и требуется и что соответствует моей поэтике и моему миросозерцанию, с совершенно новым и всеобъемлющим содержанием.

Я закончил две трагедии, большие по объему, как мировые драмы отнюдь не предназначенные для театра, типа «Фауста» Гете, почти одновременно. И вышел в город на поиски издателей.

Вы помните, как вышел Мастер у Булгакова со своим романом из своего подвала? В это время появилось множество издательств, но, странное дело, их найти, оказалось, весьма затруднительно или вообще невозможно. Многие издательства не имели своих помещений, лишь юридические адреса. А в тех, более преуспевающих, книги издавали за счет автора или вовсе не печатали современных писателей.

И всюду о драме в стихах и слышать не хотели. Со свободой печати выступил новый цензор - деньги, или иначе, вкус массовой публики. Классику издают широко, но малыми тиражами, что удорожает книгу. Классику издают красочно - как альбомы и подарочные наборы конфет, оказывается, для крупных фирм - для подарков в праздники и при деловых встречах.

Между тем приблизилась дата - 200 лет со дня рождения

А.С.Пушкина. Возможно, «Мусагет» был бы издан, если бы не случился дефолт. Во всяком случае, так мне говорил Яков Гордин, известный историк, из семьи пушкинистов.

Затруднения с изданием мировых драм заставили меня вспомнить о театре. Возникали новые замыслы, в частности, об эпохе начала XX века, изучением которой я занимался с первых шагов в литературе. Становилось ясно, будут новые драмы, а вот от жанра мировой драмы должно пока отказаться.

«Державный мастер» и «Мусагет» подверглись большим сокращениям, выпали из них мифологические сцены, а из трагедии о Пушкине вся линия «Пушкин и Керн», из которой впоследствии вышла веселая драма в четырех действиях. «Веселая драма» - это выражение Моцарта, так он определяет жанр его «Дон Жуана».

Выработав собственную форму драмы (шекспировская форма с элементами древнегреческой трагедии), я не отказался от мысли создать мировую драму типа «Божественной комедии» Данте или «Фауста» Гете, всеобъемлющее произведение Новейшего времени. Для подобного замысла необходимы первоисточники, высокие произведения искусства не вырастают на пустом месте. В основании создания Гете лежит средневековая легенда, вынесенная им еще из детства, когда он видел представления кукольных театров о Фаусте.

К этому времени я закончил очередную обработку двух романов «Золотой парусник» и «Метаморфозы», которые соединились в один под новым названием «Мистерии Серебряного века» *(ныне "Восхождение")*. Это я сделал, зная уже, что этот роман, в основе которого легенда о русском художнике и путешественнике, открывшем тайну света, и послужит первоисточником мировой драмы, драматической поэмы или трагедии (все эти жанры в равной степени относятся и к «Фаусту» Гете), к осуществлению которой я приступил на исходе XX века.

Только жанр моей поэмы «*Аристей*» - мистерия. На сайте она не представлена (*ныне представлена, да в двух частях*), хотя и закончена вполне, я надеюсь еще вернуться к ней на исходе дней. Однажды я едва заикнулся о трагедии типа «Фауста» Гете, главный редактор издательства «Амфора» заявил: «Фауста» никто не читает». Что тут скажешь? Знаем ли мы о всех горных вершинах? Но они существуют. И на многие вершины с дивным упорством восходят альпинисты. Это масштабы Земли и человеческого духа, достойные удивления и восхищения.

Время действия в мистерии «Аристей» - весь XX век и тысячелетия человеческой цивилизации, которая, оказывается, мало чем отличается от любых животных популяций или рыб, тех

же акул, повторяющих одни и те же стереотипы поведения миллионы лет, стереотипы, основанные на законе джунглей, что у людей обрело форму рынка и войн в масштабах, каких не знают звери.

С открытием тайны света становится возможным воскрешение умерших, с обретением ими бессмертия, что на Земле, естественно, сопряжено со всевозможными осложнениями и еще худшими бедствиями, чем войны, и бессмертные принимают решение унестись на Золотом паруснике в Космос как спасательное судно для душ, устремленных к звездам, с воскрешением их и расселением нового человечества, можно сказать, богочеловечества, по бескрайним просторам Вселенной.

Лучше поздно, чем никогда

16 января 2006 года.

Вопреки развалу в стране и свистопляске в СМИ, вопреки всякого рода житейским проблемам, - остатки от последнего гонорара, на которые я мог бы прожить безбедно год, обесценились в один миг, в это время в течение года заболели и умерли родители Лели, - я сознавал, что совершил прорыв в творчестве, хотя и поздно.

«Поздно» даже не в смысле возраста, лет своих я не ощущал, ведь меня принимали за мальчика, с возвращением юности, уже после тридцати, и молодость моя длилась, как бы возвращаясь вновь и вновь, с обновлением жизни вокруг и во мне, как по весне...

«Поздно» - лучшее время для изданий я упустил. Ныне журналы и издательства заранее сообщают о том, что рукописи не рецензируются и не возвращаются. Литературный процесс прерван с самого, еще предварительного, начала... Он прерван и на уровне изданий - литературная критика исчезла даже на страницах «Литературной газеты».

Но лучше поздно, чем никогда. Заканчивая последнюю обработку, с большими сокращениями, трагедий «Державный мастер» и «Мусагет», я уже носился с рядом замыслов пьес. С завершением мировой драмы «Аристей» я почувствовал, что у меня развязаны руки для исполнения все новых замыслов драм в стихах - с охватом величайших эпох расцвета искусств и мысли в истории человечества, к которым меня влекло с детства, верно, недаром, с осознанием и открытием Ренессанса в России ныне. И тут можно сказать: «Лучше поздно, чем никогда».

Начало XX века в России, серебряный век русской поэзии и культуры сегодня у всех на слуху... Но кризисная эпоха, которая за короткий исторический срок недаром ведь разрешилась тремя революциями, воспринимается сусально. Столетие первой русской революции, получившей в свое время громадный отклик в Европе и во всем мире, в России не отметили, но собираются отметить столетие Думы, прямое достижение первой русской революции, всячески извращенное Николаем II, который не понимал, что, разгоняя и унижая Думу, он губит себя и свою семью, вместо того, чтобы в ней найти опору и защиту.

У нас сегодня, не принимая Октябрьской революции по

разным причинам, называя ее переворотом, будто это меняет смысл исторического события, вообще утратили представление, что такое революция. Говорят взахлеб об «оранжевых революциях», когда речь идет всего лишь о выборах и методах предвыборной борьбы, с приходом к власти представителей одной из партий или объединений со сходными программами. Революция - не смена политических ориентаций в рамках одной идеологии, а смена социально-экономической формации. Такова Великая французская революция, нравится она кому или нет, ни империя, ни реставрация не перечеркнули ее смысла и значения, а лишь вызвали еще ряд революционных потрясений.

Такова и Великая Октябрьская социалистическая революция, приведшая к коренной смене социально-экономического строя, какого еще не было в истории человечества. Именно события такого масштаба, нравится это кому или нет, и называются революциями.

Реставрация капитализма в России со вздохами о монархии и белом движении, что каким-то образом сочетается в установках интеллигенции и олигархии с такими понятиями, как права человека, демократия и свобода,- явление временное, как показывает опыт истории, не заключающее в себе ничего позитивного и плодотворного, поэтому столь разрушительное для экономики страны и гибельное для населения. Если это состояние беспорядка и смуты будет продолжаться еще длительное время, распад РФ неминуем даже при стабилизации экономического развития.

Обесценение всех ценностей и понятий в России приобрело масштабы национального бедствия. Профессионально-технические училища называют колледжами или лицеями, институты узких профилей - университетами, предвыборные баталии - революциями и т.д. Только величайшее событие в истории человечества зарекаются называть революцией. Слишком страшно кому-то. А вот сусальничать в отношении Николая II и ее супруги не страшно, хотя именно они породили революцию, вместо конституционной монархии, к чему привела было первая русская революция. Словом, полная подмена понятий! Говорят о национальных проектах, как о грантах, вместо разработки всеобъемлющего плана выхода страны из кризиса... Вероятно, скоро объявят об организации агентств по национальным проектам, как для Швыдкого это сделали.

Начало XX века в России, трагическая эпоха трех революций, сегодня, как ни странно, менее всего известно новым поколениям. Станиславу Говорухину впору писать новую книгу «Россия, которую мы потеряли». Не ту - аристократическую, купеческую,

кондовую, а героическую, новую, с высокими стремлениями к добру, к свободе и к справедливости, в унисон с идеалами и новым гуманизмом великой русской литературы, что витало в воздухе эпохи, как дуновенья весны. Вы помните «Девушку, освещенную солнцем»?

На рубеже XIX-XX веков в России вступало в жизнь уникальное поколение - несколько ярчайших плеяд поэтов, артистов, художников, архитекторов, ученых, революционеров, издателей, в миросозерцании которых уже совершился переворот, что выразил Чехов устами одного из героев: «Здравствуй, новая жизнь!»

Та эпоха оставила богатейшую мемуарную литературу, по сути, сокровищницу поэзии и культуры, ныне оттесненную воспоминаниями представителей эмиграции, что составляет малую толику и имеет специфический интерес. Россию мы не теряли. Возьмите в руки «Автобиографические записки» А.П.Остроумовой-Лебедевой. Она не теряла ни старой, ни новой России, несмотря на перемены, какие происходили, кстати, по всему миру.

Дворянство превращалось в миф не только в Советской России, но и по странам Европы, к власти приходили социал-демократы, а задавала тон буржуазия, которая лишь во второй половине XX века в развитых странах Запада стала превращаться в средний класс с демократическими установками, собственно, как интеллигенция в СССР, правда, без политических свобод для инакомыслящих и сколько-нибудь значительной частной собственности, что она вполне могла иметь, одна из роковых ошибок руководства страны.

Интеллигенция в России традиционно была малообеспечена, но это ее не занимало, ее интересы всецело лежали в духовной сфере, а отличительной ее чертой, как известно, было сочувствие народу, желание служить ему. Не все отваживались идти в революционеры, но сочувствие революционерам, независимо от их политических ориентаций, было повсеместно. На благотворительных концертах, на которых выступали самые знаменитые артисты, шел сбор средств для голодающих крестьян, нуждающихся студентов или в пользу разных политических партий. Если случались выступления студентов, с избиением их городовыми и казаками, - это всегда вызывало потрясение во всех семьях, в которых росла молодежь. Юная девушка, обучаясь с самозабвением живописи и читая античных философов, бесконечно далекая от политики, при первых известиях об избиении студентов во время демонстрации у Казанского собора буквально слегла, с нею случился нервный припадок, словно и по

ней прошлись нагайкой казаки.

Одна из лучших актрис Художественного театра, генеральша, красавица, - ее красотой восхищался Лев Толстой, - во время вооруженного восстания в Москве, когда против револьверов рабочих палили из ружей и пушек, не только заливалась слезами, брала себя в руки, выходя на сцену, а организовала лазарет для раненых при театре, - потом станет известно, что она стала профессиональной революционеркой в то же время, как вступила на сцену, принимая самое активное участие в создании Художественного театра. Для нее это естественное выражение ее свободолюбия и таланта.

Целая плеяда исключительных по красоте и талантам женщин, помимо мужчин, потянулась к свободе... Отчего?! Ренессансные явления - это не только достижения в сфере искусств и наук, но и жизнетворчество, рождение и воспитание новых поколений, - появлению галереи изумительных портретов Левицкого и Боровиковского предшествовало рождение плеяды новых людей в России в условиях преобразований, начатых Петром I, а также блистательных художников.

Подобную картину мы наблюдаем и в эпоху Пушкина. Кроме героев Отечественной войны 1812 года и декабристов, золотой век русской поэзии и культуры богат и исключительными женщинами. Одна из них Анна Керн, воспетая Пушкиным. С детских лет она вдохновенно училась; выданная рано замуж за генерала Керна, она приглянулась императору Александру I; в пору увлечения ею Пушкиным, когда он находился в ссылке в Михайловском, она оставила мужа и поселилась в Петербурге, где снова увиделась с поэтом, поскольку успела подружиться с его другом Дельвигом и младшим братом, а также с Михаилом Глинкой, которому отдала автограф Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», чтобы он написал романс.

Но женитьба Пушкина и смерть Дельвига, а также то, что ее богатые родственники не хотели ее знать из-за разрыва с мужем, обрекли ее на одиночество и почти нищету. И в это время она полюбила молодого человека, который имел всего-то клочок земли, но любовь и общие интересы к литературе их свели на всю жизнь.

Из дворянок, в юности блиставшая на аристократических балах с участием императора, воспетая Пушкиным, Анна Керн с новым мужем, с их бедностью и неугасающим интересом к литературе, с чтением всех новинок новой русской литературы, оказалась одной из представительниц разночинной интеллигенции, воплощением уже новой эпохи. Она умирала под стук колес, везших памятник Пушкину, который стоит в Москве.

«Давно пора» - промолвила она. В тот год в Петербурге во флигеле во дворе, где жил ректор Петербургского университета, родился Александр Блок.

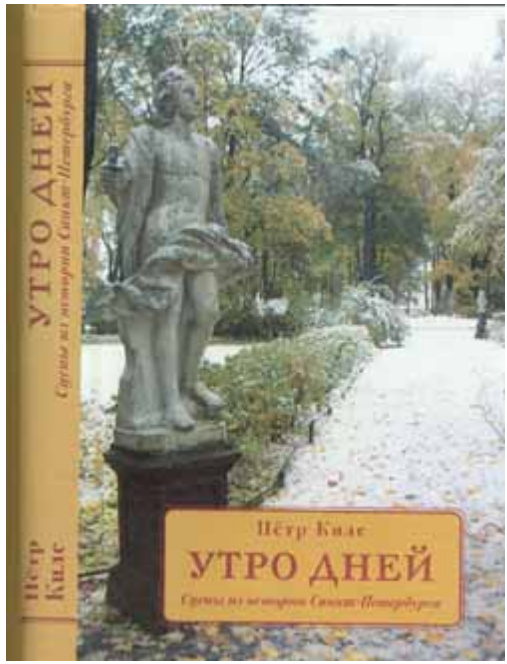
С завершением трагедии «Утро дней», с основными действующими лицами эпохи первой русской революции, я набросал две комедии «Соловьиный сад» и «Анна Керн». Так составилась моя первая книга пьес, разумеется, с «Державным мастером» и «Мусагетом».

Яков Гордин посоветовал мне подать заявку в комитет по печати при правительстве Санкт-Петербурга, которое оказывало финансовую помощь при издании социально значимой литературы, то есть принять участие в конкурсе. При этом надо было найти издательство, которое собственно и подает заявку, а поскольку денег выделяется заведомо мало, не всякое издательство решалось участвовать в конкурсе. Требовались также две рецензии достаточно значимых лиц.

Звоню одному критику. Жена, вдова, говорит, что он умер. Звоню к другому - в ответ странно отвечают, и я догадываюсь: умер тоже. Статью «Трагедия России, как эстетический феномен» в свое время я показывал одному известному литературоведу. Но можно ли к нему обратиться за рецензией, если он за последнее десятилетие сделался известным целителем и очень занят?

Между тем издательство нашлось, а комитет по печати, с которым я связался, отдал рукопись книги «Утро дней» «на экспертизу», как выразились, в театр имени А.С.Пушкина. Искусствовед, работающий заместителем директора, одобрил рукопись, что дошло до Смольного. Прошел год. Говорят мне в издательсьтве: заявка не прошла. Но позже выясняется, что это издательство не отчиталось за ранее выделенные суммы, поэтому заявка не прошла.

Пришлось все начать заново. К этому времени с некоторыми пьесами ознакомились Борис Никольский и Яков Гордин. Они-то написали рецензии, а заявку решился подать генеральный директор издательства «Летний сад» (Санкт-Петербург) Ерофеев Александр Алексеевич, хотя редакция находится в Москве. Это была исключительно его добрая воля.

После первого провала я боялся поверить, что город выделит, а когда через полгода деньги были выделены, 50000 рублей, я не верил, что книга выйдет, поэтому даже не читал верстку, о чем пришлось пожалеть после. Вкралось много ошибок, в некоторых местах, можно подумать, кто-то нарочно вносил изменения, имея, может быть, какие-то новейшие понятия об орфографии. Все это сразу испортило всю радость, когда книга неожиданно быстро вышла в свет - на самом исходе 2002 года. Редактор не указан, но я его знаю, он звонил мне по поводу каких-то весьма неважных поправок и уверил, что вмешиваться в текст без моего ведома не станет. Думаю, на какой-то стадии его заменяли, ошибки участились где-то в середине книги. Хорошо еще - менее всего пострадали «Державный мастер» со скрытыми цитатами из документов времен Петра и «Мусагет».

Уф! Кажется, можно радоваться и даже гордиться, по крайней мере, к 300-летию Санкт-Петербурга, воплощению и символу Русского Ренессанса, успел! Увы! Увы! Правительство города поддержало издание книги и издательство, но не автора. О гонораре, кроме пятидесяти экземпляров, бартер, не было и речи.

Но самое обескураживающее - полное отсутствие отзывов и критики. В России литературная критика была и злободневной публицистикой, и философией, ныне она сошла на нет. Оскудела мысль.

Существуют лишь две внутренние рецензии. Мне кажется, имеет смысл привести здесь краткий «Отзыв на рукопись книги

П.Киле «*Утро дней. Сцены из истории Санкт-Петербурга*» Якова Гордина.

«Замысел Петра Киле, который он реализовывал не один год, - показать великих персонажей русской истории как действующих лиц грандиозной античной драмы, - заслуживает несомненного уважения. Работа Киле напоминает мне известное высказывание Иосифа Бродского, который в письме Ахматовой из ссылки писал, рассуждая о фундаментальных чертах любого творчества: «Главное - это величие замысла». Он, таким образом, повторил в ином варианте известное утверждение Пушкина о «Божественной комедии».

Замысел Петра Киле грандиозен и писатель воплощал его с упорством, достойным всяческого уважения. Он тщательно изучил исторический материал, тщательно выбрал героев, - так, чтобы перед читателем книги выстроилась многообразная картина движения русской культуры от петровской до блоковской эпохи. Он совершенно правильно выбрал творцов из разных сфер. Первый император творит новое государство, Пушкин творит новую литературу, Серов - новый взгляд на воспроизведение мира, Анна Керн - любовью творит собственную жизнь, которая тоже была явлением культуры своего рода, и, наконец, Блок создает опасный симбиоз живой жизни и литературы.

П.Киле разнообразит жанровую стихию, ориентируясь - как он сам свидетельствует в программном предисловии - на античный театр. И замысел, и огромный труд автора безусловно заслуживает уважения и поддержки».

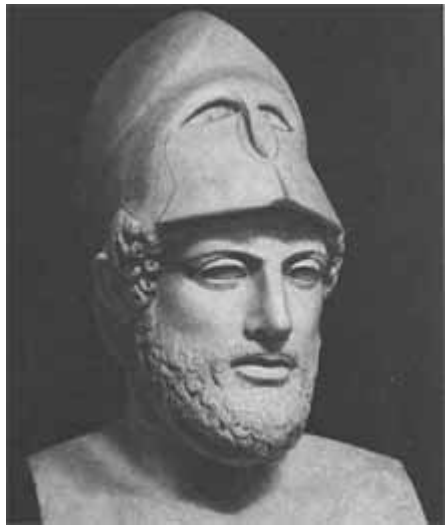
Золотой век Афин, Перикл

23 января 2006 года.

Еще в пору, когда я закончил трагедию «Утро дней», было отчасти уже набросано продолжение - об эпохе Первой мировой войны и Февральской революции - «Провидение», с коллизиями у трона, с новым кругом действующих лиц, куда входили княгиня Юсупова, князь Феликс, Распутин, разумеется, с Николаем II и Александрой Федоровной, но этот материал, насквозь пропитанный мистикой и истерией, настолько мне надоел, что меня потянуло к чему-то отрадному, к комедии «Соловьиный сад», - именно в это время, на исходе столетия и тысячелетия, вызрел внезапно новый замысел - античной вещи.

Мне не нужно стремиться воспроизвести форму античной трагедии или комедии, также нет нужды ориентироваться прямо на Шекспира, сознавал я, ведь у меня своя поэтика трагедии, и она изначально связана с античной мифологией, только теперь мне предстоит воссоздать непосредственно классическую древность.

Эпоха Перикла - самая героическая и самая блистательная, с зарождением демократии и расцветом искусств и мысли, Золотой век Афин и античной культуры, вместе с тем предстает как трагедия Греции, что проясняет и судьбу России. Здесь, видимо, неизбежность, Рок: высшее развитие - Ренессанс - и спад, распад. Значит, дело уже не в России с ее историей, а в противоречивых тенденциях развития цивилизации и культуры.

С началом очередной предвыборной свистопляски в СМИ (в марте 2000 года) в России становилось неприятно жить, и во мне впервые вспыхнуло чувство: куда бы уехать из России?! Некуда уехать, разве что за пределы Земли унестись на Золотом паруснике, но это же чувство дает мне возможность сознательно выйти за пределы истории России на мировую арену и отныне там осуществлять новые замыслы, соответственно вновь продумать содержание и структуру мистерии «Аристей», чтобы сделать ее всесветным произведением. Если даже никаких новых изменений и дополнений в ней не будет, всеобъемлющее ее содержание прояснится вполне в связи с новыми замыслами, охватывающими ренессансные эпохи всех времен и народов.

С изучением исторического материала для меня все более прояснивалось: передо мною уникальная история Древней Греции в два-три десятилетия ее наивысшего взлета и заката, в чем проступает вся история человечества в прошлом, настоящем и будущем, да еще в ее единственной, классической форме.

Греческая веселость, красота, ум и трагизм бытия. Если эпоха Возрождения в Европе связана с воскрешением богов Греции, то Ренессанс в Элладе, наоборот, обнаруживает впервые тему гибели богов, смыкаясь, если угодно, с эпохой Просвещения в Европе и в

особенности с Ренессансом в России?!

Стало быть, в трагедии «Перикл», кроме исторической судьбы Греции, кроме расцвета искусств и философии, что ляжет в основу европейской цивилизации и культуры, кроме судьбы непосредственно Перикла, Аспасии, Фидия, Анаксагора, Сократа, - необходимо затронуть - не просто чисто философски, а в поэтических картинах, - и судеб богов?!

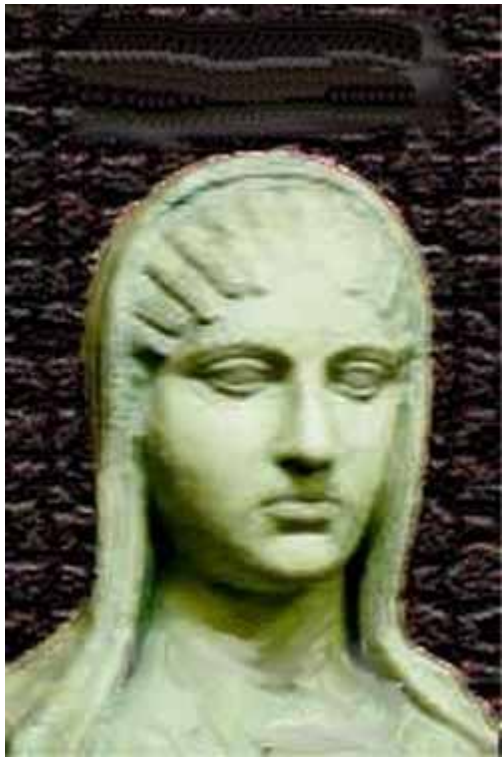
Запечатлеть, как пошатнулся весь мировой порядок, установленный олимпийскими богами, сохраняющих свое значение лишь в мире песнопений и высокого классического искусства. Это - и величайший прорыв человеческой мысли, это и свобода, и высокая трагедия, что народы переживали вновь и вновь целые тысячелетия и пребывают в этой трагической ситуации и сегодня, правда, без остроты переживаний и мыслей древних греков!

С пробуждением мысли вера в богов, наивная, спонтанная, детская, пошатнулась, и тогда греки воссоздали богов в прекраснейших произведениях искусства, как в эпоху Возрождения в Европе, с тем они пережили и трагедию Грецию, и Ренессанс. И такое состояние мира и моих чувств я несу в себе с детских лет, теперь ясно почему, - в условиях Ренессанса в России, ныне наблюдая его закат.

Ах, вот почему тема Ренессанса, запавшая в душу еще в детстве, - моя единственная и всеобъемлющая тема, а трагедия - ее высшая форма, которой я овладел лишь с осознанием трагедии России, с осознанием вообще Ренессанса как высокой трагедии. Так было в Афинах V века до н.э. Так было в странах Европы в эпоху Возрождения. Человеку дано высшее, но большего - нет.

Эллада развилась прежде всего в соприкосновении с Востоком, а Запада не было, в соприкосновении с Азией, а Европы как таковой еще не было, это все произошло на стыке древних культур Ближнего Востока и Египта, с обретением классической формы в Греции.

Жизнь в Афинах, кроме войн и подготовки к ним, к защите отечества, была пронизана празднествами; даже театральные представления были продолжительными празднествами. Большое значение имели Элевсинские мистерии, во что вникнуть нелегко, поскольку таинства нельзя было разглашать, но, по сути, это было одно из древнейших театральных действ со специально выстроенным зданием и, возможно, с подземными катакомбами.

Элевсинские мистерии - это попытка преодоления ужаса бытия, рока, смерти, обретения бессмертия, это поклонение первобытного человека к хтоническим богам и, по сути, христианские таинства, а среднее звено - светлое мироощущение, связанное с олимпийскими богами, здесь то уникальное, что создали древние греки, и христианство ничего нового не сказало за 2000 лет, все было уже у греков.

Жизнь в Афинах, по сути, это театр, с прекраснейшими декорациями, что представляет из себя античная архитектура, с изваяниями богов, а актеры - сами афиняне, воспитанные на поэмах Гомера и хоровых партиях из трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида. Исчерпывающая полнота классического искусства и жизни.

Единственное, о чем я мечтал, это достижение, создание чего-то высшего, всеобъемлющего; этим только я и жил, терпя неудачи в малом, непрерывно постигая лучшие создания искусства всех времен и народов, хотя изначально, с детских лет знал, чувствовал, предугадывал это лучшее, высшее, классическое, с явлением олимпийских богов на небосводе над Амуром, заронивших в мою душу золотую меру вещей - красоту. И этот мир, эту красоту я воссоздам теперь непосредственно.

Это записи в ходе работы над «Периклом» в марте 2000 года.

Возможно, это всего лишь проявления «энергии заблуждения», о которой говорил Лев Толстой, иное название вдохновения, а выйдет - что бог даст. Я-то имею в виду Аполлона.

Между тем - в апреле - президентом был избран Путин. Злоба дня проникала в мои мысли о классической древности. Ничего хорошего. Теперь все пойдет более спокойно, после катастроф последних десяти лет, с разрушением народного хозяйства и убылью населения, как в годы войны, более плавно - по тому же пути псевдореформ, то есть разрушения России как великой державы, основы СССР.

Путин мог бы остановить этот процесс, нежданно обретя доверие народа, но он, видимо, последыш Собчака и Ельцина, этим все сказано. Он настоял на ратификации СНВ-2, чего семь лет добивался безуспешно Ельцин, и теперь, при полном развале ВПК, будут уничтожены последние ракеты с разделяющейся боеголовкой, достигающие территории США. Они устаревают, да, но ведь надо же остановиться, договор СНВ-2 подписала сверхдержава, а Россия ныне что?

Таким образом, великая эпоха Российской империи и СССР завершилась, что рано или поздно должно было случиться, как это произошло с Грецией и Римом. Как в отношении Греции Шеллинг говорит: «Красота Греции была в прошлом», можно сказать: «Мощь России, чего Европа никогда не признавала и всегда терпела поражение от нее, в прошлом».

Ренессанс в России, так и не осознанный еще до конца, закатился. Это естественный процесс, независимый от воли и целей народов и отдельных личностей, и с этим философ должен смириться. Россия одна или в союзе с республиками бывшего СССР может вполне стать процветающим государством, имея неисчерпаемые ресурсы, но это не на новых путях к будущему, а на периферии мировой цивилизации.

Открытость, свобода, демократия, громадные пространства - при перенаселенности других стран и континентов - могут привести к потоку эмигрантов со всего света, чего, в сущности, не надо было избегать в СССР с его интернационализмом, и тогда бы рухнули в соперничестве США. От идей в современном мире нельзя отгородиться, а эмигранты - это дополнительный ресурс для развития страны. А у нас все шло наоборот.

Рост населения в России возможен многократный - при ее пространствах, с ее природными ресурсами, при всех возможных противоречиях развития и конфликтах, с воссозданием СССР с его новой гуманистической идеологией, выработанной Русским Ренессансом, - как стартовая площадка для освоения человечеством Космоса?!!

Еще одна историческая неожиданность? Но парадигма такого развития заложена историей Российского государства, идеями Ренессанса в России, вплоть до первого полета человека в Космос. Созидательный процесс не закончен, а получает - после жесточайшего кризиса - новый импульс и новое, более всеобъемлющее направление?! Отгородившись от мира, нельзя было стать его светочем (одна из роковых ошибок руководства СССР). Открыться и вобрать весь мир в себя, вот что значит стать его светочем, сохраняя при этом, разумеется, свои идеи и традиции, высшие достижения Ренессанса в России .Куда меня занесло?

Набрасывая хоровые партии к «Периклу», по сути, сонеты, я ощутил полное исчезновение дистанции, как если бы я жил в век Перикла в детстве на Дальнем Востоке. Мое восприятие природы и преданий старины, с ужасом смерти, и тут же солнечных богов и богинь Олимпа и лирики Пушкина, русской жизни, моих учительниц, - все это, я вижу теперь, близко мироощущению и миросозерцанию греков, то есть я пророс каким-то чудом через классическую древность, не подозревая об этом, с острейшим ощущением трагизма бытия, спасаясь красотой, мечтая о бессмертии, как о славе. Именно трагизм бытия - первооснова миросозерцания греков - лежит и в моем мироощущении с детства.

С распадом СССР трагическое мое мироощущение пробудилось с новой силой, и я вдруг обрел себя как поэта, а именно трагического поэта. Удивительное чувство - спокойствия, силы, мужества?! Ощущение трагизма бытия - это вовсе не пессимизм, что нашел Ницше у греков, а нечто иное - как воспринимал Пушкин - мужество и героизм при природной веселости, что находило исход и в театре Диониса, и в мистериях, и в празднествах. Конечно, это чувство постоянно сохранять невозможно. Или это и есть катарсис?

Трагизм бытия и красота порождают катарсис?! И лучшего, большего, высшего не дано?

В ходе работы над трагедией «*Перикл*» я увидел возможность нового возвращения к лирике, основанной на воспоминаниях детства и юности, теперь уже даже не в русле антологических стихотворений, а более органично и непосредственно, чем у меня в сонетах, как в «Перикле». Мне открылась классическая древность воочию, как мировосприятие и миросозерцание из моего детства.

Таким образом, окончательно определяется моя поэтика трагедии и лирики?! Через воссоздание классической древности и ренессансных эпох в истории человечества?! У меня установилась непосредственная связь - через мое детство и познания - с первоистоками человеческой культуры и цивилизации, как Мережковский говорит о Пушкине и Гете?

Что ж, если теперь пойдут стихи, неважно, в какой форме, это несомненно благотворно скажется на набросках и завершении «Перикла». Неужели еще возможна такая удача?! Чего еще я могу ждать от судьбы?

Лирика приводит к трагедии, а трагедия - к лирике? Две стороны человеческого духа и бытия? Личность в ее самосознании уясняет во всей остроте высший трагизм бытия и ищет счастья и свободы в любви и красоте, но спасения нет, возможен лишь катарсис. И - смерть.

Вот что пережил во всей полноте греческого миросозерцания Перикл, участвуя в войнах за свободу, в строительстве вместе с Фидием Парфенона, в празднествах и в Элевсинских мистериях, а

в конце жизни - угроза поражения Афин, эпидемия чумы...

В Прологе мы видим в небесах Афину; она, сходя на землю, обращается к богам Олимпа и вместе с тем к зрителям:

Воительницей я слыву с рожденья,
В доспехах, милых мне, на свет явившись,
По чьей причуде, если не отца?
Но буйных игр Ареса не люблю
И рада: воцарился мир в Афинах
С победами над персами на море...
Но Спарта с сильным сухопутным войском,
Союзница в войне с мидянским царством,
В соперничестве вечном среди греков
Из страха усиления Афин
Сбирает свой союз Пелопоннесский -
Обрушиться, как варварское племя
Стихией неразумной, на Афины.
О Зевс-отец! Останови Ареса!
Заворожи вояку, Афродита!
Лишь чар твоих избегнуть он не в силах...

Сияние Олимпа исчезает, богиня застывает высоко над Акрополем Афиной Промахос, бронзовым изваянием Фидия.

А действие начинается у пещеры нимф, где мы видим молодого Сократа с гетерой Аспасией, а за ними наблюдают сатиры и нимфы... Современные события погружены в мифы - так воспринимали греки действительность. Перикл, аристократ, неизменно избирался Народным собранием в число десяти стратегов и был первым среди равных, его недругами и врагами были олигархи и демагоги... Рядом с ним мы видим Фидия, Анаксагора, Софокла, Еврипида, молодого Сократа и юного Алкивиада и Аспасию, одну из знаменитых женщин древности, как Фрина или Клеопатра. Блестящий круг Перикла постоянно подвергался нападкам со стороны его врагов: то Фидия обвиняли в краже золота, выделенного ему для громадной статуи Афины в Парфеноне и в святотатстве из-за изображений на ее щите, в которых узнавали скульптора и первого стратега, то Анаксагора - в безбожье, то Аспасию - за чтение книги философа, а в условиях войны со Спартой и чумы и Перикл был обвинен в растратах и устранен от руководства военными действиями, и, хотя народ его снова призвал, силы его были истощены, и он скончался, возможно, от чумы, как его сын на его руках.

Так, в Золотой век Афин начинается трагедия Греции, которая проступает в судьбе Сократа уже после смерти Перикла, в

пору возвышения Алкивиада с головокружительными перипетиями его жизни и с поражением Афин. Замысел новой трагедии вызрел само собой в ходе завершения «Перикла».

Чтобы заинтересованный читатель получил представление о трагедии «Перикл», приведу здесь Эпилог.

Вид на Акрополь откуда-то сверху. В ослепительном сиянии паросского мрамора Парфенон. В стороне среди статуй проступает мраморный бюст Перикла в шлеме с его именем.

Х о р м у з

Война все длится. Греция в руинах.
Иному богу молятся в Афинах.
Лишь в мраморе хранится, как живая тень,
Далекий лучезарный день.
О, род людской! Воинственнее зверя
Он ищет славы в игрищах Арея,
И полчища племен, как вал времен,
Все рушит Парфенон.
А он стоит, на удивленье свету,
Как сон, приснившийся поэту,
В руинах весь, но символ красоты
И воплощение мечты.
Все кануло и канет в лете,
Но век Перикла вновь сияет, светел,
Как вешний день, с богами на Олимпе,
И Гелиос несется в нимбе.
А на поля ложится тень.
Повремени, прекрасный день!
Эллада - школа всей планеты,
О чем поют давно поэты.
Но нет идиллии в былом
И лучше, кажется, забыться сном.
Лишь красота, взошедшая над миром,
Осталась навсегда кумиром,
Предтечей жизни новой, как весны,
В преданьях старины.
Так, верно, вещих слово:
Что было, сбудется все снова.

Золотой век Флоренции. "Очаг света"

30 января 2006 года.

Удивительная закономерность: трагедия - жанр ренессансных эпох! И ее, кажется, именно я открыл всей своей жизнью и творчеством. Впрочем, суть не только в трагических коллизиях, которые обнаруживаются в зените ренессансных эпох, но и в природе жанра: драматическая форма - это высший род поэзии и искусства, что и соответствует высшим достижениям мысли и искусства.

Как продолжение века Перикла в историко-философском плане, спустя два тысячелетия, выступает эпоха Возрождения в Италии. Я еще продолжал обработку «Перикла», как обозначился основной круг персонажей вокруг Лоренцо Медичи, промелькнуло и название - «Очаг света» - в цитате, приводимой Лосевым о Флоренции как о центре гуманизма в течение полувека. И этот очаг света был, если и не уничтожен вовсе, то притушен политическими событиями, церковной реакцией и

войнами. Вот в чем суть трагедии. Но очаг света остался в достижениях мысли и искусства. Красота проступает как катарсис. И в этом суть трагедии как жанра, высшего рода поэзии и искусства.

Сюжет трагедии «Очаг света» сложился очень быстро, начинается с заговора против братьев Медичи, а сцена в церкви - покушение на Медичи и убийство Джулиано - символично в высшей степени, вместе с тем в духе эпохи, что Шекспир запечатлел непосредственно в содержании его трагедий. Сюжет строится на стремительном развитии действия и событий, не взирая на исторические промежутки времени, жизнь и судьба художников проступают в том или ином ракурсе на фоне их работ, вся суть - в трагической коллизии как в умонастроении персонажей, так и эпохи Возрождения в целом.

Все действие, интриги, события с явно проступающей трагической иронией, во что вкрапливаются жизнь и оценка художников и произведений, всегда восторженная, вообще живость и пламенность в восприятии всего и вся - и природы, и явлений искусства, и мысли, и событий - самая характерная черта эпохи, поэтичность языка, острота и сила мысли и страстей, что опять-таки Шекспир не выдумал, как можно предполагать, а уловил в духе эпохи и распространил на все времена.

В принципе все ясно, можно приступить к наброскам, пусть самым предварительным, что всегда существенно важно, но отвлекают дача с завершением осенних работ и мысли о практических шагах, в успешности каковых заранее не верится, а всего более подрезают крылья, может быть, мое полное одиночество в семье и в мире, в чем нет новости, но с созданием новой вещи, которую некому показать, вместо радости вновь накатывают обиды на близких, что более всего сбивает меня и не хватает решимости что-то предпринять.

А стоит приступить к осуществлению нового замысла, к наброскам, я, конечно, все это забываю - обиды какие-то, одиночество, которое как раз и благоприятно для работы, но с тем запускаю жизненно необходимые дела с устройством вещей, в чем любой на моем месте давно бы преуспел. Какой-то заколдованный круг, или я в башне из слоновой кости, из которой, все выше поднимаясь, не выбраться уже к людям, а они ничего не ведают о моих созданиях и знать не хотят. А ведь речь идет об итогах развития земной цивилизации - на рубеже тысячелетий!

Теперь ясно: с замыслом трагедии «Очаг света», как и с «Периклом», все более расширяется и конкретизируется содержание мировой драмы «Аристей».

Возрождение, по сути, как замечает Лосев, автор капитального исследования «Эстетика Возрождения», не удалось, ибо даже ренессансные мыслители и художники вновь оказались в плену у религии и церкви - духовно и жизненно, и все вернулось в круги своя.

Снятия «истории» «природой», с переходом всецело в сферу «искусства» - не произошло. Это повторилось и с Ренессансом в России, который тем более не был осознан и прежде всего эстетически; вместо религии и церкви, отделенной от государства, выступила идеология, наивная и утопическая в своем гуманизме, что вполне естественно в начале нового пути, как в юности, и беззащитная в условиях господства в мире религии и церкви и освященной ею частной собственности. Трагическая коллизия с распадом СССР тем более печальна, что она не осознана как таковая, с утратой человечеством будущего.

Технократическая цивилизация, основанная на частном интересе, что называют свободой, заключает в себе все, что ведет человеческое сообщество к деградации и самоубийству. И это особенно видно при высших взлетах творчества и жизнетворчества - в трагедии Греции, Рима, Италии (и Европы), России, с новым витком исторического цикла войн и насилия. Зрелище не столь величественное, как печальное, чаще в высшей степени трагическое, а религия и церковь все это освящают и смазывают, накладывая табу на переход в высшую сферу человеческого бытия - в сферу искусства.

Гуманисты, прежде всего представители Платоновской академии во Флоренции, восприимчивые ко всем формам религий, совершили прорыв в будущее, от которого вскоре отступили, но странно, кажется, сегодня - после всех достижений наук в XX веке - эта восприимчивость ко всем разновидностям религий и мистики едва ли не общее место для массового сознания?! От исторических форм религий для просвещенной части народов остается лишь общее понятие бога. Но массовое сознание все пребывает в рамках религии, одной из ее разновидностей, а подлинный прорыв оказался возможным лишь в искусстве эпохи Возрождения и в России после Октябрьской революции в самой жизни - с неизбежными закатными явлениями.

А прорыв совершает Аристей - с переходом из сферы природы и истории в сферу искусства, но это уже за пределами Земли?!

Это утопия? Но и Ренессанс в странах Европы отмечен созданием утопий.

Это запись от 10 сентября 2000 года. Сегодня погружение в мистику и религии повсеместно в мире. Видеть в этом духовное возрождение неосновательно, как показывает история человечества. Все происходит в точности наоборот. По сути, это та же самая феодальная реакция, которая положила конец эпохе Возрождения в странах Европы. Это особенно бросается в глаза в

современной России во всем: в распаде, развале, беспределе, с явлением священнослужителей в средневековых одеяниях всюду - при закладке подводных лодок и запуске космических кораблей, не говоря об иных обиходных делах и событиях, - и никто при этом не чувствует неловкости? Все сделались истинно верующими, как в Средние века?

В окружении Лоренцо Медичи, поэта, правителя Флоренции, все были верующие, это было естественно, но увлечение классической древностью, с открытием Платоновской академии, с меценатством купечества создало в городе совершенно особую атмосферу творчества и жизнетворчества, осознанную почти сразу как золотой век Флоренции по аналогии с золотым веком Афин. Так и было.

Рядом с Лоренцо мы видим, кроме известнейших поэтов и мыслителей, Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, юного Микеланджело, который собственно вырос в Садах Медичи, как Пушкин в садах Лицея. У Лоренцо был младший брат Джулиано, а также сын Пьеро и дочь Контессина, которую с юным скульптором несомненно связывало утаенное чувство, столь благотворное для развития его гения. Ее рано выдали замуж. Она упросила отца лишь отсрочить свадьбу на год и этот год, самый счастливый в ее жизни, она жила в доме отца бок-о-бок с Микеланджело, который дневал и ночевал в Садах Медичи,

поскольку там была его мастерская, среди античных скульптур. Палаццо Медичи, похожее на крепость и утонченный дворец, воссоздано в России и стоит на Невском проспекте.

Лоренцо Медичи из купеческой семьи, главенствовавшей во Флоренции три поколения, не имел ни титула, ни официальной должности при Синьории, правительства города, однако в нем видели правителя Флоренции не только горожане, но и герцоги, короли и папа. Уже не богатство семьи имело влияние, а достоинство личности с ее всесторонними интересами и познаниями. К Лоренцо обращались не иначе, как «ваша светлость», и еще при жизни его прозвали Великолепным. Но столь исключительное положение одной семьи и особенно Лоренцо не всем нравилось. Не без участия папы и кардиналов семейство Пацци устраивает заговор против братьев Медичи. Чтобы разом покончить с ними, заговорщики набрасываются с ножами на братьев в церкви. Конечно, все они истинно верующие, а один из них священник. Джулиано был убит, Лоренцо уберегли его друзья. Месть сторонников Лоренцо была кровавой - вполне в духе времени, можно сказать, трагедий Шекспира.

Но основные коллизии трагедии «Очаг света» связаны с выступлением Джироламо Савонаролы, настоятеля монастыря Сан Марко, против папы с разоблачениями нравов церковников, обычных для той эпохи. Именно Лоренцо призвал во Флоренцию Савонаролу и невольно предоставил ему кафедру, с которой он был услышан по всей Италии. Савонарола заразил своей моральной рефлексией и ближайший круг Лоренцо, в первую очередь Сандро Боттичелли, автора знаменитой картины «Рождение Венеры», который забросил живопись и занимался лишь иллюстрацией «Божественной комедии» Данте. В конце концов, Савонарола выступил против Лоренцо, который в это время уже был смертельно болен, и сумел возмутить народ, то есть враги Медичи воспользовались его влиянием на народ, и Медичи были изгнаны из Флоренции, а затем, когда Савонарола стал вмешиваться в земные дела Синьории, он был схвачен и сожжен на костре, как по его проповеди и приказу устраивались костры из книг, картин и женских украшений. Ревнитель за чистоту веры и нравов сокрушил очаг света с большим успехом, чем папа и король Неаполя.

Нечто подобное сегодня мы наблюдаем в России. Италия после падения Римской империи распалась на множество удельных княжеств. Войны между ними особенно усилились в эпоху Возрождения. Источником феодальной реакции и первопричиной большинства войн была церковь во главе с папой. Речь шла вовсе не о душе и спасении верующих, а о власти и

приумножении богатств за счет процветающих республик, как Флоренция или Венеция.

ЭПИЛОГ

Церковь Сан Лоренцо. Капелла Медичи, еще не завершенная, но в определенном ракурсе обретшая вполне законченный вид. Входит Микеланджело крадучись из-за полумрака или втайне от всех; вдруг свет солнца из окон, его окружает Хор в карнавальных масках.

М и к е л а н д ж е л о
Кто здесь? Кто вы? Да в карнавальных масках.

Хор кружится вокруг него, изображая пляску и пантомиму.

Иль это мне мерещится? Вы - духи?
П о э т
Мы - духи? Души тех, кого ты знал,
Чью память ты почтил сооруженьем
Капеллы Медичи как архитектор,
Художник, скульптор - все в одном лице,
Явив впервые в синтезе свой гений.
Х у д о ж н и к
Как скульптор - несравненный, ты вступил
В соперничество с Рафаэлем Санти
И расписал Сикстинскую капеллу,
Стяжав и славу живописца.
М и к е л а н д ж е л о
Боже!
Я здесь один; Флоренция в осаде;
Из Медичей, отсюда изгнанных,
На стороне обретшие и сан
Святейший пап и титул герцогский,
С врагами ополчились на свободу
Флоренции. Теперь я инженер
На обороне; ненависть к Медичи
Всех флорентийцев вновь объединила,
Как прежде вкруг Лоренцо против Пацци
И папы с королем. Я здесь лишь втайне,
Чтоб душу живу сохранить в войне, -
Мое ли это дело? Здесь мой мир,
Из юности моей, уже почивший,
Овеянный стремленьем к красоте,

Несущей нам и славу, и бессмертье.

Разносится гул пушечной пальбы.

Б о г о с л о в
Что жизнь земная? Краткий миг утех
И бед, и муки творческих дерзаний.
Уж нет на свете Сандро, Леонардо,
Нет Рафаэля.
М и к е л а н д ж е л о
Да, один остался.
Соперничать мне не с кем. Разве с Богом?
Когда бы папы не мешали мне,
Сменяя чередой друг друга, с жаждой
Себя прославить именем моим,
Сколь многое успел свершить бы я.
С и в и л л а
Гляди! Врага впускают чрез ворота.
М и к е л а н д ж е л о
Предательство?!
С и в и л л а
Не флорентийцев, нет,
Того, кто призван ими в кондотьеры.

Пушечная пальба. И тишина. И возгласы: «Нас предали! Погибла Флоренция!»
Хор карнавальных масок, в смятеньи кружась вокруг Микеланджело.

Беги! Беги!
Х о р
Да будет век твой долог, долог,
Огня небесного осколок, -
Весь обуянный красотой,
Флоренции век золотой,
Падучих звезд каскад, -
Ты озаришь его закат,
Блистательный, нетленный,
Как солнца во Вселенной.

Капелла Медичи возникает во всем ее совершенстве и благодатной тишине.

Ночь, Утро, Вечер, День -

Здесь мрамора живого светотень.
Утихли битвы,
Как и молитвы.
Жизнь во Христе
Цветет лишь в красоте.

"Алкивиад", "Афинские ночи"

6 февраля 2006 года.

Трагедия «Перикл» предполагала продолжение, ибо классический день, с началом закатных явлений, еще длился, с высшими достижениями в сферах мысли и искусства. Два замысла - трагедии «Алкивиад» и комедии «Афинские ночи» - возникли почти одновременно. Судьба Алкивиада, младшего современника Перикла и Сократа, удивительна и полна столь неожиданных перипетий, что похожа на сказку и на самые причудливые сюжеты драм Шекспира с местами действия по всему Средиземноморью. Между тем она напрямую связана с судьбой Афинского государства и Сократа.

Алкивиад отличался необыкновенной красотой и еще юношей привлек внимание Сократа, к которому тянулась золотая молодежь Афин, как Критий и Платон, и между ними, не без влияния Перикла и Аспасии, сложились совершенно особые отношения, на внешний взгляд, такие же, как у других мужчин с мальчиками. Но их связывало нечто большее: любовь как стремление к красоте, с рождением в красоте законов или произведений искусства, с чем достигается бессмертие, с восхождением к высшей красоте, - то есть в духе Платона, как разовьет он свое философское учение уже после смерти Сократа, приписывая все ему.

Будучи из знатной и богатой семьи, обладая красотой и мужеством, Алкивиад лелеял самые честолюбивые устремления и планы, осуществить которые он мог, по мысли Сократа, только с его помощью, то есть всей греческой премудрости. Но самонадеянный Алкивиад плохо слушал своего опекуна Перикла и постоянно убегал от Сократа, чтобы потешить свое самолюбие на празднествах и конных состязаниях. Принимая участие в войне, они всячески оберегали друг друга, приходя во время на помощь.

Алкивиад быстро достиг вершин власти в Афинах и затеял поход в Сицилию, имея в виду в дальнейшем завоевания в Африке и в Италии. Сократ был решительно против такой авантюры, ибо основная угроза Афинам шла даже не от персов, а от Спарты. Между тем угроза нарастала и внутри государства - олигархи во главе с Критием рвались к власти. Перед отплытием афинских кораблей с войском в Сицилию вдруг выяснилось: носы

и фаллосы у герм (охранительных столбов в виде изваяния бога) перебиты за одну ночь по всему городу, в чем сразу заподозрили одну из пьяных выходок Алкивиада...

Но в ту же ночь случилось нечто из ряда вон выходящее: на прощальном вечере с друзьями и гетерами Алкивиад устроил у себя в саду, по всем признакам, Элевсинские мистерии, то есть профанацию, что каралось законом однозначно - смертью. Были поданы жалобы. Алкивиад настаивал на немедленном разбирательстве, но его противникам было выгоднее произвести разбирательство в его отсутствие, с тем его вызвали из Сицилии уже как преступника.

И мы находим Алкивиада в шерстяной рубахе, с длинными волосами в Спарте в доме царицы Тимеи... Он не мог вернуться в Афины, его ждала смертная казнь, как казнили его друзей, участников его веселого прощального вечера, он нашел убежище у заклятых врагов Афин, убедив спартанцев отправить флот в Сиракузы и указав уязвимое место в защите границ Афинского государства. Между тем от Тимеи он решил родить своих потомков царского рода.

Разумеется, в Спарте он не мог долго оставаться и мы видим Алкивиада в пышных восточных одеяниях во владениях сатрапа Тиссаферна, откуда он ведет двойную и тройную игру со Спартой, с Афинами и с персами. В Афинах приходят к власти олигархи, не без помощи Спарты, то есть вступив в тайный сговор с исконными врагами отечества.

После поражения афинян в Сицилии Хиос, Лесбос и другие государства в Ионии стали договариваться со Спартой об их отпадении от Афин, там находился афинский флот, который был бы разгромлен тоже, если бы Алкивиад не помешал соединению стартанского и финикийского флотов, словно отрешаясь от пути предательства. Афинский флот, узнав о перевороте олигархов, призвал Алкивиада, чтобы пойти на Афины. Алкивиад, вновь возглавив афинский флот, проявил мудрость: вместо гражданской войны, начал отвоевывать отпавшие острова, громить персов и спартанцев. Он вернулся было с триумфом в Афины, но вскоре снова был отстранен от руководства военными действиями. Между тем в Афинах разразилась гражданская война, олигархи были изгнаны, победила демократия.

Именно победа демократии после стольких бедствий, с поиском причин и следствий, и отмечена судом над Сократом, в котором увидели развратителя юношества, виня его в злоключениях как Алкивиада, так и в кровавых деяниях Крития.

В «Перикле» и «Алкивиаде» воспроизводится историческая жизнь Греции в ее Золотой век и на закате его. Здесь полного

погружения в миф не могло быть; такое состояние возникает лишь тогда, когда историческая жизнь становится воспоминанием, как время Троянской войны, и смыкается с мифами. Золотой век как классическая древность возникает в эпоху эллинизма, в эпоху Возрождения, в эпоху Просвещения, то есть во все великие эпохи. Стало быть, вслед за исторической жизнью V века до нашей эры в Афинах, воссозданной в трагедиях «Перикл» и «Алкивиад», я могу и должен представить классическую древность в ее погруженности в миф и искусство, как воспринимали и воспринимают античность, припадая к истокам европейской цивилизации и культуры.

Именно историческая жизнь греков предстает в европейской цивилизации, с вечным повторением войн и колонизации, и тут не было ничего нового и продуктивного, кроме экспансии и предприимчивости, и лишь миросозерцание греков, воплотившееся через мифы в искусстве и философии, вечно привлекает человечество и дает все новые импульсы к творчеству, порождая ренессансные эпохи. Здесь все поэзия; решив воспроизвести ее, конечно, я думал о комедии, но соприкосновение с исторической действительностью превращало замысел комедии в трагедию, и тут, о, чудо, похоже, я справился; теперь время задумать комедию об античной эпохе, к которой я лишь подступался в «Перикле» и «Алкивиаде»?!

К двум трагедиям комедию добавить, и вся классическая древность как история, миф и искусство будет воссоздана?!!

В комедии в качестве основных действующих лиц предстанут, разумеется, гетеры, либо одна из самых знаменитых, та же Фрина. Не просто гетера, а модель и возлюбленная Праксителя.

«Афинские ночи». Это и волшебная сказка, и миф, и история, вся эллинистическая эпоха, освещенная светом высокой классики.

Я решил было воспроизвести ход действия, чтобы дать представление, о чем идет речь, но это оказалось - неожиданно для меня - затруднительно, поскольку поэтическое содержание пьесы, уже обретшее форму, пересказать в прозе едва ли возможно. Могу привести лишь Пролог, в котором намечено общее содержание комедии.

ПРОЛОГ

Выходит Х о р д е в у ш е к с комическими масками в руках.

Х о р д е в у ш е к

Повержены Афины
Пред красотою Фрины.
И нет у нас иных забот,

Как, кроме тех, каких Эрот
На стрелах шлет, сынишка Афродиты,
И нет у нас от них защиты.
И знамениты мы теперь
Лишь славой и достоинством гетер.
(Пляшет.)
Утрачены могущество, свобода.
И только мать-природа
Еще нас, радуя, влечет,
И женской красоте вся слава и почет.
Ее воспел - дивитесь! -
Во мраморе Пракситель,
Влюбленный, как в мечту,
Прелестной Фрины красоту.
(Пляшет.)
Но Рок завистливый, как в маске,
Смеясь, в коварной ласке,
Судьбой Елены говорит:
Изгнанье Фрине тож грозит
За красоту и дерзость упованья
Предстать богиней в изваяньи
И на морском купаньи наяву,
Одетой в моря, неба синеву!

Таким образом, кажется, я не достиг цели, решив воспроизвести здесь ход работы над пьесами... К трагедии «Очаг света» тоже напрашивалась комедия, и я обработал легенду о Дон Хуане, в которой Дон Жуан предстает как ренессансная личность в условиях феодальной реакции в Испании. Так оформилась вторая книга драм «Очаг света. Сцены из античности и эпохи Возрождения», которая уже была совершенно закончена к 2002 году, когда была издана первая книга драм «Утро дней. Сцены из истории Санкт-Петербурга». Между тем меня давно привлекают ренессансные эпохи Ближнего и Дальнего Востока.

Но драматическая поэзия оказалась ныне абсолютно невостребованной, что достойно удивления, поскольку ни издатели, ни режиссеры театра и кино, ни публика, вероятно, не осознают трагический характер эпохи, что, по крайней мере, в одном отношении благотворно и продуктивно - для развития высокой литературы и искусства.

Сказки Золотого века

13 февраля 2006 года.

Выход в свет первой книги драм «Утро дней. Сцены из истории Санкт-Петербурга» на исходе 2002 года и возможность вскоре издать вторую книгу драм «Очаг света. Сцены из античности и эпохи Возрождения», как не выразили сомнения в том из комитета по печати, меня, как ни странно, в большей мере смутили, чем обрадовали, да и не верилось как-то в серьезность всего этого, ну, хотя бы как можно издавать книги, признанные как общественно-значимые, при этом не платить писателю ни гроша?

Мне предложили снова подать заявку, нужны были рецензии и срочно, но подвел меня мой издатель, у него возникли осложнения с налоговой службой, и мы решили подать заявку, кстати, и с рецензиями Никольскому и Гордину не надо спешить, через полгода, а это был 2003 год, когда стало известно, что город потратил все деньги на юбилейные торжества. А там новые выборы, смена правительства... У меня отпала всякая охота связываться с такой формой издания книг - без гонорара и, как вскоре обнаружилось, без отзыва, я не подозревал, как о том уже упоминал, в условиях распада и развала в стране литературная критика приказала долго жить.

Между тем, судя по записям в ходе работы, в 2002 году я был занят в большей мере не пьесами, а прозой... Книга эссе «Ренессанс в России», законченная в 2002 году, потребовала изучения истории основных видов искусства, в частности, для меня новой сферы - истории русской музыки.

Жизнь Михаила Глинки с его воспоминаниями, в которых я увидел княгиню Щербатову в положении молодой Анны Керн в кругу Дельвига и Пушкина, только княгиня окажется вовлеченной в судьбу Лермонтова,и вновь промелькнула Анна Керн, но уже как мать девушки, в которую влюбился композитор, показалась мне чудесным материалом для классической повести. С Глинкой в одном кругу бывал и Карл Брюллов, который не ладил с императором Николаем I, как Пушкин и как не поладил Глинка. И еще в большей мере Лермонтов.

Жизнь русского общества конца 30-х - начала 40-х годов XIX века, какие-то пять лет, венец Золотого века русской истории и культуры, классическая вершина Ренессанса в России, высшая

точка, выше не бывает, выше только звезды, предстали передо мною во всем блеске великосветских балов и маскарадов, с явлением первейших гениев поэзии, живописи и музыки, во всей красоте бытия, исполненной вместе с тем высочайшего трагизма.

Первоначальная идея повести о маленьком по росту человеке с болезненно-чувствительными нервами и с могучим даром творить музыку привела меня к созданию романа «Сказки Золотого века». По жанру он далек от беллетризованных исследований из серии «Жизнь замечательных людей». Я ориентировался на классическую прозу всех времен и народов, как и в драме, поскольку они порождение ренессансных эпох. Документальная достоверность, на которой всегда настаивает классическая проза, - это прием, которым и я воспользовался в полной мере, нередко приводя документы эпохи, которые в данном случае не вымысел, между тем они столь выразительны и поэтичны, что превосходят всякий вымысел; классическая проза, особенно Востока, вся заполнена стихами, поэтому стихи Лермонтова, известные нам с детства, приводятся, как правило, полностью, поскольку составляют элементы повествования и переживания героя; не вчитавшись в стихи Лермонтова в контексте романа нельзя понять личность поэта, чаще искаженную в мемуарной литературе.

Вместе с тем повествование, основанное на достоверных свидетельствах и фактах, на стихах поэта, предполагает и вымысел, но лишь в целях реконструкции событий, чаще в диалогах, тоже, как правило, основанных на свидетельствах и письмах. Такова поэтика романа «Сказки Золотого века». Через тысячу лет, особенно в переводе на другие языки, в этом романе все будет казаться достоверным вымыслом, а стихи и ссылки на свидетельства - поэтическим приемом, какова классическая проза всех времен и народов.

Но роман о первейших гениях поэзии, живописи и музыки при интересе читающей публики к жизни замечательных людей оказался в той же мере невостребованным издателями, как и драмы в стихах. На все мои обращения в издательства я не получал даже ответа. Издатели, вероятно, хорошо знают вкусы публики, исходя из того, что «Фауста» Гете никто не читает, значит, надо идти от обратного. Делать нечего. Для меня прошла пора, когда вину я брал на себя во всех неудачах. Мою прозу раньше находили нежурнальной, сегодня не хотят даже знакомиться с рукописью. Я не вписываюсь в формат современной прозы, поскольку ориентируюсь на классику, а не на вкусы публики, летучие и преходящие.

Неужели гений проявляется все с новой силой, лишь впадая в

отчаяние, и чем оно беспредельнее, тем выше поднимается он, свершая свой подвиг? За последние семь лет (этот абзац из записи от 17 августа 2002 года в пору работы над романом «Сказки Золотого века») именно отчаяние подвигало меня на все новые и новые создания. Так возрос душой Лермонтов и выказался его гений, когда он впал в предельное отчаяние из-за гибели Пушкина, - не понял ли он тогда, если не прежде, что благополучным быть поэту нельзя, хотя бы уже потому, что благополучие представителей высшего света основано на рабстве народа, это торжество посредственности и подлости, словом, светской черни, - высший свет во главе с двором и с царем в глазах поэта воплощал светскую чернь, которая погубила гения, - он это понял и выразил в стихотворении «Смерть Поэта», и чернь поняла его и возненавидела Лермонтова без меры, а он лишь подливал масла в огонь, он же не мог смириться.

Непонимание и вражда лишь возбуждали его гений; впадая в отчаяние, он не падал, а возносился к небу, он творил, - Демон Лермонтова, воплощение ренессансного гения, - это не Восток, а скорее Сократ с его даймоном и готовностью к смерти и Платон, которого именно судьба Сократа подвигла на создание уникального философского учения, оплодотворившего и христианство, и возрожденчество.

Сущность Демона Лермонтова понял и выразил Врубель и именно как судьбы гения и своей судьбы. Здесь конфликт не просто социальный, не чисто русский, даже не только религиозного характера, а метафизический, так сказать, бытийный. В чем дело? Суть не в условиях николаевского царствования, при иных царствованиях и правлениях, хотя бы в советское время - при Сталине и позже, Лермонтов как Лермонтов повел бы себя также, особенно в наше время, - конфликт гения и черни, гения и власти неизбежен, - и что это означает?

Судьба гения - трагическая судьба. Я жив еще, может быть, лишь потому, что живу один, как в башне из слоновой кости? Пусть пока все продолжается так?

Любовная история Михаила Глинки и Екатерины Керн отмечена, кроме других вещей композитора, созданием романса «Я помню чудное мгновенье...». Автограф Пушкина Анна Керн отдала Глинке еще во времена Дельвига, но он, к ее огорчению, его затерял, хорошо, Дельвиг успел опубликовать стихотворение Пушкина, да Анна Керн знала его наизусть, как позже вся Россия; влюбленный в Екатерину Керн, Глинка наконец закончил романс.

Бракоразводное дело, хотя его жена была не только уличена в измене, но и в тайном венчании с любовником, а это и вовсе преступление по тем временам, длилось много лет; Глинка так и

уехал за границу, не получив развода и не женившись на Керн, чего страстно желал первые годы романа. В начале он даже лелеял смелый план: уехать с Екатериной Керн за границу, но воспротивилась мать Глинки, возможно, и Анна Керн. И Глинка вольно или невольно оказался в ряду знаковых образов русской литературы - Онегина, Печорина, Рудина...

Но в основе сюжета романа «Сказки Золотого века» - жизнь Лермонтова: дуэль Пушкина, стихотворение «Смерть Поэта», ссылка на Кавказ; возвращение в Петербург, дуэль с Барантом, вторая ссылка на Кавказ; с возвращением на Кавказ после кратковременного пребывания в столице дуэль и смерть поэта.

Это внешняя канва, более или менее известная всем в России, хотя бы из школьных учебников. Кроме внутренней пружины событий, которую приводил в движение сам император Николай I, это становится ясно из документов эпохи, самое удивительное, оказывается, существовала еще одна сфера, может быть, самая важная и знаменательная для развития поэтического гения Лермонтова, это его любовь к Лопухиной, утаенная от света, но постоянно проступающая в стихах и даже в письмах, хотя он вел переписку не с нею, а с ее старшей сестрой, - с внезапной разлукой, когда Лермонтов уехал из Москвы в столицу в Петербургский университет, а был вынужден, когда два курса в Московском университете не захотели зачесть, поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков, с редкими встречами в Москве по пути на Кавказ и обратно, однажды в Петербурге...

История любви Лермонтова и Лопухиной впервые воссоздана в романе «Сказки Золотого века» и составляет поэтическую основу жизни поэта и его творчества.

Ныне, когда я непосредственно занят новым для себя жанром - киносценариями, закончил буквально на прошлой неделе сценарий для пятисерийного телефильма «Солнце Шекспира» по повести «Уилл, или Чудесные усилия любви», мне особенно ясно, какой удивительный сериал может выйти на материале романа «Сказки Золотого века». Увы! Увы.

О "карикатурной войне"

20 февраля 2006 года.

Пока я занимался автобиографической эссеистикой, возможно, мало кому интересной, в мире произошли события, которые склоняют к раздумьям...

Говорят о «карикатурной войне», хотя, если вдуматься, речь идет о куда более важных вещах. Если бы изобразили Бен Ладена с бомбой, это одно, если бы изобразили Христа с мечом, тоже тут нет новости, ибо он сам о том заявлял, но изобразить пророка Мухамеда с бомбой - это значит все спутать на свете.

Разумеется, фанатизм верующих, жгущих посольства, не имеет ничего общего с религией, здесь политика, как война в Чечне, как война в Ираке и назревающая война в Иране, стало быть, на всем Ближнем Востоке.

Война сегодня, когда нет СССР, нет «империи зла», ясно, это порождение политики США, как и было со времен окончания Второй мировой войны. Все, что говорилось в отношении СССР, что принимала за правду советская интеллигенция на свою голову, ныне без всяких околичностей относится именно к США, поскольку истинной империей зла именно они и выступали, воспользовавшись плодами и жертвами победы над фашизмом, что вынес СССР.

Европейцы не видят крамолы и причины для гнева в карикатурах. Это естественно. Они привыкли с эпохи Возрождения в Европе ко всевозможным изображениям Христа, явно недостойным сына Бога, а Бог как не вступился за сына, распятого на кресте как преступник, так и не покарал живописцев и скульпторов за карикатурные изображения его сына. Вступился Савонарола, который призвал паству сжигать произведения искусства на костре и сам закончил свою жизнь на костре.

Ныне по многим признакам мир погружается в Средневековье, в чем кто-то видит возрождение. Это, конечно, абсурдно. Но религия и церковь и благоденствуют на том, что абсурдно, и отнюдь это не скрывают.

В России это состояние особенно нелепо и прискорбно, ибо власть, представители которой получили в свое время лучшее в мире, советское, светское, всестороннее образование, высшее достижение в развитии человеческой культуры, отреклись от всего, что выработано Русским Ренессансом. Ради чего? Суслов,

личность двумысленная, по крайней мере, не претендовал на лесной массив у центра Москвы, а экс-премьер России поспешил, даже не заботясь о соблюдении законов, присвоить его. Другие - при попустительстве власти и ее поддержке - сделались в одночасье олигархами.

Это ли возрождение? На позапрошлой неделе состоялось заседание ПАСЕ (Парламентской Ассамблеи Совета Европы), на котором обсуждался вопрос об осуждении коммунистичекого режима в СССР. Это было похоже «на охоту на ведьм». Просвещенная Европа, по сути, впадает тоже в Средневековье. Она проявляет ту же узость мышления, как и религиозные фанатики ислама. Многие думают, что свободы и права человека ущемлялись лишь в СССР, когда то же самое в 50-60-е годы XX века происходили в США, с антикоммунизмом, расизмом и сегрегацией, преодоленных в громадной степени, благодаря существованию СССР с равноправием и братством народов, что ныне в России разрушено в корне.

На телевидении устраивались обсуждения в связи с решениями ПАСЕ. Какой-то перелом в умонастроении интеллигенции произошел. За круглым столом у Познера никто, кроме какого-то писателя, который, как попугай, нес одно и тоже, не принял поползновений ПАСЕ, по сути, прибалтов и еще кого-то, которым не о чем больше говорить, чтобы их услышали в мире, как об оккупации со стороны СССР. Будто не знают всемирной истории. Будто в рамках Европы и НАТО им уготована иная роль.

Коснусь лишь частностей. Аргументация Зюганова, председателя ЦК КПРФ, не показалась мне достаточно убедительной, также и Проханов, редактор газеты «Завтра», ничего вразумительного не сказал, путая, по своему обыкновению, СССР и империю, каковой СССР не был, это всего лишь пропагандистское клише антисоветизма. Виктор Ерофеев, который все чаще мелькает на телеэкране, кажется, решил проявить независимость и пожелал Зюганову, чтобы оппозиция коммунистов в России существовала и даже была сильна. И тут же припомнил, как он или в его кругу боялись цензуры, и сказал, что советского человека недаром прозвали совком, он жил под страхом, вероятно, как заяц, которого посадили в клетку.

Это общее мнение. И, как правило, общее мнение неверно. Истина всегда конкретна. Глядя на шпиль колокольни церкви Петропавловской крепости, я выразился в одном из своих стихотворений: «... как ангел в золоте зари...», мой сокурсник стал сокрушаться, мол, цензура не пропустит; он всего боялся, я нет, - я думаю, как и громадное большинство советских людей, что я

знаю по воспоминаниям и вижу по фильмам советской эпохи.

Интеллигенция, впадая в диссидентство, разумеется, всего опасалась, кроме тех, кто нарочно добивался громкой высылки за границу, что им обеспечивало публикации и известность. Я полагаю, это и есть совки в отличие от громадного большинства советских людей. Особая порода перелетных птиц. Советский народ был гордый народ, не то что нынешнее племя, обманутое и оклеветанное.

На обсуждении у Познера говорили, мол, коммунизм - сказка, как его осудить. Это сказка для нас, сказка и миф, во что поверили народы России и мира, как в свое время в Христа. Но для Запада еще задолго до Октябрьской революции коммунизм был не сказкой, а пугалом отрицания частной собственности, в чем буржуа видел воплощение своей личности и свободы. Это и лежит в основе антикоммунизма, что отнюдь не отдает улыбкой взрослых над верой детей в сказки. Поэтому США разрабатывали крестовый поход против СССР, обвиняя его в обратном.

Коммунизм - это учение, политика в исторически конкретной ситуации, как было в СССР в 20-30-е годы XX века, но не идеология строительства социализма, - как идеология она светила из будущего, как перспектива для всего человечества. В СССР была социалистическая идеология, отдельные черты которой проступали и в странах буржуазного Запада. Уже поэтому об осуждении коммунизма как идеологии не может быть и речи.

Разумеется, должно осудить сталинские репрессии, что и было сделано в СССР. Но осудить Советскую власть как диктаторский режим при Сталине - это одно, а весь строй до распада СССР - совсем иное. Но идеологам антикоммунизма и антисоветизма нет дела до конкретных этапов в истории СССР, они ведь выступают не за права человека вообще и свободу, а лишь за те права и свободы, которые связаны с частной собственностью. Им невдомек, что существуют права и свободы, связанные с общественной собственностью, независимо от форм правления, диктатуры или демократии.

Словом, между коммунизмом, преподаванием которого занимались совки-перевертыши, и идеологией Советского государства было мало общего. Идеология не тезисы к очередному съезду партии, а сфера чувств и мироощущения народа, который, вопреки тяготам настоящего, видел прекрасную, как заря вечерняя или утренняя, перспективу, по сути, это как молитва для верующего. Так, что же хотят осудить? Эту веру в прекрасное будущее для всего человечества? Хотят осудить - это и делают СМИ ежевечерне вот уже более 15 лет - историю

Российского государства, сведя ее к сталинским репрессиям.

Когда же Россия обретет себя, свою историю высоких дерзаний? Пусть могущество и слава - в прошлом, но природа и культура - еще с нами и вокруг нас, замусоренные и изолганные властью и СМИ, случай в истории небывалый. И ради чего? Ради чистогана.

Россия превратилась в одну из самых коррумпированых стран мира. Это же позор! Это достижение псевдореформаторов, что всем ясно. По сути, это достижение правительства РФ во главе с Путиным. Россия превратилась в одну из самых криминальных стран мира. Это национальная катастрофа. Это опять итоги псевдореформ, а правительство идет по тому же пути... Куда?!

Современный театр и Островский

27 февраля 2006 года.

На веб-страницах, посвященных театру, слова «современная пьеса», кроме «Театра современной пьесы» или «Школы современной пьесы», звучат столь часто, звучат, как заклинание, чуть ли не как возглас: «Сезам, отворись!». Устраиваются конкурсы современной пьесы, фестивали современной пьесы... Какая бурная театральная жизнь, не правда ли? Но, судя по названиям пьес, отмеченных жюри конкурса, это скорее всего однодневки, нечто житейски-примитивное и уродливое по содержанию, что вполне соответствует практике современных театров с выпячиванием жестов и телодвижений, с раздеванием и т.п., вместо речи и действия, исполненных поэзии и правды.

Что такое «современная пьеса»? Это всего лишь новая пьеса? Или новая пьеса на современные темы? Возможно, под «современной пьесой» имеют в виду прежде всего разрыв с советским театром и с советской пьесой, - времена изменились совершенно, - разрыв, вместо преемственности, что вряд ли плодотворно. Поэтому современная пьеса, как и песня, весьма низкого пошиба уже на уровне языка, без диалога, без характеров, требующих перевоплощения, что так важно для актера, как заявила где-то Анна Ковальчук.

Многие театры нашли выход из положения - обратились к Островскому, который многие годы казался весьма старомодным по сравнению с Чеховым. Поскольку Россия, отвергая советский период русской истории, повернула вспять, при этом имея в виду преимущества рынка и цивилизации Запада, а тут нет новизны, все, как во времена Шекспира или Островского, оказалось, пьесы русского драматурга XIX века отображают современные реалии точнее и полнее, чем современная пьеса. Те лица, коих поспешили назвать «новыми русскими», оказались нашими знакомцами из пьес Островского, как «новая Россия» - стародавней. Феномен в истории редчайший, фантастический, поэтому, очевидно, современное состояние России столь ужасающе и угрозающе карикатурно, с коррупцией, разъевшей государство, с десятками тысяч банкротств...

Александр Николаевич Островский (1823-1886) в истории русского театра сыграл роль Шекспира в истории английского, поскольку и исторические условия, когда жили драматурги, были

сходны. Островский поступил в Московский университет, на юридический факультет по настоянию отца, закончившего в свое время семинарию в Костроме и Духовную академию в Москве, но выбравшего карьеру чиновника и весьма успешно ведшего частную юридическую практику в Замоскворечье, так что он с обретением потомственного дворянства нажил также и состояние, и мечтал о такой же судьбе для своих сыновей. Брат Островского Михаил дослужится до министра государственных имуществ.

Но Александр не одолеет и второго курса университета, увлекаясь театром и литературой с предчувствием призвания. Устроенный отцом служить поначалу в Московский совестной суд, а вскоре в Московский коммерческий суд, более перспективный для карьеры, Островский заводит друзей из молодых актеров и литераторов, в числе которых будет и Аполлон Григорьев, поэт и критик, которые, кроме театра, проводят время в трактирах, увлекаясь русской и цыганской песней, - русские песни они сами поют под гитару, пишут стихи, а к ним музыку.

Левая, правая, где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

Я откуда-то знал эти слова еще в раннем детстве, не ведая, что это припев песенки, которую сочинили в компании молодого Островского. Может быть, из фильма «Без вины виноватые»?

Так что, можно сказать, не только новая русская музыка, но и драматический театр начинается с русской песни, заключает в себе ее мотивы и темы. Первая же пьеса Островского «Банкрот, или Свои люди - сочтемся» имела успех, правда, литературный, - опубликованная в журнале «Москвитянин», но запрещенная для сцены. В комедии высочайшая цензура увидела оскорбление сословной чести купечества; за автором был учрежден полицейский надзор и даже секретный жандармский.

Вторая пьеса «Бедная невеста» была разрешена цензурой к постановке, но столь замарана, с изъятием последнего акта, что автор решил не ставить ее (а ведь репетиции уже было начались), для дебюта он заканчивает другую пьесу, мелодраму «Не в свои сани не садись», которая и прошла с громадным успехом (14 января 1853 года). Тут соединились новая драматургия, молодое поколение актеров и демократическая театральная публика - и произошло чудо, начало новой эпохи в развитии русского театра, с эстетикой, вполне осознанной лишь к концу века К.С.Станиславским.

«Актеры стоят вполне в уровне с автором, - писал Василий

Боткин Тургеневу, - более артистической игры я не видал нигде; правда, натура, жизнь - так и охватывают».

Премьера пьесы «Не в свои сани не садись» прошла и в Петербурге с успехом. На одном из спектаклей присутствовал Николай I. Теперь он знал, кто Островский, первую пьесу которого самолично запретил; царь остался доволен. Казалось, теперь он разрешит поставить на сцене и «Банкрота». Но Островский отказался от мысли хлопотать за него у цензуры. Ведь нет худа без добра. Он шире взглянул на русскую жизнь и нашел свой прежний взгляд «молодым и слишком жестким», «пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас».

«Согласно новому своему настроению, - пишет В.Лакшин, - соединяя «высокое с комическим», в «Бедности не порок» автор перенес на сцену изрядно подзабытый к середине века, особенно в богатых московских домах, мир народного святочного веселья - песен, плясок, обрядов «русского карнавала».

Исследователь лишь не замечает, что и широта восприятия действительности, и карнавальная традиция, и сочетание трагического с комическим - это свойства ренессансного театра.

Следующая пьеса «Доходное место» была запрещена царской цензурой. Умер Николай I, потерпев поражение в Крымской войне, - плачевный итог тридцатилетнего царствования; взошел на престол Александр II, воспитанник Жуковского, ждали послаблений, нет, ничего не изменилось, теперь правительство вступилось за честь оскорбленного чиновничества.

И при таковых обстоятельствах Островский пишет свою знаменитую пьесу «Гроза», в которой драматург выводит уже не типические фигуры купечества, чиновничества, а кого же? Это была первая мещанская драма на русской сцене, в которой человек предстает вне сословной личины, во всей своей индивидуальной неповторимости, соответственно, и судьбы.

Зрителей потрясает не просто трагический сюжет, а правда - как открытие жизни во всей ее непосредственности, во всех ее проявлениях, с тем приходит осознание себя, каков ты есть, каков мир перед тобой. В поэтике «Грозы» есть символика, подтекст, что будет вскоре осознано Чеховым как новый язык драмы.

Гроза пронеслась и над драматургом, степенным отцом уже немалого семейства: в ходе работы над пьесой и репетиций, - автор выступал как режиссер в современном его значении, разумеется, по своей воле, без оплаты, да и за пьесу от дирекции театра он ничего не получил, поскольку предназначил ее для бенефиса актрисы Косицкой, - Островский, зная ее давно, неожиданно полюбил ее, на ужине после премьеры их не было, но

все же актриса не отозвалась серьезно на его чувство, и ему понадобилось несколько лет, чтобы придти в себя, как после страшной, упоительной грозы.

По случаю - пожара в Большом театре - дирекция, чтобы занять балетную и оперную труппы на сцене Малого театра заказывает Островскому пьесу. Он пишет «Снегурочку» на мотивы народных сказок, а Чайковский - с увлечением музыку к спектаклю, который, правда, прошел не очень успешно. Странно, новая пьеса-сказка не понравилась ни Некрасову, ни Льву Толстому, лишь Чайковский от нее был в восторге, да Римский-Корсаков, который позже напишет на текст Островского оперу.

Так театр Островского и новая русская музыка, которая непрерывно занималась музыкальной интерпретацией почти всех созданий Пушкина, встретились, обнаруживая общие корни в русской песне и сказке.

Говорят, сегодня пьесы Островского идут в 18-ти театрах Москвы. Это же фестиваль, не приуроченный ни к какой дате. Нетрудно представить, как ставятся пьесы Островского ныне, - как современные пьесы со всем надрывом и уродством, когда у него веселье и поэзия, помимо бед и тревог бытия. Конечно, режиссеры еще очень далеки от осознания, что театр Островского не бытовая драма, а высокая сфера искусства. Мир векселей и акций, мир коррупции и банкротств, со всеми современными реалиями, возникая из прошлого, с оживающими мертвецами из могил и склепов, не созидает, а рушит настоящее и будущее, что мы и наблюдаем ныне воочию.

Этот мир возникает на сцене не для зеркального отражения, а преображения действительности, когда в душу проникает предчувствие новой жизни и красоты.

Словом, повернув вспять, нельзя там остаться; это, как окунувшись в море, нельзя не всплыть, нельзя не вернуться в будущее; его можно исказить, но отвергнуть нельзя.

Антипоэтическое время

..Из провальных дней, может быть, в течение последнего месяца, по многим причинам, даже с остановкой ведения Дневника, кажется, начинаю выбираться, с ощущением, что пробуждается поэзия в душе, как бывает с первыми веяниями весны, словом, приоткрывается сфера поэзии, в ней только мне и творить, вопреки нынешней ситуации в России, если вдуматься, во всех отношениях непоэтической, антипоэтической, с развалом всего и вся и надрывом с одной стороны, а с другой - с торжеством моды в вещах, куда ни шло, а в стереотипах мышления и поведения, когда даже красота вещей и женщин, юности бездуховна, вне поэзии, - и это состояние охватывает, как и сказать иначе, общественное бытие и сознание, что воспринимается, как катастрофическое.

Похоже, с деидеологизацией, денационализацией, дегуманизацией в России восторжествовал и принцип депоэтизации. Мы наблюдаем самое непоэтическое время в истории Российского государства из всех столетий. Больше того. Антипоэтическое, разрушительно действующее на психику индивида и умонастроение общества в целом.

Даже повсеместное и всеобщее обращение, для старших поколений вынужденное и, возможно, искреннее, для молодых поколений больше по моде, - это возвращение в лоно религии есть поворот от эстетического восприятия действительности к моральному и религиозному, по сути, отказ от искусства в его высших проявлениях, отказ от поэзии, духовного содержания жизни и искусства. Соответственно с заменой поэтического содержания жизни и искусства всяческой имитацией, растиражированной СМИ во всех видах.

Вот что происходит с душами детей даже из самых благополучных семей и, соответственно, взрослых. Отсюда там, где ожидали возрождения и процветания, бездуховность, цинизм, преступность в ужасающих мастабах снизу до верха, с коррупцией во властных структурах, не способных соответственно к созиданию ни в сфере народного хозяйства в целом, ни в сфере идей. Власть и партия власти вот уже второе десятилетие управляют страной, не имея понятия о государственной идеологии, духовной основе государства. Поэтому действительность в России предстает оголенной, обнаженной, заплеванной, загаженной, замусоренной, оклеветанной и

уродливой до невероятия. А в Белоруссии, говорят, чисто. Там у народа не опустились руки. Там сохранилась вера в государство, не в аппарат управления и принуждения, а в духовное единство народа, что несет от века идеология государства, какие бы перемены не вносила историческая реальность. Союз Белоруссии и России не может оформиться окончательно, потому что РФ не может определиться с идеологией.

Это кризисное состояние в России кому-то выгодно. Ясно - кому. Тем же силам, которым был выгоден распад СССР. Эти силы и поныне во власти и в СМИ.

Кризисное состояние в РФ, с разъединением народов по этнической и конфессиональной принадлежности, чревато ее распадом, поскольку нет духовной основы для единства народов и государства, кроме исторического прошлого, в оценке которого тоже нет сегодня единства. Более того. Во всех сферах образования и в СМИ ведется целенаправленная кампания по перечеркиванию советского периода Российского государства под видом ретушевки белых пятен, по сути, идет настоящая гражданская война против народа и его исторической судьбы, трагической, да, но и высокой, героической, идет война с убылью населения в 1000000 год в течение 15 лет! В этой войне объявились генералы, они называют себя «белыми», хотя белые генералы, которым они ныне поклоняются, расправились бы с ними, как с предателями Родины, разрушителями великого государства.

Это антиисторическая, антипоэтическая, антихудожественная позиция, губящая на корню историческую документалистику узостью взгляда, тенденциозностью и пристрастием к тем, кто исторически закономерно потерпел крах, но хуже - разрушительно воздействующая на современную литературу и кинематограф. Творческая молодежь дезориентирована, деморализована, деэстетизирована, и это помимо диктата моды и рынка. Она если и ведает о существовании поэзии, то относится к ней свысока.

А мода и рынок - это индустрия шоу-бизнеса, во что превратился и американский кинематограф; это уже вне искусства, лишенное начисто поэзии и сколько-нибудь значимой идеи, - экшен, одно голое действо и спецэффекты, со всяким колдовством и единоборствами в придачу.

Казалось бы, всевозможные ужасы и волшебства - это всего лишь фантазии, сказки для детей, как было в старое доброе время, то есть поэзия, пробуждающая в душах людей веру в добро, в свет.

Но всевозможные суеверия и колдовства, целительства,

сохранившиеся на Востоке и на цивилизованном Западе, с распадом СССР вдруг расцвели пышным цветом в России, что, как и всеобщее обращение, отнюдь не говорит о возрождении духовности; здесь все обстоит, как и с реформами, с точностью наоборот. Вместо просветления и свободы - уход от природы и жизни в ее ярчайших проявлениях в сумерки сознания и духа.

Это явления антипоэтические, как болезни и смерть, какие бы покровы на них не набрасывали.

В чем первопричина нынешнего, столь плачевного состояния общественного сознания и бытия в России? Винить Октябрьскую революцию не резон, не большевики управляют Россией, разрушая устои государства, систему образования, лишив его идеологии. Время в России лишилось высокого неба и далей, горизонтов мировой цивилизации и культуры. Народ оглушен и ослеплен катастрофой, постигшей его. В ней первопричина, а не в событиях начала XX века.

Между тем нынешнее состояние России весьма сходно с эпохой, противоречия которой разрешились революцией. И самая характерная его черта - это торжество буржуазности. А в России исстари буржуазность воспринималась как пошлость, беспорядок.

А ныне именно буржуазность подается как успех, процветание, то есть цель жизни, ради достижения которой хороши все средства - от проституции и колдовства до коррупции и убийств. Все это - и как образ жизни и образ мышления - антипоэтично.

В России в начале XX века дворянское сословие вымирало, либо приспосабливалось к буржуазному образу жизни, как о чем красноречиво поведал князь Феликс Юсупов в «Мемуарах». Хорошо известно, семья Николая II, не в силах изменить коренным образом свой быт в Зимнем дворце, даже в Александровском дворце в Царском Селе, нашла прибежище, отвечающее ее вкусам, в Нижнем дворце в Александрии. Это был дом буржуазной семьи, правда, с обилием икон в спальне Александры Федоровны.

Величие императорской власти и дворянского сословия было уже в прошлом.

Именно в пору торжества буржуазности в России в начале XX века, чему в известной степени способствовал русский модерн, с завершением классического периода русской литературы, и зародился русский авангард с его неприятием действительности, с уходом в мечту, в мысль или будущее, с выставками картин объединений «Голубая роза» или «Бубновый валет». Молодые художники возжаждали поэзии, которой уже не находили в жизни, пусть в нарушенных формах и все же в ярких красках.

В исторической перспективе прослеживается, по сути, одна и та же эстетика в развитии русской живописи от художников Абрамцевского кружка и «Мира искусства» через представителей русского авангарда, зачинателей советского искусства, - это эстетика отрадного. Если кто-то и оказался в эмиграции, если власть оказывала давление, развитие русского искусства в советскую эпоху продолжалось, соответственно и русской культуры. Все, что сохранилось за пределами России в среде эмигрантов, это крохи по сравнению с сокровищами искусства и культуры, что нас окружает, как безмерные пространства России и ее небо. И вот, находя эти крохи, благое дело, кричат о погубленной русской культуре, тыкая пальцем в небо. Но тем самым именно это великое, безмерное, сохраненное, рушат сегодня, потрясая крохами.

Все периоды советской эпохи, несмотря на тяготы войн и гонений, были исполнены поэзии. Но в 90-е годы XX века великая эпоха и ее идеология были отвергнуты частью интеллигенции и частью партийной верхушки, не народом, который поверил было ей, на свою беду, и воцарилась не свобода, не демократия, а буржуазность, то есть торжество частного интереса и денег, с полной деморализацией общества. Интеллигенция, которая традиционно в России выступала против буржуазности, впрочем, как вся классическая литература всех времен и народов, приняла буржуазность, спутав ее с цивилизованностью и свободой. Это полный крах интеллигенции как чисто русского, по сути, ренессансного явления.

А там, где торжествует буржуазность, поэзия исчезает. Она не выносит пошлости. Сказать иначе, цинизма. А это и есть непоэтическое отношение к жизни, к людям, к явлениям искусства и природы, к самому себе, что находит выражение прежде всего в ненормативной лексике. Употребление нецензурных выражений в обиходе, в обществе, в литературе, в кинематографе приобрело уже масштабы национального бедствия. Цинизм проявляется в двойственном отношении к жизни и к людям, к народам и странам, в пристрастии к двойным стандартам, что постоянно демонстрируют всему миру США как в политике, так и в кинематографе. То же самое ныне демонстрирует и правительство России, с махровым расцветом коррупции и преступности в стране. Это антипоэтические явления, разрушительные для индивидов и государств. Закон джунглей.

Поэзия человеческих мыслей и чувств - вот чем Россия была всегда богата. Есть эта поэзия - есть и жизнь в ее подлинности и высоте, независимо от скудных условий существования.

Процветание - хорошая вещь, но она легко становится суррогатом поэзии и жизни в ее подлинности, то есть духовности.

Поэзия - душа искусства; поэзия несомненно и душа природы; красота - форма, поэзия - ее душа.

Как сохранить душу в наше антипоэтическое время? Не только свою душу, но душу народа и мироздания?

Идеология РФ в XXI веке

3 апреля 2006 года.

Государственная идеология советской эпохи была не только отвергнута, но и всячески оклеветана, извращена, что продолжается и поныне. Образовался вакуум в умах... Свобода, демократия, рынок, частная собственность - лозунги и устремления реформ - не могут составить сплав мировосприятия, миросозерцания, да это и не компоненты идеологии, а формы функционирования собственности и власти. С идеологией, духовной основой государства, поступили так же, как и с народным хозяйством, основанном на общественной собственности, - все было отдано за бесценок, с появлением в одночасье олигархов, в руках которых оказались и СМИ.

Нынешней власти, по сути, олигархической, государственная идеология не нужна, она соблюдает лишь интересы финансовых групп, поскольку сама входит в эти группы, продолжая при этом процесс приватизации, то есть процесс разрушения государства. Поэтому СМИ и поныне заняты тем же, что и в начале реформ, с распадом СССР, поскольку получилось совсем не то, к чему всех призывали, - к свободе и процветанию. Они-то обрели свободу и богатства, они-то процветают, а народ нищает и гибнет, - народ однажды встанет, - и им страшно, они могут лишиться всего, что урвали для себя при распаде великого государства - и клевещут на него, только этим и заняты.

Есть лишь одна сфера, в которой правительство и СМИ проявляют трогательную заботу о населении, это религия, что, кажется, можно лишь приветствовать. Лучше исторически сложившиеся вероучения, чем всевозможные секты, которым тоже был дан зеленый свет в России. Но осознает ли власть об опасности обособления народов по этнической и конфессиональной принадлежности - в условиях отказа государства от идеологии, духовной основы его единства?

В основе идеологии РФ, как и отдельных республик, не может быть религия. Свобода совести - это одно из достижений Российского государства в условиях Русского Ренессанса, включая и атеизм в СССР. Поворот назад чреват роковыми последствиями, что мы видим на Кавказе. Именно поэтому отсутствие государственной идеологии в РФ ничем не оправдано. Если это упущение власти, упущение преступное.

Этническая и конфессиональная принадлежность, как и пол, составляет материальную и духовную подоснову человека, но как личность он формируется в сфере идеологии, духовной основы государства и гражданина. Таким образом, человек, составляя определенную этническую и конфессиональную данность, как и пол, формируется как гражданин и как личность лишь при определенных условиях.

Самосознание человека может определяться лишь на уровне его этнической и конфессиональной принадлежности, как и пола; в этом состоянии он не выделяет себя из семьи, народа и его веры.

Самосознание человека как гражданина - это следующая ступень в его развитии, когда он идентифицирует себя с государством, - вот сфера патриотического воспитания.

Самосознание человека как личности - это высшая ступень в его развитии, когда он нередко выходит за пределы своей этнической или конфессиональной принадлежности и даже за пределы гражданина-патриота.

Все ступени развития человека имеют свои плюсы и минусы. Здесь очень много нюансов - у разных народов и религий.

Кажется, гражданское общество, о котором ныне много говорят, - это третья ступень в развитии как государства, так и личности. Такое общество мы видим, до известной степени, разумеется, в развитых странах Запада. На Востоке - все имеет свою специфику.

Гражданское общество сформировалось было и в СССР, разумеется, с иными доминантами, чем в США.

Ныне Россия, думая, что идет вперед, повернутая вспять, оказалась на низшей ступени, когда человек осознает себя лишь на уровне его этнической и конфессиональной принадлежности, - у многих это самозащита, поскольку государство отвернулось от своих граждан, бросило их на произвол судьбы, на произвол властных структур и преступных группировок на рынках всего и вся.

Граждан в России сегодня явно в меньшинстве. То-то они, сознавая беды отечества, не могут повлиять на его судьбу хотя бы на выборах. Но личностей в России, увы, сегодня еще меньше. Торжествующая массовая культура нивелирует прежде всего молодежь до попсы. У шоу-бизнеса своя идеология, как у сект, целителей и колдунов. Здесь сфера буржуазности и алчности. Именно в этой сфере благоденствуют СМИ, но не государство и его идеология, которую в СМИ свели к антисоветизму, по сути, к антируссизму. И это недаром.

Дело ведь в том, что идеология Российского государства за

три века Русского Ренессанса сформировалась как идеология СССР. Так исторически сложилось. Перед нами огромный пласт истории и культуры, что некоторые исследователи называют советской цивилизацией не совсем точно. Это уникальное явление в мировой истории и значение его будет возрастать в ходе развития новой социально-экономической формации, по сути, социалистической, которая проступает уже во многих странах мира. Строить в России капитализм абсурдно.

Да капитализм строить нельзя, это стихийно складывавшаяся формация, с непрерывными кризисами, с войной всех против всех, с элементами планирования, к чему пришел весь мир в XX веке, лишь в России отказались от всех достижений человеческой мысли, чтобы вернуться к черте, разделяющей Средние века от Нового времени, к самому дикому периоду первоначального накопления капитала.

Но слишком был велик этот откат назад, чтобы маятник истории остановился там, в прошлом. Если власть, СМИ, партия власти не осознают, что нельзя было отказываться при самых капитальных реформах от социалистического пути развития страны, от советской идеологии в ее лучших чертах, то на смену им придут партии социалистических ориентаций, включая КПРФ. И Россия вновь обретет идеологию, выработанную тремя столетиями Русского Ренессанса. Идеологию созидания, жизнестроительства и творчества, идеологию борьбы и ярчайших побед.

Необходимо осознание опасности распада РФ, как СССР, при стабилизации нынешнего положения вещей в России, с полным отстранением государства от всех сфер народной жизни и при отсутствии государственной идеологии, духовной основы единства нации. Коррективы будут носить малоприметный характер, но по значению для судеб России и народов РФ решающий.

Российское государство формировалось как империя; после отречения царя Николая II, к чему он сам себя привел, Финляндия обрела полную независимость, это была первая ласточка, распад Российской империи в условиях мировой войны был неминуем, с вмешательством союзников, с развязыванием гражданской войны, что затеяли вовсе не большевики, но они-то воссоздали Российское государство на идеях свободы, равенства и братства народов.

Отказ от идей социализма для СССР оказался роковым. РФ ничего не выиграла, как и все бывшие советские республики, кроме кучки олигархов и властных, равно преступных, структур. Для свободных умов ясно: курс реформ был выбран не в

интересах народов России. Идеи социализма вполне могли быть совместимы с рынком и частной собственностью, как было при Ленине в период нэпа и ныне в Китае.

Курс реформ, если у правительства РФ нет цели ее разрушения, должен быть выправлен, пока не поздно. Для этого достаточно определиться с государственной идеологией. Можно начать с мелочей. Какие муниципальные образования? Советы - органы самоуправления и т.д. Советская власть на местах при нынешней свободе предпринимательства, с собственностью на землю и т.д. - это путь преодоления кризиса, с развитием мелкого и среднего бизнеса. Все сдвинется с места или с края пропасти. Разумеется, правительство, вместо куцых национальных проектов, должно принять пятилетний план развития народного хозяйства, с инвестированием из стабилизационного фонда не в иностранные компании (надо же до этого додуматься!), а в то же возрождение домостроительных комбинатов и т.д.

Природные ресурсы - общее достояние нации, как и культура, - должны принадлежать всем, а вот разработкой пусть занимаются частные компании. Все это элементарно сегодня в мире, только в России кинулись в одну крайность, пагубную для всех, даже для тех же олигархов и их чад, их охранников и т.п.

Социалистическая идеология, безусловно более прогрессивная и человечная, чем буржуазная, может явиться духовной основой единства народов России, с равноправием и братством народов при всех различиях их этнической и конфессиональной принадлежности. Это единство было реальностью в СССР. Это единство необходимо для мира и процветания народов РФ.

Социалистическая идеология предполагает всестороннее образование, научное, художественное, современное, светское, что и есть новый гуманизм, выработанный тремя веками Русского Ренессанса.

Отказаться от высших достижений человеческой мысли и культуры - значит впасть в Средневековье, что ныне повсеместно мы наблюдаем в России. Джинн выпущен из бутылки. Джинн невежества и алчности, который способен в современных условиях лишь к разрушению. Чуда сотворить, как в сказках, он не способен.

Идеология Российского государства в XXI веке не может быть иной, чем она была и есть в череде столетий, с изменениями, которые она претерпевала в ходе истории, развития образования и культуры. Советская идеология отнюдь не сводилась к марксизму-ленинизму и научному коммунизму, хотя это официально провозглашалось, как, впрочем, «самодержавие,

православие, народность» в XIX веке.

Государственная идеология - это господствующее миросозерцание эпохи, носителями которого оказываются различные классы и слои общества при всем различии их положения и установок.

Я родился и рос в СССР, но с детства знал, что живу в России, ибо Россия, Российская империя до революции и СССР были для меня синонимами; история СССР была историей Российского государства с древнейших времен.

Русская история, русская литература, русское искусство, несмотря на идеологические пристрастии власти, запреты, гонения, определяли содержание советской идеологии, ее богатство, ее мощь, ее цветение...

Вот от чего отказались псевдореформаторы, по сути, разрушители великого государства и нынешняя власть в России. Все высшее и лучшее в истории Российского государства, выработанное за три века Русского Ренессанса, игнорируется, подвергается клевете или прямому отрицанию, особенно советский период Российского государства, когда Россия сказала миру новое слово.

Российское государство, выработавшее в ходе своего исторического развития и Ренессанса социалистическую идеологию, не может сохранить свое единство без нее, без идей равенства и братства народов, и чем скорее это осознают партии, народы РФ и власть, тем скорее оно выйдет из глубочайшего кризиса.

Без осознания необходимости этого поворота - возвращения к самому себе, к своей духовной родине, к высшим достижениям русской мысли и культуры - РФ обречена на распад, как СССР.

Обретение государственной идеологии в ее лучших чертах и свойствах - это и есть возрождение, открытие Русского Ренессанса, еще доныне не осознанного нами.

Всемирный русский собор (2006 года)

10 апреля 2006 года.

В Москве состоялся Всемирный русский собор, в котором принимали участие представители всех конфессий и партий. Сообщения в СМИ были кратки. Показали Жириновского, который, по своему обыкновению, кликушествовал против коммунистов, и выступление владыки Кирилла, который сформулировал основную идею собора, ставшую известной заранее и отвергнутой с ходу правозащитными организациями.

То, что церковь ратует за нравственность, понятно, но, оказывается, она выступила против либеральных ценностей Запада. Владыка Кирилл заявил, что, кроме прав человека, существуют понятия нравственности. В общем плане кто станет возражать? Церковь против вседозволенности под эгидой прав человека, против гомосексуализма, к примеру, против абортов и т.д. Но главное, что не приемлемо для правозащитных организаций в позиции Русской церкви то, что она выступила против вседозволенности в политике США, против двойных стандартов, что демонстрирует и Евросоюз, - все под эгидой прав человека.

Владыка Кирилл сформулировал, по сути, советскую точку зрения на права человека, то есть на пропагандистские клише Запада в холодной войне против СССР, что приняли за чистую монету диссиденты всех мастей - от преследуемых и эмигрантов до партийной верхушки, которая пошла на разрушение СССР именно ради пресловутых прав человека - на свободу, разумеется, от коммунистической идеологии, что предполагало свободу на веру вплоть до всевозможных сект, свободу на всевозможные пристрастия вплоть до гомосексуализма и т.п., на частную собственность, против общественной, и т.д.

Всемирный русский собор выступил против либеральных ценностей Запада, столь разрушительных для вековечных устоев Российского государства, а думали, лишь для СССР, но ныне жизненно опасных для РФ, с катастрофической убылью населения до 1000000 ежегодно против всяких законов, природных, человеческих и божеских, с падением образования и культуры, чему способствуют прежде всего меры правительства по их

реформированию, с обнищанием народов, с возрастанием вражды между ними и т.п.

Очевидно, в общественном сознании народов России происходят сдвиги: то, что вчера высказывала лишь оппозиция, вовсеуслышание заявляет Русская церковь, и ее поддерживают высшие представители других конфессий. Эти сдвиги, - сознает ли владыка Кирилл или нет, - в сторону советской идеологии после ее отрицания из-за атеизма, гонений на церковь и разрушения храмов, поскольку в ее основе была нравственность, близкая, по сути, к христианской, и гражданственность, присущая русскому самосознанию.

Права человека культивируют США изначально как антисоветский лозунг, особенно рьяно с того времени, когда освободительное движение негров привело к искоренению сегрегации; это была, по сути, революция с утверждением равенства народов независимо от этнической принадлежности, по примеру СССР. С тех пор США полностью утвердились в том, что они - свободная страна и уже с чистой совестью принялись прививать права человека другим странам, но весьма избирательно, соблюдая прежде всего национальные интересы. Все это хорошо известно. Пиночета в Чили поддерживали США, выступая всячески против Кубы, острова Свободы. Двойные стандарты в политике США всегда проступали, о чем заговорили ныне российские политики, открывая Америку.

Будто не знали об этом прежде. Но двойные стандарты в трактовке прав человека с распадом СССР укоренились и в России в сознании правящей элиты. Нам продолжают твердить о тоталитаризме в отношении СССР в условиях тотального разрушения основ и устоев великого государства, с обнищанием и разобщением народов, с массовой смертностью населения. Но нищета, бедность, безработица - разве это не нарушение прав человека? Это советская точка зрения, поэтому она игнорируется правозащитными организациями, поскольку они и созданы для борьбы с советской идеологией, в которой право на жизнь, на образование, на культуру всех времен и народов, на труд предполагаются сами собой.

Здесь важнейшие права человека, что декларировала советская демократия и что было реальностью. Разумеется, в ней были изъяны, скажем, безальтернативные выборы и ограничения с поездками за границу. С выборами надо знать советскую специфику, как она существует и в Китае: отбор происходил на районных, городских и областных конференциях КПСС с выдвижением лучших производственников и представителей интеллигенции, не то, что ныне: у кого больше денег, по сути, кто

более продажен. Все вывернуто наизнанку и наоборот против здравого смысла и нравственности, все решают деньги. Это есть основной принцип западной демократии, в которой от демократии ничего не осталось, кроме тотального диктата денег, что ныне в России воочию мы наблюдаем. Это не демократия по первоначальному смыслу, а демократия денежных мешков, то есть олигархия или прямая диктатура, что тоже воочию мы наблюдаем в нынешней России.

То, что с демократией происходит такая метаморфоза, цветастые бабочки плодят громоздких гусениц, ни для кого не секрет, прежде всего в США, однако демократия преподносится как свобода и последнее достижение человеческой цивилизации.

Все метаморфозы с демократией имели место еще на заре демократии, в Афинах в V веке до н.э., с перерождением демократии в олигархию или тиранию, что, по сути, одно и то же. Именно олигархи впервые поставили вопрос о правах человека, о праве сильного, то есть богатого, ставить свои собственные интересы выше народных и государственных. А поплатился за них самый мудрый и нравственный человек - Сократ.

Так всегда и бывает. СССР распался не потому, что он был «империей зла», с точки зрения Запада, а потому что он был империей добра, как юность с ее высокими устремлениями и беззащитная в мире прагматическом, в котором Запад традиционно всегда был сильнее, как старший брат перед младшим. Россия на 200 лет моложе Европы. Но в условиях Русского Ренессанса за последние три века Россия далеко оставила позади западную цивилизацию, в основе которой закон джунглей: человек человеку - волк.

Но русская интеллигенция, порождение Русского Ренессанса, так и не осознала эпоху Возрождения в России как таковую и оказалась между двух огней: между невежеством властных структур в СССР со всевозможными запретами и гонениями и пресловутыми свободами и правами человека, что выдвинула западная цивилизация, пережив фашизм, в США маккартизм. Для развязывания холодной войны не было никаких веских причин, кроме страха за пресловутые либеральные ценности Запада. С поражением фашизма угрозу увидели в «коммунизме», сокрушившем фашизм. Такой выбор сделала отнюдь не демократия с утверждением свободы и прав человека, что предполагает свободу выбора для каждого и всех, а тоталитарная система капитализма, основанная на частной собственности. США и воплощали так называемый тоталитаризм, в чем обвинили СССР.

США продолжают ту же политику тотального влияния на

события в мире, теперь уже в одностороннем порядке, что обернулось уже величайшей трагедией для народов Югославии и Ирака. В этих условиях защищать либеральные ценности Запада в России, вынесшей распад СССР, по сути, не вынесшей, поскольку ей обрубили руки и ноги, надо быть зомби. Вероятно, уже не хватает этих зомби, если Владимир Познер, зная, что такое для россиян Чубайс, не нашел, кого позвать, как еще одного Чубайса, который, разумеется, твердит то же самое, что и другой, удачливый выкормыш тоталитаризма. Что же это за напасть?!

Один Чубайс занимался ваучеризацией России, то есть ограблением населения, он же занимается электрификацией, не зная основ физики, со слов академика Алферова, другой явлен, чтобы поставить на место Всемирный русский собор. Что происходит в России? Что происходит в СМИ? Кто заказывает музыку?

Вирус либеральных ценностей вызвал небывалую эпидемию в условиях землетрясения с распадом СССР. Эпидемию обнищания и гибели, эпидемию самоубийств, эпидемию воровства и мошенничества, эпидемию насилия, эпидемию коррупции. Вот и забил тревогу Всемирный русский собор.

Либералы забеспокоились. В воскресенье за круглым столом у Владимира Познера они собрались, пригласив двух представителей церкви. Уполномоченный по правам человека Лукин заявил заученно, мол, права человека - универсальная ценность; с его слов выходит: человек и права человека - синонимы. Образчик мышления демагогов, с абсолютизацией прав человека, рынка, частной собственности, демократии, приватизации и т.п. , что оказалось столь разрушительно для устоев Российского государства. При этом, разумеется, вину сваливают на тоталитаризм, на Российскую империю, с больной головы на здоровую.

Для верующих, разумеется, Бог - универсальная ценность. Но и такое выражение кажется выспренным, как и человек - универсальная ценность, как и свобода - универсальная ценность. В сфере исторического бытия человека и человечества нет универсальных ценностей. Здесь все относительно и исторически конкретно. Нельзя судить историю одной страны в столетиях и даже в десятилетиях с точки зрения понятий и ценностей других стран и культур. Но именно это происходит в России на рубеже XX-XXI веков.

Права человека не существуют сами по себе, а лишь в системе прав народа или народов, то есть права человека не могут быть универсальной ценностью. Абсолютизация прав человека, как всякая абсолютизация, приводит к обратному результату, как

случилось, к примеру, с признанием прав сексуальных меньшинств, вплоть до браков, обесценивающих вообще браки. В России это воспринимают, особенно иерархи церкви, за крайнее падение нравов на Западе, почти что апокалипсис. Но это еще цветочки.

Абсолютизация прав человека - это инструмент политики, это принцип отнюдь не демократии, а тоталитаризма, как всякая абсолютизация.

США демонстрируют именно такой принцип мышления и политики в отношении других стран. Неудивительно, ведь права человека для США служили средством ведения холодной войны против СССР и других стран всюду, с переходом к военным действиям, где нужно - в интересах национальной безопасности США. Очень удобно. Не надо думать о праве народов и стран на собственный путь развития. Совсем недавно президент США напомнил России: «Есть базовые ценности, которые надо принять». Возможно, он не ведает, что существуют базовые ценности, о каких он и не слыхал.

В принципе, то состояние права и закона, какое утвердилось в странах Запада в итоге революций и войн, в итоге благотворного влияния СССР, можно лишь приветствовать, но все это хорошо для внутреннего обихода, не для экспорта, с навязыванием прав человека в ущерб правам народов и стран, с развязыванием войн, что выходит уже за рамки международного права и нравственности. Нужно ли указывать на Ирак, если Россия подверглась разгрому и разрушению в не меньшей степени и кем? Боже!

О духовной основе государства и личности

24 апреля 2006 года.

Из «Литературной газеты» я получил более полное представление о Всемирном русском соборе. Начинание, вероятно, более масштабное, чем Общественная палата. Но среди его участников, разумеется, кроме тех, кто прямо упивается религиозной рефлексией, находя только в вере источник нравственности, проскальзывает разочарование, впрочем, вряд ли обоснованное. Это уже X Собор, но не один пункт постановлений не выполнен. Вероятно, не дело Собора принимать какие-то конкретные решения. Важен общественный резонанс от обсуждаемых на Соборе проблем и вопросов.

Интересные мысли высказал Иван Евсеенко, прозаик, главный редактор журнала «Подъем» (Воронеж). Собор - «это демонстрация и объединение сил сопротивления, которые существуют в стране. Сопротивления тем негативным началам, которые тоже, увы, есть. Это с одной стороны. С другой - идёт консолидация Церкви и правительства».

В связи с этим Иван Евсеенко вспоминает, что в 90-е годы духовенство пошло тоже на сотрудничество с властью, которая внесла гибельную для государства смуту, а ныне продолжает, по сути, ту же политику разграбления и растления нации.

«Пока мы не скажем, что мы строим, куда мы идём, - говорит Иван Евсеенко, - мы народ ни на что не поднимем. Русский народ должен знать идею. Либо Царство Божие строим, либо хотя бы социализм. Ведь даже если у нас произошла буржуазная революция, то ни один её постулат - «свобода, равенство, братство» - у нас не воплощён. Наоборот, все разъединились».

Он прав. «Русский народ должен знать идею».

Только в России-то произошла не буржуазная революция. Она была в феврале 17 года. В 90-е произошел контрреволюционный переворот, с криминализацией всех сторон жизни, хотя бы потому, что не было в России буржуазии, ее место заняли криминальные и коррумпированные властные структуры. Поэтому контрреволюционный переворот не может привести и к реставрации - нет ни буржуазии, ни дворянства, то-то по ним плачут «белые генералы» от журналистики и кинематографа,

только кучка олигархов и коррумпированные властные структуры, разрушители великого государства, его устоев, его идеологии. И с ними-то Церковь сотрудничает, восстанавливая свои владения.

Алексей Рыбников, композитор, автор «Юноны» и «Авось», высказался так: « - Я надеюсь, что Собор поможет нам сформировать психологию, образ мышления русского человека в современном мире. В советское время у нас сформировалась психология гражданина великой державы, но державы, построенной на неправедном фундаменте. Потом произошло разрушение Советского Союза, и мы почувствовали себя в мире очень неуютно. Я это по себе знаю, когда выезжаю за границу. Поэтому сейчас всем нам очень нужно понять, что мы - граждане великой державы, построенной на праведном фундаменте».

Грустно. Смешно и грустно. Алексей Рыбников объясняет: «Для меня как человека верующего этот фундамент основан на заповедях Ветхого и Нового Заветов». На этом фундаменте даже современную семью невозможно создать, надо вернуться в допетровские времена.

То, что у всех религий нравственные понятия примерно одни и те же, по сути, какие были и у советских людей, считавших себя вполне осознанно атеистами, а многие продолжали верить, отнюдь не значит, что мусульманин найдет «фундамент» Алексея Рыбникова праведным. И т.д. Это старый путь, это смоленская дорога, по которой отступала армия Наполеона, благими пожеланиями, то есть христианскими заповедями, вымощена дорога в ад.

Были ли праведными фундаменты у государств христианской Европы или у Ватикана с его святой инквизицией? Церковь и религия во все века и тысячелетия претендовала на нравственность, как и всякая верховная власть, но мы-то знаем, сколько в этом было ханжества и лицемерия.

Нравственные понятия отнюдь не связаны напрямую с религией. Все уголовники - верующие, так сказать, по роду занятия. Но вера необходима для нравственной души. Вера в Бога отнюдь еще не добродетель. Есть люди, психологи знают, которые не в состоянии верить. Верить, как и любить, мало хотеть, надо обладать свойством души верить и любить.

Юрий Назаров, народный артист России, словно отвечает Алексею Рыбникову: « - Когда в выступлениях некоторых ораторов проскальзывает, хоть и в завуалированной форме, нетерпимость к коммунистическому прошлому, я вспоминаю басню Ивана Андреевича Крылова про умирающего льва, к которому заторопился осёл - пнуть напоследок, «пускай ослиные копыта

знает».

Не пора ли нам успокоиться?.. Коммунизм ни в чём не виноват, никому же не придёт в голову обвинить Христа в преступлениях средневековой инквизиции».

В самом деле, ослов развелось великое множество и все они хотят быть праведниками и «белыми генералами».

Все страны христианской Европы были основаны на неправедном, с точки зрения заповедей, фундаменте, даже Церковь, - на частной собственности и торговле всем и вся.

У СССР был именно праведный, с точки зрения православия, фундамент: равенство, братство между людьми и народами и плюс все заповеди, кроме веры в Бога, что, впрочем, отнюдь не возбранялось, но вера была, вера в светлое будущее человечества, вера в добро, в свет. Эта вера и служила основой нравственности.

Соответственно всех видов преступлений в СССР было на порядок, а то и на два, меньше, чем в благополучных странах Запада, особенно в США, да еще с ролью жандарма в Латинской Америке, вплоть до Вьетнама.

Запреты, гонения, сталинские лагеря в исторически конкретной обстановке - это другая статья, как преступления святой инквизиции, как истребление индейских племен и т.д. Да и фашизм - порождение западной цивилизации, которая ныне кажется столь респектабельной, с экономическим процветанием и с соблюдением прав человека на экспорт. Столько добра, девать некуда, верно, нужен рынок для сбыта.

В чем основы нравственности, добра или зла? В вере? Если, к примеру, взять тысячелетия христианской цивилизации, кто совершал все мыслимые и немыслимые преступления? Верующие уголовники, верующие правители и т.д.

Громадное большинство людей на Земле во все века не совершало каких-либо преступлений, а лишь малое число из простого люда, а чаще из привилегированных классов, из тех же верующих.

Все это означает: нравственность - в природе вещей. Даже звери, поедающие друг друга по определенной цепочке, не совершают зла больше, чем необходимо.

Есть красные волки, живущие стаями. Так вот: в момент, когда косуля задрана, взрослые особи при приближении молодняка отходят в сторону, - оказывается, закон джунглей не носит всеобщий характер для зверей. Сильный уступает слабому, когда последнему необходимо поесть и тоже стать сильным - ради общего блага.

Но рынок и частная собственность, что ныне насаждается в России, - закон джунглей, претерпевший изменения в условиях

существования человеческой популяции, не более того. Это и есть тот фундамент, на котором развивается до сих пор цивилизация Запада и Востока.

В СССР был отменен закон джунглей - ради добра, человечности, братства между людьми и народами. Это по-христиански, если хотите. Впервые за тысячелетия именно в СССР были воплощены нравственные начала, выделяющие человеческую популяцию от животных популяций.

Но в условиях окружения цивилизаций Востока и Запада думать об отмирании государства было преждевременно. Диктат государства сохранился и временами принимал ужасающие формы, в чем, впрочем, не было ничего нового и небывалого. Ведь одно дело, когда государство принимает репрессивные меры в интересах большинства населения, другое - когда в интересах меньшинства.

Основы нравственности не в религии, не в заповедях, которые первыми нарушали власть имущие, поэтому они никогда не выполнялись; основы нравственности - в гуманизме, в человечности, которая на заре развития человеческой цивилизации ничем не отличалась от нравов и поведения любой животной популяции, с заботой о потомстве и т.п.

Основы нравственности отнюдь не в вере, это претензии различных религий, также и власти, императорской, царской, демократической, которой всегда служила и служит церковь, - и все виды преступлений постоянно сопровождали историю человеческого рода, народов и стран.

Основы нравственности, отличной от животных популяций, после христианства, были выработаны в эпоху Возрождения в Европе. Это гуманизм. Человечность была поднята из сферы природы и истории, где она подчинялась закону джунглей, вопреки культу христианских заповедей, в сферу культуры, в которой впервые встал вопрос о достоинстве человека.

До сих пор человек, как тварь, должен был склонять голову перед властью - небесной, церковной, королевской или царской, корпоративной, семейной. Впервые он ощутил себя свободным и способным достичь совершенства, стать, как ангелы, или даже, как Бог.

Гуманизм эпохи Возрождения в странах Западной Европы был основан на индивидуализме, что легло в основу развития европейской цивилизации Нового времени. Но ее фундаментом оказались отнюдь не библейские заповеди, а частная собственность, торговля, рынок, эксплуатация человека человеком и целых народов, правда, по определенным правилам, против произвола дикого капитализма, что ныне и выдают за

либеральные ценности. Но сущность европейской цивилизации осталась та же, как у животных популяций: человек человеку - волк.

Русский Ренессанс, до сих пор не осознанный у нас в полной мере, выработал новый гуманизм, основанный на коллективизме, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности человека и целых народов.

Это не «коммунизм», что всего лишь пропагандистское клише, как его антипод «антикоммунизм», - это новая человечность, когда признается априори самоценность человека, независимо от этнической и классовой принадлежности, что впервые отчетливо проступило в творчестве Пушкина, в той же «Капитанской дочке», и было подхвачено всей русской классической литературой XIX века.

У преобразований Петра I, когда и зачинался Ренессанс в России, была цель - общее благо. Это лежало и в основе идеологии и жизнеустройства социалистического общества, что было реальностью в СССР. Это высшее достижение Русского Ренессанса.

Другое дело, реальное воплощение идей нового гуманизма, как бывает, происходило не без перекосов и ошибок. Это естественно. Страны Европы развиваются уже много столетий после эпохи Возрождения, воплощая ее эстетику в достижениях бытовой цивилизации. Мы ныне в России наблюдаем закат Русского Ренессанса. Самое время осознать его достижения и найти в нем опору для выхода из кризиса, обрести фундамент для России в XXI веке.

Секс и холодная война

По ТВ показали документальный западный фильм под названием «Секс времен холодной войны» (это было 17 апреля 2006 года), ничем не примечательный, все предположительно, без сколько-нибудь значительных персонажей, с рождением Джеймса Бонда в итоге, в полном соответствии с мифологией холодной войны. Страх рождает героя, надежду и защиту свободного мира.

Но, кажется, помимо замысла создателей фильма, неожиданно вырисовывается весьма любопытная картина эпохи второй половины XX века, разумеется, с учетом реалий в СССР, затронутых в фильме лишь мимоходом.

Итак, секс и холодная война. Что может быть общего между ними? То, что в работе спецслужб, все средства хороши, причем тут холодная война? Тем более что самое характерное для эпохи холодной войны, как отмечают вольно или невольно авторы фильма, страх. Да такой страх, когда уже не до секса.

И секса не было, не только в СССР, но и в США, где еще благопристойность задавала тон, с посещением церкви и т.п. С сегрегацией и т.п. Это 50-е годы XX века. США лишь провозглашали себя свободной страной, а свобод в СССР было куда больше.

Бесплатное образование и здравоохранение для подрастающих поколений, независимо, в какой семье ты родился, - это свобода, какой нигде в мире не было и не знали. Для юности иной свободы и не надо. И нет страха перед будущим и не только за себя, за свой век, и за народ и страну в далекой перспективе:

Эту свободу мы не ощущали. Свобода есть свобода. Мы чувствовали лишь ограничения, чаще личного характера, возможности своего Я. Запреты и гонения были в прошлом. Совершенно в иной ситуации была молодежь на Западе, что приведет к протестному движению в разнообразных формах.

По сути, это было левое движение, поскольку в условиях холодной войны все силы и проявления человеческого духа поляризовались, как частицы в магнитном поле. Идеологами выступали знаменитые писатели. Поляризация шла в магнитном поле Земли и отдельно по обе стороны «железного занавеса». При этом в атмосфере эпохи и в нравах народов, вовлеченных в холодную войну, обнаруживаются весьма примечательные явления, в чем-то сходные и в чем-то прямо противоположные.

Самая характерная черта эпохи холодной войны, что

отмечают авторы вышеупомянутого фильма, - это страх. Страх, охвативший души американцев - от властных структур и спецслужб до обывателя, страх прежде всего перед ядерной войной, со строительством бомбоубежищ не только в государственных масштабах, но и в частном порядке; страх увеличивает подозрительность властей, с проверкой благонадежности всех государственных служащих, общественных деятелей, представителей литературы и кинематографа, с преследованием Чарли Чаплина и т.д., явление, получившее название маккартизма, а затем связанное с именем Гувера.

Пропаганда советской угрозы, по сути, мифической, так напугала американцев, не говоря о спецслужбах и военных, что страна впадала буквально в истерию, ведь один генерал даже выбросился из окна с криком «Русские идут!». Подозрительность воцарилась между людьми, на работе, в быту. Под подозрение подпадали прежде всего так называемые сексуальные меньшинства, как ныне политкорректно называют гомосексуалистов и лесбиянок, извращенцев в те времена, поскольку считалось, что их очень легко завербовать иностранным агентам. Холод воцарился в отношениях между людьми - это сегодня американцы приветливы на улицах, как у нас в 50-е годы.

Помимо политиков, на умонастроение американцев оказывала еще сильнее церковь в то время, как в СССР в этом плане была свобода (ныне ее клянут, но это ненадолго).

Страх довлел над людьми в США, страх перед ядерной войной, страх перед Богом, страх потерять работу и т.п. В СССР я ничего подобного не помню. Мы, победители фашизма, не боялись никого на свете. Мы верили в наше будущее. Если какие-то диссиденты таились и всего боялись, Бог им судья. А скорее, дьявол.

Именно против порабощения человеческого духа в условиях холодной войны, против страха и подозрительности, против буржуазности и выступила молодежь в странах Запада во всевозможных обличиях - от хиппи и битников до рок-групп, с так называемой сексуальной революцией.

Во Франции выступления студенчества в 60-е годы носили уже прямо революционный характер. Надо помнить, что великие умы, художники, писатели, артисты той эпохи были, как правило, левых взглядов, а Пикассо вовсе был коммунистом. Само существование СССР определяло умонастроение эпохи.

То, что сегодня происходит во Франции, это лишь отголосок тех лет.

Как бы то ни было, произошло нечто неожиданное и

парадоксальное: сексуальная революция растопила лед холодной войны.

Одно время в СМИ много шутили, то есть ерничали по поводу слов, мол, у нас не было секса, видите, как скучно жили в СССР. Тут дело всего лишь в словах: любовь и секс - эти понятия и в американских фильмах различают, в России тем более различали, обходясь одним многозначным словом любовь.

Значение «железного занавеса» преувеличено, я говорил. Те явления с хиппи и битниками, порывы к свободе и к правде, имели место и в СССР, что отразилось в умонастроении поколения шестидесятников, с интересом к старине, с поездками по монастырям, с музейным бумом, с новым расцветом поэзии и песни, что заключало и сексуальную революцию в СССР. У нас не было лишь крайностей, коих не допустили бы школа, комсомол, милиция, словом, государство, которое всерьез заботилось о воспитании молодежи. Не то, что нынешнее, поступающее с подрастающими поколениями, как мафиозные кланы.

Сексуальная революция вовсе не вседозволенность. Проституция и сопутствующие ей страсти-мордасти тоже не имеют к ней прямого отношения, здесь сфера бизнеса; она всегда процветала в западных странах, а ныне и в России. Сексуальная революция впервые дала себя знать в России в годы первой мировой войны и революции. В 60-е годы был новый ее всплеск, на новом уровне, не просто со свободой отношений в жизни, а с утверждением личности в поэзии, через склонность к искусствам и т.п. В чем особенность содержания фильма «Москва слезам не верит»? Да в том, что на Западе провозгласили сексуальной революцией, с равноправием полов и т.д., поэтому фильм и отмечен Оскаром. А «Служебный роман»?

Только в СССР эта свобода в вопросах любви не сводилась к сексу, как на Западе и как ныне в России, - любовь и секс все еще сохраняли покров поэзии, ныне утраченной.

Свобода чувств и мышления, обретенная молодыми поколениями на Западе и в СССР, была протестом против всех установок и запретов холодной войны с обеих сторон «железного занавеса».

Да, сексуальная революция растопила лед холодной войны. Именно поэтому в СССР началась «перестройка», приходится заключать это слово в кавычки, поскольку реформы в СССР и РФ оказались односторонним разоружением и сдачей всех позиций перед США, как перед победителем, хотя победителями-то были мы! Сексуальная революция - это последнее достижение Русского Ренессанса, под знаком которого развивалась мировая история в XX веке.

Распад СССР, развал РФ - это результат беспримерного предательства руководства великого государства, состоявшего, как оказалось, из пигмеев.

В годы холодной войны страха мы в СССР не ведали, у народов была уверенность в правоте и мощи отечества; не ведали страха и в связи с работой, то есть безработицы не было, не было страха за завтрашний день, - но страх, который довлел над руководством США и народом, оказался плодотворным, они трудились в поте лица - и преуспели.

Вот один из черных мифов о России - отсутствие свободы и т.п., чушь, мы были слишком свободны и беспечны, мы верили в добро, в свет, в лучшее будущее человечества. Мы были детьми грядущих времен. Есть прекрасная песня из фильма «Гостья из будущего»:

Прекрасное далёко,
Не будь ко мне жестоко,
Я начинаю путь...

Путь детей за их мечтой, за синей птицей легко прервать. Вот и прервали. Но это не победа. Это вопиющая жестокость, которую США распространяют по всему миру и поныне.

Реформы в СССР могли и должны были пойти по другому пути - динамичнее и масштабнее, чем в Китае. Чего нам не хватало для этого? Ресурсов? Умов? Опыта великих строек? Всего было в избытке, чем в Китае, но именно этот избыток: интеллектуальную мощь и величайшие природные ресурсы - отсекли, ресурсы - олигархам, умы - за границу.

И это до сих пор называют реформами? Стабилизацией? Боже!

Поэзия, любовь, красота

Поэзия, любовь, красота - это почти что синонимы, это явления одной и той же сокровенной сущности жизни, что природа обнаруживает в многоцветьи флоры и фауны, в удивительном разнообразии форм, а в сфере человеческого бытия - это прежде всего женственность, что воплощает сущность поэзии, любви, красоты.

Еще Платон определил любовь как стремление к красоте и к бессмертию, он говорил о восхождении к красоте по ступеням: поначалу любовь к прекрасным телам, далее любовь к прекрасным нравам и любовь к высшей красоте. Этот путь проделывает каждый человек, сколько-нибудь способный к развитию его сущностных сил, чаще бессознательно и благодаря обучению и воспитанию, характер которых зависит в большей мере от эпохи.

Первая ступень - любовь к прекрасным телам - понятна; то умонастроение, которое обыкновенно переживает юность, нечто вроде мировой скорби, это свидетельство перехода на следующую ступень восхождения к красоте, когда приходит осознание или просто предчувствие несовершенства мира, самого себя или вообще человека, его смертности и т.п. Это мы знаем не только из опыта собственной жизни, но и по литературе, это хандра Онегина или Печорина, что находит воплощение в мифологической форме в Демоне.

Восхождение к высшей красоте - это уже сфера искусства, для многих постижение, переживание красоты, воплощенной в природе и созданиях поэзии и мысли, в той же «Илиаде» или Библии, или в сказках, для единиц восхождение к высшей красоте достигается созданием классических произведений искусства.

Три ступени, указанные Платоном, относятся к человеку, к процессу его обучения и воспитания, но можно и должно отнести и к человечеству в перспективе его исторического развития.

Первая ступень - это язычество, прежде всего классическая древность; вторая - период истории, когда возникли развитые религии мира, что связывают прежде всего со Средневековьем; третья ступень - это эпоха Ренессанса, когда античный эстетизм через неоплатонизм христианских мыслителей и художников снова проявляет свою жизнестроительную сущность и мощь, с восхождением к высшей красоте, какова ренессансная классика.

Такова парадигма развития личности и человеческой

культуры и цивилизации Запада и Востока, несмотря на специфические особенности эпох и этносов.

Такова же парадигма развития личности и русской культуры и цивилизации, что прояснивается со всей очевидностью с осознанием ренессансных явлений истории Российского государства за последние три столетия, когда Россия определяла ход мировой истории, вопреки самомнению стран Западной Европы и США.

Достойно сожаления, мы сами не сознавали сущности ренессансных достижений русской культуры, заглядываясь на блестки западной цивилизации, что ныне доведено до абсурда, с разрушением великого государства, с разграблением его богатств, и этот абсурд продолжается, с угрозой распада РФ.

В этих условиях и встает вопрос: что сталось с триединой сферой «поэзия, любовь, красота», высшей сферой человеческого бытия?

С горечью пришлось уже констатировать, что мы живем в самое непоэтическое время, какое когда-либо выпадало в России, более того, в антипоэтическое время, с торжеством во всех сферах жизни беспорядка, беспредела и буржуазности, с мещанами во дворянстве там, где объявился так называемый высший свет и где заполучить потомка какого-нибудь русского князя бывает редкая удача.

Стихов не читают. Вероятно, упал интерес и к живописи, несмотря на обилие выставок. Стихи если и пишутся, то с учетом вкусов избранной публики, как и с выставками постмодернистских поделок.

Поначалу этот процесс саморазрушения поэзии и жизни шел лишь в искусстве с его дегуманизацией и деидеологизацией. Теперь он проник в саму жизнь, с распадом и разрушением устоев жизни как общественной, так и индивидуальной., - это бросается в глаза прежде всего в мусоре из бутылок и упаковки, заполонивших дворы, улицы, дороги, железнодорожные пути, леса и поселки.

Но ведь также замусорены наши души всевозможными упаковками вещей и идей одноразового использования, как и рекламой, рассчитанной, вероятно, на дебилов. Куда деваться от этих свалок мусора всюду и рекламы, плодящей этот мусор? А никуда. Наши души исчезают в этих свалках мусора. Поэзия покидает леса, улицы прекрасного города, поэзия покидает человека, который превращается в потребителя, собственника, зомби.

В условиях антипоэтического времени любовь превращается в секс с его свободой угождать страстям и желаниям, пусть самым

разнузданным и извращенным, как своим, так и чужим. Все покупается и продается. Ни одна из животных популяций, в отличие от человеческой, такого не достигла. Не говоря о войнах. И это называют цивилизацией.

Да, воистину цивилизация человекоподобных, неудивительно, с звездными войнами, в которых принимают участие роботы с тем же успехом. А человек уже не одно столетие пытается создать культуру как среду обитания, с переходом в сферу искусства, то есть с восхождением к высшей красоте. Но все высшие устремления словно не выносит человеческий дух, и все возвращается в круги своя.

И встает вопрос: что же происходит в условиях антипоэтического времени с красотой?

Поэзия, любовь во все века были проблематичны, но там, где проступала красота, была и поэзия, и любовь. О том с исчерпывающей полнотой сказал Пушкин в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...»

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Что же сталось с красотой?

В России, вопреки старению и обнищанию населения, вопреки замусоренности городов, поселков и лесов, вопреки беспределу криминальных структур, распродающих русских девушек оптом и в розницу по странам и весям, вопреки величайшему беспорядку в стране, красоты стало больше. Разумеется, прежде всего девичьей, женской красоты, самой хрупкой и гибкой, самой беззащитной и легкоранимой.

Выходя на прогулку, при посещении Эрмитажа или Русского Музея смолоду постоянно, я привык видеть всех и каждого, все гримасы и уродства, но и лица, отмеченные той или иной особинкой прелести и красоты. Замечаешь невольно чистый блеск глаз, волос, лица, и красота одаривает тебя улыбкой радости и торжества. Ничего личного, отрада бытия.

Была открытость и сердечность в проявлениях красоты. И эта открытость даже осуждалась, но юность лишь смеялась, неся в себе достоинство красоты.

Бывало, в автобусе появится девушка - и хороша собой, и одета под стать, - все невольно обращают на нее внимание, даже старушки, а парни реагируют на свой лад, а иные норовят заговорить. И всем весело.

Сегодня на улице, на остановках, в транспорте я вижу все больше красивых девушек и молодых женщин, некоторые - с шармом фотомодели, а иные - еще не осознавшие, насколько щедро они наделены красотой матушкой-природой. И почти каждая из них с сигаретой. И всякий раз я вспоминаю изречение древних: «Прекрасное - трудно». И, знаете, никто не обращает на них внимания - ни интереса, ни улыбки, ни, тем более, сердечности.

Красота не востребована?!

Но девушки и молодые женщины делают все, чтобы выглядеть как можно лучше, обретают каким-то чудом шарм актрис и фотомоделей, вовлеченных в индустрию шоу-бизнеса.

Ради чего? Ради любви, разумеется, и успеха, даже карьеры. И в какой-то момент красота девушки превращается в товар. Быть востребованной - ни восхищением влюбленного, а рынком на бирже труда, - это нужно, это успех, но в том еще нет счастья, скорее счастье-то тут и заказано. Как не закурить?

Поэзия, ореол красоты, улетучивается, любовь сведена к сексу, идет искушение красоты, женской красоты, последней ипостаси прекрасного, когда во всех видах искусства давно доминирует уродство.

Это испытание красоты. Это как нагрузки увеличиваются на тренировках у гимнасток и фигуристок. Красота в этих видах спорта достигнута уже почти запредельная.

А в жизни? И особенно в России, где все вековечные ритмы жизни и формы нарушены беспорядком и беспределом, на что особенно чутко, как душа, реагирует красота, женственность, израненная абортами и иными тяготами жизни.

Поэзия и любовь с новыми веяниями весны могут возродиться, но если красота, женская красота, источник человеческого бытия, будет разрушена, изломана, как формы на картинах современных художников, что же останется на Земле?

Лишь свалка мусора, откуда художники берут материал для их опусов. Но это же не искусство, ибо нет там ни поэзии, ни любви, а лишь констатация их отсутствия.

Так и с красотой хотят покончить? Заменив ее суррогатом поэзии, любви и красоты.

Это путь техногенной цивилизации Запада, основанной на так называемых либеральных ценностях, высшем достижении буржуазной культуры и идеологии.

Но всякое развитие тех или иных явлений в зените и завершается, далее спад и стагнация, что ныне демонстрирует Запад.

Красота русских девушек и женщин, подвергшаяся, по сути, оккупации и растлению за последние 15 лет в невиданных в истории масштабах под флагом свободы и демократии, то есть чистогана, все еще цветет - все ярче, пусть без задушевности прежних эпох, так сияют небеса на закате.

В условиях загрязнения среды обитания и душ, распада народного хозяйства, науки, образования в стране пока цветет лишь красота девушек и молодых женщин, последняя любовь России, ее поэзия.

А ведь ее может погубить не только нынешний беспорядок, но и процветание по чужим канонам. Исчезнет задушевная русская красота природы, женщин, искусства.

НЛО и холодная война. Рождение легенды

Сложилась парадоксальная ситуация в мире и особенно в России, и она связана с распадом СССР. Будущее выпало из мышления современного человека. Никто не помышляет о перспективе развития земной цивилизации и культуры на каких-то новых началах, даже у фантастов все чудеса техники с созданием межгалактических кораблей и роботов совершеннее человека сведены лишь к войнам за господство над миром, по сути, к торжеству политики США как сверхдержавы, хотя эта идеология господства все чаще терпит крах.

XXI век не обещает ничего нового, кроме технических новинок, все более совершенных, вплоть до создания человекоподобных роботов, супергероев, сошедших со страниц комиксов, воплощенных в боевиках и вовлеченных в звездные войны. Это не будущее, а далекое прошлое, с погружением в мифы и сказки, с вовлечением всех и вся в восточные единоборства, столь же смертоносные, как старинные мечи и лазерное оружие. Игровое кино? Да, игровое кино, которое формирует умонастроение новых поколений. Война всех против всех.

Время остановилось и даже, несмотря на суперсовременные города, средства передвижения и связи, повернуло вспять. Культуры Востока и Запада, сохраняя внешние формы прекрасной, вековечной старины, это, конечно, всего лишь видимость, все более обретают общие черты техногенной цивилизации, в которой всякая новинка столь быстро устаревает, что будущее исчезает в прошлом, превращаясь в свалки мусора.

Что такое Гонконг? Процветающий остров-город на стыке цивилизаций и технологий. Суперсовременные аттракционы, океанариумы и десятки тысяч ресторанов и ночных клубов. В одном из ночных клубов посетителей бывает до тысячи человек, каждый из них выкладывает от 5000 до 20000 долларов. Кроме всякого рода развлечений и угощений, девушки наготове, иного посетителя обхаживают 5-7 девушек, целый гарем, как говорит гейша в возрасте.

Внешне город будущего, а нравы те же, из глубин тысячелетий. Громадное число обсуживающего персонала на острове-бирже, на острове развлечений с потоками туристов со

всего света - но это же жизнь на уровне муравьиных колоний!

Переключая каналы, наткнулся на документальный фильм, показанный по REN TV, который побуждает к размышлениям. В 1947 году в США у поселка Росвел разбился некий летательный аппарат. Происшествие сразу было утаено, засекречено спецслужбами. Но отдельные свидетельства очевидцев постепенно сложились в стройную картину о посещении Земли инопланетянами со всеми атрибутами такого события.

Видели линзообразный летательный аппарат, который с тех пор постоянно наблюдают в разных частях света и воспроизводят в фильмах; видели четырех инопланетян, тщедушных, странного вида, с большими глазами, как с тех пор их и изображают в фильмах; два из них погибли при катастрофе, третий ранен, а четвертый был жив, хотя весьма обгорелый. Все это уже воспроизведено не в одном фильме, и кадры из них мелькают, создавая впечатление реальности событий.

Известен госпиталь, куда был доставлен инопланетянин, показывают медсестру, которая вне себя, еще бы, такие события, - тоже кадр из какого-то фильма. Затем, говорят, эта женщина, которая могла бы многое рассказать, исчезла. Ее до сих пор ищут.

Жители Росвела и уфологи уверены, что правительство США скрывает по каким-то причинам факты о посещении Земли инопланетянами.

Зачем? Подозрения явно необоснованы. Засекречены были операции спецслужб. Ныне все данные о происшествии у Росвела на заре холодной войны доступны исследователям, и вырисовывается совершенно иная картина, по сути, обескураживающе банальная и примитивная.

Запускались высотные аэростаты с набором шпионской аппаратуры, чтобы они, проплывая над территорией СССР, просматривали и прослушивали все, как ныне то делают спутники-шпионы. У поселка Росвел и разбился подобный аппарат. Если бы не делать особой, сверхсекретной тайны, разумеется, от СССР, то воображение жителей Росвела и уфологов не разыгралось бы.

НЛО со всеми домыслами о посещении Земли инопланетянами - порождение холодной войны, на первый взгляд, вполне безобидное, но по своей природе такой же стереотип мышления, как «коммунизм» и «антикоммунизм», что также пугает и уже не столь безобидно. Примитив в мышлении и рождает чудовищ, и войны.

Детали аэростата трудно принять за обломки космического корабля. Но, оказывается, примерно в то же время у Росвела потерпел катастрофу военный самолет. Четыре обгорелых

летчика, похоже, сошли за инопланетян. Вышеупомянутая медсестра из госпиталя могла знать кого-то из них, этим и объясняется ее поведение. Что ей до странных человечков с большими глазами?

Впрочем, у инопланетян, потерпевших катастрофу у поселка Росвел, есть и другие прототипы. На высотных аэростатах, кроме аппаратуры, в идеале необходим экипаж. Для опыта поднимали в небо приматов в скафандрах. В шлемах, покрывающих лицо, как маска, они впрямь могли выглядеть так, как изображают пришельцев в фильмах, со слов очевидцев или по игре фантазии.

Аэростаты, уходя в небо, при определенном освещении вполне могли иметь вид летающих тарелок. Но проектировались и линзовидные летательные аппараты для тех же шпионских целей. Словом, весь арсенал средств и приемов тайных операций ЦРУ неожиданно породил легенду о посещении Земли инопланетянами. Гора родила мышь.

В последние дни много шума в связи с фильмом «Код да Винчи». Церковники поднимают паству на демонстрации протеста. Теперь христиане, как и мусульмане в связи с карикатурами на пророка. Это знаковые события.

Один из иерархов церкви заявил: в фильме «Код да Винчи» показывают Христа как человека, мол, в том и святотатство. А кем же он был, рожденный земной женщиной? Даже если и принять непорочное зачатие. Допустим, он был сыном бога, как считал себя сыном бога Александр Македонский. Эту тайну он узнал от матери и тайну подтвердили жрецы храма в Египте. Он не был богом, как однажды убедился сам, получив рану, кровь у него была человеческая.

Также и Иисус не был богом, по крайней мере, до его распятия с двумя другими смертными. Бог не позволил бы себя распять, с какой стати, а вознесся бы сразу в небо, выполнив свою земную миссию.

Земное событие превратилось в легенду, обретя тем самым силу поэтической истины и веры. В поселке Росвел и поныне верят в то, во что хотели верить - в инопланетян, якобы посетивших Землю. Рассекреченные материалы об аварии аэростата уже не в силах заставить их разувериться. Легенда, рожденная холодной войной, стала поэтической сказкой, как миф об Атлантиде, утопия Платона, как и миф о богочеловеке.

Библейская мифология не может быть более истинной, чем любая языческая, чем античная мифология, которая сохраняется в миросозерцании народов, составляя основу европейской культуры и цивилизации.

С эпохи Возрождения в Европе и века Просвещения у церкви

своя ниша. Ныне, на рубеже XX-XXI веков, в условиях распада идеологий не только советской, но и буржуазной, развитые конфессии и многочисленные секты покидают свою нишу, предъявляя свои права, как в Средние века, на умы и чувства людей, а также на их кошельки, что еще куда ни шло, но даже на образование и культуру народов и стран.

Говорят о духовном возрождении, связывая духовность лишь с религией, что, конечно, неверно. Сфера духовности - культура во всех ее проявлениях, религия - одна из ее разновидностей, разумеется, кроме фанатизма, что уже в сфере политики. Но именно религиозный фанатизм и выходит ныне на первый план, что чревато непредсказуемыми последствиями.

В условиях кризиса европейской цивилизации, что впервые было осознано на рубеже XIX-XX веков как закат Европы, с ощущением конца, с возвратом вспять, с погружением в миф (Джойс, Пруст, Фолкнер и т.д.), с Первой мировой войной, и произошла Русская революция, обновившая не только Россию, но и весь мир, с распадом колониальной системы, с торжеством демократии, особенно после победы СССР над фашизмом, в странах Европы, с революциями в исламских странах и третьего мира. У человечества была перспектива развития, с утверждением мира и дружбы народов, с освоением Космоса. И она была связана с существованием СССР, как бы ни оценивать его историю.

СССР превратили в «империю зла» только потому, что у него была своя идеология и политика, отличные от США. Дядя Сэм этого не любит, терпеть не может, как Ричард Чейни, который, кроме НАТО, уже создает новый Варшавский договор, но уже против усеченной России, чтобы она никогда не поднялась на ноги, а играла роль Латинской Америки, обеспечивая энергоресурсами Запад, поскольку страны Латинской Америки ныне отвергают диктат США и либеральные ценности, идеологию разграбления народов и стран, что мы видели там, а ныне воочию наблюдаем в России, которая из светоча мира превратилась в одну из самых нищих и коррумпированных стран мира.

Положение вещей в России проясняется до полной очевидности.

С распадом СССР время вновь остановилось, как в начале XX века. Но теперь уже с погружением не в мистику с налетом поэзии, а в миросозерцание давно ушедших эпох буквально, будто не было эпохи Возрождения. С кодом да Винчи мне еще предстоит разобраться, но в том, что художники Ренессанса изображали богоматерь как молодую женщину своего времени, Давида как образ совершенного человека, Иисуса как страждущего веры и спасения человека, и заключалось утверждение достоинства

человека, который в развитии своих сущностных сил, как верили гуманисты, может сравняться с ангелом и даже с Богом. Таким и предстал Иисус в мифическом сознании человечества.

Послекарнавальные размышления

27 мая (2006) отмечали День города. Включив телевизор под вечер, видел прямую трансляцию с Дворцовой площади, мимо которой с большими промежутками проходили группы машин, всячески разубранных, с малочисленной публикой в разноцветных костюмах вне всякого стиля и характера, либо десятка два Буратино, когда индивидуальность исчезает.

Группы машин - это были районы города, на головной машине восседал в короне глава администрации, дикторы сообщали, чем известен тот или иной район... Какие-то пляски и представления затевались на несколько минут, и колонна проходила мимо Дворцовой площади, а что там - неизвестно.

Знаю, были и иные праздничные мероприятия, концерты, фейерверк. Но весьма убогое шествие представителей отдельных районов города в якобы маскарадных костюмах назвать карнавалом нельзя. Очевидно, идея, форма петербургского карнавала еще не продуманна совершенно. Соединение карнавала с Днем города, когда чиновничество во главе с губернатором тянет к прежним формам празднеств с прохождением колонн перед трибунами, пусть без рапортов о трудовых успехах, требует, очевидно, переосмысления.

Одно дело - День города с необходимыми официальными и праздничными мероприятиями, иное совершенно - карнавал, пусть приуроченный ко Дню города, что отнюдь не обязательно, тем более если уповать на превращение Петербурга в одну из карнавальных столиц мира.

Карнавал - это не просто бал-маскарад, а действо, единое и многоплановое, веселое, непрерывное, вовлекающее в свое движение публику, весь город, весь мир. У подобного действа прежде всего должна быть идея, которая получает воплощение в самых разнообразных маскарадных костюмах, но в чем-то единых по стилю, в чем проступает этнос и культура народа или народов, принимающих участие в праздничном волшебстве.

Персонажи действа нечто разыгрывают и разыгрывают непрерывно в ходе шествия час, два, три, пока стихия карнавала не захватит весь город и весь мир.

Идея бразильского карнавала, помимо национального колорита в маскарадных костюмах, - танец. Это танцевальное действо.

Идея венецианского карнавала или флорентийского - театр.

Это театральное действо на улицах, в залах, с театральными постановками, приуроченными ко дням карнавала.

Когда столь отчетливы идеи и традиции, неудивительно, это самые знаменитые карнавалы.

В Петербурге пока мы наблюдаем лишь попытки организации маскарадов и карнавалов с нелепым отрезанием галстуков и т.п. Нет идеи. Она просто не продуманна. Как легко найти идею Царскосельского маскарада или карнавала!

Идею Петербургского карнавала готов высказать. Если она будет подхвачена, пусть все знают, кто ее автор.

Надо знать, Петербург изначально карнавальный город. Первым и главным устроителем празднеств, ассамблей, маскарадов на берегах Невы был царь Петр. Празднество в честь античной статуи Венеры с ряжеными в Летнем саду, нечто неслыханное и невиданное на Руси, воспроизведено в трагедии «Державный мастер». Это была самая настоящая вакханалия, воистину мистерия, с явлением богов Греции в миросозерцании русских поэтов и художников.

При Петре празднества носили всенародный характер. Позже балы-маскарады обыкновенно имели место при дворе или в частных домах. Во времена Пушкина и Карла Росси, Михаила Глинки и Карла Брюллова выделяются балы-маскарады в доме Энгельгардта, в отличие от придворных и частных, можно сказать, общественные, число каковых будет расти к рубежу XIX-XX веков. Балы-маскарады в доме Энгельгардта посещала императорская фамилия инкогнито. Это время отмечено рождением новой русской музыки.

Идея Санкт-Петербургского карнавала, чему соответствует водная стихия рек, каналов, фонтанов и классическая архитектура города, - музыка.

Воплощение ее в маскарадных костюмах и образах может идти по двум направлениям: по истории моды на светских балах и театра, с театральными персонажами всех времен и народов...

Маскарадно-театральное действо плывет и идет по Невскому проспекту, сворачивает под Арку и выходит на Дворцовую площадь, где коллективы любителей или профессиональных актеров показывают лучшие номера - на весь мир.

В это же время первые коллективы достигают Стрелки Васильевского острова, где действо происходит на земле и на воде, с салютами и фейерверком.

На карнавале участвуют жители города, одаренные красотой, молодостью и талантами. Это празднество прежде всего для них и для города в целом на всю страну и на весь мир. Обычные горожане и гости города - как сторонние зрители, по соседним

улицам и набережным Невы места достаточно, но для громадного большинства горожан, как и россиян, и мира - это телевизионное шоу классического содержания с русской музыкой по преимуществу, привычной слуху народов мира.

Санкт-Петербургский карнавал может быть началом фестиваля искусств «Белые ночи».

12 июня - красный день календаря…

12 июня 2006 года.

Правительство РФ и подвластная ему Дума умеют ставить народы России в неловкое положение, это помимо всего, что они предпринимают в сфере экономики, культуры, образования. Результаты плачевны. 12 июня - что? Праздник? Когда это Россия обрела независимость и от кого? Лишь официальные СМИ будут напоминать о Дне России, как написано в календаре. Для большинства народа - это всего лишь лишний выходной. Так люди думают и говорят. Нет праздника.

А что такое День России, если и власть осознала, что слово независимость здесь не к месту? День, когда Россия, Российское государство с распадом СССР, оказалась усеченной, без союзных республик, без целинных земель и Крыма. Это скорбная дата, но никак не праздник, во всяком случае, для громадного большинства народов России, ну а праздник для олигархов и демагогов, роль которых взяли на себя депутаты Думы и сенаторы.

Оказывается, в России завелись уже и сенаторы, почтенные господа, заслужившие почет и уважение служением отечеству. Когда это они успели выслужиться? Нет, и они обрели власть в одночасье, как олигархи свои миллиарды в условиях узаконенного разграбления страны.

Им понадобилась ниша безопасности. И был создан Совет Федерации, правда, оказывается, у спикера верхней палаты есть право отправлять сенаторов в отставку, а компромат найдется на каждого, поскольку Россия с этими депутатами и с этими сенаторами, они же и губернаторы, и олигархи, и бизнесмены, превратилась в одну из самых коррумпированных государств мира. Приехали.

Ко Дню независимости в прошлом году депутаты Государственной Думы добавили День народного единства 4 ноября, еще одну условную дату, отменив две безусловные даты - 7 ноября и День Конституции, как бы к ним ни относиться.

Все это говорит о полной растерянности в верхах. Даже партия власти, которая собрала в своих рядах все высшее и среднее чиновничество, погрязшее в коррупции, как известно, профессоров и ректоров вузов, близких к власти, то есть элиту нации вроде бы, не может или не хочет разобраться в реалиях

эпохи, разрушительных для РФ.

Если на эйфории в условиях распада СССР, свободы от «коммунизма», еще могли принять День независимости, по примеру США, колонии, отделившейся от метрополии, ныне можно было бы протрезветь и одуматься, нет, отменили великую дату в истории Российского государства и всего человечества.

Видите ли, в большинстве недавние коммунисты все сделались антикоммунистами, и 7 ноября для них не праздник. Перемены в умонастроении эпохи можно понять, но зачем придумывать День народного единства - в условиях, когда ничтожная часть населения забрала в свои руки все богатство страны, с обнищанием громадного большинства народов России, с небывалым вымиранием населения? Здесь одна ложь, тем более что нет ни примирения, ни согласия прежде всего в СМИ.

Это условные даты. Власть имущим честнее было бы не придумывать их. Но честными перевертыши не могут быть. Разбогатевшие в одночасье в условиях узаконенного разграбления страны, они пребывают в страхе и делают все ради сохранения статус-кво. Поэтому в России не затухает антикоммунистическая, антисоветская истерия. Российские СМИ, театр, кинематограф - ежесуточно, ежечасно ведут холодную войну, как некогда Запад против СССР, против кого? Против РФ.

Не против Сталина и сталинских лагерей выступают, все это в прошлом, ныне в России творится нечто еще более ужасающее, вот и нужна дымовая завеса. Дымовая завеса, подобная той, какую запустили США перед вторжением в Ирак. Дымовая завеса, подобная той, какую США применяли по отношению к СССР, и политика США ничуть не изменилась. Они как были очагом холодной войны, так и остались, не останавливаясь теперь и от бомбардировок.

Самое поразительное, российские электронные СМИ представляют и поныне очаг холодной войны в стране. С распадом СССР, казалось бы, цели и задачи СМИ должны были измениться. Нет, история Российского государства переписывается, перекраивается - не ради исторической истины, всеобъемлющей и всесторонней, а лишь с переменой знаков - плюса на минус и обратно, где это выгодно.

В итоге РФ оказалась без государственной идеологии, без перспектив развития, без национальной идеи.

Это значит: народы России не сознают своего единства, нет самосознания нации, нет и национально ориентированной элиты, как было в странах Латинской Америки сотни лет - в интересах метрополий и позже США. Ныне там положение меняется, а Россию превратили в это-то время в одну из латиноамериканских

стран. Кто? Те, для кого 12 июня - праздник.

Их немного. Увозя капиталы за границу, они не пустят корней в России. Подует ветер и их сметет, как перекати-поле. Но в том утешения мало.

Великое в прошлом. Есть две позиции в отношении к нему: отказываться от него, проклинать, клеветать, или сознавать величие Российского государства, определявшего ход мировой истории три века Русского Ренессанса, поныне не осознанного ни писателями, ни искусствоведами, ни издателями. Что говорить о политиках, то есть демагогах, обслуживающих олигархов.

Всех занимают темные или белые пятна в русской истории, но никого величайшее явление - эпоха Ренессанса в России. Всех занимают потомки Пушкина, но не Пушкин как уникальное ренессансное явление. Великое чуждо и даже ненавистно. Кто-то уже отказывает в таланте Лермонтову, гениально одаренному с детских лет.

Все русское искусство с эпохи Петра I не понято, не осмыслено по существу, все сводят к заимствованиям, не решаясь назвать блистательный расцвет искусств и мысли эпохой Возрождения в России, а ее-то кровавый закат принимают за возрождение. Все наоборот.

Мои мысли о Ренессансе в России отчасти опубликованы, помещены на сайтах, я неоднократно обращался в издательства с предложением издать книгу «Ренессанс в России», в газету «Завтра» и в «Литературную газету» с предложением опубликовать статьи о Русском Ренессансе, идеология которого и есть идеология Российского государства в XXI веке. Глухо. Нет даже ответа. Где вы, мастера культуры?

Хорошо, конечно, что «Литературная газета» отходит от либеральных фраз, но почему не заговорить во весь голос о проблемах Возрождения в России, чем в Италии занимаются и поныне? А газета «Завтра»? Рупор оппозиции впадает ныне в утопию. Самое великое, самое величественное, самое чарующее в истории России и русского искусства, явление, впечатляющее, как восход солнца, не замечено, не осознано, не открыто до сих пор.

Проглядеть великую эпоху, отказаться от нее - это и значит впасть в ничтожество, в каком пребывает ныне Россия.

Мистерии наших дней

22 июня 2006 года.

С приведением в новый порядок списка сонетов на сайте, с делением на три части, а работа будет идти над четвертой частью, я впервые ощутил, что они легли в мою душу как нечто безусловное. До сих пор я воспринимал отдельные сонеты и в целом по-разному. По нынешним временам я даже не пытался их опубликовать, а уже набирается целая книжка (около 100 сонетов), что предлагать в издательства тоже вряд ли имеет смысл. Увы! Такие времена.

Между тем пришла пора, пока пишутся стихи, завершить обработку поэмы «Аристей». И надо было решить, что делать с небольшой поэмой «Видение инока», набросанной восемь лет назад, в дни, когда поднялся шум в СМИ в связи с захоронением екатеринбургских останков в Петропавловской крепости, с прямой трансляцией на весь мир, по сути, торжество, венчающее распад СССР.

Мероприятие двусмысленное, без участия патриарха всея Руси, поскольку церковь не признала подлинность царских останков; по сему, вероятно, и президент Ельцин не собирался участвовать, но какие-то неведомые силы его привели в усыпальницу русских царей.

Это было в июле, а в августе в РФ приключился дефолт. Умонастроение у многих, не только у меня, было ясно какое. Казалось, инфернальные силы завладели нашими душами.

Поэму «Видение инока», в которой воспроизводится происшествие в горнем мире в ночь после захоронения екатеринбургских останков, что недоступно самым современным СМИ, я отправил в редакцию одного из московских журналов. Оттуда даже не отозвались. Смута в стране, смута в головах достигли предела. Восприятие явлений искусства искажено политическими и всякого рода иными пристрастиями, это продолжается и поныне.

«Видение инока» - мистерия или аутос, как в старину называли такой жанр, с участием ангелов, дьявола, святых и даже Господа Бога. В русской литературе этот жанр не получил развития, очевидно, из-за цензуры, царской, церковной, светской в советское время. «Демон» Лермонтова впервые был издан за границей, хотя поэму читали в семье Николая I еще при жизни

поэта. Судьба романа Булгакова «Мастер и Маргарита» хорошо известна.

Сведущие в литературе читатели вспомнят «Видение суда» Байрона и его мистерию «Каин». В последней один из действующих лиц - Люцифер, к которому поэт явно проявляет симпатию, поскольку исходит от первоисточника, то есть Библии. Впрочем, и в Библии мало что сказано о Люцифере, кроме смысла его имени и имен - Денница, Сын зари. Сатана же, или дьявол, - это темное начало, как утвердилось в христианской традиции.

Вообще у богоотступника выделяют две ипостаси, будто это два лица: Дух возмущенья и Дух растленья, - именно последний в просторечьи и называется дьяволом, который любит искушать человека чувственными наслаждениями, чтобы верней погубить его душу. Что убийства или прелюбодеяния, карается по христианской морали чревоугодие и т.п. В Библии отнюдь не Люцифер соблазнял Еву, а змий, символ хитрого зверя (поскольку всякий символ многозначен, это и мужское начало, если угодно).

В мистерии Байрона Каин совершает убийство брата не без влияния Люцифера, который поведал ему, обозревая будущее, ход развития человеческой цивилизации, основанной прежде всего на убийствах и войнах. Каин - лишь первый человек, который убил себе подобного. Но роль Люцифера по версии, какую развивал Вячеслав Иванов, один из самых образованных поэтов и мыслителей Серебряного века, исключительна. Ведь Люцифер, отпавши от Бога, понес свой свет человеку, изгнанному тоже - из Эдема.

С точки зрения Бога и его ангелов - он отступник и злодей, который должен понести наказание. Но человек, благодаря ему, обрел знание добра и зла и вообще в поте лица принялся строить свой дом, создавать свою среду обитания, вместо Эдема.

Так начался люциферический процесс, двусмысленный с точки зрения христианства, временный, греховный, но это и есть человеческая история, с развитием цивилизации и культуры. Недаром титанов эпохи Возрождения в Европе подозревали в связях с дьяволом. Но не Сатана им служил, а светоносная сущность Люцифера, самого света, проявлялась в их исканиях и творчестве, буквально жизнетворчестве.

Разумеется, у церкви своя точка зрения, основанная на позднейших учениях и представлениях о дьяволе, но у религии и искусства - один общий источник. Это библейская мифология, изложенная в Ветхом и Новом завете. Так, древнегреческая мифология была основой религии греков, а также искусства, обретя свою поэтическую форму в «Одиссее» и «Илиаде» Гомера. Вера греков в олимпийских богов психологически и поэтически

ничем не отличается от веры христиан в Бога-отца, Сына и Святого Духа.

Политеизм и монотеизм относительны и составляют единство противоположностей, что в полной мере обнаружилось в эпоху Возрождения в Европе. Хотя христианская вера оставалась актуальной, значение художественной религии греков трудно переоценить, но не в моральной сфере, а в эстетической, с величайшим расцветом искусств и мысли.

Еще в ходе работы над романом, названном «Мистерии Серебряного века», ныне - «Восхождение», я пришел к догадке, откуда в Библии явился ангел со столь исключительными именами - Сын Зари, Денница, Люцифер, он же богоотступник, поверженный с небес. Мне представляется, в Деннице (утренняя звезда, то есть Венера) повержены Афродита и ее сын Эрот, два самых двусмысленных начала, с христианской точки зрения, что будет отвергнуто в эпоху Возрождения. По сути, Люцифер - это Эрот (светоносная сущность олимпийских богов), который и свел Адама и Еву, с грехопадением и изгнанием из Эдема, с началом человеческой истории.

Таким образом, классическая и христианская традиции проступают в сущности и образе Люцифера, который оказывается перводвигателем человеческой цивилизации и культуры, правда, всячески оклеветанного, как отпавший якобы от Бога, что справедливо лишь по отношению к Духу растленья, то есть Сатане, но его-то ныне почитают всячески с культом свободы в проявлении всех человеческих страстей, разумеется, прежде всего чувственных, на радость, как говаривали в старину, дьяволу.

В мистерии «Видение инока», помещенной в эти дни на сайте в новом разделе поэмы, вся эта проблематика обыгрывается чисто поэтически в духе представлений и новелл эпохи Возрождения. Более широкая разработка дана в романе «Восхождение» и в поэме «Аристей», о которой будет еще сказано. Что касается истории, в частности, истории последнего царствования, в ней ныне господствует крайне узкий, односторонний, по сути, антиисторический подход, венцом которого явилось объявление бывшего царя, отрекшегося от престола, стало быть, и от клятвы, данной Господу Богу и народу, святым.

Веря, что царская власть от Бога, как отречься от нее? Это все равно, как отречься от Бога. Значит, и у царя в душе пошатнулась эта вера, как у народа. Николай отрекся за себя и за сына, по сути, отказав в царской власти своей супруге, которая к ней рвалась и тем самым подвела мужа. Роль конституционного монарха для Николая была бы как раз хороша и для России в начале XX века. Но в феврале 1917 года уже было поздно.

Поэтому и великий князь Михаил отрекся. Два отречения произошли без тени насилия, можно сказать, в результате демократического выбора командующих армиями, депутатов Думы и народа.

Ну а дальше народ, у которого в руках оказалось оружие, вместо ненавистной, бессмысленной войны, прекратить которую не хватило ума и воли у Временного правительства, взял судьбу страны в свои руки. В условиях гражданской войны, когда белые генералы, не имея иных идей, сделали ставку на восстановление монархии, царская фамилия была обречена.

Такова логика исторических событий у всех времен и народов. Но у нас ныне оплакивают не только судьбу последнего царя, а всех, подобных ему, потерпевших крах по своей или чужой вине в извечной борьбе за власть. Возвеличивают царевича Алексея и против кого? Петра III - и против кого? Павла I - и против кого? И т.д. Николая II - и против кого?

Возвеличивают длинный ряд ничтожеств, с клеветой и поношением великих строителей Российского государства - с какой же целью? Ради исторической истины? Результаты известны. Ради разрушения величайших достижений русской истории и культуры за три века Русского Ренессанса.

Недаром русский народ чувствует себя униженным. Его подвиги оспариваются, его принуждают (с помощью псевдореформаторов, разрушителей великого государства, и церкви) к покаянью, вознося царя, приведшего Россию к смуте и отрекшегося от престола.

Во всем этом неизмеримо больше лжи, чем милосердия, дымовой завесы для разграбления и разрушения страны. Так поступают оккупанты. Так поступают США в Ираке. Они действуют по стереотипам холодной войны, ныне затевая новый тур в отношении Белоруссии и даже РФ. Антикоммунизм и антисоветизм уже давно обнажили свою сущность - антируссизм, господствующий, как ни парадоксально, но у нас же все наоборот, в российских СМИ.

Где же оппозиция? Где же патриоты? Где же русские? Ратуют за «ё» в правописании, будто не знают, как произносить слова, а кто-то и за «ять», что не произносится и ничего не означает. А о Ренессансе в России, о величайшем явлении в истории человечества, и знать не хотят.

Жестокий романс

09.03.07

По каналу «Культура» к 8 марта показали фильм Эльдара Рязанова по пьесе Островского «Беспреданница» «Жестокий романс», вышедший на экран более двадцати лет тому назад, в 1984 году. В ту пору это был фильм о прошлом, слегка осовремененный новыми романсами. Персонажи с их интересами - деньги, деньги - казались примитивно-архаичными, при этом известнейшие актеры играли свои роли с видимым удовольствием, за исключением актрисы в роли Ларисы, которая как бы выбывала из ансамбля. Живая среди теней прошлого. Лариса Гузеева. Казалось, она новичок и играет самое себя.

Перемены в умонастроении эпохи на рубеже XX-XXI веков словно повернули время в России вспять, и сегодня «Жестокий романс» воспринимается как фильм не о прошлом, а о настоящем и даже будущем. Уникальный исторический феномен, который высвечивает разом три эпохи в истории России. Обычно фильмы устаревают безвозвратно и могут представлять лишь исторический интерес. «Жестокий романс», сохраняя дух и аромат эпохи создания фильма, ее поэзию, что находило прямое выражение в стихах и песне, обретших здесь форму романса, ломкую и интимно-тихую, почти что мучительную, как судьба героини, несет в себе и содержание пьесы Островского, запечатлевшей коллизии частного предпринимательства в России, что обрело ныне куда более широкий размах.

Три эпохи в истории России - это три подхода к нравственной проблематике частного предпринимательства и индивидуализма. Проблемы в России с развитием капитализма, как в Европе, великие русские писатели от Гоголя и Достоевского до Островского и Чехова воспринимали однозначно, как *беспорядок*. Советская эпоха, как бы ее ни оценивать, следовала заветам классической русской литературы, что было ясно зрителям «Жестокого романса» в 80-е годы XX века.

Но вот пришло время, когда в СМИ не один раз, а повторяясь, знаменитый кинорежиссер заявляет, разумеется, для него это шутка, но в высшей степени знаменательная и роковая для тысяч и тысяч русских девушек: «Если тебя насилуют, надо расслабиться и постараться получить удовольствие». Примерно так. И пошло-поехало. Другой знаменитый кинорежиссер и актер

вообще записался в белые генералы. Известный актер, ныне он православный, тоже за рынок и частное предпринимательство. Игру прекрасных актеров в фильме прекрасного режиссера теперь воспринимаешь в ином свете. Такое впечатление, что они играют самих себя и с громадным удовольствием. Они преуспели, как нынешние нувориши. И гуляют с таким же размахом.

Им мало катеров, на которых в пьесе Островского купцы совершили поездку к другому берегу Волги на пикник, о чем лишь упоминается, а им подавай громадный пароход. Барышня влюблена безнадежно. А у ее матери одна забота - выдать ее замуж хоть за кого-нибудь, кто возьмет ее без приданого. Лариса не из тургеневских барышень, иначе сказать, не из советских школьниц; в ней уже ощутимо проступают черты, присущие и преуспевшим купцам, она из нового поколения русских девушек, не просто мечтающих о любви, а готовых на любой риск ради чувства или свободы.

Это было бы весьма примитивно, если бы драматург, кинорежиссер и актриса не одарили ее неподдельным талантом. Лариса предстает не бедной бесприданницей, а яркой личностью, одаренной красотой и умом; ее и воспринимаешь как актрису, в душу которой еще не запала страстная мечта о сцене, что придет уже во времена Чехова. Фильм, вопреки печальной судьбе героини, производит отрадное впечатление. Или это музыка Андрея Петрова и романсы, выпадающие из эпохи создания пьесы, но сами по себе выразительные, как отголоски советской эпохи?

Я просмотрел заново пьесу Островского, не думая сравнивать ее с киноверсией с ее свободой и широтой воспроизведения места действия. Выяснилось, первое появление Паратова, его геройства, любовь Ларисы и его внезапное исчезновение - это всего лишь предыстория, рассказанная в пьесе и развернутая в фильме в целую серию; не было и поездки на огромном пароходе «Ласточка» по Волге, а действие начинается с решения Ларисы выйти замуж за первого встречного, поскольку дома оставаться ей все тяжелей, и с возвращения Паратова, который тоже, как Лариса, оказался в сложном положении: разорившись, он обручился с богатой невестой, то есть вынужден расстаться со своей свободой. Он сохранил блеск лишь в глазах слуг и цыган и остался «идеалом мужчины» во «мнении» Ларисы, которой не с кем его сравнивать. Ситуация совсем иная, чем та, что разыграна в первой серии фильма, соответственно, и Паратов в пьесе предстает в комическом ключе, как и жених Ларисы Карандышев, два сапога пара.

Но Лариса сохранила свое чувство к Паратову, вообще к

жизни и к природе, у нее это порыв к свободе и к красоте. Она вне житейской суеты, она вся в полете, что ясно проступает в ее особенной, сугубо поэтической речи. Первые ее слова: «Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!» Но Карандышев совершенно не понимает ее. Она умна и готова поучать возгордившегося ее выбором жениха: «Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна".

Это свойство поэтической натуры. Каждое слово Ларисы в ходе действия звучит, как в стихах или в песне, и вносит свет в атмосферу пьесы, поэтому и романсы она запевает по настрою души, отчего и воздействие ее пения необыкновенно сильно. И все же в мире, где все измеряется чистоганом, таково кредо всех персонажей, чего они и не скрывают, как и нынешние нувориши и СМИ, их обслуживающие, Лариса - всего лишь товар с определенными свойствами, вещь, которая должна иметь своего хозяина. Дорогая вещь, как ныне проститутки известного пошиба, модели или актрисы из сферы шоу-бизнеса.

Показали в эти дни фильм о Мерилин Монро. Какая блистательная актриса в фильмах, а в жизни она была и оставалась вещью, которая переходила из рук в руки, вплоть до Кеннеди; когда это стало внемоготу, она покончила с собой. Сколько современных Ларис подвизается - хорошо еще в сфере шоу-бизнеса, а в борделях и на улицах городов всех стран мира. Благо, открыты границы. Достижения западной цивилизации.

Мокий Кнуров, «из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием», по характеристике автора, предлагает Ларисе, обманутой Паратовым на его глазах, уехать с ним в Париж с уверениями: «Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит; я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления". Деньги покрывают все: любое преступление, любой порок - и придают им блеск. Это и воспринимали великие русские писатели, как воцарение в России *беспорядка,* что ныне мы называем беспределом. Приехали!

"Герой нашего времени", или "Голова Горгоны Медузы"

05.06.07

Вчера показали по ТВ фильм «Печорин». Кажется, так называется, кто авторы - не знаю, да это и неважно. Это обычный образчик современного российского кинематографа, который демонстрирует «разруху в мозгах создателей», по выражению Станислава Говорухина.

То, что восприятие истории СССР искажено антисоветчиной, господствующей в СМИ, это еще можно понять, хотя нет оправдания, когда дело доходит до таких фильмов, как «Сволочи». Слишком отдает откровенной клеветой.

Но «пленной мысли раздраженье» искажает у журналистов СМИ и кинематографистов и события русской истории, и явления русской культуры. Добрались до классической прозы, пытаются замутить чистые родники высокой поэзии.

«Герой нашего времени» Лермонтова не только уникальная классическая проза, это высокая поэзия по языку. Классика требует и классических средств при экранизации, что для современного российского кинематографа непостижимая высота, проще играть на снижение, ведь за это платят в СМИ. Зная это, я и не думал смотреть фильм, но, переключая каналы, натыкался на кадры, которые никак не могли быть связаны с романом Лермонтова.

Посудите сами. В каком-то ангаре у бочки с водой молодой человек в военной форме XIX века моет руки, к нему подходит вроде бы солдат с обвинениями, которые столь невыносимы, что тотчас получает страшную оплеуху. Молодого человека зовут Григорий Александрович. Как! Это и есть разрекламированный фильм «Печорин»? Нет, не стану смотреть, мне не нужна эта варварская паутина, которую пытаются набросить на создание гения.

Эпизод наскозь выдуманный, но приговор герою уже вынесен авторами фильма, ясна и эстетика фильма - игра на снижение как и главного персонажа, так и всего содержания романа, настоенного на поэзии и мысли, на красоте природы и женщин. Если эта высота недоступна для создателей фильма, это можно понять, извинить, но игра на развенчивание героя романа и его

автора, становится ясно, это цель, заказ, что в духе нынешних СМИ.

Переключая каналы, вижу: то же самое во всех современных фильмах и сериалах российского кинематографа - гримасы «разрухи в мозгах создателей», нечто вроде головы Горгоны Медузы со сплетеньем змей Рубенса, что экспонируется сегодня в Эрмитаже.

Любой кадр российского кинематографа выдает нечто ущербное, случайное, с уничижением достоинства человека и жизни его, что распространяется и на историю России и на русское искусство, на высшие его достижения.

Как ни прискорбно, любой кадр из американского кинематографа, в отличие от российского, на порядок выше, можно смотреть, все выверено... Переключаю канал: молодой человек в военной форме входит в дом, где собирается снять квартиру, - во дворе куры, бабы, детвора, шум и гам, - в окна ничего, кроме развешанного белья, не видать.

А как у Лермонтова? «Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпляет мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный...»

Высокое - те же горы Кавказа - не занимают создателей фильма. Персонаж скороговоркой бормочет несколько строк из дневника Печорина, как школьник, и отправляется к Источнику, где собирается водяное общество, - как он там вышагивает, поводя плечами, скорее под Грушницкого, чем Печорина у Лермонтова. Переключил на американский боевик, который уже видел, - зачем мне жалкая имитация классического романа, в котором каждая строка дышит поэзией жизни и мысли. Подделка забудется завтра.

Жаль только, если школьники не прочтут «Героя нашего времени», а содержание романа станут пересказывать по фильму, получив искаженное представление о Лермонтове, который был всегда особенно любим русской молодежью даже рядом с Пушкиным.

Все высокое в русской истории и русском искусстве подвергается искажению и клевете непрерывно вот уже 15 лет - и этому нет конца.

Какую же роль играют СМИ в России? «Разруха в мозгах создателей» ежедневных подделок продолжается, обретая все

более клинический случай. Его анатомию представил на своей картине Рубенс. Не стоустая Молва, а голова Горгоны Медузы со сплетеньем змей, искажающая все прекрасное на Земле, - вот что такое современные российские СМИ.

Где ты, Персей?

Станционный смотритель

21.07.07

В вагоне пригородной электрички я вынул залежавшиеся страницы «ЛГ» из рюкзака и просмотрел в пропущенной колонке «Дневник учителя» статью под названием «Ай да Пушкин!» Писала учительница о том, как она всякий раз, когда ученики проходят, «что «Муму», что «Тихий Дон», она эти вещи перечитывает, «независимо от объема». Очень серьезная учительница.

Так, она перечла «Станционного смотрителя» Пушкина, «читанного, наверное, раз сто», и ее посетили мысли, «никогда ранее не приходившие в голову. (Но никогда ранее я не была и матерью почти взрослого сына.) А вот теперь поди ж ты...».

Далее следуют мысли учительницы по поводу перипетий фабулы и судеб старого смотрителя и его дочери Дуни. У нее теперь все перевернулось. Как ее учили и как она сама учила, сочувствовать бедному и униженному, оказывается, неверно, смотритель сам виноват, он слеп, «слепой смотритель» - какой оксюморон, почище, чем «живой труп», восторгается учительница. Ее радуют мысли, то есть домыслы, отвечающие нынешним реалиям.

Вообще создается впечатление, что речь не о повести Пушкина, а о дамском романе с перипетиями увоза дочери старика в столицу богатым Ромео; старик убивается напрасно и решается спасти дочь от панели, а увидел ее в роскоши, что окончательно сбивает его, как полагает учительница, поскольку он слеп, не может понять, что у детей другая жизнь, в роскоши или на панели (а крайности сходятся)...

Вот к чему относится упоминание о «почти взрослом сыне». А не будь его у учительницы? Были бы те же 15 лет, в какие даже у постоянного читателя классики все нравственные понятия перевернулись. Это разруха в мозгах, по выражению Станислава Говорухина. Это каша в учебниках по русской истории, как заявил недавно президент Путин, один из тех, кто заваривал эту кашу, а теперь решился расхлебывать. Винить учительницу не в чем. Это наша общая беда.

Нравственные понятия были и остались с языческих, христианских, советских времен одни и те же. Это видно по классической литературе всех времен и народов. Беда наша в том,

что эти понятия перевернули, переменили в них знаки. Пушкин в крайней степени отчаяния проговорил: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Учительница упоминает слова Пушкина, не слыша боли в его голосе. Она утверждает: у детей другая жизнь, старшим поколениям - «покой», новым - «воля». Старшим поколениям - вечный покой, новым - воля, - голубая мечта русского либерализма ради свободы, демократии, то есть торжества чистогана.

«Литературная газета» в последние годы весьма решительно стала выступать против этих крайностей, перевернутых ценностей, что можно только приветствовать. Но статейка «Ай да Пушкин» просилась ведь на последнюю страницу. Домыслы учительницы смехотворны. Бедные школьники! А слова Пушкина, вынесенные в название? Ведь все знают продолжение. Поэт мог так выразиться про себя, да в частном письме, но в устах другого, у учительницы, звучит как прямое ругательство.

Я перечел «Станционного смотрителя», не знаю, в который раз.. Повести Пушкина - явление исключительное даже рядом с его лирикой. Это однажды почувствовал Лев Толстой, в пору работы над «Анной Карениной», а смолоду прозу Пушкина находил «голой»; - у нас считают ее детской, - он писал Голохвастову: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу - прочтите с начала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение.

Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, смешение низших с высшими, или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства.

Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтение даровитых, но негармонических писателей (то же музыка, живопись) раздражает и как будто поощряет к работе и расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и, если возбуждает к работе, то безошибочно».

В маленькой повести «Станционный смотритель» и возникает беспредельная область прекрасного, в которой действительность 10-20-х годов XIX века в России, оставаясь такой, какая была и есть, вместе с тем преображена гармоническим распределением предметов поэзии, что доступно лишь классике да из высшего

ряда.

Все происходит, как во сне, а воспроизводится как воспоминание, - здесь нет места беллетристике, это сфера «даровитых, но негармонических писателей», повествующих о том, что и как бывает в жизни, - перед нами высший нравственный мир, где и все происходит по высшим критериям, как в «Илиаде» Гомера или в романах «Евгений Онегин», «Война и мир».

Пушкин заранее заступается за своего героя: «Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые». По сути, это характеристика как Самсона Вырина, так и Дуни. Это та нравственная высота, на которой они живут, а дочь еще отличалась поразительной красотой.

Хозяйка в доме, во всем помогая отцу, Дуня не дичилась проезжих. «Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня, - пишет рассказчик, - она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет». На прощанье она не только дала согласие на поцелуй, но и сама поцеловала рассказчика, как станет ясно позже.

Из всего этого следует, что в истории с гусаром, который прикинулся больным, девушка вполне сознавала, что происходит; вполне естественно, что она безоглядно влюбилась, а молодой барин еще ничего не обещал, лишь просил с ним уехать в столицу, - она решается, это для нее какой ни есть исход.

Уезжая, гусар вызвался довезти девушку до церкви на краю деревни. «Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? - сказал ей отец, - ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви».

Смотритель вроде бы впал в ослепление, как он сам думал, но скорее он оказался провидцем судьбы своей дочери. «Старик не снес своего несчастья; он тут же слег...», а Дуня, со слов ямщика, всю дорогу «плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте».

Переживания столь сильны, что отдает высокой трагедией. Поэтому и обычная развязка, как в беллетристике, как в жизни, для Пушкина была невозможна. Остается поднять ротмистра Минского в тот высший мир, где он встретил девушку необыкновенной красоты. Вероятно, появление бедного смотрителя в Петербурге решило окончательно судьбу ее дочери.

Происходит знаменательный диалог. «Ваше высокоблагородие! - продолжал старик, - что с возу упало, то

пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». - «Что сделано, того не воротишь, - сказал молодой человек в крайнем замешательстве, - виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она - вы не забудете того, что случилось».

Последняя фраза Минского объясняет многое, в частности, почему Дуня не давала о себе знать отцу: сознавая свое положение, она боролась за свое счастье и достоинство и, лишь утвердившись в новой сфере, приехала с детьми в родную деревню. Поздно.

Учительница забывает о пропасти между сословиями в старину и ныне в так называемых цивилизованных странах, все-таки мы все родом из СССР. Не могла Евдокия Самсоновна приютить отца, по домыслам учительницы, да она еще не была замужем за Минским, а пока лишь на содержании. Поэтому смотритель не успокаивается; считая ее погибшей, он ищет способа увидеться с нею. Случай помог, и ему представилось чудное видение.

«В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости; Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался» «Кто там?» - спросила она, не подымая головы. Он все молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер».

Появление прекрасной барыни в деревне в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською тоже отдает видением не из мира сего. Между тем все реально. Услышав о смерти старого смотрителя, прекрасная барыня заплакала. Мальчик вызвался довести ее до кладбища. «А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю».

Фраза в четыре слова - как вся жизнь и смерть. У могилы отца, как подсмотрел мальчик: «Она легла здесь и лежала долго». Это не мелодрама, а высокая трагедия о пропасти между сословиями и человеческом контакте, как молния, прорезавшем мир дольний и горний. Пушкин провидел возможность нового нравственного миропорядка.

Такова высокая классика. Это вам не дамский роман из нашего времени о слепых отцах и зрячих детях, у которых другая

жизнь, будто это свобода и достоинство. В другой жизни ведь все иначе - уголовщина во всех видах, коррумпированность властных структур, вседозволенность в СМИ, проституция, наркомания, беспризорность в неслыханных масштабах, когда даже благополучие и процветание отдают беспорядком и беспределом, нарушением иерархии ценностей, что мы впитывали с детства из классической русской прозы и лирики.

Свет августа

1.09.07

Самые яркие впечатления из детства - это как из тьмы ночи, сумерек ненастных и зимних дней возникал свет утра, летом теплый или уже горячий, с холодной росой на траве, зимой - с мерцанием звезд и снега, с первыми рассветными лучами, весной - ослепительный в небесах и на тающем снегу или на голубом льду реки, веселый и нежный, как вербины или первоцвет...

Это я наблюдал невольно по дороге в школу или летом, когда мы уезжали на рыбалку или по ягоды, вставши пораньше. Свет над водой нежил, чтобы днем стать горячим, изнуряще знойным. Впрочем, летнюю жару мы выносили легко, то и дело купаясь в реке, где вода в глубине была холодна, и мы выходили на берег, съеживаясь от холода. Кроме жары, нас донимали комары или мошкара.

Где-то в середине или к концу августа воздух становился прохладней и чище, не просто прозрачней, приближая дали, а совершенно особого тона, словно природа почувствовала умиротворение после летнего буйства роста, с созревающими плодами в лесах, на полях и в садах. Но свет исходил с небес и с далей по горизонту, тихий, сияющий чистотой и тайной человеческих глаз и желаний, как на вершине горы Чистилища у Данте, где он поместил Земной Рай.

Свет августа в природном плане - это свет приближающейся осени, предзакатный свет лета; в человеческом плане - свет зрелости, самодовлеющий, с проступающей грустью перед неминуемым увяданьем. Возможно, этот свет имел в виду Фолкнер в его романе «Свет августа», о котором я услышал гораздо позже, чем заметил это явление природы еще в детстве и что всходило в моих воспоминаниях о жизни на Амуре всегда, если угодно, как прапамять о Земном Рае, ближе к осени, к началу учебного года.

Свет августа у меня связан именно с приближением нового учебного года. Не весной, с окончанием четвертого класса в родном селе или седьмого в Найхине, а к осени я ощущал, что вступаю в новый возраст, в новую жизнь, с предчувствием ее перспектив, с новыми ожиданиями любви и счастья. Мои сверстники росли беззаботнее, но, может быть, с теми же чувствами и помыслами, как я, только не отдавали отчета, как я,

что у меня, теперь ясно, определялось моим призванием.

В августе мы ходили в лес за орехами, уже нет ни комаров, ни мошкары, воздух свеж и чист, и нет-нет натыкались на переплетенья лоз, обвивших кусты и деревья, с гроздьями иссиня-черного винограда... Какая благодать! Выйдешь из леса, за рекой заливные луга со стогами сена, рукотворные купола таинственных соборов, и дали просматриваются до Амура, с сиянием вод, и с синими линиями гор по горизонту.

Мне всегда казалось, что эти пространства, столь они бесконечны, вмещают и американские прерии, и африканские саванны, не говоря о России и Европе, - все было здесь. Но это же из тех знаний, что я получаю в школе. Правда, я не просто учился в школе, точнее, совсем не учился в обычном смысле, я прорастал на благодатной почве всечеловеческой культуры из тысячелетий. Я в лесах находил виды, уже знакомые, - из пейзажей Левитана и Шишкина, - очевидно, из репродукций в учебниках. Позже я останавливался в Третьяковской галерее или в Русском Музее перед «Золотой осенью» или «Корабельной рощей», как перед миром, где я вырос. Все было родное и близкое, как из детства, благодатное и возвышающее душу.

Такое образование давала советская школа детям, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, что не выпячивалось, как ныне. И это было благом, особенно для тех, кто ставил перед собою высокие цели, мечтал о славе, стремился к вершинам мировой культуры. Это естественно для ренессансных эпох.

Свет августа, теперь я знаю, стал светом знания, поэзии и искусств, светом юности и взросления, светом первой любви во всей ее чистоте и силе переживаний, - и этот свет возникал всякий раз в августе к концу месяца или в сентябре и в студенческие годы, и позже, когда этот свет пробуждал воспоминания детства и юности, нежданно-негаданно легшие в основу моих первых повестей и определившие мою будущность.

С новым учебным годом, друзья!

Лермонтов и Пушкин. Сходственные черты

18.09.07

Такой запрос привлек мое внимание, и мне представились оба поэта - по облику, характерам, чертам личности, свойствам души и творчеству, единственные, неповторимые. Сходственные черты? Но сравнение лишь подчеркивает особенности, и, кажется, именно это-то интересно.

По внешнему облику оба небольшого роста, с некрасивыми чертами лица, как они сами воспринимали и нередко воспринимали их, но столь выразительными, исполненными веселости, ума и грусти, что они казались более привлекательными и интересными, чем просто красавцы, это помимо гения, печать или ореол которого обозначились рано у обоих, еще в ранней юности.

Один обладал более созерцательным характером, другой - исключительно деятельным, - это при живости и остроте впечатлений у обоих. Словом, у одного преобладало созерцание, при этом снисходительность и даже уступчивость, у другого доминировала воля, вплоть до воли подчинять и главенствовать во всем.

Впрочем, иногда Пушкин словно спохватывался - в тех случаях, когда, на его взгляд, даже при малейшем подозрении, задета его честь, и тогда он проявлял решительность и необыкновенную твердость духа, как на дуэлях. Он мог собраться духом, чтобы безбоязненно и даже весело встретить смерть. Лермонтов в этом плане был всегда собран, сгусток стремлений, часто запредельных, и воли.

Следует помнить, у нас представление о Пушкине в его зрелые годы, даже юность его и первую молодость, прошедшую в изгнании, мы воспринимаем сквозь призму его блистательной и трагической судьбы. У Лермонтова его рано созревшая юность, так и не перейдя во взрослость Пушкина, - это случилось бы, если бы он вернулся в Петербург, вышел в отставку и занялся бы изданием журнала, - оборвалась трагически.

Сходственные черты у Лермонтова и Пушкина можно усмотреть лишь в их судьбе: слава и гибель на дуэли. Независимо от причин и стечения обстоятельств, это высший удел для поэтов и героев классической трагедии. Или трагедии эпохи Возрождения и именно в России, что предстало в самой жизни, исполненной величия и непреходящей красоты.

Что касается черт личности, свойств души и творчества, здесь определяющее значение имеет миросозерцание и соответственно эстетика. Пушкин, слегка отдав дань романтизму, выступает как классик из классиков; Лермонтов - романтик, который,

последовав за Пушкиным, то есть по восходящей линии развития новой русской литературы, приходит к ренессансной классике в романе «Герой нашего времени», сотканном из удивительных новелл.

В миросозерцании Пушкина проступает классическая древность, как и русская старина, и библейская мифология, даже поэтические мотивы Корана, и вольномыслие Нового времени, что соответствует озарениям эпохи Возрождения и в России. Лермонтова не привлекает древнегреческая мифология, он как романтик увлекается Востоком и Средневековьем, оставаясь весь в сфере христианской религии и библейской мифологии. Его вера по-детски, по-юношески наивна и чиста, но разум его ропщет: что ему краткий миг земного бытия, - его влечет небо, ему нужна вечность!

Демон Пушкина, - у него знак разлада и моральной рефлексии, характерной также для ренессансных эпох, - у Лермонтова обретает зримый образ падшего ангела, по сути, всякого человека, душа которого с его рождением с неба спускается на грешнюю землю, вот и влечет его небо, где он вновь и вновь обретает себя, как поэт в минуты вдохновения. Мыслители, поэты, художники эпохи Возрождения верили, что человек в развитии своих сущностных сил может уподобиться ангелам и даже Богу. Демон Лермонтова (и Врубеля) - это дух возрожденчества, не понятый, не принятый современниками.

Дух возрожденчества, даже понятый и прославленный, как у Леонардо да Винчи и Микеланджело, поскольку человек смертен, терпит крах. Но высшие достижения духа остаются в вечности, как небо и звезды мировой поэзии и культуры.

Еще многое можно бы сказать, к примеру, о характере лирики и прозы у обоих поэтов... Стих Пушкина и в лирике, и в поэмах, и в романе «Евгений Онегин» - простой и пленительный, правильный и гармоничный - обладает именно теми свойствами чистой классики, какие присущи прозе Лермонтова в романе «Герой нашего времени». Проза Пушкина так же проста и правильна, как его стих, но менее гармонична и благоуханна, чем у Лермонтова. Похоже, Пушкин не заботился об отделанности своих прозаических набросков, кроме некоторых писем.

Стих Лермонтова удивителен в эпоху Пушкина, когда все вдруг научились писать гладкие, благозвучные стихи; можно подумать, ему не совсем даются стихи, но поэзия мысли и энергия выражения все скрадывают. Также не похоже на Пушкина и на его эпигонов писали Фет, Тютчев, Некрасов, каждый создавал свою форму стиха.

Так и Лермонтов, который не хотел и не мог превзойти

Пушкина в лирике и отправился проселочной дорогой и по горным тропам к вершинам мировой поэзии. Но, заметив, что в прозе можно что-то доделать вслед за Пушкиным и Гоголем, Лермонтов создал словно играючи новеллы, язык которых отдает самой пленительной поэзией, почти как в романе в стихах «Евгений Онегин».

Многое можно бы сказать об отношении к любви и к женщине Пушкина и Лермонтова, с учетом перемен в положении дворянского сословия с его вольномыслием еще с екатерининских времен и смены поколений, когда юный поэт оказывается как бы младшим братом старшего и невольно дистанцируется от него. Для Пушкина влюбленность, любовь, помимо вдохновения, - это форма и образ жизни светского общества с приемами, визитами, посещением театра и балами.

Лермонтов вступает в свет, еще в юности в Москве и позже гусарским офицером и поэтом в Петербурге, как Евгений Онегин, впавший в хандру, поэтому он хладнокровно разыгрывает Сушкову - в меру, как та обошлась с его другом Лопухиным, братом Вареньки Лопухиной.

Это была для него игра в месть, а об обольщении дамы он и не думал. Правда, эта игра обойдется ему и Вареньке Лопухиной дорого. Но это и была выстраданная ими любовь, и чтобы о ней поведать, помимо лирики и поэмы «Демон», Лермонтов создает два женских образа - княжны Мери и Веры, с осуществлением первоначального замысла романа «Княгиня Лиговская», неудавшейся романтической повести, на высоте классики.

Теперь, когда Лермонтов встает в один ряд с Пушкиным в сфере классической прозы, вдруг ясно проступают между ними сходственные черты. Это гуманизм. Лермонтов, создатель Демона, вовсе не был певцом сверхчеловека и индивидуализма. Его «Бородино» выражает народный взгляд на события Отечественной войны 1812 года. Его «Родина» - это полное воплощение нового гуманизма, выработанного русской классической литературой.

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,

Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Гуманизм Пушкина носил, разумеется, более элитарный характер. Лермонтов первым сделал шаг к опрощению на Кавказе, за ним последует Лев Толстой.

Что такое эстетика? Панэстетизм?

29.09.07

Такого рода запросы участились. Поскольку я веду речь именно об эстетике Ренессанса, об античной эстетике и эстетике отдельных поэтов, мыслителей и художников, возможно, вопросы относятся прямо ко мне, и не ответить нельзя, как обычно приходится не принимать на себя всякого рода опусы типа: «Любовь и трагедия в романе Шекспира «Ромео и Джульетта». Здорово выразился. Или: «Живопись античности и эпохи Возрождения. Галерея».

А вот: запрос «Празднества афинян» меня обрадовал: я только что опубликовал трагедию «Перикл» - там и представлены в яви и Элевсинские мистерии, и Панафинейские игры - празднества афинян в честь Афины-Паллады и города Афины.

Что такое эстетика? Да, эстетика - это все, что нас радует, волнует, влечет в жизни, в мире искусства и природы. Это мода во всех ее проявлениях в череде столетий и лет, с фасонами одежды от самых причудливых, старинных, национальных до самых современных, какие почитают наилучшими некоторое время.

То же самое мы наблюдаем во всем богатстве форм и разнообразии расцветок представителей флоры и фауны по всем

континентам и морям, правда, с большим постоянством вкуса у обитателей морских глубин, джунглей или саванн.

Для кого-то эстетика - это наука о прекрасном в мире искусства и быта, с борьбой и сменой художественных направлений от первых наскальных рисунков, высеченных на камне, до графики Пикассо, с модой на сундуки, как у древних греков, на шкафы для посуды, разрисованные причудливыми и красочными изображениями драконов, произведение искусства китайских мастеров, каким-то чудом попавшее в дом моей бабушки, и памятное мне с детства.

Все вещи и предметы быта в череде столетий, с постоянством фольклорных мотивов или с новациями в стиле модерн, - все это эстетика, форма и цвет вещи, не просто полезной в хозяйстве, но радующей человеческий глаз независимо от пользы, бескорыстно, как предмет для любования.

Вкусы меняются, но мебель, сохраняющая самоценность красоты материала или формы, превращается в антиквариат, который ценится дороже всякого новодела. Здесь, ясно, красота вещи превзошла функциональную ее полезность, предмет быта воспринимается исключительно как произведение искусства. Так мы воспринимаем уголок интерьера с гарнитуром карельской березы 1910-х годов.

Луг зеленый с разноцветьем трав - тоже сфера эстетического, как и вся природа, и Космос. Так было, по крайней мере, у древних греков, у которых понятие эстетика отсутствовало, хотя бы потому, что вся античная философия, как она воспринимала свой предмет: природу, Космос, государство, жизнь людей, произведения искусства, - была собственно эстетикой, которую выделили как отдельную дисциплину в XVIII веке и сделали нормативной, как этику.

С тех пор эстетическое связывают со сводом правил и приемов, выделяя различные художественные направления: классицизм, барокко, готика, романский стиль, романтизм и т.д., а сферу морального, религиозного - с духовной стороной человеческого бытия.

Античность не знала такого разделения; она воспринимала действительность как абсолютную эстетическую действительность, и эстетическое заключало в себе все - и законы природы, и законы государства, и законы искусства, и такой всеобъемлющий взгляд на явления природы, истории и искусства вновь устанавливается в эпоху Возрождения, с раздроблением на всякие «измы» в Новое время и особенно в XX веке, когда с ломкой форм пришли к дегуманизации искусства, с крахом именно высокого искусства и с расцветом шоу-бизнеса.

Шоу-бизнес втянул в свою сферу, кроме массы эстрадных ансамблей, кинематограф, телевидение, театр и даже литературу, штампующих ширпотреб, с рекламой, обеспечивающей сбыт по всему миру. Кумиры и фанаты - альфа и омега шоу-бизнеса. Эстетика, основанная на сексуальности во всей ее обнаженности...

Понятие панэстетизма проступает во все эпохи, когда культ красоты становится основополагающей в миросозерцании, в поэтике поэтов и художников, как в классической древности и в эпоху Ренессанса. В России панэстетизм впервые мы наблюдаем в миросозерцании поэтов, художников, архитекторов Золотого века русской культуры, с формированием единого стиля эпохи, что условно называют русский ампир, по существу же, это классический стиль лирики, прозы, живописи, архитектуры, музыки и прикладного искусства, где чаще говорят об ампире, общеевропейском явлении, за которым исследователи проглядели ренессансную классику в достижениях русского искусства.

Что такое пейзаж в живописи? Это эстетика природы во всей

ее наглядности, когда уголок местности или окрестности города у моря предстают не просто как снимки, а явно окрашенные под особенное восприятие художника, в чем мы узнаем его эстетику.

Что такое портрет? Это эстетика как художника, так и персонажа со внешними аксессуарами времени и с его внутренним миром, что чувствуется зрителем. Перед нами личность, ее особое воссоздание художником, в чем проступает и эпоха через эстетику художника.

Панэстетизм вновь вспыхивает на рубеже XIX - XX веков, теперь уже не в миросозерцании дворянской интеллигенции, а разночинной интеллигенции и просвещенной части купечества, с формированием общего стиля эпохи. Это Русский модерн - эстетика Серебряного века, в которой интерес к античности сохраняется, но она в большей мере заявляет себя как эстетика романтизма, поскольку вся эпоха выступает как романтическая с ее обостренным чувством красоты, до болезненности и надлома, с ожиданиями и предчувствием катастроф, что вообще присуще романтическому мироощущению.

Запрос «Что такое эстетика?» мне напомнил о замысле, с которым одно время я носился, с разработкой эстетики не в школьном, не в академическом плане, что у специалистов всегда отдает схоластикой дефиниций, когда, вместо живых цветов зеленого луга, нам показывают гербарий, а с обращением к античной и ренессансной эстетике с ее всеобъемлющим предметом.

После серии статей по эстетике классической древности и Ренессанса в Италии, в странах Европы и в России естественно вернуться к замыслу более общего плана, что станет, похоже, разработкой философии культуры под названием «Эстетика и гуманизм».

"Русская идея и проблема возрождения России"

12.10.07

Такого рода запрос, можно сказать, носится в воздухе, и такой вопрос возникает в России не первый раз. Как ни странно, эту проблему, столь актуальную в истории Российского государства, ставили умы, погруженные в мистику поэтических и религиозных озарений, и, естественно, всегда оказывались на обочине реального исторического процесса, который шел совсем не так, как им хотелось бы.

Веря в Провидение, они тем не менее решали, что во всем виноваты Антихристы, будь то Петр I или Ленин, повернувшие Россию не туда, против ее исконных духовных ценностей, сложившихся еще с языческих и православных времен, то есть идеологии средневековой Руси. Эпоха Возрождения в странах Западной Европы с XIV по начало XVII века, по сути, великая культурная революция, не коснулась Руси, как сказал царь-реформатор, по нераденью наших предков.

Русь продолжала молиться иконам, каноны которых взяты из Византии, - они прекрасны, слов нет, но для своего времени, канувшего в лету, а ныне чисто эстетически, когда уже не молятся, а любуются как старинным произведением искусства, - а поскольку Константинополь пал под ударами турков, на Руси явилась идея третьего Рима. Но Рима не христианского, не католического, как исторически было и есть, а Рима православного.

Вот первое явление русской идеи. Но Русь расширялась в своих границах до Сибири и Дальнего Востока, - это были громадные пустынные земли, куда шли первопроходцы, как первые мореплаватели до Индии, чтобы открыть Америку, это было извечное движение племен и народов по морям и континентам, - чисто геополитически, что освящалось кем-либо из иерархов церкви или мыслителей идеей третьего Рима. По сути, Русь расширялась на восток, как пружина, сжатая татаро-монгольским нашествием, распрямилась с силой.

Европа заметила Российское государство лишь с началом преобразований Петра I, когда Россия вступила в блистательную и героическую эпоху Возрождения, как Италия и другие страны

Европы двумя столетиями ранее. Думать и желать, чтобы Русь оставалась замкнутой в себе со средневековой идеологией, не выходя на мировую арену наравне с европейскими странами, и при этом мечтать о третьем Риме, можно было лишь в мистических грезах, чем и занялись у нас первые славянофилы и их последователи.

Появились и западники, которые, сравнивая положение вещей в России и состояние русской литературы с Европой, приходили прямо в отчаянье от нашей отсталости и бедности, и это в Золотой век русской поэзии и культуры, что ведь и тогда было ясно.

Таким образом, два течения общественной мысли в России XIX века: славянофильство и западничество, пусть правые в частностях, - лишь смазывали действительные процессы, происходившие в России, в русской литературе, впадая в религиозно-моральную или просто моральную рефлексию, вместо всеобъемлющей эстетической оценки новых явлений русской жизни и русского искусства с начала преобразований Петра. И это на пике расцвета классической русской поэзии и прозы, музыки и живописи!

Между тем ренессансный импульс преобразований Петра Великого не затих, несмотря на усиление феодальной реакции, с жестоким подавлением выступления декабристов, с гонениями на Пушкина, с оформлением официальной идеологии царского правительства в виде формулы «самодержавие, православие, народность».

В ней проступила русская идея славянофилов, хотя и последних преследовало всячески царское правительство. Подавлялась ведь всякая мысль. Поскольку это давление исходило от верховной власти, и преобразования царя-реформатора восприняли как одно сплошное насилие, проглядев тем самым «классический день» Ренессанса в России.

Здесь одна из причин трагической судьбы Пушкина. Эпоха Возрождения сильна не только самосознанием личности, но и самосознанием нации. В России последнее не вызрело из-за односторонностей воззрений славянофилов и западников и феодальной реакции.

Николай I жалует первого поэта России званием камер-юнкера, как какого-нибудь юнца, вместо того, чтобы, по крайней мере, сделать его камергером. И этого поэту не нужно было, для него лишние путы. Но француз на русской службе, усыновленный голландским посланником, вряд ли посмел бы втянуться в историю с камергером его величества до дуэли.

На рубеже XIX - XX столетий ренессансные явления в русской

жизни и в русском искусстве уже ощутимо проступали, но не были вполне осознаны или осознаны отчасти лишь впоследствии, как Бердяевым в эмиграции. Многие думают, что вмешалась революция. Вмешалась прежде всего буржуазная эпоха, и ее порождение - первая мировая война, преодолением которой и была Октябрьская революция. И снова мыслители заговорили о русской идее, о «культурном» или «религозном ренессансе», как сегодня.

Если серьезно, это оксюморон. Ренессанс по определению если не прямо антирелигиозное, то сугубо светское явление, с секуляризацией духовных и жизненных начал человеческой жизни и общества. Ныне мы наблюдаем не «религиозный ренессанс», а как и в начале XX века, форму феодально-буржуазной реакции, с планами возврата к средневековой идеологии, приспособленной, разумеется, к условиям рынка, как и было в странах Европы в так называемый период первоначального накопления капитала, чем завершается эпоха Возрождения.

Вернулись к исходному, что и обернулось катастрофой, как и вообще период первоначального накопления капитала - для народов Европы, с вымиранием населения, с уничтожением народов вновь открытого континента. А ради чего? Это сейчас затвердили о правах человека, а цель была и есть одна та же - чистоган.

Решили все разрушить: государство, производство - до основания, чтобы раскупить за бесценок - нефть, заводы и т.п., что привело к невиданному вымиранию населения в России. Этот процесс не мог идти бесконечно, нефть надо было добывать и продавать успешно прежде всего для обеспечения сверхприбыли олигархов. Так и с производством. Возрождение экономики уже идет, но тут весь вопрос, по какому пути?

В 90-е годы XX века выбор был сделан неверный - для сохранения целостности страны, ее истории и культуры, ее процветания, что обернулось катастрофой. Но кто-то достиг тех целей, какие ставили недруги и прямые враги России, а сами обогатились баснословно (олигархи) и оказались у власти (демагоги).

Нет сомнения, экономическая мощь страны будет восстановлена, вымирание населения преодолено, с резким улучшением качества жизни, - у нас все для этого есть, на зависть Западу и Востоку. Следовательно, холодная война против РФ будет лишь обостряться, и процветание может обернуться новой катастрофой. Стратегия недругов России будет та же, как в отношении СССР.

Здесь проблема уже не в экономике, а в выборе идеологии... Русская или национальная идея - что это такое в условиях нынешней России с межэтническими обособлениями и прямой враждой до столкновений или России завтрашнего дня, с процветающими республиками, в которых молятся иным богам? Дальнейшее обособление народов, да не без происков сил извне, что мы видели в отношении СССР и продолжается на постсоветском пространстве, - неизбежно, рано или поздно, приведет к распаду РФ

Все дело - в выборе пути. Нынешний курс правительства - это ставка на стабилизацию положения и подъем ВВП до его удвоения. Это продолжение реформ, латание дыр, да еще ничтожными средствами в виде нацпроектов, уже приведших к распаду СССР, к дефолту, к вымиранию населения. У РФ нет государственной идеологии. У партии «Единая Россия», партии власти и чиновничества, где и процветает разъедающая государственные структуры коррупция, тоже нет идеологии, кроме Путина.

У КПРФ вроде бы идеология есть, но она пребывает уже 15 лет под удушающим душем антикоммунизма, антисоветизма, антисталинизма, что льется постоянно в СМИ, так и не обретя формы защиты своей правды. У ЛДПР есть идеология, что постоянно озвучивает ее лидер, который превратился в моську антикоммунизма. У партии «Справедливая Россия» что-то проклюнуло в плане идеологии. Только еще неясно, насколько это серьезно.

Между тем у России была и есть своя национальная идея, она выстрадана ею, она не разъединяла, а соединяла народы, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, именно отказ от нее в 90-е годы XX века ради пресловутых прав человека и рынка и привел к распаду СССР.

Объединение народов РФ в единый народ, как в США граждане страны, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, сознают себя американцами, возможно и необходимо, иначе распад РФ неминуем, и это обернется прежде всего против России.

Но потери понесут все и если не в военных конфликтах, то в духовной сфере, с утратой огромного культурного пространства, освещенного светом Ренессанса. Россия не просто территория, ныне уже весьма урезанная, Россия - идея русской государственности с уникальной историей, ныне всячески оклеветанной, с уникальной культурой, ренессансные явления и достижения которой до сих пор не осознаны. Вот где проблема возрождения России.

"Нагая девушка". Поисковые фразы (октябрь 2007)

04.11.07

Это весьма занимательное занятие - просмотр поисковых фраз, по которым приходят на сайт. Беру первые попавшиеся фразы в один из дней в октябре. «Человек эпохи Возрождения» - расхожее выражение, тем более следует с ним разобраться, - тема эссе в Дневнике. «Идея красоты» - здорово! Придется продумать в русле разработки замысла новой книги эссе «Эстетика гуманизма».

«Эпоха Возрождения и Ренессанс» - в самом деле, имеет смысл определиться с этими понятиями, что я слегка наметил в статье «Культура Ренессанса», в отличие от «Культура эпохи Возрождения».

«Афинские ночи любви». Возникает догадка, что это поиск того, о чем уже шла речь где-то, разумеется, в кругу интернет-публики. Запрашивают комедию «Афинские ночи», которую нет-нет кто-то читает. Приятно видеть, как, кроме чисто учебного интереса к статьям о художниках и поэтах, выбирают постоянно трагедию «Орфей и Эвридика», «Дом в стиле модерн», а в последнее время и комедию «Гламурная дикарка», которую не нашли достойной не только премии на Конкурсе «Действующие лица-2007», а даже включения в список 41 наиболее значимых пьес из 500!

Не знаю, чем руководствуются члены жюри, только если в прошлом году получила первую премию пьеса «Гитлер и Гитлер», одно название чего стоит, не приходится мне огорчаться, а лишь сожалеть о том, что если в год в России пишут 500 пьес, достойная удивления цифра, а лучшими признаются «Гитлер и Гитлер» (не может быть произведения искусства под таким названием; мой племянник читал, а его современными вывертами и сленгом не удивишь, и то дня два плевался, как от перепоя, - говорить о художественном уровне не приходится, увы!)

«Эстетика». Такой запрос. Может быть, я ошибаюсь, но прослышали о записи в Дневнике «Что такое эстетика? Панэстетизм»?», что я набросал, чтобы как-то отреагировать на эти запросы. Вообще предмет и категории эстетики требуют разработки.

«Античная эпоха в истории человечества». Хороший вопрос. Содержание моего сайта и посвящено разгадке тайны античного миросозерцания и культуры, проявившей себя в расцвете мысли и искусств эпохи Возрождения.

«Философия Средних веков, эпохи Возрождения, Нового времени и эпохи Просвещения». Не первый раз замечаю, какие непосильные вопросы для целых университетов задают школьникам или студентам. Философия в общем-то мой предмет, но к ней я приду от эстетики и истории искусства, чем пока занят.

«Строительство храмов на Руси». Вероятно, это на злобу дня, как сегодня либо восстанавливают храмы, разрушенные при Советской власти, войнами и временем, либо возводят новые наскоро, как коттеджи для нуворишей. На мой взгляд, совершенно напрасно впутывают в эту историю с религией и храмами новые поколения, которые завтра будут жить, не заглядывая в церкви, как в странах Западной Европы, где закрываются церкви или превращаются в дискотеки, то есть идет процесс секуляризации образа жизни и культуры, пусть с опозданием, как было в СССР.

Просто этот процесс секуляризации в условиях Ренессанса в России прошел в 20-80-е годы XX века, раньше, чем на Западе, поскольку мы заскочили в будущее, благодаря Великой Октярьской социалистической революции, которая и была венцом Русского Ренессанса. Сегодня она всячески оклеветана, но с утверждением социализма в странах Латинской Америки, в Китае, да и в странах Европы, что уже сегодня просматривается, история России предстанет в новом свете.

«Дионис, сын дня». Кажется, спутали Диониса с Люцифером, сыном Зари.

«Представление об Эросе в различных культурах». Ничего себе. Эрос - понятие и представление из греческой мифологии, философии и культуры. Кажется, только у греков Эрос в учении Сократа и Платона обрел связь с понятиями Любовь и Красота, что и лежит в основе тайны античного миросозерцания и классического стиля.

У других народов сексуальность не приобрела формы культа красоты, что всегда связано с культом женской красоты. Наоборот, сексуальность, воплощением которой выступала женщина, всячески принижалась, что вообще характерно для Востока и христианства, восточного мистицизма, под обаяние которого впал римский дух на крайней степени утомления и что оставил в наследство народам Европы, как промотавшийся отец замаливать свои грехи.

«Самые знаменитые произведения Ренессанса. Эротика».

Можно, конечно, и так ставить вопрос. Только эротика не есть ни изобретение и ни достижения Ренессанса, она постоянно проступала в явлениях природы и в жизни людей с незапамятных времен, во всех мифологиях и сказках, во всех религиях, даже мужские и женские монастыри - это эротика, праведная, с любовью исключительно к Богу или к Богоматери, потаенная, по сути, извращенная, противная природе, над чем и поднялся откровенный смех в эпоху Возрождения.

«Портрет профиль». «Профиль девушки». Очевидно, имеют в виду «Портрет молодой девушки в профиль» Леонардо да Винчи из статьи «Женщина эпохи Возрождения».

«Мужские образы богов в поэмах Гомерах». А кого-то интересует «Гомер. Изображение женских образов в поэмах». Весьма странная постановка вопросов о персонажах поэм Гомера, разумеется, школьники или студенты тут не причем, это преподаватель перед ними ставит, трудно понять, что это проясняет.

«Анна Павлова Коломбина». «Женский костюм Пьеро».

«Античная культура. Эллины и римляне». Интересная постановка вопроса, что приходилось решать, когда набрасывал статью «Культура Древнего Рима».

«Девочка». Одно это слово и уже много раз. Оказывается, речь о «Девочке в маковом венке...» Кипренского.

«Контрольная работа. Трагедии. Эсхил. Софокл. Еврипид». Вряд ли справился сегодня, а в колледже или в лицее, - не в

обычных же школах задают такие задания, - вероятно, легко?!

«Сонеты Алигьере и Данте».

«Поиск Аникин». Ищут автора книги «Леонардо да Винчи, или Богословие в красках», о которой я упоминал в рецензии на фильм «Код да Винчи». Я-то думаю, богословие в красках - это иконопись, а живопись Леонардо, согласно его воззрениям, нечто совсем иное, включая и «Тайную вечерю».

«История гибели и возрождения Помпеи».

Не совсем понятен смысл такой постановки вопроса, поэтому я вынес его как курьез. Но запрос в различных вариациях продолжает поступать. Я решил, что существует реферат на такую тему. Обнаружить не удалось, кроме ссылки на Дневник с этой фразой.

История гибели города при извержении Везувия в 79 году н.э. известна. Раскопки были начаты в XVIII веке; в XIX веке велись более интенсивно, с перспективой реконструкции. Рядом с руинами вырос небольшой город, население которого занято обслуживанием туристов. Но это нельзя называть возрождением Помпеи. Это уникальный музей древнего градостроительства.

"Кусок дерна". Дюрер. Не первый раз, хотя в статье о художнике чудесный миниатюрный пейзаж приводится.

«Был ли Ренессанс в России?»

«Какая Муза была матерью Орфея?»

"Нагая девушка". Нечто в этом роде нередко. Что ж... Красота девушки столь совершенна, что стоит картин Леонардо да Винчи и Альбрехта Дюрера. Пусть сохранится среди шедевров мирового искусства.

«Античные мифы и их содержание». Я думаю, детям прямо необходимы мифы Древней Греции и Рима еще до школы, в школе, - никакие Гарри Потеры их не заменят, - это основа, как

уметь читать и писать, чтобы воспринимать классическую русскую лирику и прозу на всех ступенях школьного и вузовского образования.

«Почему самосознание - это вершина сознания человека?» Думаю, этот вопрос прямо обращен ко мне как автору статьи «Самосознание человека в сфере культуры». Речь в ней шла именно о древних греках.

Самосознание человека, разумеется, это еще не «вершина сознания человека», а переходная ступень, во-первых, от животного состояния, когда действуют инстинкты, к выделению своего Я у человека, в отличие от Мы рода и племени, пока это происходит на чисто природном уровне; во-вторых, самосознание человека в сфере культуры - это совершенно новый феномен, когда природный индивид, каковым является и животное, приходит к осознанию своего Я и народа как артефакта, если воспользоваться броским термином.

Греки первыми осознали самих себя культурной нацией, в отличие от варваров, каковыми считали не только дикие племена, но и персов, словом, все народы, чуждые их культуре, которая сформировалась как классическая. Классическая - это не просто образцовая, ведь образцы могут быть разные, классическая у греков - это соответствие законам природы и мироздания в целом.

Обычно культуры и цивилизации развиваются, отходя от природы. Такова христианская (буддистская или исламская) цивилизация, если подчеркивают определение, но жизнь развивается все же в соответствии с законами природы и мироздания, что обнаружилось в эпоху Возрождения, с расцветом классического искусства.

Самосознание человека в сфере культуры - это сугубо ренессансное явление, с расцветом мысли и искусства, в отличие от самосознания человека в сфере религии, с упованием на нечто сверхприродное, что, конечно же, не носит всеобъемлющего характера, жизнь развивается все-таки по природным и социальным законам, того же рынка.

«Поэма о Люцифере». Не знаю, имеет ли это связь с поэмами «Видение инока» или «Аристей», в которых тема Люцифера обыгрывается. К моему удивлению, «Видение инока» привлекает внимание, а теперь и «Аристей».

«Птичья гречишка». Несколько раз, даже фото, изображение птичьей гречишки запрашивают. Вообще постоянно поступают запросы, которые весьма странны, на внешний взгляд, но я догадываюсь, что кто-то читал ту или иную статью или пьесу, а птичья гречишка из дневниковых записей, из воспоминаний детства.

Это спорыш, из лекарственных растений, разумеется, разного вида. Давно не видел ту кудрявую травку из детства, осенью сплошь усеянную семенами зеленого же цвета; если снять покров, проступает буквально миниатюрная таблетка белого цвета, съедобная для людей и птиц и, очевидно, полезная.

«Античная цивилизация и ее гибель».

«Основные философские школы в эпоху эллинизма».

«Развитие политической мысли в эпоху Возрождения в России».

«Идеология СССР».

Не все сразу, друзья. Мы восходим на вершины мировой культуры, обозревая прошедшие тысячелетия и столетия, чтобы осознать настоящее и будущее, жизнь человечества, прожить ее, как свою, - это высшее, что дано человеку на этой Земле в океане Вселенной. В этом суть нового гуманизма, выработанного Ренессансом в России.

"Предромантизм и высокий романтизм в России" (?!)

10.12.07

По поисковым фразам, ныне все чаще со словом «романтизм» там, где раньше употребляли привычно или с оговоркой понятия «классицизм», «сентиментализм», «реализм», можно заключить о переменах в восприятии и трактовке творчества русских поэтов и художников XVIII - XIX веков в умах, разумеется, исследователей и преподавателей, что подхватывают школьники и студенты в виде тем для рефератов, дипломных работ и даже диссертаций.

«Предромантизм и высокий романтизм в России». Звучит ново и весьма серьезно. Но сразу возникает масса вопросов. Неясно, о каком периоде развития русской литературы и искусства такая постановка вопроса возможна и плодотворна. О «предромантизме» у нас исследователи впервые заговорили в отношении русской живописи XVIII века, поскольку не смогли связать творчество Рокотова, Левицкого, Боровиковского с классицизмом, хотя и поныне пытаются. В литературе «предромантизм» связали с проблесками сентиментализма.

В русской живописи начала XIX века, ориентируясь на академический классицизм и европейский классицизм, у нас исследователи долго никак не могли определиться с «измами» в отношении Ореста Кипренского, Карла Брюллова, Сильвестра Щедрина и Александра Иванова. Называя Кипренского по его характеру и эпохе романтиком, с Карлом Брюлловым не находили ничего лучшего, как обвинить его в «компромиссах», отказывая ему при этом в гениальности, а у Александра Иванова - видеть желаемый синтез классицизма и романтизма.

Теперь все чаще, не упоминая о классицизме, порядком надоевшем всем как основная доктрина Академии художеств, в русле романтизма рассматривают живопись Карла Брюллова, Александра Иванова, разумеется, и Ореста Кипренского, и Сильвестра Щедрина. Маятник мысли исследователей решительно склонился в сторону романтизма. Но это маятник с заданной амплитудой и с обозначениями: справа - «классицизм», слева - «романтизм».

Мысль исследователей русского искусства не вырвалась на свободу, а продолжает пребывать в плену «измов», меняют лишь

знаки с плюса на минус или обратно. В отношении русских поэтов мы наблюдаем то же самое. Жуковский безусловно романтик по своему мироощущению и поэтике. О Батюшкове, как и о Кипренском в живописи, этого не скажешь. Он романтик по миросозерцанию и эпохе, но классик (не классицист) по поэтике. Таков и ранний Пушкин. А Пушкин в его полном развитии?

Как в отношении Карла Росси говорят о «высоком классицизме», думаю, теперь склоняются к определению «высокий романтизм»... Кого? Батюшкова? Лермонтова? Фета? Можно бы и согласиться. Как! И Пушкина? И Гоголя? И Достоевского? И Тургенева? И Гончарова? И Льва Толстого?

Кроме академического классицизма и классицизма в отдельных жанрах писателей XVIII века, всем надоел и «реализм», «критический реализм», понятие скорее идеологическое, чем эстетическое, а с точки зрения модернизма и постмодернизма и вовсе архаическое. Думаю, поэтому теперь исследователи подхватили более свежее понятие, ранее третируемое даже, романтизма. Но и здесь всего лишь эффект маятника, или «пленной мысли раздраженье».

Вообще романтизм куда более широкое понятие, чем реализм, поскольку выражает миросозерцание личности и эпохи, кроме поэтики писателя или художника, у романтиков всегда специфической, а реализм отнюдь не миросозерцание, а лишь поэтика писателя или художника, с установкой на правдивое воспроизведение действительности, вне канонов классицизма и фантазий романтизма. То, что в России получило название «натуральной школы».

Но всякого рода «измы» - это всего лишь обозначение тенденции, проступающей в миросозерцании личности и эпохи или поэтики писателя и художника. При этом «тенденциозность» идеологическая или эстетическая бросается в глаза прежде всего у второстепенных писателей или художников, у тех же представителей «натуральной школы», но не у Гоголя, не у Пушкина, также не у Кипренского, не у Брюллова, - что же это? «Высокий романтизм»? Нет, конечно.

Перед нами, если угодно, ренессансный реализм, перед нами ренессансная классика, которая заключает бесконечное содержание романтической эпохи в классическую форму. И это, следует заметить, наблюдается в XIX веке не в странах Западной Европы, где романтизм и реализм как художественные направления развиваются параллельно либо пересекаясь в творчестве отдельных писателей и художников. При этом романтизм в США или в Германии, отчасти в Англии и Франции, связан с творчеством первостепенных талантов, как Эдгар По,

Байрон, Виктор Гюго, Шиллер и Гофман, а реализм - с творчеством , Стендаля, Бальзака, Золя...

Гете занимает особое место как романтик, который потянулся к классике, - ситуация, в высшей степени характерная для России, где романтизм, как художественное направление в Европе, не вызрел, но не в виду отсталости русской жизни и русской литературы, как думал ранний Белинский, а из-за ренессансных явлений, с непосредственным обращением к классической древности, как не было даже в эпоху Возрождения в Италии, с обретением классического стиля русскими поэтами, художниками, архитекторами, когда романтическое содержание эпохи находит свое воплощение в классической форме, как у Батюшкова, Пушкина, Гоголя, как у Кипренского, Карла Брюллова, Сильвестра Щедрина и Александра Иванова, как у Воронихина, Стасова, Захарова и Карла Росси.

Романтиками остаются лишь второстепенные писатели и художники, имена их известны, но я ими не занимаюсь, как не занимаюсь массой второстепенных художников эпохи Возрождения в Италии. И ясно, когда выносят такое определение, как «высокий романтизм», имеют в виду именно тех, кого мы назвали выше, отнюдь не романтиков и классицистов, а классиков в первоначальном смысле слова, как понятие классики зародилось и сформировалось впервые в Золотой век Афин, с возрождением в Золотой век Флоренции - и в Золотой век Санкт-Петербурга.

В России «реализм» или «критический реализм» - это и есть ренессансный реализм, или ренессансная классика, что проступает в творчестве всех вышеназванных поэтов, писателей и художников, в поэтике которых романтизм присутствует так же, как и реализм, но как всеобъемлющее содержание эпохи и мировой культуры, соответствующее действительности, воспринимаемой как эстетическая действительность, в чем суть классического миросозерцания и стиля, что демонстрирует Лев Толстой в романе «Война и мир», вершинном достижении Ренессанса в России.

На рубеже XIX - XX веков классическая проза достигает высшей точки в творчестве Чехова, чему соответствует и развитие классической русской музыки и живописи. Это что - «высокий романтизм»? Нет, конечно. Это высокая классика. Но именно в это время снова ощутимо дает о себе знать романтическая эпоха, с оформлением впервые в России художественного направления, по сути, романтического, каковы символизм, модерн и далее целый калейдоскоп «измов», вплоть до модернизма и соцреализма. Представление о классической форме искусства

сохранялось, но дегуманизация искусства обернулась его распадом.

"Самосознание юных девушек"

05.01.08

Нет ясности, в каком плане вести Дневник, поэтому записи нерегулярны. Отклики на злобу дня носят слишком уж преходящий характер; обычно я делаю записи в ходе работы над тем или иным замыслом, что не всегда может представлять интерес для публики; отзывы на запросы посетителей по тематике нередко более уместны на других разделах сайта, да много тут случайного. К примеру, «какая муза была матерью Орфея» - не один раз. Впрочем, те, кто читал трагедию «Орфей и Эвридика» (это одна из самых читаемых пьес, к моему удивлению), хорошо это знают.

Был запрос «Гомосексуалист Алкивиад», что резануло мне слух. Запрос повторился, но просто - «Алкивиад». Я повременил с публикацией трагедии «Алкивиад» - о трагедии Греции и судьбе Сократа, полагая, что она трудна для восприятия, в частности, из-за речей персонажей там, где используются документы. Но убрать или сократить, или обыграть иначе - так и не решился. Впрочем, это важно для постановки, а при чтении - как раз достигается большая ясность в восприятии эпохи, столь сходной с трагедией России. Но запросы меня подвигли на публикацию «Алкивиада», в котором явится, кроме Сократа, и его молодой друг Платон, который не подвел своего учителя, как Алкивиад, а следуя по его стопам, достиг беспримерной славы.

«Самосознание юных девушек». Есть что-то хорошее в самой постановке вопроса. Но по нынешним временам это как на тему о слезах ребенка. Или то же самое, что в стихах Блока, мне вспомнилась последняя строфа:

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.
В легком сердце - страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.
Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...

Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...
Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем - твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Самосознание юных девушек когда-то в России определяло развитие русской поэзии, русской культуры, да самой жизни.

"Нагота и красота девушек"

14.02.08

Поступают запросы, тематически близкие, - то «Самосознание юных девушек», то «Зачем девушки позируют обнаженными», то «Нагота и красота девушек». Приходило даже сообщение: «Напрасно я ему позировала обнаженной». Называли даже имя и фамилию девушки, не уверен, именно той ли, что так отозвалась, или снимок которой приводится в записи «Нагая девушка». Обратная связь не налажена, возможно, чисто технически, не знаю, в чем тут дело, все идет пока по поисковым фразам, весьма похожим на реплики.

Но так или иначе среди поисковых фраз об эпохе Возрождения в различных вариациях попадаются формулировки тем, побуждающие к размышлениям. Возможно, в этом направлении и вести мне дневник? Эссе на заданную тему. Итак, «Нагота и красота девушек». Если не поленюсь, можно бы достать и картинки.

Тема задана современной жизнью, сказать иначе, шоу-бизнесом, когда красота актрис, не говоря о топ-моделях, певицах и т.п., не воспринимается как самодостаточная величина, их надо непременно еще где-то и как-то раздеть; мало самодовлеющей красоты лица и всего облика актрисы, надо сделать их стриптизершами, хотя бы лишь на картинках, сделанных, разумеется, в высшей степени профессионально, что наготу скрадывает, скрашивает и даже поднимает на высоту искусства и поэзии, с тем нагота как таковая исчезает и предстает как красота.

Но это редко, лишь у величайших скульпторов и живописцев,

да только классических, у Праксителя, у Джорджоне. У Боттичелли или Рубенса мы все-таки видим наготу в большей степени, чем красоту. У модернистов вообще предмет не красота, а нагота, да к тому же всячески деформированная. Их интересует не лицо, а изнанка как вещей, так и людей. У постмодернистов все это доведено уже давно до абсурда.

Поэтому нагота девушек, что они демонстрируют под легким покровом моды в повседневной жизни, в сфере исканий и грез и во всех областях шоу-бизнеса, даже отдает красотой, исполненной живой жизни, красотой плоти по сравнению с уродливыми формами модернизма и постмодернизма.

Но что такое «нагота»? Нагота - это то, что скрывают, это изнанка вещи, как и человека, впрочем, в зависимости от места и времени. Нагота в бане, в старину мужчины и женщины мылись вместе, нагота на плаже - это не совсем нагота, - вода и воздух скрадывают ее, создают как бы покров невинности и целомудрия. Здесь и взрослые, как дети. Разумеется, здесь и сексуально озабоченные попадаются, как и всюду.

Нагота девушек, выступающих со стриптизом, тоже носит относительный характер, все зависит от обстановки и профессионализма. Правда, сама публика в такой среде обнажена в своих страстях до предела, но уж как-то пресыщенно и беспомощно, иначе какая радость глазеть на тех, кто обнажается для всех, заученными движениями, оставляя всех с носом.

Здесь тема «красоты и наготы девушек» превращается в «блеск и нищету куртизанок» (по Бальзаку), каковыми по поведению (не по образу жизни, а есть и такие) ныне выступают все хорошенькие актрисы, певицы, супермодели и вообще дамы из «сливок общества», до звезд Голливуда. Таковы законы рынка в сфере современного искусства, то есть шоу-бизнеса. Здесь нагота красоты - самый лакомый кусочек, пусть это всего лишь изображение.

Оно стоит миллионы, поскольку возбуждает аппетит, по выражению Шекспира, вожделение ко всему, что подается как последний крик моды. От одной красоты, оказывается, мало толку, но ее нагота возбуждает. Срабатывает стереотип поведения, как в ночных клубах, где проводит время высший и низший свет.

А что такое «красота»? Разумеется, по теме красота девушек. Если мы видим девушку сзади, пусть она одета превосходно, в ее движениях чувствуется грация и шарм, трудно рассудить об ее красоте. Красота девушки - это прежде всего и по преимуществу ее лицо и глаза, затем бюст, бедра, ноги, - но общий облик и шарм, обаяние ее красоты создают лицо и глаза, - все остальное

лишь прикладывается более или менее удачно, поскольку нет совершенной во всех отношениях девушки. Это особенно бросается в глаза на конкурсах красоты.

Но если девушка - сама красота, изящество, грация, шарм, стоит ей раздеться, нагота сама по себе редко производит впечатление красоты, не говоря о каких-то не вполне совершенных линиях туловища, бедер, икр, коленок, ног, что отвлекает и смазывает красоту лица и глаз.

Оказывается, мы видели красоту девушки в лучшем виде, когда она была одета и к лицу и соответственно держалась. Нагота скрадывает ее красоту, мы видим тело, пусть стройное, красивое по очертаниям, но тело, оно такое же, как у других, тело, не душа, ибо красота лица и глаз с прекрасным выражением воспринимается нами как живая душа и добрая душа.

Промелькнула недавно на экране, когда переключал каналы, Оксана Федорова... Она рассказывала о себе, передача шла к концу, и прозвучал последний вопрос: «Красота спасет мир?»

Оксана Федорова сказала: «Да. Только есть холодная красота... Красота добра». Увы!

Нет такого понятия - «красота добра», как будет натяжкой говорить о «красоте зла». Вообще добро и зло - это категории этики, понятия морали и религии, то есть из сферы должного, а красота - сама жизнь, природа, искусство, проявления сущего. Это доказывает сама Оксана Федорова.

Если коснуться морали, «холодная красота» - это и есть нагота девушек, телесная и духовная. Им холодно, и всем вокруг холодно и неловко. Вот они и демонстрируют все, как одна, в криминальных сериалах и в светских хрониках «блеск и нищету куртизанок». Криминальное и сексуальное чтиво человеческой популяции, или идеология техногенной цивилизации.

Я заглянул в интернет и наткнулся на интервью «мисс Вселенной 2002 года». И она находит русских девушек красивыми, но чаще без стиля, а на Западе всякая - стильная, со шармом. Но это и есть та «холодная красота», о которой она говорит.

У нас девушки пока более естественны, а наведут лоск и стиль, как супермодели, и актрисы теряют пленительную естественность красоты и таланта. Увы! Первый раз я заметил Оксану Федорову года два или три назад случайно в передаче «Спокойной ночи, малыши!» Взгляд у нее был чудесный, взгляд влюбленной красавицы - восхитительная красота, «чистейшей прелести чистейший образец».

Затем с волосами стали перемены происходить, теперь она черноволосая, прическа нехитрая, молода по-прежнему, но восхищения и счастья во взгляде нет и в помине. Что делать, юность прошла. Задушевная красота русских девушек обретает общий стиль и шик.

"О бедном народе замолвите слово"

12.03.08

Вчера по ТВ показывали заседание, кажется, за круглым столом с участием действующего и избранного президентов РФ, спикеров двух палат парламента и лидеров партий, на котором обсуждали насущные проблемы социальной политики. Они известны.

Жириновский, по своему обыкновению, воспользовался случаем и заявил, что он сын (или внук) фабриканта, подразумевая на этом основании, очевидно, что он-то знает, что такое собственность и, конечно, вчуже уважает ее, а вот Шариковы никогда ее не имели и не уважают, - словом, мысль не новая, уже 15 лет, теперь уже больше, СМИ издеваются над Шариковыми, подразумевая под ними бедных пролетариев и крестьян, поддержавших большевиков в 17 году.

Конечно, все это чистая демагогия, не столь безобидная, если привела к распаду великое государство, разрушению промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, образования, не говоря уже о вымирании населения, небывалом для мирного времени.

Владимир Путин в последний год прямо заговорил обо всем, о чем кричала оппозиция по углам, не получая доступа в СМИ. Он сосредоточил свои усилия на преодолении кризиса, остановил или приостановил распад РФ, принял самые первоначальные меры по возрождению военного могущества России. Следовало еще оценить эти 15 лет критически, чтобы выработать новую идеологию Российского государства, вместо бесплодного и разрушительного антисоветизма и антикоммунизма, что приняли от Запада российские СМИ, выработав весьма примитивную идеологию, составные части которой, как и сказать иначе, это чернуха и порнуха. Чернуха в отношении истории России и «порнуха» в отношении массовой публики.

Вчера Владимир Путин впервые заговорил об этих 15 лет и прямо сказал, что все они, власть, повинны в годах бедствия и позора, хотя в начале они не обладали властью, как сегодня. По крайней мере, это честно. И знаменательно. Без всесторонней переоценки лет смуты и распада, прошедших под знаком воинствующего антисоветизма и антикоммунизма, по сути, антируссизма, нельзя обрести ясный и всеобъемлющий взгляд на

историю Российского государства, прежде всего последних трех столетий.

В тот же вечер, переключая каналы, я мельком видел сценку, как какие-то личности, среди них была Белла Ахмадулина, сразу стало ясно - литераторы, а по речи какого-то мужчины - из диссидентствующей до сих пор интеллигенции, собрались известно для чего. Он говорил о том, как после революции обучали народ грамоте: «Ра-бы не мы! Мы не ра-бы!», а на самом деле, мол, все были рабы. Боже!

В России произошла, кроме социальной, великая культурная революция в 30-е годы XX века, и именно благодаря ей страна поднялась от сохи до Космоса. Свободы в СССР, несмотря на гонения на инакомыслящих, что имело место и в странах Европы, и в США, было больше, чем на Западе. У нас свободу свели к свободе перемещения: выездной и невыездной. Впрочем, на эту тему лучше отдельно.

На свое обыкновенно демагогическое выступление Жириновский, - он на этом собаку съел, создал партию и набрался собственности, из-за которой теперь боится Шариковых и ненавидит коммунистов, - он, возможно, впервые получил отповедь, да не от Зюганова, а от Владимира Путина, который сказал просто, что он сам из рабочих и крестьян, очевидно, не разделяя презрения сына или внука фабриканта и либерала к народу.

Истина проста. А в СМИ мы видим героев нашего времени. Каждый из них непременно найдет случай заявить, что он, если не из дворян, по крайней мере из купцов или священников, потерпевших, конечно же, всяческие гонения во время революции и в СССР. Это и есть рабская психология, или иначе, «мещан во дворянстве».

Сколько было в России дворян, купцов, священников? Сколько было интеллигенции? Какая часть ее эмигрировала? Сколько солдат и офицеров царской армии выступило против Советской власти или оказалось в эмиграции?

Если подсчитать, громадное большинство населения, прежде всего, разумеется, рабочих и крестьян, громадное большинство интеллигенции, даже дворян, офицеров и священников, приняло революцию, несмотря на тяготы войн, а затем и гонений. Именно поэтому СССР стал великой сверхдержавой.

А на его развалинах ныне процветают единицы, олигархи и демагоги, и они-то задают тон в СМИ. Это демократия? Нет, конечно. Владимир Путин недавно, отвечая на вопросы журналистов со всего мира, напомнил Западу, что такое демократия. Это власть народа. Не денежного мешка, что отдает

уже олигархией. Вот здесь проблема, без решения которой Россия не возродится, не в плане экономики, а культуры.

Постскриптум.

В новостях недели упомянутое заседание показали более развернуто. Зюганов толковал о том, что всем известно, о борьбе с коррупцией, и что ныне власти (действующий и избранный президенты) сделали чуть ли не из важнейших программ типа нацпроектов. Реакция Путина: что же, отрезать им руки, как в Средние века, - тем, кто дает в лапу? Зюганов напомнил о процентах, какие в СССР выделялись сельскому хозяйству из бюджета, несопоставимого с нынешним бюджетом РФ, поскольку ныне и бюждет РФ, и эти проценты ничтожны. Реакция Путина: однако (в духе эксперта неведомо в какой сфере Леонтьева), колбасы не было и т.п. Боже!

Это стереотип антисоветской пропаганды. Повторять Путину не следовало бы. Он никогда не стоял в очереди за колбасой. Я никогда не стоял в очереди за колбасой. Я шел на обед домой из Собеса, где подрабатывал как инспектор по назначению пенсий, заходил в магазин, там всякие колбасы были, брал за 50 копеек пачку пельменей, - если в очереди было два-три человека, я уже весь кипел, - дело не в очередях, Владмир Владимирович. Теперь ясно, что кому-то было выгодно, чтобы был дефицит - на колбасы и женские сапожки, чтобы заниматься подпольным производством, и эти-то силы при распаде СССР, вместо модернизации, как в Китае, и родили пресловутых олигархов.

Но, сознаете ли, Владмир Владимирович, что прилавки ныне ломятся от множества сортов колбасы потому, что громадному большинству населения они недоступны, а еще хуже - это изобилие привозное, что губит сельское хозяйство в России7! Конечно, знаете. Поэтому не следовало бы Вам затыкать рот Зюганову пресловутой колбасой, он сказал о громадных процентах от громадного бюджета СССР, согласен, не к месту, если речь идет о решении текущих проблем, смешно говорить о прорыве от сохи до Космоса, или, как Жириновский о том, что он внук фабриканта. Но говорят-то они о разных вещах.

Я вспомнил, как Путин, обещая процветание на ближайшее, кажется, 12 лет, оговорился, что это реально, а не обещание «светлого будущего». Однако инфляция все съедает. Богатые будут процветать, тем более в их распоряжении национальные богатства страны, не сопоставимые с «национальными проектами» Путина-Медведева. Между тем Дмитрий Медведев, вероятно, с подачи пиарщиков его предвыборной компании и шоу-бизнеса, бросил клич: «Вперед, Россия!»

Вперед? Куда вперед? Пресловутый капитализм давно позади.

На Западе говорят о «постиндустриальном обществе», по сути, о посткапитализме, который приобретает черты социализма, в соответствии с учением Маркса. В России, из-за царя, ныне названного святым, который не захотел поступиться своей властью, видите ли, данной ему от Бога, и установить конституционную монархию, как в Великобритании, что и привело к Октярьбской революции, мы совершили прорыв в будущее, от которого отказались - ради чего?

От социализма человечеству не уйти, это просто социально-экономическая формация, которая приходит, как после феодализма капитализм. Таков ход развития человеческой цивилизации, не будь на свете ни Маркса, ни Ленина, гениальных философов, а всякие Троцкие и Маркузе. Таким образом, клич «Вперед, Россия!» - это чистой воды пиар, демагогия. А ведь у Путина и Медведева есть уникальный шанс быть искренними, выступить вождями народа в подлинном смысле, как Перикл и Ленин.

Вообще Путину не следует воротить нос от понятия «светлое будущее» или даже лозунга «Вперед, к коммунизму!», это политически и психологически то же самое, что и «Вперед, Россия!» У страны и народа должна быть высокая цель, не о процветании, с изобилием колбасы, что уже вроде бы достигнуто, но никому от этого не весело. Высокая цель - явление духовное, что ставит на место вопросы о процветании и колбасе, заботы о желудке и комфорте, чем прельщает многих цивилизация США. Но ныне мы наблюдаем крах и этой цивилизации.

Первые ласточки

24.03.08

Сайту renclassic.ru в марте-апреле исполняется год. Он еще не очень раскручен, предприняты были две-три акции весной и осенью 2007 года, с начала учебного года школьники и студенты создают определенный фон, хотя мои статьи и эссе не могут сойти за рефераты, пусть и выдают их за таковые. Моя цель - разработка проблем Возрождения как в странах Европы, так и в России. Это не укладывается в учебный процесс, особенно по Ренессансу в России, что, по инерции мысли, не воспринимается до сих пор историками и искусствоведами, соответственно и издателями.

Тем не менее сайт renclassic.ru среди тысячи сайтов, посвященных эпохе Возрождения, разумеется, в странах Западной Европы, занимает ведущее положение, первые позиции в поисковиках, к моему удивлению. Кажется, хорошо. Достигнута самоокупаемость сайта, что для меня по нынешним временам весьма существенно.

Но есть проблема, из-за которой и дальнейшей раскруткой заниматься вроде бы нет стимула (у моего помощника), когда у сайта и так первые позиции. Это проблема - практически нет откликов, нет прямой оценки отдельных статей, эссе, пьес, хотя косвенно, по поисковым фразам, видно, что запрашивают в различных вариациях то, с тем уже знакомы или о чем наслышаны.

Сайт просматривается по всем Разделам и подразделам; то, что в большинстве посетители подхватывают статьи об отдельных художниках и поэтах, это ясно, - если найден материал для доклада или реферата, да бесплатно, что же еще думать об оценке или благодарности, тем более о критике? А не худо бы. Разумеется, в первую очередь гуманитариям, не говоря о студентах творческих вузов, чтобы не мечтать об эпохе Возрождения, как режиссер Вырыпаев, имея, очевидно, весьма смутные представления о ней и уж совсем никакого в отношении Ренессанса в России.

Тема Ренессанса в России столь нова, она требует всесторонней переоценки всех основных понятий в истории русского искусства, что здесь нельзя ограничиться рефератом, здесь всюду проступают темы для дипломных работ и

диссертаций, чем можно загореться на всю жизнь... Пока ничего не слышно, хотя книга эссе «Ренессанс в России» привлекает внимание все больше посетителей, но нет отклика, как, впрочем, и от издателей.

Правда, к последним я обращаюсь редко. Предлагать уважающим себя издателям роман «Сказки Золотого века» или «Ренессанс в России» и не получать даже ответа, пусть отрицательного, как ныне водится («Рукописи не рецензируются и не возвращаются»), это обескураживает. Ведь речь не о случайных вещах. Выпускают альбом «Итальянский Ренессанс» (в различных вариантах), а вот выпустить альбом «Русский Ренессанс» - нет, не доросли, нет высоты взгляда, мешают шоры западничества и славянофильства.

По поисковым фразам видно, что проблема возрождения России, российского кинематографа волнует многих, запросы приходят в различных вариациях, но не мне же одному ставить проблемы Возрождения, да не получая отклика, поддержки или критики? На страницах альманаха «Феномен» или в Приложениях (с открытием нового Раздела) я бы охотно публиковал проблемные статьи профессиональных критиков кино, театра и других видов искусства и небольшие рассказы. Разумеется, в русле идей и содержания сайта, то есть это должно быть сотрудничеством единомышленников, что естественно.

Проблемы Возрождения - это не только история и эстетика Ренессанса в странах Европы, Востока и в России, но и насущные вопросы возрождения России. Эти вопросы в нынешней России различные общественные силы и слои решают, как и сказать иначе, со знаком минус, что и привело к распаду СССР, со всеми последствиями, что мы наблюдаем в течение последних 15 лет.

Даже для тех, кто преуспел, разруха в России налицо. Проблемы возрождения России ныне в какой-то мере стали общегосударственной задачей, но пока лишь в экономической сфере, а в духовной - разруха продолжается, и здесь через СМИ задают тон те же силы, что привели к разрухе народное хозяйство и культуру. Поэтому у России нынешней нет идеологии, кроме антисоветизма и рынка. А ведь так просто определиться с идеологией Российского государства, выработанной за последние три века.

Разумеется, она претерпела коренные изменения в каких-то доминантах, но были и есть две основы существования Российского государства - это народы России и русская культура. Распад СССР коснулся непосредственно всех народов РФ и русской культуры, единой основы Российского государства в развитии в течение трех последних столетий. Именно здесь самые

насущные проблемы возрождения России.

В статье «О русской культуре и русской нации. Проблемы Возрождения» я поставил вопросы, от решения которых зависит будущее РФ и русской культуры. Знаю, в нынешнее время, когда все разбегаются и отмежевываются в пределах этнической и конфессиональной принадлежности, статья эта мало кому понравится. Но здесь вопросы государственного значения.

Откликов нет; среди поисковых фраз попадаются лишь косвенные: «Русская нация», «Особенности русской нации», «Будущее русской культуры», - да, здесь есть о чем подумать. Это - как первые ласточки с их изяществом и стремительностью...

Статьи из renclassic.ru стали подхватывать сайты, выставлять на форумы или просто ставят ссылку, что весьма обнадеживает. Меня занимает также интерес посетителей к драмам, начиная от трагедии «Орфей и Эвридика» (иногда к ней интерес явно коллективный). Драмы в стихах, с Хором, - это классическая драма, как она явилась в России? Литературоведы до сих пор ими не заинтересовались. Чем они заняты? Должно быть, зачитываются с наслаждением дамскими романами.

Однажды пришло письмо от женщины; оказывается, она работает над диссертацией на тему «Театр Анны Ахматовой» (имеется в виду «Поэма без героя»). Строго говоря, театра Анны Ахматовой нет. Переписка не состоялась. О сайте адресата, об его драмах - ни слова. Не стоят критики? Скорее просто недоверие. Как! Драмы в стихах?! О Перикле? О Медичи? О Пушкине? О Петре Великом? И т.д. Трудно поверить, что это не рядовые вещи. Да, открыть и читать... За одно я ручаюсь: это поэзия. Не знаю, как воспринимают мои пьесы и в прозе на современные темы те, кто кликает их. Может быть, еще ни одна душа не зачиталась хоть одной из моих драм. Кроме восприимчивости к поэзии вообще, нужна утонченность, а время неблагоприятно для поэзии. Впрочем, если пробы будут продолжаться, может быть, явится и вкус, и взовьются первые ласточки удивления и вдохновения.

О ясновидении

01.06.08

I

Поскольку существуют многочисленные свидетельства о предсказании событий, какие затем действительно произошли, или о видении событий, произшедших в прошлом, при этом экстрасенсу приоткрывается некая реальность, словно из Космоса, с проступающими «картинками» из земной жизни, встает вопрос, вне всякой мистики, о феномене «прямого знания», или инсайта.

Мистика - это особое умонастроение, связанное, как правило, с ритуалом, священнодействием шаманов и магов или с обрядом религий, сект, масонских лож и т.п. Здесь всегда сохраняется некая тайна, все принимает вид таинства. Здесь уместны сумрак и свечи. Ритуальные приемы и средства мистики - это магия; а если привлекаются планеты в качестве символов и действующих лиц - астрология и т.д. Всякая религия - это мистика. Здесь вопрос веры, а не разума. Разум должен быть отключен, чтобы вера была наивна и чиста, как у детей.

Не в этой области ставится вопрос о «прямом знании», а там, где уже начались научные исследования. Два-три экстрасенса могут по фотографии сказать о человеке многое в настоящем или в прошлом, и их прозрения совпадают в основных чертах полностью. Для них одно важно: чтобы пошла «картинка», и жизнь человека они просматривают, как в заранее отснятом фильме - не только в прошлом или в настоящем, но и в будущем, при этом в той сфере, где проступают картинки, нет ощущения времени, прошлое, настоящее и будущее в земном измерении там совмещены... Где там?

Говорят о «высшей реальности» по отношению к земной, но это зависит от умонастроения эпохи или человека, лучше говорить об иной реальности, где проступает земная жизнь человека вне земного времени - в ее прошлом, настоящем и будущем, будто он жил, живет или умирает, но жизнь его как бы продолжается вечно.

Это не потусторонний мир, по религиозным представлениям, а земная жизнь человека, протекающая сегодня, с его исчезновением, убийством или просто смертью завтра, но протекающая зеркально в иной реальности вне времени, откуда и поступает информация об его судьбе. Можно решить, что жизнь его протекает первично там, или там хранится программа его жизни, а жизнь земная - ее осуществление. И именно с этой программы экстрасенсы считывают информацию в виде

«картинок».

Стало быть, действительно можно говорить о существовании «информационного поля», что объясняет и феномен «говорения на языках», когда человек, впадая в особое состояние, вдруг становится полиглотом. Всеобъемлющее «информационное поле» имеет сгущения, что проступает как энергетика мест, по своей интенсивности или тональности опасная или благоприятная. В детстве я остро ощущал места в деревне, неблагоприятные чем-то; особенно сильно действовала на меня местность между двух сел - чистый берег с пустым провалом, где росла лебеда, цвели красные лилии и кипрей - место покинутого селения, население которого вымерло от оспы лет сто тому назад.

Теперь мне ясно: то, что в детстве я принимал за свои сны, фантазии и страхи, были проблесками ясновидения. Я видел головы динозавров за рекой на заливных лугах в то время, когда понятия еще не имел о них; мне снился один и тот же сон, как я попадаю вовнутрь динозавра, при этом я приноровился, как при купании, вынырнуть на свет. А еще были полеты в глубинах Вселенной, повторяющиеся сны или таинственные фантазии, которые пугали и привлекали, я уносился там среди звезд, а здесь ощущал где-то у глаз у виска розовый наплыв, словно посыпанный песком, ощутимый своей шероховатостью, что отдавало также запахом шиповника.

Вообще мне снилось все детство и юность, как я легко поднимаюсь в воздух и летаю без всяких усилий, владея почти сознательно определенными навыками по управлению полетом... Бывало, я близко подлетал к горам, я уже знал, что это Гималаи; если там, на громадной высоте, приходилось приземлиться, я видел, как спуск опасен или невозможен, и от страха просыпался. И в зрелые годы я изредка летал, что было для меня всегда хорошим знаком, словно юность вернулась ко мне, и я вновь вступаю в жизнь, что сказывалось на моей восприимчивости ко всем впечатлениям бытия.

Ясновидение сродни вдохновению. Если пифия в Дельфах вдыхала какие-то пары из расщелин скалы, чтобы вещать, то Шиллер, как однажды обнаружил Гете, хранил в ящике письменного стола гнилые яблоки, запах которых, очевидно, приводил его в состояние транса, как и пифию. В античности вдохновение воспринималось не иначе, как исступление, что демонстрируют шаманы всех времен и народов. В состоянии вдохновения и вообще сколько-нибудь сосредоточенной работы время протекает иначе, чем сейчас вокруг, иногда время как бы исчезает или сгущается, целая жизнь прошла как будто, а взглянешь на часы - всего 10 минут. Или наоборот: не заметишь,

как прошел день.

Человек в состоянии транса соприкасается с иной реальностью, в которой прошлое, настоящее и будущее совмещаются - вне земных рамок времени и пространства. Я нередко ощущал себя в этом плане не в пределах своей жизни, а в пределах жизни человечества, словно сидя за своим столом, набрасывая повесть, не говоря об исторических драмах впоследствии, я жил с классической древности до наших дней.

Однажды, вскоре по окончании университета, я набросал стихотворение под названием «Русский язык», который нашли надуманным, а теперь-то я вижу, что мне приоткрылась та реальность, в которой уже существовала вся программа моей жизни.

Ты в жажде, радостной, упорной,
Колени приклонил, припал
К ручью, что странно лепетал,
В воде студёной, звездно-черной.
Возник, пропал и засветился
Веселый свет из глубины.
У родника ты сном забылся
И видел чередою сны:
Ты грек, и нынче век Перикла,
Ты скиф, заколот ты в бою...
Из века в век летать привыкла
Душа и жить в любом краю
Волшебным таинством искусства,
И знать один источник чувства -
Россию, Родину мою,
И постигать чужие нравы,
И понимать любой язык...
Ты пожелал высокой славы,
И славу обещал родник.

Меня всегда удивляло увлечение магией, астрологией и т.п. высшими представителями эпохи Возрождения в Италии, но ныне вижу, что их занимала иная реальность и в ее пределах, в просвете бытия, они воспринимали как древнегреческую мифологию, так и библейские истории, что непосредственно сказалось на эстетике Ренессанса. В «Поклонении волхвов» Боттичелли мы видим не эпизод из далекого прошлого, там бы не нашлось места членам семейства Медичи, а вневременное событие, в котором сошлись и Богоматерь с младенцем, и члены семейства Медичи, что возможно лишь при ясновидении, с

воспроизведением иной реальности, в которой прошлое и настоящее совмещены, что отвечает природе мифа.

Стало быть, «высшая реальность» - это мифическая реальность, в которой закодированы история человечества и судьбы людей? Мифическая реальность - сама жизнь, но вне эмпирической действительности, жизнь в вечности, в которой земные временные рамки исчезают. Здесь есть о чем поразмыслить, с прояснением, что такое миф в его первоначальном и подлинном значении.

II

Для большей ясности обратимся к известным примерам. Прорицательница Киргоф предсказала Пушкину, что он на днях встретится с давнишним знакомым, который будет предлагать хорошее место по службе, в скором времени получит через письмо неожиданные деньги и что он кончит жизнь неестественной смертью. Два первых случая вскоре исполнились в точности, хотя здесь вполне возможны простые совпадения. Встретить давнишнего знакомого и получить вдруг карточный долг - случаи в общем рядовые. Предсказать неестественную смерть молодому человеку необыкновенной живости, то есть смерть на дуэли, тоже нетрудно. При этом, поскольку молодой человек смугл, ему следует опасаться - по контрасту - блондина... Ему следовало опасаться «белого человека, белой лошади или белой головы».

В рассказах о предсказании Пушкину встречается и возраст, мол, «на 37-м году берегись белого человека...», что вызывает сомнение, ибо Пушкин и в 27-28 лет думал о возможности дуэли и смерти от «белого человека, белой лошади или белой головы», каковым предстал Муравьев, на которого поэт написал эпиграмму, испытывая судьбу. Во всяком случае, предсказание сбылось в точности, тем более что Пушкин не только не думал о том, чтобы избежать опасности, а шел ей навстречу, навстречу своей трагической судьбе, которая заключалась отнюдь не в дуэли и в Дантесе, а в его несвободе и в непонимании поэта его современниками, включая царя.

Та же самая Киргоф предсказала Лермонтову в его последний приезд в Петербург, что он уже не вернется в столицу, не получит отставки. Что лежит в основе предсказания? Где и как приоткрывается завеса времени? Знаменитая Ванга утверждала, что она видит всё, как на киноленте. Обычно ясновидящие затрудняются объяснить, как проступает информация, даже если возникают «картинки» в виде лиц или символов, содержание которых угадывается чувством, подсознанием или сознанием.

Несколько проясняет проблему рассказ экстрасенса: «Я работаю с пространством, которое дает информацию. Я не знаю, что это, но для меня, в моем сознании, это существует как пространство. Я воспринимаю это нечто именно так. Есть разные пространства. Чем различаются они, это совершенно невозможно объяснить тому, кто сам не побывал там. Например,

пространство, которое шло ко мне с самого начала, когда я только училась этому, приходило издалека. Оно темное и все испещрено золотистыми маленькими точками. Но оно очень далекое. Эти точки - крупинки, они ощущаемы и статичны. Но они не образуют сети. Сети нет».

Читаю это место в рассказе Инги Панченко в книге Александра Горбовского «Колдуны, целители, пророки» (М., 1993) и ощущаю, как в детстве, наплыв розового цвета, словно посыпанный песком, шероховатый, с острым запахом шиповника в зной, и это где-то в бездне Вселенной, где я летал, то приближаясь к бушующей во пламени звезде, то удаляясь...

«Сейчас я работаю с другим, более быстрым пространством. Оно несет ощущение неизменности, неподвижности. Там ничего не происходит, ничего не меняется. И еще есть чувство его полноты. Это - пространство, в котором информация есть, была и будет. Некоторые воспринимают ее как бы вне времени. Для меня это не так. Никто не может сказать, как события в действительности сосуществуют там, в той реальности, которую я называю пространством. Когда же туда проникает человеческое сознание, ограниченное и несовершенное (Так ли? - П.К.), то оно может считывать эту информацию только дискретно, т.е. привязывая ее к понятию времени (Как иначе? - П.К.). Сознание преломляет ее, пропуская через свои стереотипы и установки, превращая в суждения типа: «То-то будет тогда-то и там-то».

Человеческое сознание и человеческие чувства и ощущения не могут иначе постигать любые явления из всех сфер бытия, даже из сфер, доступных немногим. В принципе, это относится и к произведениям искусства, каковые далеко не всем доступны. В какой же форме все-таки приходит информация экстрасенсу, доступной для человеческого подсознания, сознания?

«Это может быть все, что угодно. Может быть непосредственное изображение - «картинка». Может быть символика любого рода. Это не зависит от меня. Могут быть цифры, текст. Может быть код в форме орнамента».

Некое пространство, сплошное и полное, обнаруживает, как и природа, или Космос в целом, свое наполнение, свои формы и содержание - в виде картинок, символов, цифр, текста, лиц - это естественно, это язык и форма существования материального и духовного мира, что угадывает, постигает, изучает человек и что творит сама природа. Ведь также изучают прошлое историки и археологи, и произведения искусства, тем более по фрагментам, - искусствоведы. Только в данном случае источник информации сокрыт для обычных людей и открыт для немногих, обладающих особой сверхвосприимчивостью.

Нет сомнения, существует «информационное поле», как и другие физические поля, носители информации, тех же радиосигналов и тех же проступающих на экранах телеизображений. «Информационное поле», в котором закодировано развитие природы, человеческой истории и цивилизации, как в гене - индивидуальные черты и судьба человека. Это поле имеет сгущения, что можно воспринимать как пространство, в котором прошлое, настоящее и будущее смещены и все происходит, как свидетельствуют ясновидящие всех времен и народов, в настоящем и вечно.

Мы снова приходим к мифу. Это в мифе время воспринимается как вечно настоящее, в котором проступают вместе с тем прошлое и будущее. Самое удивительное, любые предсказания в принципе не имеют смысла или даже скорее пагубны. Предсказаниям обычно не верят. А если поверить, все происходит неотвратимо. Можно решить, что жизнь любого человека где-то запрограммирована, но возможны варианты, если человек не знает, что с ним будет. Но прозвучавшее для него предсказание, пусть даже он не верит до конца, уже подхвачено программой его жизни где-то, и Пушкин погибает на дуэли от пули «белой лошади».

Естественно предположить, что мифологическая форма сознания (и подсознания, или сферы бессознательного) с незапамятных времен не исчезает, а где-то сохраняется, как язык народов, быть может, давно исчезнувших, или как создания мысли и искусства, зафиксированные, запечатленные на тех или иных носителях информации. Это мифологическая, или мифическая, реальность, она доступна всем, поскольку укоренена в форме человеческого сознания, но, верно, существует и особая мифическая реальность, объективная, сиюминутная и вечная.

Это мир идей Платона? Мы ищем решения вне религии и идеализма, как поступает наука. Какова природа «информационного поля»? Как человеческое сознание подключается к нему? Как человек вдруг заговаривает на разных языках? Можно поставить вопрос иначе.

Как всякий человек еще в утробе матери повторяет весь цикл зарождения жизни на Земле от рептилий и рыб до млекопитающих и обезьяны, так и его мозг и сознание развиваются на основании всего опыта человеческого рода, осваивая бессознательно и лишь отчасти через обучение и учение, из чего следует, что каждый человек заключает в себе весь человеческий род потенциально в его прошлом, настоящем и, видимо, в будущем, поскольку одна общая программа задействована самой природой. Потенциально и бессознательно,

что проступает явно у гениальных личностей.

Именно поэтому человек при определенных обстоятельствах, в состоянии измененного сознания, может заговорить на языке, которого не знал, не изучал, да на многих языках, - это не кто-то ему подсказывает, как суфлер, это знание языков в нем потенциально заложено как знание всего человеческого рода.

Так под гипнозом человеку можно внушить, что он, внук, есть дед, и он заговорит о себе как о человеке, которого, может быть, вовсе не знал. Внук знает о жизни своего деда потенциально, то есть так же, как экстрасенс обнаруживает у себя знание о жизни и судьбе человека, вопрос о котором заинтересовал его. Таким образом, выходит, что «прямое знание», или инсайт, - это предзнание всего и вся, заключенное в каждом из нас, но с ним соприкасаются лишь немногие и при определенных условиях.

Это всезнание (всеведенье пророков) в принципе не нужно для земной жизни, скорее опасно, скорее вредно, поэтому блокируется защитными механизмами сознания или подсознания. Но у кого-то в силу определенных причин происходит прорыв в подсознание, если угодно, в бессознательное, и человек открывает в себе способность ясновидения, оно всегда избирательно-конкретно и сопряжено, так сказать, муками творчества.

Оказывается, носитель «информационного поля» Земли, человеческой истории - сам человек, любой из живущих ныне, или: каждый человек и все вместе, но проступает это всезнание лишь у немногих и в узких пределах. Вообще можно предположить, что человек и человеческий род идентичны, различие лишь количественное. Человек живет в настоящем, а род в прошлом, настоящем и будущем, когда временные рамки исчезают, поскольку это происходит в глубинах подсознания, в сфере бессознательного.

Язык предзнания или всезнания, естественно, - миф, символика как природы, так и человеческого мироощущения и мышления. «Высшая реальность», «информационное поле» - в каждом из нас, у ныне живущих, и в природе, и в Космосе. Здесь нет никакой мистики и магии, что всего лишь определенное умонастроение и известные приемы внушения или самовнушения. Здесь что касается человека, биология и психология все объясняют.

Иная реальность, мифическая реальность - она в нас, в нашем подсознании и сознании каждого из нас. Этот феномен, вместо всезнания всех и каждого, что превратило бы человеческий род в сообщество безумцев, получает исход в творчестве, в искусстве, в воссоздании как внешней, так и внутренней среды обитания

человека и человеческого сообщества в целом. Здесь мифология и выступает как изначальной формой мышления и поэтического творчества, так и арсеналом для развития ремесел, искусства, человеческой цивилизации и культуры.

Человек потенциально заключает в себе все человечество, по сути, он есть богочеловек, что и имели в виду мыслители и художники эпохи Возрождения, выдвигая в центр мира, вместо Бога, человека, который в развитии его сущностных сил может уподобиться ангелам и даже Богу. Отсюда универсализм интересов, когда художники как бы сами по себе вырастали во всеобъемлющих гениев. Там, где прорицатели, маги, экстрасенсы лишь угадывали какие-то события в прошлом, настоящем и будущем, что, впрочем, ничего не меняло, они, высшие представители человечества, творили новый мир.

Пушкин как личность

28.10.08

Участились запросы «Пушкин как личность». Не знаю, какой смысл подразумевается. По нынешним временам многих интересует не Пушкин как поэт, не его лирика и проза, - проходили в школе, - а как человек с его любовными историями и дуэлью, при этом внимание переключается на Натали и ее сестер, на Дантеса, а далее на потомков, которые, строго говоря, не имеют никакого отношения к Пушкину и к его творчеству. Интерес к великому подменяется чем-то житейским, заурядным, поэзия - родословной и т.п.

Пушкин как личность не был понят ни в его эпоху, ни позже, и менее всего понят поэт сегодня - и не столько учащейся молодежью, а исследователями его творчества, пушкинистами. Последние прежде всего словно сговорились выполнить наказ Николая I смертельно раненному Пушкину «умереть как христианин». Они стали подчеркивать христианские мотивы в творчестве поэта, игнорируя языческими - из простонародной старины и классической древности. Спрашивается, чем же был озабочен царь, самоличный цензор поэта?

Сказать коротко, погруженный по своему миросозерцанию в Средневековье, Николай I воплощал церковно-феодальную реакцию, как Пушкин - ренессансные явления русской жизни и русского искусства. Здесь самое существенное, что менее всего было понято даже друзьями поэта и до сих пор: Пушкин - ренессансная личность. Царь это чувствовал и держал поэта, как чуждую ему силу, в мундире не камергера, что более соответствовало бы возрасту поэта и его значению, а камер-юнкера.

Конечно, Пушкин, хотя интересовался «афеизмом» и Кораном, был христианином, но вера у поэта и особенно у ренессансного проявляется иначе, чем обычно у верующих, у того же царя. Она у него не столько морально-религиозная, а эстетическая по преимуществу, что мы наблюдаем и у мыслителей и художников эпохи Возрождения в Италии, в чем и состоит первопричина расцвета искусств, как было и в классической древности.

«Я верю: я любим, для сердца нужно верить...» Вот вера Пушкина, а что касается богов, и их он воспринимает как образы -

древнегреческой или библейской мифологии, или Корана, проявляя всемирную восприимчивость, что присуще вообще мыслителям, поэтам и художникам эпохи Возрождения и что мы находим уже у Ломоносова и Державина.

Вера Пушкина, естественно, была связана с любовью и с красотой, - в этом суть античного и, соответственно, ренессансного миросозерцания, что мы чувствуем при всяком соприкосновении с лирикой или прозой поэта; его стиль и в письмах, и в исторических исследованиях заключает античную пластику мышления, его стиль классичен и выражает его личность, полное воплощение поэта.

«Как жизнь поэта простодушна...» Это он о себе. Он был беспечен, прост, простодушен, что, правда, ему не всегда нравилось, и он, встрепенувшись, как орел, обнаруживал ум, к удивлению его друзей. И также, проявляя беспечность, он был как бы податлив, уступчив (по отношению к жене всегда, что весьма усложняло его жизнь впоследствии, и в взаимоотношениях с царем), но едва его честь задета, перед всякой опасностью, он становился спокоен и тверд, как перед поединком и на дуэли. И ценил в людях и в себе пуще всего мужество и отвагу, черта, присущая древним грекам.

С юности он страдал от своей внешности, своего «арапского безобразия», маски его судьбы, непосредственно связанной с Петром I, который, заметив смышленность в своем арапе, воспитал, как из своих денщиков, сподвижника в начинании, что нельзя уже воспринимать иначе, как Ренессанс, в условиях которого в Царском Селе юный Пушкин возрос душой: сосредоточенная грусть отрока, с пробуждением устремлений к славе в эпоху Отечественной войны 12 года, взлелеяла поэта, столь же античного, сколь чисто русского. Такого чистейшей воды, как бриллиант, классического поэта не было ни в эпоху Возрождения в странах Европы, ни в Новое время, алмазный венец Ренессанса в России.

Подробности по ссылке: http://www.renclassic.ru/Ru/35/50/90/

Юный старец

25.01.09

В основе тематики сайта «Эпоха Возрождения», как и всего творчества его автора, с расширением содержания до классической древности и ренессансных эпох в странах Европы и Востока, лежат два взаимосвязанных начала: *Любовь* и *Красота*, - в полном соответствии с эстетикой классического искусства всех времен и народов. При этом *Любовь* и *Красота* - явления, естественно актуальные лишь в юности и молодости, и тут встает вопрос, - не у автора, а у тех, кто знает его или имеет представление об его возрасте, по всему, весьма почтенном, - как он всё пишет о любви и красоте, стоя одной ногой в могиле? Не смешно ли? Так потешались и над Фетом.

Это тем более вызывает у них если не возмущение, то смех, что представления о любви и красоте ныне претерпели радикальные изменения, вплоть до языка и понятий, упрощенных до сленга и мата. Здесь надо разобраться. Продукция массовой культуры во всех ее проявлениях, прежде всего в сфере моды и шоу-бизнеса, - явления поминутные, преходящие, между тем как жизнь и искусство обнаруживают в череде столетий и тысячелетий ценности извечные. Иное дело, искусство может следовать текущей моде, что приводит естественно к деградации его форм и идей. Подлинное искусство, претерпевая любые внешние изменения, тяготеет к классике, то есть к природе, с тем и связаны великие эпохи расцвета искусств и мысли в истории человечества.

Надо разобраться и с моим возрастом. Как помню себя, я воспринимал время предельно остро, текущее время - утро, день, ночь - и возрасты всех, кто когда-то жил на Земле или только будет жить, - я переживал постоянно, особенно остро - конечность человеческой жизни в череде тысячелетий, - мне не хотелось взрослеть, поскольку взрослость - это приближение к неминуемой смерти...

Все детство и юность столь острая восприимчивость к жизни и к смерти, к конечности человеческого бытия, постоянно рождала во мне мечты о великой жизни, поскольку это была единственная возможность преодоления смерти и небытия... Я еще понятия не имел об учении Платона о любви как о стремлении к прекрасному, в чем он видел возможность

преодоления смертности человека, но лелеял те же грезы и упования, с тем и пришел к идее писательства, не имея на то никаких оснований, и пережил воочию возвращение юности в том возрасте, когда люди взрослеют окончательно, от 25 до 35 лет, и именно в эти годы я сформировался как личность и как поэт, вобрав в себя чисто поэтически все богатство человеческой культуры, о чем ныне и пишу в статьях о Гомере, о Золотом веке Афин, о Золотом веке Флоренции, об историях любви и творений, - я пишу не по научным исследованиям, как историки и теоретики искусства, а по живым впечатлениям из моей второй юности и молодости, поскольку мое мировосприятие и миросозерцание остаются во всей свежести первооткрытия классической древности и эпохи Возрождения, классического искусства всех времен и народов, с тем я сохраняю, верно, молодость чувств и переживаний.

И новые произведения я лелею, следуя опыту моей юности, и мне пишется лишь в ауре моего мировосприятия и мироощущения, идущих из детства и юности, - возраста своего я не чувствую совершенно, - так что если я и старец по годам, я юный старец, определение выявляет сущность явления, да это соответствует сущности поэзии оставаться вечно юной, по выражению поэта. Вот этот образ свой, как на фотографии 1976 года, я словно сохраняю по сей день. А тогда каким стариком я увидел себя на исходе преодоленной болезни, не ведая, что проживу еще целую вечность. Я в пути, я и собирался *Идти вечно*.

Кроме возраста автора, которого именуют «живым классиком» в шутку, встает еще одна проблема - не для меня, а для тех, кто соприкасается с моим творчеством, - проблема сверхважная для адекватного восприятия моих статей о классическом искусстве, о первейших гениях, проблема восприимчивости к высокому и к поэзии, а именно к высокому искусству, что и составляет высшие достижения ренессансных эпох, начиная с классической древности.

Здесь камень преткновения, о который спотыкались все в восприятии русского искусства XVIII-XX веков, не воспринималась универсальная гениальность Петра I и Ломоносова и др., ренессансность творчества Карла Росси и Ореста Кипренского, Пушкина и Льва Толстого...

Все уникальные достижения русского искусства оценивались не по существу, а опосредованно, в рамках тех или иных художественных направлений в странах Европы, тем самым проморгали ренессансные явления русской жизни и русского искусства и поныне не могут понять и принять, - протестуют, мол, нет и нет, никакого Ренессанса в России не было, повторяют

слова Дмитрия Лихачева о предвозрождении, а Возрождение, мол, так и не вызрело, - да, в средневековой Руси XV-XVI веков, - не видя в упор в преобразованиях Петра начало Ренессанса в России из-за шор на глазах славянофилов и западников и их современных последователей, объявивших себя ныне православными. Что же эта за напасть!

Пушкина как уникального классического поэта эпохи Возрождения в России и Нового времени не воспринимают, но почитают всего лишь как хрестоматийного, всячески подчеркивая христианские мотивы, в чем и выражается полное непонимание и неприятие ренессансности его гения, что проявил еще Николай I и тем его погубил, с тем и само понятие Ренессанса в отношении России.

Также не воспринимаются и мои трагедии о Петре I и о Пушкине, о Перикле и Золотом веке Флоренции...

Так и поныне не воспринимается Ренессанс в России как величайшее явление и событие в истории человечества.

Да кто такой этот Петр Киле, который толкует об открытии Ренессанса в России?! Русские писатели, историки, искусствоведы не ведают о том, поговаривают лишь о религиозном ренессансе... Знаю, кто-то догадывается, мол, это у него мания величия,

тронулся, видно... Как его признать «ну просто гением Ренессанса», фраза, что гуляет в интернете наряду с «по национальности нанаец» из Нового Органона Чупринина или «нанайский писатель», будто что-то этим сказано? Вот статьи о Гомере, о Рафаэле, о Шекспире, о Пушкине и т.д. отдают нана-эстетикой, с этим я согласен.

А ведь правда. Так просто понять и признать первооткрывателя эпохи Возрождения в России, с ее обоснованием в серии статей и в книге «Ренессанс в России», с серией статей о величайших эпохах расцвета искусства в истории человечества, «ну просто гением Ренессанса», если даже он сам по себе не гений как поэт?

Не во мне ведь дело, не в моем творчестве, а в трагедии России, что обернулось и великой эпохой Русского Ренессанса, в чем мы можем и должны находить опору, как и во всех высших достижениях человеческой культуры.

Русская (или российская) нация - молодая нация, только-только пережившая эпоху Возрождения за последние три столетия, закат которой - исторически всегда неизбежный - был разрушительным и кровавым, но ныне пора обрести нам наш исторический путь, обрести наше прошлое и будущее, обрести лицо, исполненное красоты и силы молодости. Жизнь такова, в трагические века расцветает красота, красота Возрождения, залог бессмертия человека и человечества, может быть, в просторах Вселенной.

К тому, о чем я веду речь на сайте «Эпоха Возрождения», ко всему моему творчеству от первых стихов и повестей до поэм и трагедий о ренессансных эпохах и личностях, ни мое рождение, ни мой возраст не имеют никакого отношения. Я мог родиться где угодно, но если мне было суждено родиться на берегу речки, впадающей вдали в Амур, если я не умер в 36-37 лет в связи с крайним истощением жизненных сил и как романтик, а в условиях распада великого государства не ушел из жизни, а сотворил чудо с осознанием и обоснованием Ренессанса в России, если я и поныне жив, и буду, вероятно, долго еще полон сил для творчества (феномен Гете и Льва Толстого), то всё это достойно удивления, а не быть причиной для неприятия и непризнания, что ныне окружает меня, как заговором молчания.

Банальностей вроде того: умереть непризнанным и нищим, с посмертной славой, - не признаю. Даже старость ко мне не пристала: возраста своего не ощущаю, - стариком себя я воспринимал в 40 лет, хотя девушки и женщины привечали меня как молодого человека, - таким я и останусь в душе, во всех моих переживаниях и замыслах, юным старцем, если угодно. Я до

последних дней буду осуществлять идеи и замыслы моей юности и молодости, оставаясь в сфере поэзии, вечно юной.

Кому же думать и писать о любви и красоте, если не мне? О первоначалах мироздания, жизни и искусства, как не поэту?

Разумеется, не на уровне современных примитивных понятий и представлений, с подменой любви на секс, искусства - на изыски шоу-бизнеса, а на высоте классических эпох расцвета искусства и мысли. Я даже задумал набросать нечто вроде философии любви, только это будет в полном соответствии с представлениями о любви и красоте в классической древности и в эпоху Ренессанса, - «Эстетика любви».

Я пишу о прекрасном, о красоте в ее высших проявлениях, я понимаю, далеко не всем это доступно, недаром древние говорили: «Прекрасное - трудно», - но душа должна тянуться к высокому, к небу, к звездам, на земле оставаться и сгинуть без следа - участь животных популяций, процветающих и исчезающих как не бывало, а человек устремлен в дали времен и пространств, полон дерзаний. Ему мало одной жизни. Он жаждет прожить все жизни в прошлом, настоящем и будущем. Таков его высший удел.

Свойства души

Среди поисковых фраз стали появляться «Свойства души Петр Киле» или то же с добавлением «Содержание». Мне трудно представить, что где-то изучают мои ранние повести, а ведь конец июня? Даже экзамены позади, и посетители моего сайта из школьников и студентов рассеялись. А все кто-то кликает статью «Петр Киле Биография», с публикацией ее, как по заказу.

Первые мои повести «Птицы поют в одиночестве», «Цветной туман» и «Муза Филиппа», опубликованные в журнале «Аврора» в 1970-1971 годах, были восприняты как автобиографические, и меня стали даже звать «Филипп», что в ту пору весьма сердило меня. Между тем я написал совсем небольшую, действительно автобиографическую повесть «Свойства души», опубликованную в «Авроре» в 1972 году. Главного героя зовут Митя, в начале повести ему лет 12, именно его глазами и в воспоминаниях воспроизводится история моего детства.

Пересказать содержание повести нелегко. Уезжая на дачу, я взял с собой книгу «Свойства души», куда входят вышеназванные повести, с добавлением продолжения последней «Свет в листьях». Сборник повестей издан в Москве в 1979 году. В те годы свои первые повести я воспринимал за детский лепет, несмотря на одобрительные отклики, к примеру, как статья Галины Гордеевой «Готовность к будущему», но ничего иного мне не удавалось написать, кроме еще более жалких недоносков, как мне представлялось в то время.

Критики из лучших побуждений хотели видеть во мне нанайского писателя, а для меня такая ниша была заведомо узка - по мировосприятию еще с раннего детства, когда я о писательстве и не помышлял, а мечты о великой жизни я связывал с писательством условно, мог вообразить себя ученым и т.п., но известность, слава предполагались сами собой - да, не на родине, а в России (СССР и Россия - для меня были синонимами), но и этого мало, а в мире на все века. Это был единственный способ преодолечь безвестность и смерть.

В вагоне электрички я читал «Свойства души» с новым интересом, природа селения, где я некогда родился, с описанием в мелочах, оживала словно в яви и почти совпадала с березками и соснами, мелькающими за окнами, время из далекого прошлого проступало в настоящем воочию, мир вокруг был преображен, стайка подростков, одетых по-летнему легко и во все новенькое,

выехавшая за город на какую-то экскурсию, держалась мирно и дружелюбно, как из моего детства и юности...

Детство военных и первых послевоенных лет, с бедствиями в стране и в семье, вопреки всем тяготам, однажды, уже после смерти матери, живя в интернате на полном государственном обеспечении, я нашел, что оно было прекрасно, с самосознанием, что я человек. Значит, уже тогда сформировались свойства души, определившие мою личность и призвание, ныне осознаваемые мною как ренессансные.

Неудачи меня преследовали впоследствии, в творчестве, постольку, поскольку я еще не осознал природу моего дарования. Лишь с открытием Ренессанса в России и эстетика моя определилась, с осуществлением замыслов, какие раннее мне заведомо не удавались.

Теперь мне ясно: неузнанность ренессансных явлений русской истории и русской культуры сказалась роковым образом на судьбе Российского государства, с распадом СССР. Но и это ныне не осознается.

5-07-09

Солнечный ад

Вчера, 12 августа 2009 года, по ТВ показали американский фильм «Солнечный ад», по жанру фильм-катастрофа в связи с солнечной активностью, с достижением выбросов газа атмосферы Земли в районе Лос-Анжелеса. Во всяком случае, события в фильме показаны лишь в этом городе, без особых спецэффектов, сюжет разработан по шаблону... И все же...

Включая телевизор ближе ко сну, с переключением каналов, я редко досматриваю какой-нибудь фильм, а «Солнечный ад» досмотрел, как если бы он мне нравился по каким-либо причинам, а скорее он захватывал меня ходом моих мыслей и переживаний последнего времени...

Довольно неожиданно скончался один из моих двоюродных братьев, жизнь которого складывалась в общем хорошо, химик по образованию, с началом перемен даже организовал было свою фирму, не обладая никакими капиталами, кроме научных разработок НИИ, где он работал, преуспел вроде, а затем погорел, чуть квартиры не лишился. В прошлом году умерла его жена. Он собирался ехать на Амур, как дома упал, ударился головой, - инсульт, констатировали врачи. Дети и внуки по различным обстоятельствам с опозданием собрались похоронить его. Одна кремация стоит 35.000, а обычные похороны на кладбище еще дороже...

Но и для тех, у кого на болезни и похороны найдутся миллионы, конец один: гниение и тлен под землей в богато разукрашенном гробе или огонь крематория, а затем все равно прах, и кладбищ с памятниками не останется в руинах городов, как в череде столетий на Земле, но однажды, быть может, в одночасье... Жизнь человечества в течение тысячелетий с непрерывными войнами и бедствиями, сжатая в единый миг в несколько поколений или дней, - это и есть солнечный ад, что, помимо природы, устраивают люди на Земле постоянно.

В России солнечный ад приключился на рубеже XX-XXI веков, с убылью населения до миллиона ежегодно против всех законов природы, что ныне власти признали наконец, но приписывают русскому обычаю - пьянству. Но пьянство и наркомания, особенно у детей и молодого поколения, и у женщин - это следствие духовной разрухи, нанесенной Российскому государству и его идеологии, вплоть до его распада, под видом борьбы с «коммунизмом» и «тоталитаризмом», что было всего лишь

пропагандистскими клише антисоветизма и антируссизма, политики США, претендующих как вчера, так сегодня на мировое господство.

Руководство СССР во главе с Горбачевым и руководство РСФСР во главе с Ельциным ради личных амбиций пошли на одностороннее разоружение и развал СССР, что отвечало лишь интересам США. Мало этого. Антисоветизм, идеологию разрушения СССР и развращения его народов, разработанную ЦРУ США, они сделали идеологией РФ, что проповедуют уже два десятилетия российские СМИ, черня всячески историю и культуру Российского государства за последние три века и откровенно развращая подрастающие поколения. Вот и пришли к вопиющим результатам за время правления псевдодемократов всех мастей.

Президенты и премьеры Путин и Медведев вроде бы остановили развал страны, усеченной ее части, - да и другие отпавшие ее части слишком наглядно демонстрируют пагубность такого пути подчинения ее интересам США, - но российские СМИ несут то же самое, ведь даже пропаганда религий работает на ослабление РФ, - у России нет идеологии, антисоветизм проник в учебники, молодые поколения дезориентированы, ибо русская классическая литература и диссидентская конца XX века не стыкуются. Классическое образование и соответственно воспитание юных поколений в РФ порушены.

Воспитанием детей, сознают они это или нет, занимаются, развлекая, российские СМИ, используя лицензионные программы благополучных западных стран, что у них приобретает совершенно иной смысл. Культ потребительства и удовольствий, от пива до секса, вплоть до наркотиков и алкоголя, больше ничего. А все школьное образование и воспитание сведено к наборам примитивных вопросов и ответов, как в игре (ЕГЭ).

Что творится с пьянством взрослых - тоже ясно. Тот же путь разграбления богатств страны, с порождением олигархов, воров в законе и армии коррумпированных чиновников, путь, который избрали псевдодемократы по наводке спецслужб США под видом свободы, демократии и рынка. Солнечный ад в России продолжается. Президент Медведев обращается с письмом к президенту Ющенко, все вроде бы справедливо, но за его спиной, как и Путина, мы видим Николая Сванидзе и ему подобных, который ничем не отличается от Ющенко, только он орудует в российских СМИ.

Смотреть фильм «Солнечный ад» с невольными мыслями о смерти и бедствиях, постигших нас, было странно, и все же мне хотелось узнать концовку фильма после недавнего фильма «*Знамение*». А содержание его таково: усиление солнечной

активности сверх всякой меры замечено, ясны последствия: повышение температуры на Земле, с пожарами, нарушение всякой связи, между тем необыквенно солнечные дни всех потянули на пляжи, где находит сына генерал, назначенный командующим воинскими подразделениями в Лос-Анжелесе; там спасает мальчика врач, лишенный лицензии скорее по недоразумению, его мать не успевает поблагодарить его, как тот исчезает - с приездом настоящих врачей... Там же работает водителем с напарницей на эвакуаторе машин один тип, влюбленный в ту молодую женщину, сына которой спасли, и все они встречаются в ходе нарастания тревожных событий...

Генерал, вместо того чтобы оставить семью у себя, отправил жену с сыном на самолете куда-то, самолет разбился; он куда-то выезжает, попадает в автомобильную катастрофу, его привозят в госпиталь, где оказались, ранее встретившись, врач и молодая женщина, и там его привлекли к работе, и ему же достанется раненный ученик, который связался с бандой в условиях неразберихи, и спас гвардейца, узнав в нем учителя, с которым сам не ладил в школе, и именно этот гвардеец и притащил на себе ученика, но его спасти не удастся...

Здесь же в роли санитарки молодая женщина, которую находит мужчина, в нее влюбленный, которого уговорила девушка, с которой он работал, принимая ее за мальчишку, представ во всей обольстительной красе, ограбить банк, что они и сделали, и теперь он богач, и он силой уводит ее в подземные тоннели, куда явится и врач, а в это время генерал отдает приказ взорвать в плотине шлюз, чтобы выпустить избыток воды с гор, где тают ледники, иначе, с прорывом дамбы, город будет снесен наводнением, и вода, хлынувшая в тоннель, губит аферистов с их богатством, но благородные спасаются и видят, как на четвертые сутки пошел дождь и показалась радуга над городом... Солнечный ад длился на этот раз четверо суток, а мог длиться неопределенно долго, как в иных случаях Апокалипсиса. Явится сын генерала, уцелевший при авиакатастрофе... Все хорошо, что хорошо кончается.

Но солнечный ад на Земле то там, то тут, то в жизни отдельных народов - недавно в Югославии или Ираке, то в жизни отдельных лиц, продолжается. Солнечный ад продолжается и в России вот уже почти два десятилетия, с невиданной в истории человечества убылью населения в мирное время. И причина не пьянство, теперь, вместо «коммунизма», нашли другого козла отпущения, а все тот же желтый дьявол, по выражению русских писателей. В Китае с коммунистической идеологией и тысячелетней культурой даже при политике властей по

сокращению рождаемости ежегодный прирост населения 6.000.000, а в России, наоборот, в условиях свободы, демократии и рынка, - убыль населения порядка 800.000 (официальная цифра).

Не о водке тут надо говорить (что порядок давно пора навести, это и так ясно), не о Законе Божьем в школах в виде эксперимента, как и с ЕГЭ, а о чем-то более насущном, когда алкоголь, наркотики, аморализм и все виды преступности не увеселения и сладкая жизнь напоказ, а всего лишь задворки цивилизации и культуры. Иерархия ценностей перевернута в России и не с 1917 года по Сванидзе и ему подобным, а с 1991 года. Вот рубеж, когда солнечный ад свободы, демократии и рынка, разумеется, в виде фетишей и клише охватил Россию как непрерывные бедствия и убийства, как ложь и клевета, самоуничижение и юродство...

Когда же хлынет при солнце очистительный дождь и явится на все небо радуга? И Россия предстанет такой, какой всегда была, как ее природа, как ее искусство и ее душа, как в песне?!

Русская музыка

10.09.09

То, что русская лирика - ренессансное явление, определившее зарождение и развитие классической прозы, прояснилось для меня давно. На эту тему следует написать отдельную статью, помимо статьи «Русская лирика и античность». Только в эту осень, пребывая в самом смутном настроении, между тем занимаясь историей русской музыки, я неожиданно для себя открыл то значение и место, какое занимает музыка в развитии других видов искусства. И не вообще, а в России XIX-XX столетий.

Песенная культура на Руси складывалась исстари. Песня, как и различные мелодии, прерывистые, в обрывках, природы, всех времен года, пронизывали жизнь народа, его будни, труд и праздники. В XVIII веке в городах и дворянских усадьбах зазвучала музыка европейских стран. Явились первые русские музыканты из дворян (любители) и крепостных (профессионалы). В XIX веке, как по волшебству, лирика Пушкина и музыка Глинки достигают не просто вершин европейской поэзии и музыки, а несут в себе все черты высокой классики, осознанной нами как ренессансной.

Музыка Глинки, как известно, вырастает из песенной культуры народа, естественно прежде всего русского народа, но и итальянского, или испанского, при случае соприкосновения, в чем и проявляется ренессансность русской музыки. Музыкальные формы и жанры (общеевропейские) наполняются национальным содержанием и обретают непреходящую новизну классического искусства. Народное и классическое при всем различии смыкаются, поскольку вырастают из одних источников - из природы и стихии народной жизни. Здесь музыка проступает уже в речи, в особенностях языка, в звуках, несущих всю гамму мыслей и чувств человека.

Классическая лирика, как и проза, формируется в стихии песенной, былинно-сказочной культуры народной жизни, по сути, всех времен и народов, а не только одного народа, чем и отмечены ренессансные эпохи. Такова лирика Пушкина, в которой проступают корни от простонародной старины и античности. Этой же эстетики придерживается русская музыка, начиная с Глинки, нередко обращаясь непосредственно к произведениям Пушкина.

Все это понятно. Удивительное в том, что сама музыка, формирующаяся как классическая, а по-моему разумению, ренессансная, начинает воздействовать на другие виды искусства и умонастроение общества самым радикальным образом, что прослеживается совершенно наглядно в России с рубежа XIX-XX столетий, с явлением новой плеяды гениальных музыкантов в условиях глухой реакции и нарастающего освободительного движения (о чем ныне стараются забыть, впадая в антиисторизм, уничижение и юродство). Все станет на место, из песни слова не выкинешь.

Музыка становится ведущим, всеобъемлющим видом искусства, как не бывало нигде, даже в классической древности и в эпоху Возрождения в странах Западной Европы, хотя значение музыки было осознано именно в те времена. Русская музыка предстает воистину как Музыка Ренессанса.

Песенное начало классической музыки определяет ее тончайший и высочайший лиризм, это в сфере чувств и переживаний, а по мысли - чистейший гуманизм, что является отличительной особенностью русской музыки, как и лирики, и классической прозы, и живописи, поскольку все это присутствует в музыке русской души и природы. Поэзия и лиризм в ней не сентиментальности и не романтика, а высокий трагический пафос жизни и борьбы за свободу и достоинство человека и народа, всего человечества.

Таким образом, Музыка Ренессанса оказывается музыкой революции, культурной и социальной, с явлением, наравне с развитием классической музыки с новым содержанием и техническим совершенством, такого феномена, как советская песня, по сути, та же русская песня, которую создают выдающиеся композиторы и поет весь народ, узнавая, как свою. Классическое и народное смыкаются на новом этапе развития народной жизни и песни. Так, лирические хоровые партии из трагедий Еврипида распевали по всему Средиземноморью.

Я знаю, я вырос, родившись, казалось, в далекой глуши, на русской музыке и песне, звучавших по радио, из кинофильмов, да мы сами распевали все новые песни, едва они прозвучат в Москве. Советская эпоха - это уникальная песенная эпоха, и песня звучала в унисон с классической музыкой, а не в отрицание ее в современных поделках или подделках под песню.

Не владея музыкальной грамотой, не уверен, есть ли у меня слух, но классическую музыку в ее высших достижениях, едва услышу, я узнаю, душа отзывается, знакомые до боли мелодии пронизывают все тело волнением, может быть, не испытанным тогда, когда - неизвестно где и когда - я впервые услышал из

Чайковского или Моцарта, так вся русская классика из фильмов, опер, балетов, симфоний и концертов - в узнаваемых отрывках у меня на слуху, будто я получил музыкальное образование и воспитание наравне с литературным еще в школьные годы и, разумеется, после.

Столь удивительное воздействие русской музыки, о чем с восторгом и со знанием дела говорят, разумеется, прежде всего музыканты из нескольких плеяд гениальных композиторов, объясняется тем, как сейчас ясно, что она сформировалась как ренессансное явление, чем притягательное и для Запада, и для Востока. Музыка эпохи Возрождения, как она зачиналась в странах Западной Европы, получила высшее развитие в России XIX-XX столетий. Музыка Ренессанса.

Из песни слова не выкинешь. А слово это - революция. Она была, величайшая из всех революций. Ее оболгать не удастся. Она звучит на всех континентах, Музыка Ренессанса. Она будет звучать вечно во Вселенной.

Восставшая из пепла

4.12.09

На днях в Москве после длительной и самой тщательной реставрации скульптурной группы Веры Мухиной «Рабочий и Колхозница» снова появился высоко в небе символ новой эпохи, равнозначный по значению «Давиду» Микеланджело для Флоренции после кровавых лет смуты. Именно в эти дни в интернете я наткнулся на статью «Ренессанс и Советская культура», опубликованную еще в 2007 году, но всплывшую почему-то только сейчас, по крайней мере, для меня. Автор статьи - Булавка Л.А., доктор философских наук, сотрудник Института культурологии. Ничего подобного о русской истории и культуре, тем более о советской эпохе в наши дни, не читал.

Ведь всякое сопоставление явлений искусства и мысли в России и в странах Европы как с точки зрения западников, так и славянофилов (два сапога - пара) сопровождалось неизменно рефлексией уничижения и юродства, что закончилось разрушением великого государства и отказом от его идеологии и культуры. Случай небывалый в истории человечества, невероятный, нелепый, трагический для народов не только России.

Между тем нечто подобное уже наблюдалось в истории европейских стран - с ослепительным восходом эпохи Возрождения и с ее кровавым закатом при искрах костров инквизиции и религиозных войн, что однако не отменило поступательного хода исторического процесса, с формированием капитализма и с веком Просвещения, когда были осознаны величайшие достижения Ренессанса в сфере культуры.

Приходит пора осмысления и освоения достижений, смысла и значения и русского Возрождения, с тем трагедия России обернется ее победой и торжеством. В отношении XVIII и XIX столетий исследование, самое предварительное, произведено в книге эссе *«Ренессанс в России»* (2002). Она до сих пор не издана, возможно, из-за малой предприимчивости ее автора, но последние три года активно читается в интернете, можно даже подумать, что в каких-то школах и вузах введен новый курс «Эпоха Ренессанса в России».

Занимаясь историей и эстетикой русской музыки рубежа XIX-XX веков как *музыкой Ренессанса*, я оказался неожиданно для себя,

последовав за Глазуновым, Мясковским и Прокофьевым, в СССР. Для меня не было сомнений, да с этим ощущением я рос с самого раннего детства, что эпоха Ренессанса в России начинается или завершается советской эпохой. И ее завершение, кровавое, трагическое, я наблюдал воочию, с горестным чувством и с удивлением осознавая впервые ренессансные явления в русской истории и культуре со времен преобразований царя-реформатора.

И вот проступает тема «Ренессанс и Советская культура», в которой ведется сопоставление двух величайших эпох в истории человечества. С европейским Ренессансом как будто все ясно, а советская эпоха? Два десятилетия целыми сутками все российские СМИ, такова идеология РФ на уровне правительства, заняты «преступлениями Сталина», сведя к ним историю Октябрьской революции и СССР. Учебники переписаны, великие даты отменены. О Ренессансе в России не хотят и слышать. Но всякая клевета недолговечна.

Женщина с неожиданной фамилией Булавка (это как ник) рассматривает советскую культуру как ренессансное явление, столь же уникальное и знаменательное, как европейская культура эпохи Возрождения. Сопоставления сходных явлений и идей двух величайших эпох в истории человечества делаются на сугубо философском уровне.

«*Сущность Ренессанса - гуманизм*», это название первой из серии моих статей, посвященных эстетике эпохи Возрождения в странах Западной Европы. Гуманизм - идеология Ренессанса, в которой в центр мира, вместо Бога, выдвигается Человек, с обращением к природе и классической древности, когда впервые сформировалась классическая эстетика, основанная на изучении природы. Это был переворот в миросозерцании и жизнедеятельности европейских народов, с расцветом искусств и мысли, что определило черту перехода от Средневековья к Новому времени, смену социально-экономических формаций, что сопровождалось и культурной революцией.

В истории Российского государства подобный переворот происходил с XVIII по XX век, с зарождением и с расцветом классического искусства в XIX веке, с формированием нового гуманизма, с тремя революциями в начале XX века, антифеодальной и антибуржуазной одновременно, с низвержением как земного, так и небесного царя, со сменой социально-экономических формаций, с началом новой эры в истории человечества.

Устремления гуманистов эпохи Возрождения в странах Западной Европы, с мечтами о совершенном человеке, государе, государстве, о новых взаимоотношениях между людьми и

народами, - утопии стали реальностью, разумеется, мало совпадая, как всегда и бывает, с построениями воображения и научной мысли, что вскоре стало приводить к разочарованиям, с новым обращением, как было и в европейском Ренессансе с его закатом. Но, вопреки разочарованиям и всяческой клевете, творения мысли и искусства эпохи Возрождения остались как новые национальные культуры европейских народов, памятники искусства, чем восхищаются все народы мира.

Русская (или российская и советская) культура, порождение Ренессанса в России, с открытием новых путей в развитии человеческой цивилизации, с прорывом в Космос, - явление мирового масштаба, это уникальное наследие, от которого умудрились отречься разрушители великого государства, пришедшие к власти в условиях заката с утверждением ценностей далекого прошлого, с новым обращением - во славу не Бога, разумеется, а Золотого тельца. Так завершилась и эпоха Возрождения в странах Западной Европы, с религиозными войнами, с разгулом инквизиции и с вымиранием населения в условиях первоначального накопления капитала.

То, что было для нас историей европейских стран, когда утвердился закон джунглей, вопреки христианской религии, и что обрело выражение: «Человек человеку - волк!», мы наблюдаем воочию в современной России, новоявленные правители которой ради благоденствия олигархов проповедуют ценности рынка и либерализма с консерватизмом, каковые терпят крах по всему миру.

Россия в условиях всемирного кризиса, который не закончится завтра, а лишь начинает углубляться и расширяться, могла бы стать светочем мира, как СССР во второй мировой войне, но герострaты лишь вовлекли страну, разграбленную олигархами, в международную игру финансовых воротил, благоденствующих в долг и за счет третьего мира, включая и РФ.

Мировой кризис капитализма в 80-е годы XX века лишь замедлился - за счет СССР с его распадом. Теперь на очереди РФ, правители которой не хотят осознать, что они натворили, и ведут страну к распаду, чтобы спасти себя от возмездия и капитализм, дни которого были сочтены с Октябрьской революции, с возникновением новой социально-экономической формации.

Здесь столбовая дорога развития человеческой цивилизации, если у нее есть будущее, в отличие от популяций животного мира. Будущее человечества не за «звездными войнами», это лишь фабулы голливудских боевиков, взятые из повседневности развитых стран, - там, в Космосе, войны бессмысленны, ибо самоубийственны, - а за мирным освоением новых планет, с

расселением человечества во Вселенной, можно сказать, богочеловечества.

Альтернативы нет. Капитализм по своей природе не способен к подвигу не во имя частных целей господства и богатства личности или государства. Социализм показал готовность к самоотвержению ради светлого будущего всего человечества. Но чтобы новая социально-экономическая формация реализовала себя мало десятилетий, нужны столетия, когда освоение Космоса станет реальностью.

Будущее человечества, если оно у него есть, не за «звездными войнами», фантастикой Голливуда, все более превращающейся в фэнтези, легкую и бессмысленную игру в интересах шоу-бизнеса, а за фантастикой советской эпохи, решавшей действительные проблемы освоения Космоса, в унисон с развитием науки и техники, проблемы развития человеческой цивилизации, с преодолением тяготения Земли и скорости света, с утверждением гуманизма в просторах Вселенной.

«Прекрасное далёко,
Не будь ко мне жестоко,
Я начинаю путь...»

Полет человеческой мысли к звездам прерван. Там снова взошло средневековое небо для верующих и астрологов, а на Земле сверкают огни городов человеческой популяции, теснящей все иные. Мир погружен в войны - информационные, холодные, горячие, с превращением людей в роботы, начиненные арсеналом всех средств для имитации самоутверждения и успеха. Далее что? Апокалипсис. Земля без людей. Как Космос без звезд, ибо ничей взор не устремлен к ним. Бездна вселенской ночи.

И все же как поэт я не могу не верить: восставшая из пепла, как птица Феникс, русская (российская и советская) культура может возродить мир, с наступлением нового века Просвещения, с осмыслением достижений Русского Ренессанса, с обращением к звездам.

О вырождении русской интеллигенции

8.01.10

Известно, интеллигенция - чисто русское понятие, и оно связано, как ни удивительно, с таким явлением, как Ренессанс, а именно *Ренессанс в России*, что у нас просмотрели из-за односторонностей славянофилов и западников, а их современные последователи, впадая в самоуничижение и юродство, оказались в плену сил, заинтересованных в распаде СССР.

Диссидентство, как ныне выясняется, взращенное спецслужбами США на основе антисоветизма, оказалось заразительно для советской интеллигенции, с упоением зачитывавшейся модернистской и постмодернистской литературой, в которой был хоть какой-то намек на несвободу и преследования инакомыслия в СССР, не говоря о работах преследуемых и гонимых, которые, оказавшись, на Западе становились миллионерами. Имена их известны.

С начала «перестройки» и либеральных реформ, приведших СССР к распаду, диссидентов интеллигенция возвела в герои, их сочинения включила в школьные программы, тесня классическую литературу, при этом она вдруг обнищала, о зарплате библиотекарей неловко было говорить, обнищали учителя и врачи, преподаватели и профессора вузов, что породило неслыханную утечку мозгов, наравне с утечкой капитала криминальных структур, включая олигархов.

Интеллигенция как чисто русское понятие и явление выродилось. Нищий потомственный интеллигент или первого поколения уже не мог претендовать на то, что он представитель особого слоя в обществе, он интеллигент, носитель интеллектуального знания и культуры. Теперь он просто представитель умственного труда, в отличие от строителей и водителей, которые востребованы и высоко оплачиваемы. По заработкам их можно причислить к среднему классу, а интеллигенция, которая возжаждала было стать средним классом, как в США, выпала из общественной жизни.

Процветала лишь та часть интеллигенции, которая оказалась востребована в сфере шоу-бизнеса и СМИ, обслуживающих новую власть, власть олигархов и демагогов. И соответственно тоже

выродилась, с превращением в средний класс - по доходам.

Таким образом, с интеллигенцией было покончено, что отвечало интересам власть имущих: элита подкуплена вся, ее идеология по-прежнему антисоветизм, а основная масса советской интеллигенции, обнищав, как бомжи, выпала из общественной жизни, но во время выборов отдает голоса за партию власти, до смерти напуганная пропагандистскими клише антикоммунизма.

Упадок здравоохранения, образования, культуры, с вымиранием населения, принял размеры национального бедствия, и тогда правители ради самосохранения принялись осуществлять пресловутые национальные проекты, а ныне заговорили о модернизации, но интеллигенции как особого слоя в России уже не будет.

Представители умственного труда, интеллектуалы из различных областей знания могут процветать, стать средним классом, но это уже не будет *интеллигенция*, явление, впервые проступившее в общественной жизни в эпоху Возрождения в странах Европы, но сформировавшееся как слой в России в условиях Ренессанса XVIII-XX веков.

Первым интеллигентом в Европе был Франческо Петрарка, ибо интеллигент - это и есть гуманист, в отличие от обычных представителей умственного труда и интеллектуалов. Русская интеллигенция, сформировавшаяся сначала как дворянская, - первыми интеллигентами в России были царь Петр, императрица Елизавета Петровна, Ломоносов и так далее, до декабристов и Пушкина, гуманизм которых носил элитарный характер, но с поворотом в сторону народа.

Классическая русская литература XIX века, она же философия освободительного движения, формирует *новый гуманизм,* кредо разночинной интеллигенции, это ее идеология и эстетика, что становится движущей силой русской истории и русского искусства особенно отчетливо на рубеже XIX-XX веков и что приводит в высшей степени естественно (а не по воле кучки большевиков) к социалистической революции.

Любая критика революции и СССР не может отменить культурной революции 30-х годов, приведшей не просто к всеобщей грамотности, а к сформированию советской интеллигенции с ее классическим образованием, основанным прежде всего на русской классике и классике всех времен и народов. Вопреки односторонностям первых лет социалистического строительства, вопреки тяготам войн и гонений, вопреки разнузданной клевете последних десятилетий, в СССР сформировалось гуманистическое общество, что особенно

ясно проступило в 40-60-е годы XX века.

Об этой эпохе мы еще поговорим. Но порыв к свободе в 80-е годы обернулся величайшим обманом и предательством, распадом СССР и всеми прелестями периода первоначального накопления капитала, когда РФ оказалась колонией олигархов и демагогов в угоду и выгоде западных стран.

Этот процесс продолжается и сегодня, с окончательным вырождением русской интеллигенции, которая отказалась от нового гуманизма, повернулась к Богу и к рынку. Исторически это закат Ренессанса в России, закат кровавый, с вымиранием населения и интеллигенции как таковой.

Грустно. Но таковы исторические реалии.

Торжествующее мракобесие

20.02.10.

Устремления РПЦ ввести вновь в школах преподавание Закона Божьего можно еще понять. Но то, как на поводу у РПЦ действует министр образования и науки, превращаясь во всеобщее посмешище, достойно удивления и внимательного анализа. Церковь понимает, что Закон Божий в том виде, как его преподавали в старое доброе время батюшки, сегодня будет вызывать только смех у детей.

Сей столь важный предмет необходимо слегка видоизменить, чтобы министр образования и науки, то есть представитель науки, принял Закон Божий в виде «основ православной культуры». Что же это еще предмет - православная культура, можно бы задаться вопросом? У старообрядцев это понятно, у мусульман это понятно, но христианская культура, католическая или православная, - это уже явление в Новое и Новейшее время весьма специфическое, узко религиозное, мало связанное с жизнью, которая носит в большей мере чисто светский характер.

Словом, православная культура - это Закон Божий, мифология и мораль. Поэтому и возникает там, где речь исключительно о особенностях религий, предмет - «основы светской этики». И тут все запутывается окончательно - благие пожелания иерархов религий обращать детей в свою веру через преподавание основ религиозных культур, а с верой они связывают мораль и моральное поведение, что весьма спорно.

А что такое «основы светской этики» и не вообще, а как заменитель «основ религиозных культур», что охотно преподавали бы сами священнослужители? То есть опять нечто спорное.

В школах можно бы ввести курс этики и эстетики, но сама система школьного образования - это и воспитательный процесс, и дети на уроках по всем предметам, в особенности литературы и истории так или иначе усваивают основы светской этики. Особо выделить - еще вопрос, насколько целесообразно.

На уроках истории и обществознания можно выделить темы по истории религий, с основами религиозных культур - с повторами с младших классов до старших, без деления детей по конфессиям, - это же общеобразовательнй и общевоспитательный процесс.

Именно такой вариант решения проблемы был бы самым естественным и продуктивным. И есть еще время принять именно такое решение, без надуманных экспериментов, с составлением новых учебников под редакцией священнослужителей, без деления детей по этническим и конфессиональным признакам, с внесением еще большей разрухи и беспорядка в школы.

Но министр образования и науки Фурсенко делает весьма неожиданное заявление, мол, преподавателями по курсу «Основы религиозной культуры и светской этики» могут быть не только педагоги-гуманитарии, но и учителя физики.

«Я считаю, что, например, учителя физики могли бы преподавать этот курс не менее успешно, чем учителя истории», - заявил Фурсенко. Министр не просто оговорился, у него это выношенная мысль. Он решил вовлечь к подготовке курса по религии и преподавателей по естественнонаучным дисциплинам, поскольку считает неправильным, если основы религиозной культуры и светской этики будут восприниматься исключительно как гуманитарный, привязанный к истории и обществознанию курс.

По его убеждению, это более широкий курс, который учит школьников взаимопониманию, что в высшей степени спорно. Главное, настолько ошибочно, что вообще преступно. В школы вносится, еще в младшие классы, фактор разъединения по конфессиональным и этническим признакам, что ныне отъединяет молодежь до всевозможных эксцессов и целые народы.

Нельзя думать, что Андрей Фурсенко не понимает, о чем говорит, как Борис Грызлов, обвиняя ученых РАНа в мракобесии, сам увлекшись лженаукой. Основы религиозной культуры и светской этики, разумеется, чисто гуманитарный курс, но ему важно вовлечь в разработку и осуществление проекта патриарха и президента всех учителей, а далее родителей и детей. А цель ясна: чисто миссионерская, всех обратить. Никто не должен остаться в стороне. Учитель физики по своему предмету представитель науки должен отказаться от своего статуса и преподавать предмет, основанный на вере.

Задуман эксперимент, результаты которого трудно проверить, значит, они будут таковы, какими хотят видеть экспериментаторы. Все по Грызлову. Лженаука запущена в школы, где дети получают научное знание по всем предметам человеческой премудрости. В последний очаг научного знания, поскольку все иные источники знания, включая российские СМИ и ТВ уже давно всецело во власти лженауки во всех ее проявлениях - от шарлатанов-экономистов-политологов и

целителей до РПЦ во всем великолепии сусального золота.

Науку в РФ решили превратить в служанку богословия. Теперь понятно, почему в РФ учинили разгром науки. Власть имущим лженаука во всех ее разновидностях ближе и понятней, чем наука. История Российского государства в электронных СМИ ежевечерне предстает в кривом зеркале магии и антисоветизма, а ныне антируссизма. Такова идеология разрушителей СССР, а теперь и РФ.

Религии могут сосуществовать лишь при наличии государственной идеологии, духовной основы единства нации, как квинтэссенции национальной культуры, помимо этнических культур и конфессий. У РФ нет государственной идеологии - по Конституции. А поскольку свято место пусто не бывает, идеологией правительства РФ и его рупора СМИ изначательно выступил антисоветизм в разноцветье поверий от религий, сект до астрологии и магии.

Мы наблюдаем закат эпохи Возрождения в России, со всеобщим обращением, с мистикой всех вероучений и сект и пышным расцветом лженауки - от астрологии до шаманизма, с обрушением науки, теперь и школы. Назад, в Средневековье! И это творят люди, получившие среднее и высшее образование в СССР. Перевертыши. Понятно, результаты эксперимента будут столь же плачевны, как от всех реформ разрушителей великого государства, светоча мира, и от ныне задуманной модернизации.

Только результат: отрицательный в данном случае - будет залогом победы непокорного народа. Вперед, в веку Просвещения!

РФ: кладбищенская стабилизация

3.03.10.

Нынешние власти в России очень гордятся их основным и единственным достижением - стабилизацией в РФ после бурных 90-х, с распадом СССР, разрушением устоев общества, обнищанием населения, дефолтом, с войной в Чечне, в условиях которых объявились у нас олигархи и демагоги, с организацией партии власти под названием «ЕР», занявшей господствующее положение на выборах и в Госдуме.

Сегодня ясно, что роль стабилизирующего фактора в экономической сфере в РФ сыграли устойчиво высокие цены на нефть и газ в мире, благодаря чему правительству удалось освободиться от кабальных долгов и слегка улучшить положение в социальной сфере, даже иметь некий задел к новому обострению кризиса в стране и в мире. Повезло!

Но кому? Прежде всего олигархам, которые практически задаром сделались в одночасье долларовыми миллиардерами; повезло демагогам, то есть правительству РФ и Госдуме, с достижением некоторой стабилизации. Но вряд ли народам РФ, ибо обнищание и вымирание населения стабильно продолжаются и поныне.

Обрушение промышленности, ВПК, образования, науки продолжаются, - реформирование было сведено к приватизации, по сути, к раздаче государственной, то есть всенародной, собственности задаром, как ныне выясняется с той же Саяно-Шушенской ГЭС, а новые собственники с инвестициями не

торопятся, они попросту легкие сверхприбыли вывозят за границу, как всем известно. Напрасно Путин грозит Потанину и Прохорову генпрокуратурой, объявится третий, которому все достанется - тоже задаром, под некие обязательства. Олигархи - его порождение, он сам - порождение олигархов, он их первый стратег, а его главный идеолог - Чубайс, которого ему приставил не Ельцин, а более могущественные силы, как нетрудно догадаться.

Если приватизация в странах Запада - форма достижения эффективности бизнеса, то в РФ, как Чубайс недавно раскрыл свое кредо, приватизация имела своей целью уничтожение «коммунизма», с чего он начал и что продолжает Путин, ставя Чубайса, хорошо зная о ненависти народа к этому прибалту, на самые ответственные должности, как в насмешку специалистам высочайшего класса и ученым.

Едва Чубайс покончил с энергетикой как народным достоянием, он во главе госкорпорации по нанотехнологиям. Чем он занимается там, ясно: борьбой с «коммунизмом», то есть с прорывными проектами. Война Чубайса с «коммунизмом» давно превратилась в подрывную деятельность против России, что Путина, выходит, вполне устраивает?

Устраивает и Госдуму со главе со спикером, он же председатель Высшего совета «ЕР», который, как выяснилось, повернулся от науки к лженауке, перепутав их. Для перевертышей ведь все наоборот. Слыша критику в свой адрес и его партии, недавно он заявил, мол, «ЕР» - основа стабилизации, а стабилизация - инструмент модернизации. Это язык и форма мышления лженауки.

А теперь посмотрим, что под этой стабилизацией. Набрав в Google ключевые слова: «Россия занимает место в мире», можно обнаружить, что Россия занимает:

1 место в мире по абсолютной величине убыли населения;

1 место в мире по количеству самоубийств среди пожилых людей;

1 место в мире по числу разводов и детей, рожденных вне брака;

1 место в мире по числу детей, брошенных родителями;

1 место в мире по количеству самоубийств среди детей и подростков;

1 место в мире по смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы;

1 место в мире по числу пациентов с заболеваниями психики;

1 место в мире по объемам торговли людьми;

1 место в мире по количеству абортов и материнской

смертности;

1 место в мире по объёму продаж крепкого алкоголя;

1 место в мире по потреблению спирта и спиртосодержащей продукции;

1 место в мире по темпам роста табакокурения;

1 место в мире по числу курящих детей;

1 место в мире по темпам прироста ВИЧ инфицированных;

1 место в мире по количеству авиакатастроф (в 13 раз больше среднемирового уровня);

1 место в мире по числу миллиардеров, преследуемых правоохранительными органами;

1 место в мире по количеству ДТП;

1 место в мире по физическому объему экспорта необработанных алмазов;

1 место в мире по разведанным запасам серебра;

2 место в мире по разведанным запасам золота;

2 место в мире по разведанным запасам платины и первое место по её экспорту;

2 место в мире по уровню бюрократии;

2 место в мире по числу долларовых миллиардеров (после США);

2 место в мире по числу самоубийств (после Литвы);

2 место в мире по числу убийств на душу населения (после Колумбии);

2 место в мире по экспортным поставкам вооружений;

2 место в мире по распространению поддельных лекарств (после Китая);

2 место в мире по по объёму производства порнофильмов;

2 место в мире по числу детей, усыновленных в США;

2 место в мире по численности мигрантов;

2 место в мире по количеству заключенных на 1000 человек (после США);

2 место в мире по числу людей, ищущих убежища на Западе (после Сербии);

2 место в списке стран, обладающих наибольшим количеством стрелкового оружия;

2 место в мире по числу журналистов, убитых за последние десять лет (после Ирака);

2 место в мире среди производителей пиратских дисков;

2 место в мире среди стран-распространителей спама;

2 место в мире по размерам подводного флота;

3 место в мире по числу абонентов сотовой связи;

3 место в мире по числу угонов автомашин;

3 место в мире по распространению детской порнографии;

3 место в мире по количеству тоталитарных сект;

5 место в мире по генетическому здоровью в мире;

6 место в мире по потреблению декоративной и лечебной косметики;

7 место в мире по числу миллиардеров;

8 место в мире по числу обучающихся иностранных граждан;

14 место в мире по объему золота, находящегося в государственном резерве;

15 место в мире по числу пользователей Интернета;

16 место в мире по валовому национальному доходу;

21 место в мире по количеству запатентованных изобретений;

27 место в мире по качеству образования;

32 место в экологическом рейтинге стран;

43 место в мире по конкурентоспособности экономики;

51 место среди наименее коррумпированных стран;

57 место в мире по качеству жизни;

62 место в мире по уровню технологического развития (между Коста-Рикой и Пакистаном);

65 место в мире по уровню жизни;

70 место в мире по использованию информационных и коммуникационных технологий;

71 место в мире по уровню развития человеческого потенциала;

72 место в мире по рейтингу расходов государства на человека;

97 место по доходам на душу населения;

120 место в мировом рейтинге экономических свобод;

127 место в мире по показателям здоровья населения;

134 место в мире по продолжительности жизни;

147 место по степени свободы прессы (из 168);

159 место в мире по уровню политических прав и свобод;

175 место в мире по уровню физической безопасности граждан;

182 место по общему коэффициенту смертности среди 207 стран мира.

Разумеется, достоверность подобной информации в отношении России весьма относительна, но картина состояния нашей страны и без этих показателей нами осознается как катастрофическая. Если это состояние говорит о стабилизации, то она подобна свободному падению, с эйфорией стремительного движения вперед, с возгласами президента Медведева: «Россия, вперед!» Хотя на самом-то деле он имеет в виду, заодно с РПЦ, средневековье, когда процветала, как они думают, «этика Православия».

Если это стабилизация, то кладбищенская стабилизация, с разгулом властных и криминальных структур в сумерках ночи и средь бела дня.

В поездках на дачу, когда электричку пускают окольными путями, в последние годы я наблюдал, как забрасывают обширные поля, затем из-за рощ с неприметными могилами среди деревьев стали выходить кресты на заброшенные земли и за короткое время протянулись на километры.

Не только деревья, даже кусты еще не успели взойти и разрастись вдоль кладбища на сельскохозяйственных угодьях. Это как поле битвы, на котором остались одни могилы. А сколько таких разросшихся кладбищ по всей России, с превращением ритуальных услуг в бизнес не менее прибыльный, чем проституция, наркоторговля и торговля людьми.

И это все происходит не где-то в Африке или Южной Америке, как нас ужасало раньше, а в России?! Все прелести колониализма и неоколониализма под лозунгами «свободы», «рынка», «демократии». С достижением стабилизации, объявленной ныне «инструментом модернизации», под которой имеют в виду по сути лишь дальнейшую приватизацию (как формы борьбы с мифическим «коммунизмом»), вплоть до коммерциализации воспитательного и учебного процесса в школах, что выдают за реформу под названием «Наша новая школа».

Образование и наука в РФ обрушены, как промышленность, армия, флот. Но борьба с «коммунизмом» продолжается. По сути, идет война против России, ее великой истории и ее ренессансной культуры. Хотят подчистую извести русскую (российскую) национальную культуру, из которой идеи социализма и коммунизма (разумеется, в исторической перспективе) вырастают сами собой. Хотят покончить с Россией, с ее непокорным народом, чтобы завладеть ее несметными природными ресурсами. Для этого лучше всего не ядерная война, а кладбищенская стабилизация в РФ.

Власти в России не ведают, что творят, либо у нас объявились Лже-Дмитрии. В любом случае, они торжествуют. А как сказал поэт: «И ведай: За их случайною победой Роится сумрак гробовой».

Кладбищенское безмолвие и демагоги во власти, порождающие олигархов даже во время мирового кризиса, - это же кланы мародеров, которые заинтересованы в воспроизводстве этой гибельной для страны ситуации, что они называют стабилизацией, имея в виду сохранение их власти, преступной по всем их достижениям, зафиксированным в списке из Google. И

этот список далеко не полный.

Число школьников и студентов стремительно сокращается. Значит, будут закрываться школы, как детские сады в 90-е годы, будут закрываться вузы, с ростом детской беспризорности и т.п. А те молодые люди, которые оканчивают успешно вузы, уезжают работать за границу - не только потому, что там платят больше, просто там жизнь идет по исстари установившимся правилам, а в России воцарился бардак, воистину нравственный беспредел. Чтобы это называть стабилизацией, надо быть циником.

Нельзя больше этого терпеть. Сознание этого должно расти и шириться до взрыва всенародного гнева. Кладбищенская стабилизация живым не нужна. Люди уходят, но страна и народ должны жить, Россия указала миру перспективу развития человеческой цивилизации и культуры, без нее у человечества нет будущности. Земля без людей. Космос без человека - это кладбищенское безмолвие и вечный мрак, даже без звезд, ибо их некому видеть.

Нетленный образ России

Европа всегда с предубеждением относилась к Российской империи, а затем Запад - к СССР. Предубеждение возникает на почве незнания, соперничества и страха. Россия напротив воспринимала Европу как очаг цивилизации и культуры. Между тем западники и славянофилы, впадая в крайности, создавали искаженный образ России, который и усвоила на свой лад Европа, с неприязнью и с тревогой.

Два явления усугубляли это предубеждение: самодержавие и крепостное право, что просвещенная Европа принимала за тиранию и рабство. Освободительное движение в России в течение XIX века и особенно на рубеже XIX-XX столетий находило все больший отклик в Европе, чему содействовали удивительные достижения в литературе, в музыке, в балете, что явилось откровением для Запада.

События революции и гражданской войны в России имели колоссальный резонанс по всему миру. Мировое общественное мнение было на стороне Советской России, как и в годы Второй мировой войны - на стороне СССР. Имидж СССР был настолько высок, что США в испуге сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, чтобы показать свою мощь, а Великобритания устами Черчиля объявила холодную войну союзнику в войне с Германией.

В соперничестве двух сверхдержав наша страна в конечном счете потерпела поражение, и это поражение, помимо предательства лиц из высшего эшелона власти, было чисто информационное. Предубеждения, страх и ложь восторжествовали. Имиджу СССР был нанесен обманный, предательский удар - не спецслужбами США, хотя они свое дело

знали, а прежде всего российскими СМИ - целенаправленной клеветой на советский строй, историю и культуру Российского государства.

Между тем либеральные реформы привели к обрушению народного хозяйства, промышленности, ВПК, к нищете и вымиранию населения и порождению олигархов и так называемых «новых русских», которые явились на Западе как прожигатели жизни, туристы, как проститутки и бандиты, нанеся окончательный урон образу России.

Российские СМИ и «новые русские», эти мещане во дворянстве, и создали нынешний отрицательный имидж России. И эту самодеятельность, с одобрения правительства РФ, они продолжают, кривляясь и гримасничая, как дебилы, уже 20 лет. В эту убогую самодеятельность включен и российский кинематограф, с вывозом на международные фестивали фильмов, унижающих человеческое достоинство и достоинство страны: клевещут, предают свое отечество и ожидают за это наград. Таков ныне весь российский кинематограф, детище министерства культуры РФ.

Эти горестные раздумья лишь усилились у меня, когда я ознакомился с сообщениями от 24 марта 2010 года о круглом столе «Образы России: стереотипы, парадоксы и реальность», организованного институтом «Справедливый мир» в Москве. Приведу ряд высказываний.

Николай Левичев (руководитель фракции «Справедливая Россия» в Госдуме): «В двадцать первом веке понятие «русский» ассоциируется не с космосом, балетом, культурой, а со словом «Куршавель» и прочими ругательными словами».

Игорь Евдокимов (заместитель директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ): «Образ современной России за рубежом весьма противоречив, а зачастую, усилиями западных СМИ, негативен. Образ сильной России никому не нравится. Сейчас, когда страна набирает мощь, в том числе и военную, когда поднялись зарплаты, жить стало лучше и легче – это вызывает на Западе негативные оценки. Все происходящее подается как возвращение тоталитарного режима».

Здесь больше демагогии, чем оценка реальности. Какая мощь появилась у РФ? Если бы она была, в том, что она не нравится кому-то, ничего плохого нет, - это имидж отнюдь не унизительный, а положительный для нас.

Игорь Евдокимов: «Около полутора миллиардов долларов ежегодно тратит США на собственное информационное сопровождение. Из них около 900 миллионов по линии Госдепа. У нас же на эти цели выделяется менее полутора миллионов

долларов».

Чиновник просит денег. Пропагандистской машине США сегодня и миллиарды не помогают.

Михаил Старшинов (депутат Госдумы): «У малых народов есть некий элемент мобилизации, общности, который их объединяет. Возможно из-за небольшой численности. Русских много и у нас этого нет. Если мы начнем с уважения к себе внутри страны, тогда будет проще добиваться уважения за рубежом».

При чем в данном случае численность? А вот с уважением к себе внутри страны у нас из рук вон плохо. Ведь 20 лет поносим страну и друг друга, вставшие из гробов белые красных, перекрашивая историю Российского государства в черно-белый цвет, как авторы сериала «Исаев», для которых цивилизация начинается с Эстонии в ярком цвете. А «добиваться уважения за рубежом» - есть о чем думать достойному гражданину своей страны.

Михаил Старшинов: «Нужен орган, который отвечал бы за имидж России за рубежом. Но сначала необходимо сформулировать задачу, чего хотим. Сейчас наше общество в той стадии, когда ему необходима мобилизация. Нужно заниматься самоидентификацией, самосохранением, сохранением культуры».

Это верно. А как? Если история России на ТВ подается в кривом зеркале антисоветизма и магии?

Людмила Адилова (доктор политических наук, профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета): «У России нет своего проекта. Проекта формирования страны и гражданина».

У РФ, кроме антисоветизма на государственном уровне, нет идеологии, а из нацпроектов основной - приватизация и порождение олигархов, что обернулось невиданным ограблением и разрушением страны.

Людмила Адилова: «Отсутствие диалога между властью и народом, между партиями и политическими силами, отсутствие бытовой культуры. Нужно создавать образ внутри страны, а затем транслировать его вовне».

Некому создавать. СМИ заняты искажением образа России, правительство РФ разрушением устоев жизни, добрались до школы, с коммерциализацией образования.

Антеро Ээрола (корреспондент национальной радиовещательной компании Финляндии): «Кстати, в Европе финны хотят показать себя как специалистов по России. Но отношение простых людей к вашей стране часто равнодушное и даже негативное. Много исторического балласта. В Финляндии

продолжают думать, что Россия это Советский Союз, когда речь заходит о России, автоматически думают об СССР».

В принципе, это естественно. Россия - это Российская империя и СССР, исторически так сложилось. Именно у Советского Союза впечатляющая история, что запало в души всех народов Земли. Кем же надо быть, чтобы отказываться от великой истории своей страны? Предателями и ничтожествами, которые и втоптали в грязь светлый имидж России.

Антеро Ээрола: «Только 16% финнов думают, что Россия оказывает положительное влияние на политику в Европе. Но отношение финнов к НАТО и США тоже негативное. Так что не волнуйтесь, вы в хорошей компании».

РФ в одной компании с США лишь с подачи российских СМИ, все воюющих с СССР.

Антеро Ээрола: «Что Россия могла бы сделать для улучшения имиджа? Как Россия может стать крутой? Россия практически не развивает условия для въездного туризма. Однако имеет много преимуществ, которых нет у других стран. Богатая культура, например, Санкт-Петербург – один из самых красивейших городов мира. Богатая и разнообразная природа. Но крупнейший актив России – ее сочувствующий, теплый, гостеприимный народ. Русское гостеприимство. Но заявила ли Россия обо всем этом другим странам? Я так понимаю, что нет. Но со всем этим Россия может стать крутой».

Только у финна сохранилось то чувство, с которым мы жили еще недавно, светлый образ отчизны, который казался нам извечным и нетленным.

Максим Шевченко (член Общественной Палаты, автор программы «Судите сами»): «Мы единственная страна, в которой нет министерства национальной политики. Потому, что есть влиятельная общественная организация (?), которая блокирует принятие решения о создании такого министерства, полагая, что это нанесет вред их религиозным интересам».

Если представить, чем занимается министерство образования и науки, или культуры, пожалуй, лучше, что нет министерства национальной политики, которое, по мысли Максима Шевченко, займется экскурсами в историю и составлением общественного договора между народами, завоеванными некогда. А это известно, чем может закончиться. Что касается «сепаратизма» - это всего лишь этническая форма приватизации, что ведет к разъединению народов и этносов изнутри, в чем и заключается политика правительства РФ.

Максим Шевченко: «Я побывал на многих фуршетах элиты. С поросятами, осетрами, пирогами, пляшущими казаками и

Надеждой Бабкиной. Это не Россия. Это злобная и преступная пародия на мою страну».

Действительно, это же духовные банкроты собираются на тусовки. Таково по сути и российское телевидение - все каналы. И впрямь: «Это злобная и преступная пародия на мою страну».

Алексей Митрофанов (политолог): «Что будет в нас привлекательным? Нет идеи. Мы все говорим, что нужно выделить деньги, орган специальный создать. Но что дальше? Идеи то все равно нет. Мы сидим на огромных ресурсах и никого к ним не пускаем. Никого не пускаем, идей никаких не генерируем. И чего мы хотим? Идея национальная у нас одна – битва за кэш. Пенсионеры бьются за ЖКХ, политики за влияние, олигархи за корпорации. Все увлечены одной идеей на разном уровне. Это единственная национальная идея. Естественно, она приведет к распаду».

Разумеется, «битва за кэш» - не национальная идея, а для России - именно ее отсутствие. Ведь правительство РФ - Гайдара, Черномырдина, Путина - это команда во главе с Чубайсом (как идейным вдохновителем) по уничтожению «коммунизма», что есть всего лишь пропагандистское клише, а на самом деле России. И имидж РФ таков, какой необходим мировой закулисе, чтобы не дать ей подняться, а лучше исчезнуть, как СССР.

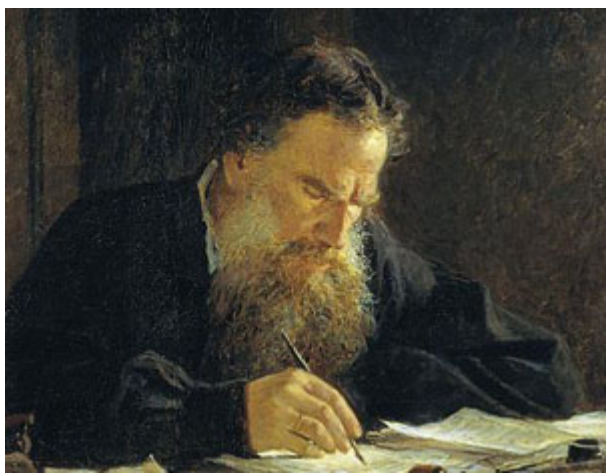
И над этим работают прежде всего российские СМИ, электронные в первую очередь, и российский кинематограф под эгидой министерства культуры РФ. Они уже создали устойчивый негативный образ России у населения, для многих невыносимый, и продолжают снабжать Запад отвратительными картинами типа «9 рота», «Эйфория», «12», «Остров», «Груз 200», «Царь» и т.д. Западная публика самодовольно взирает на эти натужные скоропелки, приученная фильмами ужасов ко всякого рода уродствам, режиссеры горды, их заметили, а нам стыдно за державу.

Государство продолжает разваливаться в условиях обогащения кучки олигархов и демагогов, у которых нет никаких идей, кроме жажды наживы. Правительство РФ озабочено воссозданием классового общества, в котором одни работают на других и все заняты на своем уровне потреблением, как любая из животных популяций. И это называется цивилизацией. Дегуманизация человеческого сообщества завершилась.

Порывы к звездам забыты. Высокий, нетленный образ России проступает лишь в ее ренессансной культуре и в небесах, в ее далях необъятных. Удивительная музыка заполняет мироздание. Ныне она звучит, как реквием.

Лев Толстой - экстремист или ренессансный гений?

Сообщают, как в наши дни суды в ходе антиэкстремистских процессов признали уже в трех случаях своим решением, что «писатель Толстой Лев Николаевич, мужчина 1828 г. рождения, русский, женатый, место прописки Ясная Поляна Щекинского р-на Тульской обл.», - экстремист.

Это что? Театр абсурда или современная реальность? Допускаю, какие-то люди могли ссылаться на высказывания Льва Толстого в подтверждение своих воззрений, но привлекать его к ответственности? Для этого судьям надобно отправиться в загробный мир или в прошлое, за сто лет, где ныне находят героев - Столыпина или Колчака, а Лев Толстой предстает как отлученный от церкви и преданный анафеме всемирно известный художник и мыслитель (решением церковного суда от 20 февраля 1901 года).

Более того. Оказывается, в нынешней России ведется целенаправленная кампания по дискредитации творчества Льва Толстого, как, впрочем, всего великого, что было в истории Российского государства. Величайшего из русских писателей обвиняют не просто в «экстремизме», а в предательстве - в связи с его интересом к иудаизму, к исламу, к буддизму, обвиняют мыслителя в широте и глубине его воззрений, не в силах постичь, что столь всеобъемлющий взгляд на явления природы, искусства

и мысли был свойственен гениальным мыслителям эпохи Возрождения в странах Европы и Востока, что мы наблюдаем и в России, поскольку эпоха Льва Толстого - от Пушкина до Чехова - золотая пора русской культуры. Гордиться бы, нет, глумятся. И кто?

Вот некий сотрудник Музея-заповедника «Ясная Поляна» Александр Плякин, как крот, выискал компромат в том, что писатель с его интересом к Библии принялся изучать древнееврейский язык, вчитывался в Талмуд с помощью еврея, вообще очень хорошо относился к евреям, как и к крестьянам, то есть ко всем угнетенным, к сектантам, к духоборам, что было свойственно русской интеллигенции.

В том, что писатель, свободный ум, нашел много несуразностей в церковных догмах и таинствах нет ничего удивительного и нового. Важнее то, что он желал верить и сохранил веру, только на свой лад. Подобная переоценка христианства в Европе произошла в эпоху Возрождения и Реформации, с поворотом к атеизму в век Просвещения и особенно в XIX веке. В русле этого гуманистического движения Лев Толстой как религиозный мыслитель не сказал ничего нового, кроме критики православной церкви, которая застыла в своем византийстве.

Винить в том, что Лев Толстой изучал древнееврейский язык, чтобы дойти самому до сути иудаизма и христианства, нелепо. Также поступал он в молодости, задумав писать роман «Война и мир»: он изучал древнегреческий язык, чтобы читать в оригинале «Илиаду», и в стиле его уникального произведения несомненно сказались гекзаметры Гомера, как и в его эстетике, словно из классической древности, в первоосновах которой природа, красота, разум и, можно добавить, гуманизм. (См. статью "*Классическая русская проза*").

«Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» вошли в сокровищницу мировой литературы и в течение XX века в условиях торжества модернизма служили ориентирами для всех сколько-нибудь крупных писателей Запада и Востока. Столетие со дня смерти величайшего из русских писателей отмечают во всем мире. Только в РФ, пишут на Западе с удивлением, одно упоминание имени Льва Толстого отдает политнекорректностью, а суды выносят обвинительные приговоры: «Экстремист».

Сотрудник Музея-заповедника «Ясная Поляна» Александр Плякин тоже произносит приговор: «Новым поколениям русских историков литературы, да и вообще культурным деятелям следует, помня исторические примеры, твердо знать: только та идея и культура может быть подлинно великой и плодотворной,

которая всеми корнями своими уходит в вечные христианские и национальные ценности. Те же, кто, отрываясь от родной почвы, идут в услужение дьяволу - заслуживают вечного позора и проклятия на земле. А от суда Божьего не дано уйти никому».

Что же делает этот Плякин в Ясной Поляне? Роется в библиотеке, в рукописях и злорадствует, находя дарственные надписи евреев на своих книгах. А там ведь есть книги и Чехова, и многих других писателей, независимо от национальности, относившихся к Льву Николаевичу с почтением и восхищением. А он вообразил, что именно изучение иудаизма отвратило писателя от православной церкви.

А как же с исламом? Еще пишут, что Лев Толстой в конце жизни принял ислам. Нет, он был и хотел остаться добрым христианином, а подверг критике, срывая все маски, как и создавал свои художественные произведения, обвешатлую церковность.

Если исключить жизнь и творчество Льва Толстого из русской культуры, что же останется? А ведь пытались исключить Пушкина за один его интерес к «афеизму» еще в пору возмужания его гения - ссылкой в деревню под надзор полиции и батюшек. А если Пушкин с увлечением читал «Коран» и писал стихи на его темы, что он магометанин? Он всего лишь ренессансный гений с его всемирной отзывчивостью.

Плякин иногда цитирует Льва Толстого без своих замечаний и тогда вырисовывается подлинная картина исканий мыслителя.

«Лев Николаевич предлагает верить только тому, что согласно с человеческим разумом и обожествляет последний, утверждая, «что в человеке живет божественный свет, сошедший с неба, и этот свет есть разум и что ему одному надо служить и в нем одном искать благо».

Это весьма общие мысли многих философов эпохи Возрождения в странах Европы.

«У Толстого можно встретить десятки определений Бога, но все они трудны для восприятия: «На вопрос, что такое Бог? я отвечаю так: Бог - это бесконечное, все, чего я сознаю себя частью. Бог для меня - это то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему состоит моя жизнь, и которое поэтому и есть для меня; но есть непременно такое, чего я понять, назвать не могу».

Что же тут трудного для восприятия?

«В какой-то мере неопределенность формулировок Льва Николаевича объясняет его следующее высказывание: «У евреев считается грехом называть имя бога. И они правы - Бог есть дух. А всякое имя - телесно, не духовно». Из многочисленных рассуждений и высказываний писателя можно заключить, что он

исповедует пантеизм, т.е. обожествляет природу и разум, а себя признает единосущным божеству».

Здесь мы узнаем определяющие черты ренессансного миросозерцания и гуманизма, к чему пришел Лев Толстой в его многотрудных поисках веры как мыслитель, но как художник обладал ими изначально и окончательно определился, изучая Гомера, с разработкой классического стиля в ходе работы над «Войной и миром», произведением столь же всеобъемлющим, как «Илиада».

Что и говорить, для нынешней власти, все устремления которой - услужение дьяволу, то есть золотому тельцу, что освящает РПЦ, Лев Толстой, как сто лет назад, неудобен и страшен. По-моему, экстремисты те, кто воюет с ним, сея межнациональную рознь и войну. Моськи лают на слона, на титана эпохи Возрождения в России. В сумерках ночи, в сумерках кладбищенской тишины. Скоро ли рассвет, когда мы воскликнем: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!»

40 лет - Птицы поют в одиночестве

Есть куда более важная дата - 140 лет со дня рождения Ленина, ныне всячески оклеветанного, но кто вспомнит о лжецах, последовавших прямехонько в Дантов Ад, через сто или тысячу лет? А о Ленине человечество не забудет, если у него есть будущее.

Игрою случая моя первая повесть «Птицы поют в одиночестве» была опубликована в апрельском номере нового тогда молодежного журнала «Аврора» (1970), посвященного столетию со дня рождения Ленина, судя по обложке, что могло меня скорее смутить, чем обрадовать. От официоза я был всегда далек, а моя повесть, начиная с ее названия, тем более. Тем не менее в редакции мне сказали, что она украшение номера.

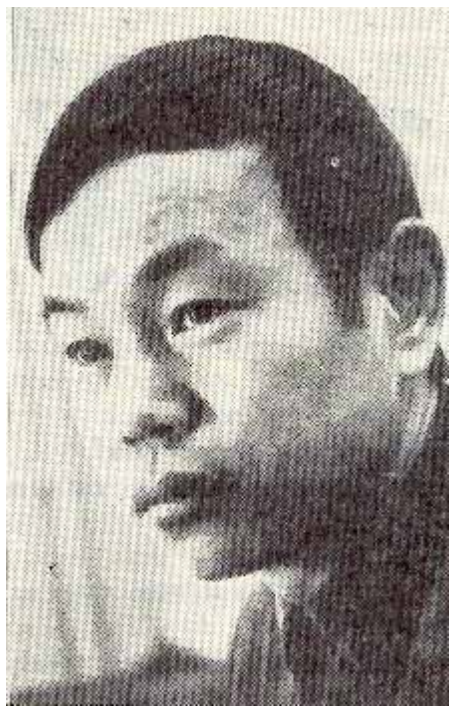
К моему смущению, первая публикация привлекла внимание читателей и критиков. Я по сей день слышу слова одобрения в отношении «Птиц...», нередко за счет всего, что я сделал впоследствии. И вот именно с 140-летием со дня рождения Ленина я вдруг догадался, что первой моей повести 40 лет. Целая жизнь! И две эпохи: одна мирная, светлая, жизнеутверждающая, а другая - бардак, беспредел. Но жизнь, какая ни есть, продолжается - не в пределах великого государства, а усеченной и разграбленной РФ, с угрозой ее распада.

Вчера я выбрался на прогулку, по Невскому проспекту через Фонтанку, со знакомыми с детства видами налево и направо вдоль реки, почти до Невы и Летнего сада; мимо Аничкова дворца, театра постройки Росси, мимо Публичной библиотеки, Гостиного двора, Казанского собора, здесь я вступал в места, где жил три года школьником в общежитии по Большой Конюшенной и бегал через Невский и вдоль Мойки на занятия...

Я вышел к Адмиралтейству и через сад прошел мимо Исаакия

к Медному всаднику и к Неве со зданиями Университета на той стороне... Город моей юности и постоянных прогулок, когда в университетские годы и позже мы жили в доме по Шпалерной, в двух шагах от Таврического сада. Именно в эту пору были написаны и опубликованы «*Птицы поют в одиночестве*».

Возвращался я снова по Невскому, поглядывая вокруг, как всегда, видя каждого и всех. Лица узнаваемые, - вообще природных типов лиц, независимо от этнических особенностей, немного, определенные типы лиц я узнаю с детства, и, как тогда, в пору моей юности и молодости, ныне следуют мне навстречу и мимо все новые поколения, нередко очень знакомые, будто из моей юности, и с ними я снова юн, пусть я для них старец, но лет моих нет, как у Гомера в сфере песнопений.

Отошедшая эпоха смыкается с настоящим днем, и слова моего героя словно сегодня звучат:

«Я вышел на Невском и пошел пешком, я шел и смотрел на людей. С каждым прохожим и со всеми на улице я был чем-то связан: кто-то мне очень нравился, а кто-то мне был гадок, и мое настроение колебалось, как свет и тени на воде. Был уже глубокий вечер, но улица, фонари, машины, стены домов сияли, словно погруженные в светлую воду.

Я видел множество молодых хорошеньких женщин, и они

сегодня, сейчас мне нравились, и я думал о каждой и о всех вместе с нежностью и грустью. И мне казалось, что и они смотрят на меня с нежностью и грустью, пока идут навстречу, а там идут навстречу другие, и так без конца.

Мы отлично одеты, нам по семнадцать-двадцать семь лет, у нас есть все: и друзья, и человек, которого мы любим и мучаем, - нам хорошо! Это правда! Вот откуда эта спокойная уверенность, милая вежливость, и нежность, и важность, и тайная грусть, и вечная юность, потому что пройди я здесь и через сто лет - все так же будут идти люди непрерывным праздничным потоком...»

Да будет Россия в яви и в вечности!

О межэтнических конфликтах

Из публикаций в интернете узнал об откровениях В.Путина на заседании Госсовета. Он с недоумением заявил: «Конечно, нам должно быть стыдно за то, <что> сейчас происходит. Советской власти, например, удалось в своё время создать обстановку межэтнического мира. Вот мы с Дмитрием Анатольевичем оба родились и выросли в Ленинграде. И я вот не помню, чтобы в Ленинграде были проявления национализма. Да и в других городах тоже... Придумали даже некую общность - советский народ! А сейчас у нас нет такого. Мы говорим «россияне», «российский народ». Но это не то!»

Поразительно! А ведь нынешние президент и премьер РФ не только родились и выросли в Ленинграде. Они учились в школе, закончили Ленинградский университет, где учился и я, представитель малой народности с Дальнего Востока. Неудивительно, что Путин и Медведев, видимо, русские по национальности, не встречались с «проявлениями национализма». Откуда? С чьей стороны? Если кто приезжал из союзных республик или стран народной демократии в Ленинград или в Москву, приезжал учиться, а не подрабатывать на задворках, как ныне, вовлекаясь в банды.

Могу засвидетельствовать: проявлений не только вражды, а даже межэтнической неприязни я не замечал, скорее интерес, любопытство, дружелюбие к моей иноплеменной внешности, что у меня даже вызывало досаду, но чаще, конечно, благодарное чувство. Положение стало меняться, когда в Китае разразилась «культурная революция» и начались осложнения на границе. Меня стали принимать за «китайца» и косо поглядывать, не более, но и это вызывало досаду, только на Мао.

По сравнению с ситуацией в РФ – небо и земля, если метафорически, Рай и Ад. И кто же несет прямую ответственность за нынешнее состояние в РФ в межнациональных отношениях, как и во всем том беспределе, что ныне происходит в нашей стране? Прежде всего Путин, который уже целый век во власти. Неужели он не в курсе, что ситуация в межнациональных отношениях с распадом СССР в РФ постоянно ухудшалась, как и во всем, как в той же станице Кущевской? Чем он занят? Обогащением олигархов, которым выгодна вражда между народами?

Бывший президент, ныне премьер РФ, не знает, что у РФ нет государственной идеологии, от нее отказались, как от советской,

в которой прямо постулировались равноправие и дружба народов. Поэтому ни Путин, ни Медведев не помнят о проявлениях национализма в Ленинграде и в других городах СССР. Путин лишь припомнил: «Придумали даже некую общность – советский народ!»

Видите ли, придумали! «А сейчас у нас нет такого». Ну и язык и уровень мышления у премьера РФ. Действительно, теперь нет «советского народа», либерал-реформаторы потрудились, нет единства народов России, как единства народов СССР. У многонациональной страны нет идеологии, духовной основы единства народов РФ, российские СМИ уже 20 лет откровенно глумятся над «советским народом», победителем фашизма.

«Мы говорим «россияне», «российский народ». Но это не то!» Что дальше сказал Путин, не знаю, но вряд ли что-нибудь вразумительное. В смысле слов «россияне», «российский народ» - отчего же «Но это не то!»? Как же называть граждан РФ? По этнической принадлежности? Французы, американцы признают себя нацией, помимо этнических особенностей, а русской (или российской) нации нет? Не было русского народа как носительницы национальной культуры, то есть русской (или российской) нации, что позже получило название «советский народ»?

Может ли существовать РФ без идеологии?

Да, конечно. Еще недавно масса зависимых стран в Африке и в Латинской Америке пребывала под диктатом имперских амбиций стран Европы и США. Ныне многие из них обрели независимость в то время, как Россия с распадом СССР оказалась в третьем мире по жизненно-важным для населения показателям.

Причины известны: разграбление страны, как в колониальные времена, с вывозом капитала, и катастрофическое вымирание населения при трогательном участии всех конфессий, с новым обращением точь-в-точь, как в те же колониальные времена.

Пусть церковь и патриарх всея Руси не твердят о нравственности. Все это безнравственно и особенно безнравственно потому, что это делается на государственном уровне, да не в угоду новоявленным олигархам только, а в интересах прежде всего США, как это произошло с разрушением СССР.

РФ существует с тех пор без идеологии, сколько-нибудь связанной с ее национальной культурой, которая сформировалась, в отличие от этнической культуры народностей и народов России, в последние три столетия, ныне осознанных как *эпоха Русского Ренессанса.*

После двух десятилетий распада и разграбления страны под знаком «свободы», «демократии», «рынка», символов имперских амбиций стран Европы и США по отношению к третьему миру, президент страны Медведев заговорил о модернизации, признав, что «советское наследство» разграблено, разрушено и вконец обветшало. Даже прокричал лозунг: «Вперед, Россия!»

Куда вперед? Из третьего мира - в капитализм? В капитализм XVII-XIX веков? Или в капитализм развитых стран, который уже во многом заключает в себе черты социализма, по необходимости перенятые у СССР? Не дико ли РФ, преемнице СССР и РСФСР, все начинать сначала, с колониальных времен, по подсказке спецслужб Запада, в угоду им?

Лидеры партии «Единая Россия» настроены именно на ценности колониальных времен: во главу угла ставится миссионерская деятельность церкви и приобщение к цивилизации развитых стран, цель - «суверенная демократия» и «рынок» для успешной разработки природных ресурсов страны в интересах

Запада.

Это они называют консерватизмом, хотя «Единая Россия» - это партия либеральных реформ, столь разрушительных для РФ. Правда, под консерватизмом они подразумевают еще и отрицание революционных форм борьбы за свободу и независимость страны. Революции они боятся, как огня, и ясно почему. Также они ориентируются на консервативные силы и умы царской России, включая сюда и белое движение, потерпевших крах в условиях Революции. В чем тут прелесть консерватизма - трудно понять.

А по существу Медведев, как до него Путин, наследники Горбачева и Ельцина, владеет лишь инструкциями спецслужб по разрушению СССР, в основе которых ставка на сталинские репрессии. Эта тема стала идеологией российских СМИ. В недавнем выступлении Медведев начал новый тур антисоветской пропаганды, возведя тем самым антисоветизм в ранг государственной идеологии РФ.

«Два года назад социологи провели опрос, - сказал он, - почти 90 процентов наших граждан, молодых граждан в возрасте от 18 до 24 лет, не смогли даже назвать фамилии известных людей, которые пострадали или погибли в те годы от репрессий. И это, конечно, не может не тревожить».

Еще бы! Антисоветчина российских СМИ уже не срабатывает. На устах у большинства населения страны, включая молодежь, снова Сталин. Вот Медведев и счел необходимым выступить на затасканную давно в СМИ тему «сталинских репрессий». Но как он это делает?

«Невозможно представить себе размах террора, от которого пострадали все народы страны. Его пик пришёлся на 1937–1938 годы».

«На протяжении двадцати предвоенных лет уничтожались целые слои и сословия нашего народа».

««Волгой народного горя» называл Александр Солженицын бесконечный «поток» репрессированных в то время».

В статье Сергея Черняховского «Медведев и репрессии. Судьба президента» (2009-11-11), откуда взяты эти цитаты, дается аргументированный комментарий высказываниям президента, который выступил как школяр по шпаргалке, приготовленной еще в студенческие годы.

Ныне, казалось бы, можно быть более точным в оценке событий прошлого, но президент повторяет пропагандистские клише того же Солженицына, поскольку ему нет дела до истории страны. Он встревожен за свою судьбу и всей камарильи из олигархов и демагогов.

Антисоветизм - это отрицание истории страны, великой,

богатой свершениями, под предлогом гонений и репрессий, и это в условиях вымирания населения в течение двух десятилетий, - ясно, по поговорке «На воре шапка горит!», - это вдвойне безнравственно.

И в это же время Медведев объявляет о модернизации, отказываясь от советского (тех же 30-х годов, с широчайшей культурной революцией) и китайского пути развития? Какой же он выбрал путь? Практически - лишь антисоветизм, ныне это антируссизм. То есть путь разрушения РФ. Ибо кто думает о модернизации всерьез, без опыта СССР и КНР не обойтись.

В этом опыте много отрицательного, но больше положительного, продуктивного для нового прорыва России в будущее. И это касается не организации и не технологий, ныне они иные, а прежде всего идеологии, которая поднимает народы на невиданные свершения.

Ставка на рынок и частный бизнес, да под флагом антисоветизма, не сработала. Ставка на рынок и частный бизнес под флагом консерватизма, умонастроение реакционеров дореволюционной России, включая царскую власть и церковь, неужели сработает?

Мы видели, как сработало - в точности наоборот. В XXI веке будет иначе? Вряд ли. Россия, разграбленная случайными властителями, с порождением олигархов, Россия униженная не примет участи, предназначенной ей мировой закулисой. Лидеры «Единой России» совершили стратегическую ошибку (или просто поступили как зомби), заговорив о консерватизме (какие же они консерваторы, судя по российским СМИ?!), вместо социализма, за которым будущее человечества, если оно у него есть.

Государственным деятелям (если они таковы) в кризисных, катастрофических условиях, в каких пребывает страна, следовало бы проявить прагматизм, хотя бы в той же степени, как Миронов с его «Справедливой Россией» социал-демократического толка. В XXI веке модернизация, сколько-нибудь плодотворная, может быть основана лишь на идее социализма. Для РФ идея социализма особенно важна по многим причинам и естественна. Россия для всего мира - родина социализма.

Вопрос, как идея социализма претворялась в СССР, - о том отдельно, и здесь много клеветы и зауми. Проблема в том, как освободиться от вируса антисоветизма, этой эпидемии чумы XX века, ввергшей народы во вторую мировую войну, а затем в холодную, и эта война привела к распаду СССР, а теперь ведет к распаду РФ. Обретение своей собственной идеологии для РФ - это вопрос жизни и смерти.

Вот уже 20 лет РФ пребывает в состоянии шока и комы, с

вымиранием населения до миллиона в год, вопреки всем природным и социальным законам. Случай небывалый в истории человечества. А юрист Медведев произносит речи о «преступлениях Сталина», встревоженный тем, что это мало интересует вымирающее сегодня население РФ. И президенту вторит патриарх всея Руси. А народы в условиях пира во время чумы в жажде веры следуют за этими пастырями в бездну распада и смерти.

Как возродить русскую нацию?

Это одна из поисковых фраз, которая пришла в дни, когда в интернете активно обсуждалась тема о неосталинизме и антисталинизме, суть которых далеко не столь ясна, как представляется противникам. И они тонут в вязком болоте лжи и клеветы, а в выигрыше остаются недруги и враги России.

Появилась даже странная тенденция: связывать «неосталинизм» с поползновениями нынешней власти использовать в собственных интересах символы СССР и Победу советского народа в Великой Отечественной войне, мягко говоря, ложная тендеция. Путин с Медведевым откровенно проповедуют антисталинизм, то есть носятся, как зомби, с клише антикоммунизма и антисоветизма вне исторических реалий.

Неосталинизм - это умонастроение большей части населения РФ, что удивляет и пугает Медведева: вместо анализа общественной ситуации, он напоминает о «преступлениях Сталина», забывая о великом опыте модернизации в СССР, когда страна за три десятилетия, вопреки тяготам войн и разрухи, поднялась до супердержавы. Эти звездные часы в истории СССР, связанные с именем Сталина, и сохранила народная память, и она обрела в последние два десятилетия распада великого государства и величайшей разрухи особую актуальность.

Здесь дело отнюдь не сводится к «сильной руке», к харизме «вождя народов», Сталин вовсе не производит впечатления привлекательной личности, скорее наоборот, но он стоял во главе государства в решающие десятилетия в его истории, с триумфами

в строительстве нового мира в условиях культурной революции, с Победой в Великой Отечественной войне, с восстановлением народного хозяйства в кратчайшие сроки, с закладкой основ могущества на десятилетия вперед.

Народная память хранит историю страны и о репрессиях при Сталине, но это не самое страшное, что бывает в жизни, и это в прошлом. Неосталинизм - это и память о социализме, о порядке в стране, без нынешнего разгула преступности, коррупции, проституции, наркомании, беспризорности детей, бездомности; память хранит о бесплатном образовании и здравоохранении в условиях их коммерциализации; память хранит о престиже великой державы, о престиже знания, науки и культуры, о естественном престиже нравственного образа жизни без ссылок на религии.

В народной памяти меньше всего всплывают всякого рода «измы», что занимало какую-то часть интеллигенции, которая приспосабливалась в целях карьеры и успеха, а в подходящий момент сбросила личину правоверных; эти перевертыши и совершили антикоммунистическую, более того, криминальную контрреволюцию, вместо назревших реформ, что привело к обогащению кучки олигархов и властных структур снизу до верха, с разрушением устоев жизни и государства.

Неосталинизм - это надежда на новый прорыв в жизнестроительстве, хотя бы в той же мере, как в Китае, что вовсе не предполагает возврат в прошлое, возвращение Сталина, что абсурдно, но именно эту абсурдную ситуацию разыгрывают антисталинисты, мол, снова начнутся репрессии, у страха глаза велики, им бы не хотелось жить при Сталине, несут всякую чушь, поднимая число репрессированных до космических размеров.

Они боятся не Сталина, а возрождения социализма, торжества правды и справедливости, когда с обогащением одних за счет других, с тотальной преступностью и коррупцией будет покончено, а кучка олигархов и демагогов (властной элиты) окажется на скамье подсудимых. Они боятся возмездия за разрушение страны и вымирание населения.

Антисталинизм Путина и Медведева и всей камарильи, присосавшейся к народному достоянию, на поверку оказывается фашизмом и рассизмом в отношении народов СССР и РФ. Здесь истоки бедствий народов за последние 20 лет, с восстановлением классов: воры объявили себя сливками общества, а народ назвали быдлом. Между тем разрушение РФ продолжается, соответственно и борьба с тенью Сталина. Неоантисталинизм - это идеология перевертышей. Им однажды удалось обмануть народ устрашающими россказнями о «преступлениях Сталина», а

время идет, 20 лет «либеральных реформ» обернулись уничтожением промышленности, науки, образования, здравоохранения и неслыханным ростом преступности, коррупции, наркомании, проституции, вымирания населения, что не идет в никакое сравнение с «репрессиями» и «голодом» при Сталине и что тем не менее не вызывает у них осуждения. И при чем тут Сталин?

Неоантисталинисты воюют с народом, который обрел свободу и равные права, без деления людей на классы, на богатых и бедных, они хотят, чтобы народ служил им, кучке богатеньких, они - воры и предатели - почитают себя высшей расой, - вот ради самоутверждения и поносят Сталина, а заодно и весь русский народ, мол, он такой-сякой, ленив и пьяница, не хочет работать на господ.

Что говорить о Сталине? Он всего лишь один из вождей партии и народа, а создателем СССР был Ленин. Сталин наломал дров лишь там, где отклонялся от линии Ленина. Неоантисталинисты ненавидят его еще больше, тем более их ложь и клевета на гениального мыслителя и государственного деятеля сходит, как шелуха.

Крестьяне спрашивали у Есенина о Ленине, он отвечал: «Ленин - это вы!» Именно крестьяне совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и защитили ее в войне с теми, кто смотрел на них, как на рабов. Между тем крестьяне в России, несмотря на крепостное право и малоземелье, даже именно преодолевая эти препятствия, тянулись к ремеслу и культуре, и из их среды стали выходить Ломоносовы и Рокотовы, Чеховы и Есенины, песенная культура народа явилась основой развития новой русской музыки и лирики, что ныне мы осознаем как эпоху Возрождения в России с начала преобразований царя-реформатора.

Три века Ренессанса в России - это время сформирования русской национальной культуры и русской нации, что после революции, в условиях социалистического строительства, стали осознаваться как советская культура и советский народ.. Это были и есть русская национальная культура и русская нация, помимо этнических культур и конфессий народов или заодно, как у русского народа.

Отказ от советской идеологии и культуры с началом «либеральных реформ», что оказалось на самом деле криминальным контрреволюционным переворотом, обернулся отказом от русской национальной культуры, выработанной за три столетия Ренессанса в России, явился по сути самоубийственным выбором русской нации. Советская идеология и культура - это

всего лишь светская русская национальная идеология и культура, марксизм-ленинизм, как и все гуманитарные дисциплины, естественные науки и т.п., выделял лишь известные доминанты, исторически конкретные, сугубо догматические или позитивные.

С предательством элиты, в условиях самой разнузданной лжи и клеветы, русская нация лишилась самоидентификации - великой, гуманистической, светской, интеллектуальной, нравственной, героической, общественно ориентированной нации, самой передовой в мире. Она распалась, замыкаясь в пределах этнических культур и конфессий. Русская нация потеряла лицо, отвернувшись от своей великой истории и культуры всемирно исторического значения.

Как возродить русскую нацию? История ее сформирования последние три столетия в условиях Ренессанса в России подсказывает пути ее самосознания и самоутверждения, с опорой на национальную культуру, прежде всего на классическую русскую литературу и новый гуманизм, с решительным отказом от либерализма, столь чуждого и разрушительного для русской цивилизации и культуры, совершившей скачок в будущее в XX веке. Полет был прерван, что обернулось падением и катастрофой.

Контрреволюция, тем более криминальная, как в РФ, не бывает ни продолжительной, ни продуктивной, ибо она лишь усиливает кризисные явления во всех сферах государственного устройства и общественной жизни, что мы воочию наблюдаем последние 20 лет. Это национальная катастрофа. Дальше некуда. Угроза распада и гибели России должна объединить русскую нацию и возродить ее, как бывало не раз. Силы, обрушившие великое государство, должны быть сметены.

Прежде всего необходимо осознать, почему произошел распад СССР и, вместо возрождения России, мы наблюдаем ее гибель? Здесь и победа, и сокрушительное поражение идей свободы и демократии западного типа вкупе с религией и консервативной идеологией царских времен, идей вчерашнего дня в отношении русской национальной культуры с ее новым гуманизмом, исторически вызревшими как социалистическая идея и социалистический проект. Точка возврата была пройдена.

Насильственный возврат обернулся криминальной контрреволюцией, с неслыханным разграблением страны и разрушением всех устоев жизни и культуры. Идеология ее известна: антисоветизм, антисталинизм, - по сути, отрицание Великой Октябрьской социалистической революции и опыта социалистической модернизации. Это столбовая дорога развития человеческой цивилизации, на которую мы вышли первыми, а

ныне свернули назад, на обочину, на задворки мировой культуры.

Зачем? С какой целью? Только ради личного обогащения? Для создания нового правящего класса из воров? А с ними Россия, даже процветающая, обречена на распад и бесконечные войны. У России нет будущего без реставрации советского строя, без обретения своей великой истории и культуры, определявшими развитие человеческой цивилизации в XX веке. Реставрация советского строя, разумеется, на новых началах, с учетом всех достижений и ошибок, это и будет всесторонней, всеобъемлющей модернизацией в XXI веке.

Реставрация Советской России, с русской национальной культурой с ее всемирной отзывчивостью, в условиях мирового кризиса, который будет лишь усиливаться, возбудит надежды у народов Земли на лучшее будущее у человечества. Русская нация - молодая нация, вышедшая на арену мировой истории всего три века тому назад, не успевшая даже осознать в условиях освободительного движения, что ее устремления и достижения во всех видах искусства - это Ренессанс, с сформированием нового гуманизма, что нашло реальное воплощение в социалистическом проекте.

Молодая нация переболела еще одной болезнью - либерализмом, обернувшимся похуже чумы, с катастрофическим вымиранием населения и вырождением. Возрождение русской нации возможно в течение двух поколений - с началом процесса реставрации и модернизации, как произошло и в 20-30-е годы, в условиях всесторонней и всеобъемлющей культурной революции, какой не знала история.

Сегодня, несмотря на величайшую разруху, у нас еще есть задел для рывка, для прорыва в будущее. Нужны новые национальные лидеры, вместо Путина и Медведева, доведших РФ до ее нынешнего жалкого состояния, русская нация вправе отвернуться от них с презрением и негодованием - ради самосохранения и спасения России.

Необходимо трезво отдать отчет: спасение России не в православии, не в монархии, все это ныне пропитано бациллами либерализма, не в марксизме, не в сталинизме, а в идеологии Русского Ренессанса, с обретением себя русской нацией как последней ренессансной нации, открывшей новые пути в истории человечества.

Пусть жертвы Революции, Гражданской войны, строительства нового мира и репрессий, Великой Отечественной войны и криминальной контрреволюции - трагические вехи великой эпохи и ее заката - будут не напрасны. Точка возврата пройдена. Назад - это бездна небытия. Возрождение, как утро, обращено в отверстые

небеса дня. «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Тайные знаки

I

По каналу ТВ3 с некоторых пор весьма интенсивно, с постоянными повторами, показывают, можно сказать, документально-художественный сериал о мистических явлениях как мест, так и жизни, а также в жизни известных людей. Экспертами выступают шаманы, маги, экстрасенсы, астрологи, историки и т.п. Вообще к мистике я отношусь скептически, кроме сферы, в которой она смыкается с поэзией.

Ряд передач в историческом плане не могли не вызвать у меня интереса, и тут я заметил, что фильмы сделаны, хотя и простыми приемами, хорошо, предельно лаконично и без явных идеологических пристрастий, чем грешит до невероятия историческая документалистика. Мистика подается средствами кинематографа скорее в сугубо поэтическом плане, как она проступает в произведениях искусства, что большая новость.

Ни пересказом, ни критикой я не собираюсь заниматься, хотя не воздержусь от отдельных замечаний. Просто мне как зрителю интересны те или иные события или судьбы, независимо от тайных знаков и мистики, сферы, где все предположительно и очень часто спорно, что касается объяснений духовидцев. Вообще проблема пророчеств составляет загадку. Что такое ясновидение? Где и как проступают будущие события?

Быть может, это всего лишь фантазии мага, своего рода сны, как и всякое творчество, особенно чисто поэтическое, что вдруг находит подтверждение в жизни, - из сотен и тысяч видений одно проступает как реальное событие, и оно-то становится известно как пророчество?

Во всяком деле человек обретает навыки, достигает мастерства, как в живописи, во всех видах искусства и ремесла, и во всякого рода мошенничестве, может быть, не столь преднамеренном, как у воров, у шулеров, но карты, к примеру, служат средством и честной игры, и обмана, и для предсказаний, как и созвездия, и планеты, как и внутренности животного и т.д. и т.п. Но из миллионов и миллионов предсказаний известны лишь десятки и сотни из тех, какие сбылись в точности или словно бы сбылись, - здесь многое зависит от интерпретации, чем занимаются новые поколения магов, шулеров, авгуров.

Итак, можно ли предсказать события? С известной долей вероятности безусловно «Да». Но мистика ли это? Возможность какого-либо события, предчувствие желанного или нежеланного

события, что постоянно проступает в жизни каждого человека и что можно воспринимать мистически или чисто психологически, даже житейски, - есть ли здесь ясновидение, пусть не на уровне профессионалов? Вероятно, да. Возможно, нет.

Император Павел I, считается, был мистиком и даже ясновидящим. Страх за свою жизнь у него был, по известным причинам, с детства, станешь тут мистиком; предчувствие заговора и покушения у него усилилось до крайности с воцарением, что тоже в высшей степени естественно в его положении, с его характером, с его мистицизмом. Он принял, казалось бы, самые решительные меры со строительством дворца-крепости, но не удалил из своего окружения тех, от кого он мог ждать заговора и покушения.

Фантазия, которая укоренилась в его голове с детских лет, обретает реальность в его глазах, но он ничего не предпринимает. Почему? Хотя и мистик, он не верил до конца своей фантазии, своему предчувствию, как и бывает в жизни, пока к нему не вошли заговорщики. Свершилось! Фантазии Павла I и лиц, причастных к его судьбе, сбылись с поразительной точностью. А если бы не сбылись? Выстроилась бы иная линия и цепь предостережений и событий, может статься, без мистических совпадений, ну, как у императора Петра III.

Также дело обстоит, вероятно, и с пророческим письмом Павла I о судьбе династии Романовых. Еще вопрос, было ли оно написано им? Русский император в роли Нострадамуса? Царь в предчувствии своего скорого конца пророчествует о гибели династии. Психологическая подоплека отдает тонким расчетом министра внутренних дел, у которого оказались два варианта письма. Династии Романовых править 300 лет и 3 года. Это кажется уж слишком выисканным случайно. Авось - не дай Бог! А вышло 300 лет и 4 года. Значит, пророчество сбылось не совсем точно, да и все содержание письма - оба варианта - носилось в воздухе на рубеже XIX-XX веков. Или это умонастроение ожидания катастроф провидел Павел I за сто лет вперед, пребывая сам в таком состоянии? Психологически это вполне объяснимо - без мистики ясновидения.

Следует заметить, явления необъяснимые, известные примеры «прямого знания», инсайт, - еще не мистика; мистика - это умонастроение, мироощущение, мировосприятие особой тональности и избирательности, связанные, как правило, с ритуалом и обрядом, духовная, религиозная, потусторонняя и т.п. сфера, которая реальнее действительности для посвященных или просто соответственно настроенных. Мистика связана с эротикой, преодоление которой может принести просветление, что

происходило, вероятно, со святыми, но может быть густо настоена на эротике, вплоть до ее грубых проявлений, что демонстрировал иногда Распутин.

Болезнь и смерть Александра III странным образом повлекли поспешные действия у трона и гроба - срочный вызов в Россию принцессы Алисы, встреченной весьма прохладно в царской семье, когда она приезжала на смотрины; тотчас перемена веры при ее набожности и подготовка свадьбы одновременно с похоронами и т.п. Положим, болезнь настигла царя внезапно, но цесаревич Николай был уже давно готов к женитьбе по возрасту, а также - об этом ныне много и трогательно пишут - был влюблен в Алису, как она в него, а ему приходилось коротать время с балериной, да его не готовили к управлению государством, - и вдруг все изменилось.

Уже не было времени искать более подходящую невесту для наследника престола, да и последнего, более достойного, искать поздно. У умирающего царя уже нет воли противодействовать интригам у трона. Все козыри у великого князя Сергея Александровича и у ее жены Елизаветы Федоровны, сестры Алисы, которые и свели ее с Николаем. Все это самые обычные интриги при всех дворах. Цесаревич Николай и принцесса Алиса влюбились? Это тоже естественно, тем более при простоте наследника русского престола и при честолюбивых помыслах принцессы Гесенской, поначалу, может быть, всего лишь в невольном соперничестве с сестрой.

Есть косвенные сведения, будто бы Николаю, если он так хочет жениться по любви, предлагали не претендовать на престол. Но он был упрям: хотел жениться по любви и взойти на трон по праву. Александр III не успел распорядиться по своему усмотрению судьбой сына и умер, уповая на Бога. Проблема заключалась в тайном знаке, которым была отмечена семья принцессы Гесенской и она сама: дочери рождались здоровые, сыновья - с гемофилией. Здесь тайны не было, хотя и ясности, как сегодня, не было, когда Александра Федоровна рожала все дочерей, - природа не любит ошибок, - а ей нужно было родить сына, наследника престола.

Природу обмануть удалось с помощью молитв и обращений к мощам Серафима Саровского, но мистическая экзальтация не преодолела врожденной гемофилии. Тем не менее у Александры Федоровны появился козырь: ее сын наследник престола, - а то, что он болен, это ничего не значит, она будет регентшей или сама править Российской империей. Хотя принцесса Алиса воспитывалась при английском дворе, она слышать не хотела о конституционной монархии. Как она уверовала в мощи Серафима

Саровского, уверовала она и в Распутина. Мистика сгустилась в царской семье до абсурда.

Но не мистика правит миром, она лишь предугадывает несчастия, в какие погружаются мистически настроенные персонажи, теряя связь с действительностью, и гибнущие неминуемо, что, впрочем, произошло бы и без мистического тумана и предсказаний, вопреки всем молитвам и оберегам. Кровавую судьбу бывшей царской семьи прежде всего вызвал Колчак, чиня кровавые расправы по всей Сибири, - приближение его армии к Екатеринбургу и предопределило конец династии, обычный финал дворцовых переворотов всех времен и народов и революций.

II

Фильм об обереге Петра I, к сожалению, в его исторической линии полон неточностей и недомолвок. Свести судьбу царя-реформатора, соответственно судьбу России, к заговоренной иконе и утрате ее - это отдает мистикой монахов, которая не могла никак повлиять на ход великих преобразований, но прямо повлияла на судьбу несчастного царевича Алексея.

Утверждать, что последний сын царя Алексея Михайловича никак не мог претендовать на трон, нельзя. Поскольку в царской семье рождались дочери здоровыми, а сыновья хворыми, после смерти жены Алексей Михайлович женился на молодой Нарышкиной, здоровой и, кстати, образованной - с целью родить здорового сына-наследника, что и случилось. Младший сын, здоровый и смышленый, рос как прямой наследник. Это было для всех ясно.

Петру было четыре года, когда скончался Алексей Михайлович. Был объявлен царем Федор, совершенно больной, и «процарствовал» шесть лет. Когда он скончался, всем здравым людям у трона и народу, который собрался на площади в Кремле у красного крыльца, было ясно, что царем должен стать не хворый Иоанн, а младший его брат. Патриарх Иоаким поддержал народ. Так Петр десяти лет был объявлен царем, но Милославские, более опытные в дворцовых интригах, с помощью стрельцов, оттеснили Нарышкиных и возвели на трон больного, подслеповатого Иоанна наравне с Петром, а Россией стала править Софья. Была резня на глазах юного Петра у красного крыльца, вот откуда у него тик, искажавший изредка его прекрасное смолоду лицо гримасами.

Софья правила от имени двух своих братьев царей, ясное дело, видя угрозу ее власти в Петре, - с сирым Иоанном она могла делать, что хотела. Отсюда стрелецкие бунты, первоначально спровоцированные Софьей, а затем приверженцами старины. Юного царя пытались отравить и даже убить. Он чудом спасся. Оберег - икона с изображением апостола Петра - подарок матери - спасал юного царя, можно верить. Но, подавив стрелецкий бунт, уже непосредственно против него, заключив Софью в монастырь, Петр взял свою судьбу и судьбу России в свои руки.

Он уже хорошо представлял ход истории, как в Древней Греции зародились ремесла, искусства и науки, и как они вновь расцвели в странах Западной Европы, вплоть до Польши, но нераденьем наших предков были воспрепятствованы их

распространению в России, и целью своего царствования он и поставил выправить это положение, а не просто «открыть окно в Европу», как и поныне повторяют метафору поэта.

Великое посольство - это школа, как Петр и Северную войну, которая длилась 21 год, называл школой. Говорят, выехав за границу, Петр прежде всего обучился магии и даже стал масоном, но это в ряду всех его школ, вплоть до посещения анатомического театра впоследствии в Париже, он овладел почти всеми основными ремеслами, став универсальным мастером, какого и среди титанов эпохи Возрождения в Италии не сыскать. Он всем интересовался - и эмбрионами-уродцами, не говоря об искусствах, об устройстве государств, продумав или увидев, как провидцы, в яви грандиозную программу преобразований, что и начал осуществлять в условиях войны со шведами.

А стрельцы все бунтуют. Говорят о невероятной жестокости царя. Говорят, Петр потерял свой оберег, и в его душу проник дьявол, вот он рубил топором головы стрельцам и бороды боярам. В церковь не ходил... Это не так, царь Петр всегда соблюдал религиозные обряды, по праздникам сам пел вместе с певчими, но церковь как бы отделил от государства, поскольку она чинила препятствия преобразованиям. В празднествах, в карнавальных шествиях он мог посмеяться и над церковными обрядами - вполне в духе эпохи Возрождения в странах Европы.

Говорят, с утратой оберега царь Петр переменился, с вселением в его душу дьявола, который и толкал его к великим преобразованиям; затем, к концу жизни, икона, разбитая надвое, нашлась, но не спасла его и не спасла его душу. Вот здесь мистика, как и религиозная мистика, претендующая на истину.

Создатель Града святого Петра на земле прощен им. Так думал Ломоносов; он видел царя и царицу, взирающих с небес с весельем в очах на свершения их дочери императрицы Елизаветы Петровны. Иначе после его смерти город на Неве ушел бы в воду, покинут и т.п., как пророчествовали всякого рода провидцы. Апостол Петр охранял город и всячески содействовал его расцвету, как и расцвету Российского государства. Этого не могут отрицать прежде всего верующие и мистики, поскольку их ожидания и предсказания не сбылись. Скажут: еще сбудутся? Все на Земле имеет конец.

Судьба Петра I связана не с оберегом, заговоренной иконой, пусть в нее верила Наталья Кирилловна, а с переломной эпохой в истории России, воплощением которой он выступил с исчерпывающей полнотой гениальной личности, ныне ясно, он явился зачинателем и высшим представителем Русского Ренессанса.

III

С публикацией первых двух подглавок стали поступать запросы о камее Гонзага и диадеме Елены, ясно, в связи с фильмами по ТВ3 - о мистике драгоценных камней, перстней и чудесных произведений искусства, густо окрашенных кровью... Вот тут явно смешаны необъяснимая, чудесная прелесть и красота драгоценных камней, созданий искусства, - здесь мистика смыкается с поэзией, - и мистика кровавых деяний и страстей, - смешение их нарушает иерархию ценностей, происходит подмена, и то, что воспринимается как талисман, оберег, превращается в источник зла, которое может творить лишь сам человек.

В фильме о череде преступлений, связанных якобы с камеей Гонзага, мы имеем дело, можно сказать, с черной мистикой, это такой род или жанр мистики, что всячески обыгрывается во множестве фильмов и сериалов Голливуда и что не обладает ни в малейшей степени исторической или поэтической достоверностью. В том же ряду и фильм «Код да Винчи». Но если это такой жанр, примем фильм как игровой, не художественно-документальный, как некоторые другие из проекта «Тайные знаки».

О диадеме Елены - тоже много мистики, по жанру, согласимся, превосходно рассказана история Шлимана, но что говорят искусствоведы о диадеме, об ее свойствах на солнце фокусировать лучи, мы не знаем. Авторы словно избегают контакта с сотрудниками Эрмитажа или Музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. Но можно усомниться в том, что золотая диадема, если и вправду созданная в Древнем Египте с воспламеняющими, как масса увеличительных стекол, свойствами, действительно принадлежала Елене.

Во-первых, Парис был одним из младших сыновей Приама, а было у него сыновей известно сколько, он привез в Трою чужую жену, значит, вряд ли в его распоряжение была предоставлена сокровищница Приама; во-вторых, диадему, опасную для женщины, вряд ли отдали Елене, разве что с целью погубить ее; в-третьих, у Гомера я не нашел описания диадемы Елены, а если бы она явилась перед старцами, которые сверху наблюдали за ходом поединка за стенами Трои, в ней, сверкающей и притягивающей лучи солнца, она бы опалила себя или корабли греков. У Гомера мы находим лишь восхищение красотой Елены старцами. А затем

позорное бегство с поля боя Париса, который должен был пасть в единоборстве с Менелаем, но вмешалась Афродита.

Мне не совсем ясно, почему историки якобы сомневались в существовании Трои. Можно счесть «Илиаду» за вымысел, но греки всегда знали, где находилась Троя; Александр Македонский, переправившись через Дарданелы, - а маршрут его известен, - прежде всего посетил развалины Трои и могилу Ахиллеса, там он устроил еще спортивные соревнования. Место для археологических раскопок определить было нетрудно. Шлиману сопутствовала удача. А далее, как и с камеей Гонзага, следуют превратности человеческих судеб, о чем нам поведали, наводя мистику с большей или меньшей достоверностью, что делать, таков жанр. Интерес возбужден, но лучше бы без постоянных повторов, приуроченных к рекламной паузе и в рамках рекламы, что вызывает лишь досаду.

Диадема, якобы принадлежавшая Елене, разумеется, копия, не производит украшения из золота, а скорее из золоченного серебра, который отдает чернотой. Копия камеи Гонзага и вовсе плоха, кажется почти плоской и ущербной. А если взглянуть на камею в Эрмитаже или даже на фото, она столь удивительна, лица Арсинои и Птоломея II исполнены тишины, серьезности и целеустремленности, при этом замечаешь, что они как живые ощущают близость друг друга, - лица белые, как слегка окрашенный мрамор, у женщины и платье, и прическа белые, у царя - прическа темно-коричневого цвета наподобие шлема, - ничего прекраснее не могли сотворить природа и человек-мастер.

Превратности человеческих судеб от Изабеллы Гонзага, королевы Христины до Наполеона и Александра I лишь

свидетельствуют о тщете притязаний властителей, что выявляет непреходящая красота созданий искусства, с которой они пытаются идентифицировать себя, увы, тщетно. Здесь всякая мистика - лишь самообман тщеславия, что и несет гибель. А чудесная камея с изображением влюбленных, - что если Эвридики и Орфея, она вся в белом, Орфей посетил ее в Аиде, - идея для античного художника куда более высокая и насущная, чем парный портрет царя и царицы, пусть тут есть изюминка, брата и сестры?!, - не могла сеять вокруг себя смерть, скорее служила талисманом, оберегом, источником высоких озарений и любви. Но прекрасное - трудно, недаром говорили древние. А жить на высоте прекрасного - еще трудней.

IV

Проект «Тайные знаки», который мог быть интересен как документально-художественный сериал об удивительных явлениях, все чаще обнаруживает явные просчеты и прорехи. Причины очевидны: вместо историко-художественного исследования, с обращением не только к магам, шаманам, колдунам, но и к ученым, авторы фильмов доверились всецело мистике, поскольку, видите ли, в СССР ее отрицали, а верили лишь науке.

Но мистике всецело люди никогда не верили, с первобытных времен, кроме веры в чудеса и в богов, люди верили своим глазам и впечатлениям от природы, постигая ее законы. Если наука затрудняется объяснить какие-то таинственные явления, это вовсе не значит, что тут сфера только магов и экстрасенсов. Предсказания всегда звучали, но даже те, кого они непосредственно касались, не до конца им верили, а продолжали стремиться к достижению своих целей. А смерть так или иначе настигает всех и каждого.

Доверившись всецело мистике, с отрицанием науки, авторы фильмов вольно обходятся и с историей, с общеизвестными фактами, трактуя их исключительно с точки зрения магов, колдунов, экстрасенсов, да и историки, и психологи выступают в роли мистиков, с отрицанием не только науки, но и советского периода истории Российского государства, что, впрочем, относится и к эпохе Петра Великого. В одном фильме судьбу царя-реформатора свели к иконе-оберегу, в другом к тому, что якобы Катерина приворожила его... Будь она колдуньей, царицей она еще стала бы, но под чарами супруги вряд ли царь Петр свершил свои грандиозные преобразования. Здесь великое подменяют малым, напуская мистику.

Был фильм о Ленине... Кроме мистики в жизни Ленина, обнаружили нечто, что элементарно не согласуется с опасностями революционной борьбы, некий панический страх смерти... Это смехотворно, как многое, что ныне навешивают на уникальную личность. Если бы вашего старшего брата, студента, приговорили к смерти и повесили, вы бы, будучи даже не из робкого десятка, поостереглись бы, верно, вступить на такой опасный путь, а стали бы адвокатом и, обладая гениальным умом, сделали бы успешную карьеру, составили состояние, что было бы вполне естественно. Тем более - если вы боитесь смерти панически и даже мистически

настроены. Разве смерть старшего брата на виселице - не тайный знак?

Авторы фильма не замечают противоречия и повторяют назойливо о том, как страшно боялся смерти Ленин. Это скорее из жанра «ЖЗЛ. Юморески». То же самое можно сказать о фильме, в котором фигурирует некий актер, который то и дело закуривает, - это же чуть смешная карикатура на Сталина. Выясняется, «недалекий» грузин совершил головокружительную карьеру, благодаря силе всяких магов, о чем, впрочем, ничего неизвестно, кроме предположений, а то, что известно о взаимоотношениях Сталина и мага Мессинга, говорит лишь о том, как относятся к предсказаниям все нормальные люди. Здесь действительно есть тайна.

Самое забавное, экспертом в фильме на этот раз выступает некая дамочка по профессии «ведьма». Персонаж из игровых фильмов Голливуда в российских СМИ обрел статус эксперта. От жанра документально-художественного фильма ничего не остается, кроме во все века сомнительной мистики. Если есть склонность к мистике, почему ею не заниматься? Но это все-таки личное дело каждого человека. Совсем иное, когда мистификации подвергается история страны, история, к тому же в последние десятилетия, всячески оклеветанная, с подачи трубадуров холодной войны, ныне - в связи с войной в Южной Осетии, развязанной Грузией, - вновь обрушивающих на Россию тот же набор лжи, как на СССР. В подобных случаях мистика превращается в мракобесие.

История России в кривом зеркале магии

Можно подвести итоги заметкам «Тайные знаки». Все богатство жизни и истории свести к одной мистике вряд ли плодотворно. Исторические события и лица оцениваются одними колдунами, магами и даже ведьмами. Это естественно в узком кругу мистически настроенных людей. Подобный же особый круг людей составляют уфологи. Но когда этот узкий круг мистиков получает возможность представить свой вариант истории человечества, выходит нечто несуразно-комическое.

Благочестивейший царь Алексей Михайлович предстает этаким мистиком, окружившим себя колдунами. Один из самых образованных людей своего времени Артамон Матвеев именуется не иначе, как колдуном, племянница его, одна из первых образованных женщин на Руси, Наталья Кирилловна - колдуньей, выступившей против дяди. Выясняется, молодая девушка дала выпить царю приворотное зелье, и тот влюбился в нее тотчас и пожелал жениться и т.п. В другом фильме речь шла о Катерине, которая, оказывается, тоже приворожила царя Петра и т.д.

Между тем, известно, всевозможные колдуны и ведьмы преследовались христианской церковью как в средневековой Европе, так и на Руси. Известно постановление времен царя Алексея Михайловича против всех бесовских обрядов, гаданий и празднеств, а тех, кто не послушается, бить батогами. Правда, известно также, что в эпоху Возрождения в странах Западной Европы мыслители и художники, образованнейшие люди своего времени, увлекались, вопреки установлениям церкви, магией и астрологией, проявляя всесторонний, всеобъемлющий интерес к явлениям природы и мироздания. То есть интерес к магии сочетался с научным изучением природы, строения Вселенной и человеческого тела и с чисто эстетическим переживанием явлений природы и искусства.

Допускаю, и царь Алексей Михайлович, и Артамон Матвеев, кроме увлечения образованием и театром, проявляли интерес и к магии. Но их взаимоотношения, уж конечно, не сводились к борьбе колдунов, как разыграно в фильме ТВ3. Создатели фильма явно увлекаются, впадают в односторонность, когда столь естественно даже для успеха проекта соблюдать меру, проявить более широкий взгляд, сводить в качестве экспертов магов и

настоящих историков. Иначе выходит то, что выходит: история России в кривом зеркале магии.

Царю Алексею Михайловичу не нужно было никакого приворотного зелья, чтобы влюбиться в Наталью Кирилловну, красавицу, которая не сидела взаперти в тереме, как русские женщины в то время, а была обучена грамоте, вместе с дядей, который и устраивал театральные представления при дворе, присутствовала на них. Это были по сути первые ассамблеи на Руси. Любовь и красота - вот новая мера, что предопределит рождение Петра и его преобразования.

Всякая магия всегда была на периферии человеческого сознания и бытия. Нынешнее состояние общественного сознания в РФ - сочетание веры в бога и во всевозможных шаманов и магов - уж конечно, отнюдь не возрождение религии, а декаданс, что Россия пережила в начале XX века, с особым сгущением мистики при дворе и в царской семье, что предопределило ее крах.

Мы помним, как в 90-е СМИ представили историю Российского государства в кривом зеркале антисоветизма, как позже выяснилось, антируссизма, что привело к распаду СССР. Авторы фильмов о магических явлениях, сознают или нет, идут по тому же пути. История России в кривом зеркале магии - что же это такое? Любовь к мистике или ненависть к России?

Игра в мистику - это всегда или начало конца, или конец. Дальше некуда. Надо выбираться из королевства кривых зеркал, в котором оказались мы на рубеже XX-XXI веков.

Вчера показали фильм о Ломоносове, который якобы всю жизнь изучал некий древний манускрипт из мифической страны гипербореев, а экспертом выступает колдунья и т.п. Очевидно, предполагается, вот откуда величайшие познания Ломоносова... Все сшито белыми нитками... А ведь пора бы знать, что Ломоносов не просто гениальный ученый и поэт, а титан эпохи Возрождения в России.

«Религиозный ренессанс» в РФ – возрождение или упадок?

В статье «Русский Ренессанс в сети интернета» я уже касался высказываний Николая Бердяева о «русском культурном ренессансе» начала XX века, что привлекает внимание современных исследователей, в частности, из-за сходства духовной ситуации в России в начале и в конце истекшего столетия.

Но сходство это лишь кажущееся, и оно проявляется в весьма узких пределах. Новое обращение к религии, к мистике, к религиозной философии малой части интеллигенции лишь условно можно назвать «русским культурным ренессансом», тем более что Николай Бердяев под «культурным ренессансом» имеет в виду по сути именно обращение после отрицания или равнодушия к религиозной вере, феномен, хорошо известный по эпохе Возрождения в Италии, обращение Пико делла Мирандолы или Сандро Боттичелли под влиянием проповедей Савонаролы, к примеру.

Достижения мысли и искусства как ренессансные явления, или как «культурный ренессанс», остались в веках. Что же осталось от переживаний Сандро, вплоть до отказа от его удивительных созданий, или самоистязания плоти Пико до

смертного конца? Ничего более разлетевшего дыма от костра, на котором сгорели заживо Савонарола и два его сподвижника.

Николай Бердяев не рассматривает «русский культурный ренессанс» всесторонне, с расцветом архитектуры (модерн), живописи, русского театра, балета и музыки, что поразило Европу, он остается в кругу религиозных переживаний и мистики, как Мережковский, Розанов, Вяч. Иванов, Флоренский и другие, при этом у каждого из них были свои представления и интуиции.

Николай Бердяев не решается это назвать «религиозным ренессансом», разве что еще «духовным ренессансом», но смысл тот же, если под «культурным ренессансом» не иметь в виду, как и следует, расцвет искусств и мысли, при этом мысли деятельной, вплоть до революции в театре и социальной революции.

Теперь ясно: это и был Русский Ренессанс, серебряный век после золотого, в котором феодально-церковная реакция проступила еще в эпоху Пушкина и Лермонтова после восстания декабристов и казни пятерых, с трагической судьбой поэтов, и с тех пор она лишь усиливалась, вплоть до кровавого воскресенья 9 января 1905 года, расстрела мирной демонстрации рабочих и их семей с иконами и портретами царя.

У громадного большинства населения Российского государства была поколеблена вера в божественность царской власти, с тем ослабла и сама вера. Поиск основ веры – вот что называет Бердяев «русским культурным ренессансом», не только не решаясь говорить о «религиозном ренессансе», а прямо утверждая, что «религиозного ренессанса» в начале XX века не было – в статье «Русский культурный ренессанс и журнал «Путь», написанной в эмиграции в 1935 году.

«Сейчас можно определенно сказать, - пишет Н. Бердяев, - что начало XX века ознаменовалось у нас ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности. Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время. Вряд ли можно сказать, что у нас был религиозный ренессанс. Для этого не было достаточно сильной религиозной воли, преображающей жизнь, и не было участия в движении более широких народных слоев. Это было все-таки движение культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции».

Да, это было «движение культурной элиты» в самом небольшом числе, можно сосчитать по пальцам, литераторы, священники, поэты, которые друг друга плохо слушали и мало читали, а носились со своими переживаниями и идеями, в

которых можно выделить два плодоносных пласта: это неприятие церковной ортодоксии и практики и соответственно стремление к обновлению веры, что мы наблюдаем впервые в эпоху Возрождения в странах Европы, - здесь область, связанная с христианством, при этом самые утонченные переходили из православия в католичество, - и шире – платонизм: вера, природа и культура находили опору в античной традиции, что тоже было в высшей степени характерно для исканий и учений мыслителей эпохи Возрождения.

Все это – характерные признаки Ренессанса в России, с новым поворотом к панэстетизму Золотого века русской культуры на рубеже XIX-XX веков, с расцветом искусств, но уже с явными элементами декаданса, что всегда сопровождается с обращением, или просто погружением в мистику, охватившей «культурную элиту» вплоть до царского двора. Называть эту повышенную утонченность душевных движений и интуиций «духовным» или «культурным ренессансом» можно лишь условно. Здесь как раз сфера феодально-церковной реакции, рецидив средневекового мироощущения, то есть отрицание ренессансных явлений русской жизни.

Эпоха в высшей степени противоречива, но основной ее вектор – это порыв в грядущее, пусть оно воспринимается в апокалиптических тонах. Николай Бердяев в книге «Самопознание», подводя итоги своим исканиям от марксизма до идеализма и религии, дает интересные оценки наших религиозных мыслителей, в частности, о. Павла Флоренского. Приведу довольно длинную выписку, поскольку здесь вообще об исканиях и озарениях всех религиозных мыслителей эпохи Возрождения как в странах Европы, так и в России.

«С П. Флоренским у нас было изначально взаимное отталкивание, слишком разные мы были люди, враждебно разные. Если от Мережковского меня отталкивала двойственность, переходящая в двусмысленность, отсутствие волевого выбора, злоупотребление литературными схемами, то от Флоренского отталкивал его магизм, первоощущение заколдованности мира, вызывающее не восстание, а пассивное мление, отсутствие темы о свободе, слабое чувство Христа, его стилизация и упадочность, которую он ввел в русскую религиозную философию.

Во Флоренском меня поражало моральное равнодушие, замена этических оценок оценками эстетическими. Флоренский был утонченный реакционер. Подлинной традиционности в нем не было. Об его книге «Столп и утверждение истины», книге блестящей, имевшей большой успех и влияние в некоторых

кругах, я написал статью под названием «Стилизованное православие». За эту статью на меня очень нападали. В книге Флоренского чувствовалась меланхолия осени, падающих осенних листьев.

Флоренский был универсальный человек, он талантливый математик, физик, филолог, оккультист, поэт, богослов, философ… Чувствовалась при большой одаренности большая слабость, бессильная борьба с сомнением, искусственная и стилизованная защита консервативного православия, лиризм, парализующий энергию, преобладание стихии религиозного мления… В своей книге он борется с самим собой, сводит счеты с собственной стихийной натурой. Он как-то сказал в минуту откровенности, что борется с собственной безграничной дионисической стихией.

Во Флоренском было что-то соблазняющее и прельщающее. В этом он походил на В. Иванова… Он был своеобразным платоником и по-своему интерпретировал Платона. Платоновские идеи приобретали у него почти сексуальный характер. Его богословствование было эротическое. Это было ново в России… От Флоренского пошла и софиология, хотя он не разработал и не развил ее так, как потом С. Булгаков. Творческая инициатива во многом принадлежала Флоренскому. Но центральной фигурой православного возрождения начала XX века был С. Булгаков».

Флоренский действительно был всеобъемлющей личностью ренессансного типа. Он напоминает мне Николая Кузанского. В характеристике Флоренского Бердяев раскрывает искания русских религиозных мыслителей, что представляет лишь одну из сторон умонастроения эпохи, при этом самую далекую от жизнестроительных идей и творений русского модерна во всех видах искусства и революционного движения интеллигенции и народных масс, что и есть Ренессанс в его собственном значении.

В конце XX века в России в условиях распада СССР и всех основ жизни возникает сходная духовная ситуация, охватившая теперь и «культурную элиту», и народные массы, со всеобщим обращением, что многие воспринимают как «русский религиозный ренессанс». Но так ли это? И что это значит?

Да это же умонастроение заката эпохи Возрождения в странах Европы, что выразил во всей трагической глубине Шекспир в его драмах, с проблесками ренессансного жизнелюбия и веселья в комедиях! Именно с предчувствием конца связано новое обращение к религии как в начале, так и на исходе XX века, на этот раз охватившее и интеллигенцию, и народные массы, кстати, по своему образованию и культуре, благодаря культурной революции в СССР, ничем не отличающейся от «культурной

элиты», или партийно-номенклатурной, взявшей на себя роль Герострата.

Сегодня мы видим возрождение церкви, от которой отвернулись не только интеллигенция, но и крестьянство в начале XX века, что спровоцировала в громадной степени сама верховная власть. С этим связано и разрушение церквей или использование зданий не по прямому назначению, что ныне записывают в преступления Советской власти, наравне со сталинскими лагерями, коим нет оправдания.

С закрытием церквей дело обстоит иначе. Как и с атеизмом. Это умонастроение эпохи в условиях культурной революции, охватившей все слои населения и все народы, было ренессансным явлением, как бы это ни оценивали сегодня новоявленные ревнители духовности и веры, среди которых, кстати сказать, больше всего перевертышей, уголовников и жуликов, составивших состояние, невзирая на средства.

Это умонастроение, когда религия и церковь не относятся к чему-то актуальному, давно охватило благополучные страны Запада. Там пришли с опозданием к тому же, что Россия, благодаря Октябрьской революции, ныне всячески оклеветанной; там церкви не разрушают, если здания не рушатся от времени, а сдают в аренду для дискотек и т.п. У нас поспешно восстанавливают церкви, возводят часовенки всюду, как новоделы нувориши, идет по сути прежде всего захват земель.

Церковь во все века заботилась об этом пуще, чем о спасении души мирян. Но в этих условиях в России снова появились беспризорники, признак разрухи, как во время войны. А духовенство на экранах ТВ является в парче и золоте. Оно уже требует, чтобы в школах преподавали Закон Божий, как в классических гимназиях, что породит лишь новую волну нигилистов в России.

«Религиозный ренессанс» - оксюморон. Язык выявляет подлинный смысл явления. Средневековое миросозерцание кануло в лету. Если мы сегодня наблюдаем возрождение церкви и религии, это обратное движение от Ренессанса, с размежеванием по этническим и конфессиональным признакам, что порождает отнюдь не духовность, а вражду, террор и войны, что было общим явлением в истории человечества и в Средние века, когда народы, казалось, всецело верили в бога, кого бы они ни имели в виду.

А можно ли говорить о «русском культурном ренессансе», как Бердяев, в отношении РФ на рубеже XX-XXI веков? Или мы наблюдаем разруху и упадок? Отчего же это возрождение церкви идет в унисон с пышным цветением коррупции, проституции, наркомании и преступности в неслыханных масштабах и со

стремительной убылью населения, как от чумы?

Кто же уничтожает русскую культуру, народное образование, здравоохранение, армию – с благословления церкви и власти? Враг в нас самих. Моральная рефлексия, разъевшая наши души, разумеется, прежде всего властной элиты и интеллигенции, с обращением к богу и рынку, с торжеством индивидуализма и чистогана, с порождением олигархов, разрушителей государства и всех его ценностей.

Это упадок, декаданс. Такой период в странах Европы наступил на исходе эпохи Возрождения, когда особенно бесчинствовала святая инквизиция, с началом религиозных войн и с торжеством мракобесия, вплоть до века Просвещения, когда вновь просияло солнце Разума.

Так и хочется воскликнуть вслед за Пушкиным:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Жизнь после смерти

В эти дни, когда к известиям о землетрясении, цунами и авариях на АЭС в Японии прибавились сообщения о бомбовых ударах сил НАТО по Ливии, что говорит о близком закате человеческой цивилизации на планете Земля, по сути, так и не выделившейся из популяций животных и насекомых, в которых действует один закон – закон джунглей, даже если правительства проповедуют «свободу и демократию», в эти дни, когда даже весна не радует, пронеслась весть о смерти Элизабет Тейлор.

Тотчас участились запросы на сайте об актрисе и почему-то о детях. И тут же: «Петр Киле день смерти» или «Когда умер Петр Киле».

К этому прибавились игры Яндекса с ТИЦем: за неделю с 80 до 70, а вчера до 60. К ночи снова 70, а сегодня снова 60. Почти все мои статьи, а теперь и стихи, подхватывают другие сайты и блоги, но Яндекс под цитированием, вероятно, имеет в виду нечто иное.

Итак, что сказать? Мне кажется, обычная человеческая жизнь со всеми ее радостями и бедами для меня закончилась с распадом СССР, как если бы я умер и вместе с тем остался жив; но жив не в сфере реальности, переменившейся до неузнаваемости, а исключительно в сфере творчества.

Можно сказать: благодаря интернету, моя жизнь протекает в виртуальной реальности, и она будет продолжаться и после моей смерти, по крайней мере, еще какое-то время, возможно, с изданием книг, с постановками пьес и фильмов… Но техногенные катастрофы и войны, какие затевает НАТО, лишают человечество будущего.

Грустно. Особенно грустно от того, что Россия первая понесла невосполнимые потери.

Какого цвета кипрей?

В июне, когда в лесах и на лугах цветут множество мелких цветов и появляются розовые лепестки шиповника, вдоль дорог начинается цветенье иван-чая, сначала бросаются в глаза отдельные стебли с конусом соцветий, а вскоре сплошные заросли нежно сияющих на солнце островков кипрея!

И я, выглядывая в окна электрички, или на природе стараюсь определить, какого же цвета кипрей? Впрочем, для меня всегда было ясно, какого цвета кипрей, а задал мне задачу некогда редактор, с которым мы не нашли общего языка и по другим вопросам, и по цвету кипрея.

В новелле «Цветет кипрей», вошедшей в состав повести «Воспоминания в Москве», упоминается о розовом цветении иван-чая, так редактор стал утверждать, что цвет кипрея фиолетовый, с чем я никак не мог согласиться. В конфликт между автором и редактором был вынужден вмешаться заведующий редакцией, который и выпустил книгу «Под небом единым» (1987), хотя там приводится фамилия редактора, мне неизвестного.

Повесть «Воспоминания в Москве» заканчивается так: «Маша выглядит уже совершенно взрослой женщиной, но не молодость и не красота в ней, а что-то особенное есть. Она берет в руки

эмалированное ведро с мусором упаковки на дне (Маша - продавщица в сельмаге. - П.К.), и оно начинает светиться льющимся на свету молоком и розовым сиянием кипрея вдоль дороги.

С весны до осени, выезжая за город или в поездках в Москву, Ирина Владимировна всегда выглядывала в окно и с улыбкой воспоминания щурилась, убеждаясь, как всюду незатейливо и празднично по опушкам, по краю полей вдоль насыпи железнодорожного полотна цветет кипрей».

О повести «Воспоминания в Москве» однажды писала молодой критик (женщина), - о концовке, мол, и я никогда не забуду о цветеньи кипрея вдоль дорог, на местах пожарищ. Правда, мы с нею тоже успели поссориться заочно, вместо сотрудничества, уже по поводу эпохи Ренессанса в России, была она или нет. Словом, мой интерес к кипрею давний, и с каждым летом в поездках на дачу, я с радостью и грустью наблюдаю, как расцветает иван-чай, все шире и ярче, а затем увяданье, вместо соцветий белеет пух...

Так, какого же цвета кипрей? Если шиповник цветет розовыми лепестками, самыми насыщенными из лесных и луговых цветов, то цвет иван-чая не совсем розовый, но никак не фиолетовый. По утру в росе и на солнце почти совсем розовый, насыщенный, как у шиповника, при этом вокруг стеблей и соцветий сияние, нежное, как у женских глаз и кожи на лице. Здесь совершенно особенная прелесть кипрея, что замечаешь и у настоящих красавиц.

Днем на солнце или в тени от облаков цвет кипрея слабо насыщен, но в массе все же проступает то особенное сияние, светло-розовое, чем отличается от всех цветущих трав и кустов иван-чай. Хотя слово кипрей мужского рода, стебли и соцветия производят впечатление хоровода девушек и молодых женщин. Если исходить от русского названия, можно представить, что эти растения обладают свойствами чая. Это чай Ивана, в отличие от заморского чая. Чай Ивана - это и девушки, что водят хоровод в сарафанах, всячески разукрашенных яркими вышивками.

* * *

А за окном, о, счастье невзначай,
Цветет, как праздник лета, иван-чай!
И память сердца о весне далекой,
О синеглазой, черноокой -
В малиновом сиянии сердец
Надежда юности, ее венец.
Любви моей малиновое пламя

Трепещет негой дышащее знамя
Над лугом с разноцветьем трав,
С росой, сверкающей с утра,
Как жемчуга и бриллианты,
Игра природы с нами в фанты.
Надежда юности, ее венец
В малиновом сиянии сердец…
Там словно водят хоровод на свадьбе
И вдоль дорог, и на усадьбе,
Сошедшей уж давно на нет,
Но расцветает жизни юный цвет!
Цветы, как феи грез и упований,
Они же феи встреч и расставаний.
О, пламя светло-розовой мечты!
О, нега женской красоты!
Там кисть Кипренского играет
С сияньем солнца на закате.

2010-2011

Русскость, или руссизм, советизм, гуманизм

Почему антисоветизм, с распадом СССР, оказался столь разрушительной силой для суверенной РФ? Антисоветизм – понятие и явление достаточно известные, это отрицание истории и идеологии Советского Союза. На каком основании? По каким причинам? С чьей точки зрения?

Сразу становится понятно: независимо от жертв, репрессий и запретов, что проступает в истории любого государства, прежде

всего европейских стран и США, с развязыванием войн по всему миру, тех же двух мировых, огульно, со всевозможной клеветой отрицается само существование Российского государства, со всякими обвинениями в дикости, отсталости и т.п., хотя именно армия шведского короля Карла XII, армия Наполеона вторгались в Россию, чтобы позорно бежать восвояси.

Англия и Франция, втянув Николая II в войну с Германией, с началом революции в России, сделали все, чтобы развязать гражданскую войну, с интервенцией почти всей Европы и США, чтобы поживиться за счет Советской России.

То, что Россия победила в этой международной бойне, сохранив целостность государства, говорит о правде и величии русской революции. Можно не принимать ее идеи, но отрицать ее как величайшего явления нельзя. Отрицать можно лишь преднамеренно, пряча свои корыстные цели под ложью и всевозможной клеветой.

Когда фашистская Германия, которую возродили, чтобы натравить ее на Советский Союз, развязала войну против Франции и Англии, чтобы тут же покончить с Россией, но выяснилось, что СССР один может разгромить ее, ценою величайших потерь и жертв, союзники оказались лицом к лицу перед страшной для них правдой и величием России.

Страх и соперничество бросили их в омут холодной войны, в которой главным оружием были не атомные бомбы и ракеты, а ложь и клевета, самая большая ложь всех времен, ложь антисоветизма, рассчитанная на самые мелкие, самые пошлые и омерзительные инстинкты элиты.

Подверглась клевете вся история и культура Российского государства, особенно от Петра I до Ленина и Сталина. Самое худшее, что произошло, интеллигенция поверила изощренной лжи советологов и их зомби – диссидентов, которые – хотели они того или нет – наравне с двурушниками из партийной элиты – сыграли роль пятой колонны в разрушении СССР.

Победила ложь антисоветизма, это как чума XX века вот уже два десятилетия свирепствует в РФ, унося миллионы жизней ежегодно. Если бы в антисоветизме заключалась хоть крупица правды, если бы это было лекарством, а не ядом, заодно с наркотиками, то РФ двинулась бы вперед семимильными шагами, как Китай, вместо падения в бездну разрухи.

Антисоветизм, достигнув распада СССР, продолжает свирепствовать по-прежнему. Почему? Да, потому что в основе его всегда был и остается антируссизм. Европа со времен преобразований Петра всегда опасалась России, которая стала играть роль одной из мировых держав, круша армии завравшихся

завоевателей.

С Октябрьской революции, с возрастанием могущества СССР, с советской системой народного образования и здравоохранения Запад до паранои боялся и советской идеологии, отрицающей частную собственность и эксплуатацию человека человеком, к чему свели свободу, демократию, права человека.

Теперь снимем эту глянцевую упаковку, по диалектике отрицанием отрицания постарамся понять, что же это такое советизм и руссизм? Почему антисоветизм ныне, как прежде, превратился в антируссизм?

Непонимание, неприятие России Европой в XVIII, в XIX веках лишь усилилось с Октябрьской революции, приобретя упаковку антисоветизма. Теперь главное: что такое советизм? Это идеология и культура СССР, отнюдь не марксизм-ленинизм, это философия, которую изучали в школе и в вузах, как и другие философские системы, правда, с большим пристрастием и начетничеством у партийной элиты.

Но советская идеология после сугубо революционных крайностей обрела свою форму и содержание в русской классической литературе, которая была изначально порождением Ренессанса в России и философией освободительного движения. Поэтому школьное образование в СССР имело всеобъемлющую программу, это было классическое и гуманистическое образование, какого не было нигде в мире. В этой сфере идеология СССР проявилась в лучшем виде, с проповедью нового гуманизма. Это и есть советизм как новый гуманизм, основанный на русской национальной культуре, выработанной эпохой Ренессанса, что и есть руссизм.

Руссизм – это миросозерцание, мироощущение, мировосприятие русского народа и народов России, сложившиеся в условиях Ренессанса, как было и в странах Европы и Востока, это явление светское в громадной степени, а в советское время и вовсе чисто светское. Это утверждение подлинной свободы и достоинства человека.

Выступив против советизма, враги России, прежде всего США, и диссиденты всех мастей, с их победой попали в самое сердце России, в основу ее национальной идеи и культуры, с обрушением народного образования, здравоохранения, наук, производства, великой ренессансной культуры.

Для реформ в экономике, с введением частной собственности, как в Китае, ничего этого не надо было делать. Это преступление! Величайшее преступление, хуже даже, чем деяния фашизма. С тем контрреволюционный переворот, что еще можно понять, превратился в криминальную контрреволюцию,

что уже ничем не оправдано. Это преступление против русского народа и народов России, против человечества.

Советизм и руссизм – это синонимы, по сути это новый гуманизм, выработанный эпохой Ренессанса в России, с блистательным развитием русской классической литературы, живописи, музыки, театра, что стало откровением для всего человечества. Антисоветизм, стало быть, это ясно теперь, - это антигуманизм, идеология воистину жуликов и воров, бандитов. Куда ни оглянись, мы повсюду видим следы их преступлений!

Не пора ли их остановить, до распада РФ, к чему они дело ведут, чтобы избежать наказания? Для этого надо объединиться всем, кто не встроен во властные структуры, не ворует, не насильничает, ведь нормальных, честных, порядочных людей в стране великое большинство. Надо всем захотеть и повелеть этой пирамиде казнокрадства и бандитизма: «Эй, сгинь!»

И Россия, обретя себя, снова выйдет на столбовую дорогу развития человеческой цивилизации и культуры, с полным осознанием величайших достижений Русского Ренессанса.

Иллюстрация: А.А.Пластов. ВЕСНА. 1954.

Прощание с Питом

Вчера, 17 сентября 2011 года, около семи часов вечера скончался Пит. Последние дни он все спал, против своего обыкновения, он всегда вставал рано и заливался, он распевал, иногда явно сочиняя на ходу. Было ясно, он гений. Скромный кенар, он распевал под разные птичьи голоса, до соловьиных трелей и даже щелканья.

Это был Пит-3. Сам из певчих птиц, я не думал о том, чтобы завести пернатых у себя дома. Однажды я собрался на родину, на Дальний Восток, где не был давно, как теперь ясно, на пике некоторых творческих и жизненных успехов, о чем не подозревал, пребывая в исканиях. Мы только что поселились в новой квартире в районе новостроек, вокруг до лесопарка во Ржевке лишь строились дома…

Была ранняя весна, конец апреля, я посматривал в небеса под вечер, как вдруг заметил птичку за окном, она почти прижалась к стеклу и смотрела на меня черными точками глаз. Я осторожно открыл узкую, но высокую створку, птичка отлетела, я удалился вглубь комнаты… Деваться ей было некуда, на улице холодно, она залетела в окно и устроилась высоко, на книжной полке почти у потолка… Провела она там почти сутки, пока не пришла вполне в себя.

Птица за окном – перед дальней дорогой – это не к добру. Все же я принес клетку, дал птичке имя: Пит, он остался дома, вместо меня, под заботой моей жены. Поездка прошла успешно. Пит чувствовал себя у нас прекрасно – тишина, никто не курит. Но он не пел, не успел научиться? Зато он отзывался, когда с ним заговариваешь, очень выразительно, так внятно, что я вполне понимал его. И это было даже интереснее, чем обычное пение кенаря. Жил он достаточно долго, до начала распада СССР, когда и скончался. Сколько было слез у жены. Впору было вспомнить стихи Катулла:

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки.
Бедный птенчик, любовь моей подружки.

Я один под дождем отправился в лесопарк и похоронил Пита

под деревом, куда мы приходили нет-нет, пока не объявился у нас Пит-2. Этот пел, как все кенары, не ведая, что в стране идут развал и распад. В свой срок он скончался. Снова слезы и похороны.

Между тем баснословно подорожали и птички на рынке. Но однажды жена принесла коробочку, из которой вышла растерянная птичка. Казалось, ни разговаривать, ни петь не умеет. Но Пит-3 вскоре поначалу тихо, как бы про себя, стал пробовать голос на разные лады, улавливать мелодии, повторяя громче то, что получилось, на его взгляд. С годами он распелся так, что поверить невозможно. Что говорить, гениальный Пит!

Любил праздники. При гостях, как нарочно, задавал концерты. Он обитал на кухне, у нас довольно просторной, клетка его стояла на отдельном столе у широкого окна среди цветов. Когда мы садились за обеденный стол, просился к нам, садился на электрический чайник сверху и обожал угощенья. Если у первых Питов время от времени летели перья, то у гениального Пита – нет, хотя редко купался, был здоров и пел вдохновенно. Но вдохновение отлетало, он замолкал, не пел месяцами, чтобы вдруг снова запеть и как бы всегда в унисон, как дела у меня шли.

К весне он распелся было, летом замолчал, последние дни все спал… Вчера я приехал с дачи, жена в слезах: «Пит умирает». Весь день, несмотря на солнце, какое-то особенное поутру, и сияние небес, мне было тревожно. Обычно, когда я приезжал с дачи, а дома жены не было, я спрашивал: «Пит, ты-то дома?» Он не находил нужным отвечать на такой банальный вопрос. А тут, весь день едва живой, лишь слыша, как я вошел в картиру, подал голос, что удивило жену, я подошел к окну:

Пит полулежал, забившись в угол: он поднял голову, взглянул на меня, вполне как будто живой, и я решил, что он оклемается. За ужином – ничего не хотелось есть – я выпил стопку водки, а жена – вина, чтобы Пит поправился. Он в клетке был полуприкрыт, может быть, в этот момент он рванулся к нам или в небеса, в следующий момент я заглянул к нему: он лежал в позе мертвой птички, с одним распластанным крылом.

Как же он услышал, как я вхожу в квартиру, и подал голос, против обыкновения? Как же, лежа в полубреду весь день, он вдруг поднял голову при моем появлении и взглянул на меня осмысленно? Просил ли о помощи? Или распрощался? Или что-то сказал открытым взором бездонных черных глаз?

Создается впечатление, что он все понимал в моей жизни и всей Вселенной.

Русский Ренессанс – «философская метафора» или исторический факт?

Интернет выдал название статьи М.А.Бологовой «Русская история XVIII-XX веков как Ренессанс в осмыслении Петра Киле», чем я, естественно, заинтересовался. Статья упоминалась в списке докладов на VII научной конференции, организованной СО и УрО РАН в октябре 2012 года в Екатеринбурге. Через сайт Объединенных музеев города, где проходили заседания, мне удалось связаться с автором статьи из Новосибирска.

Марина Александровна Бологова, высылая файл, написала кратко: «Здравствуйте! Боюсь, Вам вряд ли понравится этот текст, поскольку Вы выступаете в нем как объект исследования. Эта статья в большей степени кратко-обзорного характера, чем аналитического. С уважением, М.А.»

Действительно, творчество писателя оказалось «объектом исследования», но не Ренессанс в России. М.А. никак не отреагировала на мое пожелание опубликовать ее статью на сайте Эпоха Возрождения и в блогах, независимо, понравится она мне или нет. Любая критика мне важна.

Рассматривая мое творчество в русле ренессансных явлений русской истории и культуры, М.А.Бологова тем не менее идею Ренессанса в России называет всего лишь «философской метафорой».

«Идея русского Ренессанса как философская метафора и интересная аналогия, - говорит она, - имеет практическую пользу, поскольку формирует в сознании читателя представления о ценности русской культуры и необходимости интереса к ней в эпоху, когда новые поколения знают только о «Рашке» либо о том контенте, что маркируется черно-желтыми полосами; имеет она и свои недостатки, в частности, поддерживая идеализацию СССР или вступая в полемику с учебными курсами истории русской литературы».

Что касается «идеализации СССР» и «полемики с учебными курсами истории русской литературы» - тут проступают идеологические пристрастия, смазывающие историю Российского государства до полного отрицания отдельных ее периодов.

Между тем явление Ренессанса в России отмечено историческими фактами, такими же, как явление эпохи Возрождения в Италии и в других сопредельных странах: это

переход от Средневековья к Новому времени, с зарождением светского искусства и национальных литератур, с расцветом искусств, что станет основой формирования национальной культуры и нации.

Наравне с этими признаками существенно важны философия и эстетика Ренессанса, в основе которых выдвижение в центр мира, вместо Бога, Человека, то есть гуманизм, а в основе эстетики – античная мифология и классика.

В отношении Италии и других европейских стран эти важнейшие признаки Ренессанса общепризнаны, а то же самое в отношении России – всего лишь «философская метафора», которая хороша, поскольку напоминает о ценности русской культуры, и плоха, поскольку вступает в полемику с учебными курсами, в которых, кроме стародавней догматики, ныне господствуют пристрастия либерализма, столь разрушительные для русской культуры?

Словом, Русский Ренессанс не просто идея, а факт, который проглядели у нас из-за односторонностей славянофильства и западничества, что порождало лишь юродство и самоуничижение, вплоть до распада великого государства.

Несколько замечаний по поводу высказываний автора статьи. О литературе эпохи капитализма, которой Киле якобы не признает. Я вырос в советское время, когда вся мировая литература широко издавалась, с отдельными запретами, главное, мы все много читали, все европейские литературы, начиная с французской и английской, вплоть до модернистов, а затем классические литературы Востока и Европы, - я впитал в себя, с возвращениями к русской классике с особенной радостью, ибо она определяла развитие мировой литературы уже в XIX и особенно в XX веке, поскольку это было ренессансное явление, что сознавалось крупнейшими западными писателями.

М.А.Бологова неодобрительно отнеслась к тому, что Киле вслед за царем-реформатором ценит Ленина и Сталина, мол, он оправдывает человеческие жертвы. Я что-то не слышал, чтобы кто-то оправдывал жертвы войн и репрессий, даже из тех, кто склонен к «идеализации СССР». Другой вопрос: одни преувеличивают число жертв, другие пытаются выяснить истину.

Никакие жертвы не могут быть оправданы. В статье «Русское барокко» я цитирую автора «Истории итальянского искусства» Аргана о барокко в русле католицизма, что он связывает с культурной революцией ради всеобщего спасения через культуру.

Там я пишу: «Но это и есть программа преобразований Петра I ?! Он хотел создать новую породу людей, что можно сделать, разумеется, лишь в новой культурной среде, он возмечтал

построить на земле Град святого Петра, Парадиз, Рай земной, то есть привести народ российский к спасению. Более того, можно добавить: неисчислимые жертвы и муки на этом пути для истинно верующих не имеют значения либо предполагаются, ибо в конечном итоге все будут спасены».

Это у верующих жертвы могут быть оправданы. Не у гуманистов. Не у меня.

Поскольку в последние 10 лет я не издал ни одной книги, М.А. определяет мой статус: «неизвестный писатель». Могу согласиться, хотя известность в наше время – ценность относительная, скорее даже отрицательная. Я «неизвестный писатель» для современных издателей и критиков, хотя сомнительно, неужели не заглядывают они в Интернет?

Скорее всего я не подходящий для них писатель по известным причинам: по национальности, по религии, по возрасту, по Союзу писателей, поскольку я никуда не выходил и не входил, когда все разбегались, формально я числюсь в Союзе писателей Санкт-Петербурга, который, оказывается, входит в Союз российских писателей, когда я изначально член Союза писателей России (в составе СССР). Почему бы мне не перейти туда? А примут? Я ведь не православный и не русский.

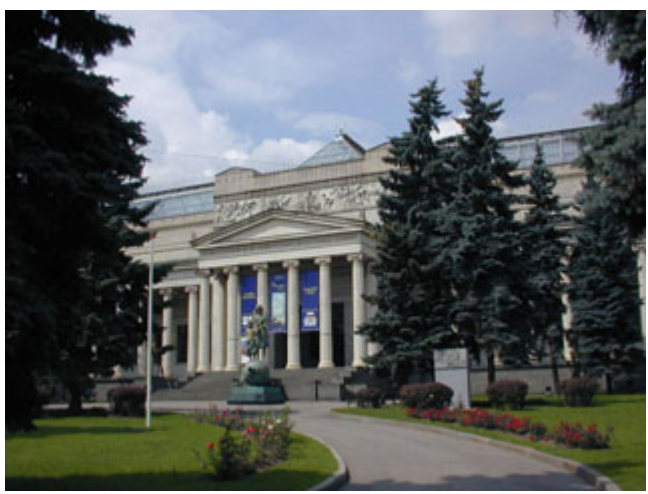
Но главная причина моей безвестности – это неприятие издателями и критиками «философской метафоры», на которой основано мое творчество: идея Русского Ренессанса отвергается как славянофилами, так и западниками и их современными последователями, православными и либералами. Русская национальная культура, сформировавшаяся за три последние столетия, подменяется этнической или отрицается. Впрочем, это повсеместное явление на постсоветском, еще вчера едином культурном пространстве.

И все же в сознании новых поколений не одна «Рашка», не одни этнические и конфессиональные различия, на что делают упор власти, но сохраняется историческая память о великих эпохах в истории России и интерес к Русскому Ренессансу с каждым годом лишь возрастает. Академической науке рано или поздно придется заняться проблемами Возрождения в России, с внесением соответствующих корректив в учебные курсы по всем гуманитарным дисциплинам и истории наук.

Слишком многое отрицалось в нашей истории в разные ее периоды, дальше некуда. Отрицание отрицания – плодотворный момент в развитии самосознания нации и ее культуры, иначе дальнейший распад..

В каком году будет в моде эпоха Возрождения?

Поисковая фраза. Или это прямой вопрос к автору сайта Эпоха Возрождения? Звучит по-детски, точнее по-девичьи-женски. Вместо улыбки, я невольно задумался. Ведь вопрос этот непосредственно касается моей судьбы и моего открытия Ренессанса в России (2002), теперь из двух книг под общим названием Эпоха Ренессанса в России (2009), до сих пор не изданных. Не один раз обращался в издательства, ответа нет. Выпускают альбомы и книги об эпохе Возврождения в странах Западной Европы, альбомы и книги о русском искусстве, ни словом не обмолвясь о Ренессансе. Значит, толкуют лишь о «приобщении» и «заимствованиях», не сознавая всей изумительной новизны и самобытности русского искусства.

А ведь издатели имеют доступ в интернет и не могли не заметить, что существует книга «*Ренессанс в России*», даже по обращениям автора, но не полюбопытствовали, просто отмахнулись, как славянофилы и западники и их современные последователи, приведшие, впадая в юродство или самоуничижение, великое государство к распаду. Какая там эпоха Возрождения в России? И слышать не хотят, кроме ренессанса частного предпринимательства, страхования и церкви.

Между тем ныне вполне все прояснилось: либеральные реформы, которые обернулись, если исторические события

называть своими именами, криминальной контрреволюцией, как раз основаны на всяческом умалении достижений русской цивилизации, на принижении роли России в истории Европы и мира, на отрицании ренессансных явлений в развитии русского искусства и культуры за последние три века.

Российские СМИ, рупор олигархов и правительства РФ, уже два десятилетия заняты только поношением истории России и национальной культуры, сформировавшейся в условиях Ренессанса, как было и в странах Европы, заняты оголтелой клеветой на страну и народ, ибо у криминальной контрреволюции нет иной идеологии, кроме антисоветизма и антируссизма. Черные мифы о России - это дымовая завеса над страной, ограбленной и нищей, с вымирающим населением, только ложь оправдывает процветание кучки олигархов и демагогов.

Россия, основа еще недавно сверхдержавы, по многим жизненно-важным показателям откатилась в третий мир, и такое состояние, что правительство РФ преподносит в СМИ как стабилизацию, кладбищенскую стабилизацию, судя по известным рейтингам, может привести лишь к распаду страны, в чем кто-то видит благо. А последствия распада РФ будут еще более разрушительными и трагическими, чем распад СССР, ресурсы которого - природные, промышленные, научные, человеческие - ныне исчерпаны.

У россиян ради самосохранения есть лишь один выбор - покончить с ограблением страны и с коррупцией, что сознает и власть, но это и есть покончить с криминальной контрреволюцией, с поворотом к национальным интересам, к национальной культуре, выработанной за три века Ренессанса в России. С этим медлить больше нельзя. Перелом в общественном умонастроении должен произойти к 2012 году, с победой на выборах народов РФ, вместо «ЕР», представительницы олигархов и чиновничества, насквозь коррупционного, то есть по сути мафиози во власти.

Путин и Медведев не власть должны делить между собою, а уйти, отречься, с признанием вины в том, что завели РФ в исторический тупик. Ведь идеология антисоветизма и антируссизма - это исторический тупик для всего человечества. Ныне решается судьба России. Даже если бы Путин с Медведевым привели РФ к экономическому процветанию, что маловероятно, и процветание без государственной идеологии, духовной основы единства народов, будет иметь тот же результат - распад РФ, с войнами и оккупацией.

Лишь покончив с криминальной контрреволюцией, народы

России обретут единство и возможность в кратчайшие сроки наверстать упущенное время, поднять страну для нового прорыва вперед, с осознанием достижений Русского Ренессанса, с воссозданием народного образования, классического и гуманистического, ныне разрушенного вконец. Эпоха Возрождения будет в моде, составляя национальную идею и национальную культуру.

В каком году будет в моде эпоха Возрождения? У РФ, как находят аналитики, уже нет времени. Два-три года, не больше. Нам предстоит заново, после всяческой лжи и клеветы, открыть великую историю Российского государства и ее культуру, ренессансную, с тем и покончить с криминальной контрреволюцией, заведшей РФ в исторический тупик. Обрести Родину, могучую и светлую, как ее пространства и небо.

P.S. Чудесный вариант судьбы

В те дни, в начале марта 2013 года, когда я решился выложить свои вещи на Либрусеке в виде электронных книг, а оттуда сразу стали подхватывать их и предлагать читать и скачивать на других сайтах, что так похоже на распространение книг по магазинам, в Интернете я заметил новую статью Марины Бологовой «Сайт писателя в постгутенберговскую эпоху», в которой речь шла именно о моем сайте Эпоха Возрождения и о моем творчестве всецело в виртуальном пространстве, как в башне из слоновой кости.

Сайт писателя в постгутенберговскую эпоху: аналог творческой мастерской

(На материале авторского проекта Петра Киле «Эпоха Возрождения», renclassic.ru)*

М.А.Бологова НОВОСИБИРСК

Статья первая

В статье анализируются коммуникативные стратегии и структура сайта писателя в целом, общие творческие принципы, эстетические воззрения и околохудожественный дискурс, а также проблема национальной самоидентификации, имеющая значение для него.

> *А дела творческие – лучше некуда,*
>
> *даже в детских мечтах о великой жизни ничего подобного не могло пригрезиться.*
>
> *П.А.Киле*

ЧИТАТЬ ДАЛЕЕ

Действительно, настала новая эпоха, когда писатель при желании может опубликовать в течение месяца собрание сочинений в 10-ти томах.

Петр Киле ТАИНСТВА КРАСОТЫ Стихи и поэмы о любви
Петр Киле СКАЗКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА Роман, ЖЗЛ
Петр Киле Таинства любви. Новеллы и беседы о любви.

Петр Киле УТРО ДНЕЙ Сцены из истории Санкт-Петербурга (Электронная версия)

Петр Киле ОЧАГ СВЕТА Сцены из античности и эпохи Возрождения

Петр Киле ВОСХОЖДЕНИЕ Фантастика, миф

Петр Киле Ренессанс в России Книга эссе

Петр Киле Эстетика Ренессанса Статьи и эссе

Петр Киле СОКРОВИЩА ЖЕНЩИН Истории любви и творений

Петр Киле СОЛНЦЕ ЛЮБВИ Киноновеллы

«Чудесный вариант судьбы» - это название одного из моих сборников повестей и новелл, изданных в 70-80-е годы, ныне предлагаемых в бумажном и электронном виде и особенно часто «Свойства души».

© Петр Киле